

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИСТОРИЯ САМАРЫ (1586–1917 гг.)

Монография

Под редакцией П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой

Самара
Издательство «Самарский университет»
2015

УДК 908(470.43-25)
ББК 63.3(2)45-52

Р е ц е н з е н т ы :

д-р ист. наук, проф. В.Н. Данилов,
д-р ист. наук, проф. В.В. Кондрашин

А в т о р ы :

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева, Л.М. Артамонова,
Е.П. Баринова, Н.Н. Кабытова, М.И. Леонов,
П.И. Савельев, Ю.Н. Смирнов, В.А. Тюрин

И90 История Самары (1586–1917 гг.): монография / под ред.
П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. – Самара: Из-
дательство «Самарский университет», 2015. – 480 с.

ISBN 978-5-86465-664-8

Монография представляет собой опыт комплексного изучения истории одного из крупнейших волжских городов – Самары, начиная с первого одноименного поселения в междуречье Волги и Самары и завершая становлением столицы огромной завожской губернии. В книге воссоздана широкая панорама событий истории города, которая дается на общероссийском фоне.

Предназначена для историков, краеведов, студентов и школьников, для всех, кто интересуется историей родного края.

УДК 908(470.43-25)
ББК 63.3(2)45-52

ISBN 978-5-86465-664-8

© Авторы, 2015
© ФГБОУ ВПО «Самарский
государственный университет», 2015

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. Начало Самары. Город-крепость в конце XVI – начале XVII в.	9
§ 1. У истоков города	9
§ 2. Строительство крепости	16
§ 3. Начальные годы	26
§ 4. Город в Смутное время	34
Глава 2. Самара в XVII столетии	51
§ 1. Городские власти. Храмы и монастыри	55
§ 2. Самарский гарнизон	67
§ 3. Оборонительные сооружения и городское про- странство	80
§ 4. Посадский мир	87
§ 5. Город на волжском пути. Хозяйственная жизнь	95
§ 6. Разинщина в Самаре	103
Глава 3. Самара в начале и середине XVIII века	117
§ 1. Военное значение города. Крепость и гарнизон	117
§ 2. Торгово-промышленные и сельскохозяйствен- ные занятия, состав и численность горожан	123
§ 3. Органы власти и самоуправления	131
§ 4. Облик города и развитие культуры	134
§ 5. Участие жителей Самары в Уложенной комис- сии 1767–1768 гг.	143
§ 6. Самара в пугачевском восстании	147
Глава 4. Самара в последней четверти XVIII – середине XIX веков	157
§ 1. Городская территория и застройка, население и его занятия	157
§ 2. Администрация, полиция и городское самоуп- равление уездной Самары	167
§ 3. Культура и общественная жизнь	179
Глава 5. Самара губернская. Город во второй половине XIX – начале XX века	200
§ 1. Самара – центр новой губернии	200
§ 2. Городская территория, строительство и архи- тектура	206

§ 3. Реформирование городского управления. Городская дума и управа	217
§ 4. Промышленность, торговля, развитие инфраструктуры Самары	225
§ 5. Доходы города и городское хозяйство	239
§ 6. Городское самоуправление Самары на рубеже XIX – XX вв.	244
§ 7. Общественно-политическая жизнь	251
§ 8. Участие самарского общества, губернских органов власти и городского самоуправления в развитии образования и здравоохранения	263
§ 9. Культурная среда губернской Самары	277
Глава 6. Самара в революции 1905–1907 гг.	295
§ 1. Канун и начало революции	295
§ 2. Лето 1905 г.: борьба обостряется	313
§ 3. Осень 1905 г.: противостояние	316
§ 4. Политические, общественные организации и администрация	325
§ 5. Декабрь 1905 г. в Самаре	332
§ 6. В перводумские дни	336
§ 7. Лето 1906 г.: столкновение	341
§ 8. Втородумская Россия. Конец революции	344
Глава 7. Самара в период думской монархии	357
§ 1. Городская дума накануне Первой мировой войны	357
§ 2. Городская инфраструктура в начале XX в.	367
§ 3. Социальные портреты глав города Самары	382
§ 4. Самара в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.)	394
Глава 8. 1917 год в Самаре	412
§ 1. Февральская революция в России и образование новых властных и общественных организаций в Самаре	412
§ 2. Общественно-политическая жизнь в Самаре летом 1917 года	427
§ 3. Установление власти Советов в Самаре	436
Заклoчение	455
Приложение	456

ПРЕДИСЛОВИЕ

За сравнительно небольшой исторический период Россия превратилась из страны с преимущественно сельским населением в индустриальную державу, большинство жителей которой проживает ныне в городах. Интенсивные урбанизационные процессы явились следствием глубинных изменений в экономике, социальной и политической жизни российского общества. Перемены в образе жизни, занятиях россиян повлияли на радикальную деформацию традиционных устоев. Сложилась новая бытукультура городского населения, система взглядов, моральных императивов, ценностных приоритетов.

Изучение формирования городов, становления их как промышленных, научных и культурных центров обширных регионов, коренные изменения в среде горожан являются одной из самых актуальных проблем для современной российской науки. Процессы урбанизации происходили в нашей стране столь стремительно и так резко изменили традиционный уклад жизни большей части ее населения, что преуменьшить научную значимость подобной проблематики вряд ли возможно. В связи с этим изучение превращения Самары из маленькой пограничной крепости в один из аграрно-индустриальных центров Поволжья представляется весьма важной задачей, имеющей не только познавательную научную ценность, но и общественно-политическую значимость, прежде всего для жителей Самары, республиканских и областных центров Средневолжского региона.

Необходимо отметить, что если история Самарской области сравнительно хорошо исследована и отражена в ряде монографических изданий, сборниках статей и документальных публикациях, то история ее столицы до сих пор изучалась спорадически. И в этой связи мы можем назвать лишь отдельные книги и статьи, которые стали библиографической редкостью. Несомненную ценность для жителей нашего города имеют труды легендарного самарца, почетного гражданина Самары П.В. Алабина. Среди работ, вышедших в XX в., назовем небольшие брошюры и статьи Н.А. Архангельского, П.А. Преображенского, М.Н. Тихомирова, Е.А. Градского, А.Л. Шефера, а также книги самарских архитекторов Е.Ф. Гурьянова, А.Г. Моргуна, А.К. Сивельника, В.Г. Каркарьяна. Только в конце XX века историками Самарского государственного университета и других вузов города был подготовлен ряд многотомных обобщающих работ по истории Самарского Поволжья, в которых должно место нашла и история нашего города: трехтомная «Самарская летопись» (Самара, 1993–1996),

а также шеститомная «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней» (М.; Самара, 2000). Но в целом история города Самары фактически не подвергалась серьезному комплексному исследованию. Между тем надобность в подобной работе в настоящее время ощущается весьма остро. Особую значимость на современном этапе приобретает изучение взаимодействия властных органов с городским обществом при решении административных экономических и социокультурных проблем, связанных с жизнью и деятельностью горожан как в периоды эволюционного развития, так и в экстремальных ситуациях — эпохи войн, восстаний и революций.

Именно поэтому в 2011 году коллектив самарских историков подготовил исследование под названием «История Самары: от воеводского управления до губернской думы». Книга, которую вы держите в руках, является переработанным и дополненным вариантом этого коллективного труда.

Задачей авторов было показать историю города как многомерный процесс, включающий в себя и рост его территории, и приток населения, и развитие городской инфраструктуры, и появление новых отраслей хозяйства, и поиск способов решения насущных проблем городской жизни, и практики повседневной жизни, и многое другое. Особое внимание авторский коллектив уделил анализу способов организации, деятельности и взаимодействия систем городской, уездной и губернской государственной администрации и местного самоуправления. В настоящее время проблема взаимоотношений власти и общества является одной из самых актуальных, и от ее решения во многом зависит судьба современной России. Одной из сложнейших задач является также выявление особенностей функционирования экономики города, хозяйственной деятельности его населения.

Комплексный подход к истории города, используемый настоящим авторским коллективом, предполагает изучение его истории с помощью совокупности смежных пограничных научных дисциплин, таких как историческая география, ономастика, история градостроительства и архитектуры, экономическая и политическая история, история повседневности и т. д.

Реконструкция исторического развития Самары проводилась в следующих хронологических рамках. Нижняя их граница относится ко времени первого упоминания поселения *Samag* в середине XIV в. и основания Самарского города-крепости во второй половине XVI в. Верхняя граница доведена до 1918 года, так как именно в это время разгорается Гражданская война в Поволжье, и по существу начинается новый — советский — этап развития истории Самары — Куйбышева — и вновь Самары. Исторический путь нашего города от первого поселения с названием *Samag* к русской крепости, Самаре уездной и

наконец центру огромной завожской губернии – таков предмет предлагаемого широкому читателю исследования.

Самара за время своего существования проделала весьма сложную и противоречивую эволюцию от транзитного торгово-промышленного пункта на Волге до центра крупнейшего в России района товарного производства зерна. Позднее, в конце XIX – начале XX в., она начала превращаться в один из значимых индустриальных городов Российской империи. Постепенно провинциальная купеческая Самара обрела черты крупного культурного центра региона. Особую значимость по мере роста города приобретало его экономическое и культурное воздействие на сельское население, превращение Самары в крупный административный, экономический и культурный центр Среднего Поволжья.

При написании книги авторам пришлось решить ряд проблем: провести источниковедческое исследование, выявить новые документы и материалы, осуществить углубленное прочтение уже известных и опубликованных документов. Особенность поиска источников заключается в том, что Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО) содержит в основном документальные материалы, относящиеся к истории губернской Самары во второй половине XIX – начале XX в. Поэтому более ранний период развития города – с конца XVI до середины XIX в. – приходилось воссоздавать, основываясь на материалах центральных архивохранилищ, находящихся в Москве и Санкт-Петербурге, и архивов других областных и республиканских центров. Значительная часть документов, освещающих историю первых полутора веков существования Самары, погибла во время пожара приказа Казанского Дворца в начале XVIII в., была уничтожена вследствие других трагических событий. Поэтому формирование относительно полного комплекса источников было сопряжено со значительными трудностями и потребовало использования всех видов документальных материалов, сравнительно-сопоставительного их анализа, глубокого знания и применения методов вспомогательных исторических дисциплин, таких как палеография, текстология, дипломатика, археография и др.

Наиболее интересные и познавательные исторические документы помещены в «Приложении» к этой книге.

В работе над настоящим изданием участвовал авторский коллектив, основную часть которого составляют преподаватели и научные сотрудники Самарского государственного университета. Предисловие: П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман. Глава 1: параграфы 1–3 – Э.Л. Дубман, параграф 4 – Ю.Н. Смирнов, Э.Л. Дубман. Глава 2: Э.Л. Дубман. Глава 3: параграфы 1, 2, 3, 6 – Ю.Н. Смирнов; параграфы 4–5 – Л.М. Артамонова. Глава 4: параграф 1–2 – Ю.Н. Смирнов, параграф 3 – Л.М. Артамонова. Глава 5: параграф 1 – Ю.Н. Смирнов; параграфы 2,

6 – П.И. Савельев, параграф 3 – В.А. Тюрин, П.И. Савельев; параграф 4 – П.С. Кабытов, В.А. Тюрин; параграф 5 – В.А. Тюрин; параграф 7 – П.И. Савельев, О.Б. Леонтьева; параграфы 8–9 – Л.М. Артамонова. Глава 6: М.И. Леонов. Глава 7: параграфы 1–3 – П.С. Кабытов, Е.П. Барина; параграф 4 – М.И. Леонов. Глава 8: Н.Н. Кабытова. Заключение: П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман. Сбором материалов для настоящего издания и научным редактированием текста занимались П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева, В.А. Тюрин. При подготовке к печати использованы иллюстративные материалы из фондов архивов и библиотек г.Самары, из альбома В.Е. Кузнецова и С.Ф. Рудняева «Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре» (В 3 кн., Самара, 2014), из книги А.Б. Щелкова «Власть в Самарской губернии в 1917 году» (Самара, 2014) и других изданий, а также фотографии из личного архива З.М. Кобозевой.

Авторский коллектив и редакторы настоящего издания благодарят за помощь в подготовке книги сотрудников Центрального государственного архива Самарской области, Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, а также главного библиотекаря областной универсальной научной библиотеки А.Н. Завального.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман

Глава 1.

НАЧАЛО САМАРЫ.

ГОРОД-КРЕПОСТЬ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII в.

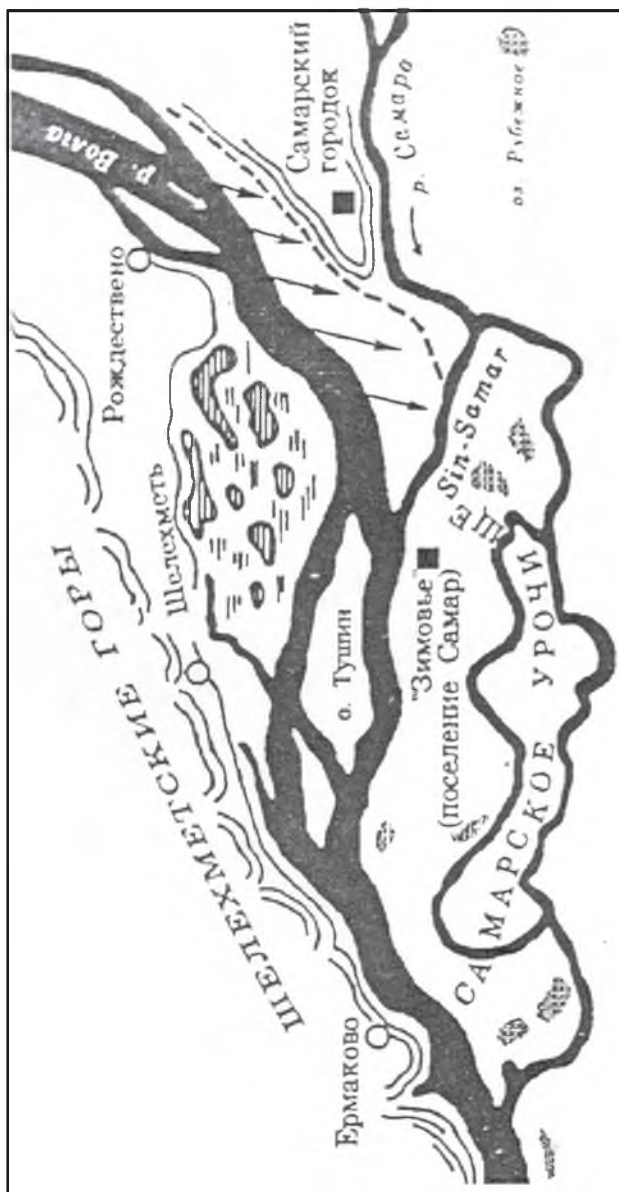
§ 1. У истоков города

Первые письменные сообщения о существовании постоянного поселения с названием Samar на территории современной Самары датируются серединой XIV в., временем существования Золотой Орды. Для того, чтобы понять причины его возникновения и выявить место расположения, необходимо хотя бы кратко остановиться на характеристике средневековой гидрографии, а следовательно, и топографии района, где ныне находится Самара. Е.Ф. Гурьянов в свое время высказал предположение о том, что до середины XVII в. рельеф местности был иным, чем в настоящее время¹. «Самарское урочище», по его мнению, располагалось между двумя протоками реки Самары: нижним, более полноводным (сегодняшнее русло Сухой Самарки), и верхним, в то время второстепенным. Значительно смещенным к западу (к современному с. Рождествено) от вновь построенной крепости было и русло средневековой Волги. Гипотезу Гурьянова подтверждают данные «Книги Большого Чертежа» (начало XVII в.), свидетельства русского купца Ф. Котова (1620-е гг.) и секретаря голштинского посольства А. Олеария (1630-е гг.). Например, А. Олеарий писал, что «...город лежит по левую руку, в 2-х верстах от берега... получил название от реки Самары, которая в 3-х верстах под городом дает рукав (его они называют – Сын Самары) в Волгу, но главным течением своим вливается в нее лишь 30-ю верстами ниже»². В «Книге Большому Чертежу», несомненно, более точном источнике, содержатся близкие сведения: «А под городом под Самарою пала река Самара; а из Самары на устье вытекла протока, а вдоль

тое протоки 20 верст и пала в том же месте опять в Волгу, где вытекла»³. Где «пала» эта протока, можно определить по описанию промысловых вод нижегородского Печерского монастыря начала XVII в.: «...да Шелехмецкая заводь до нижнего устья Самары реки, с озерками вниз по Волге...»⁴. Действительно, река Самара впадала в Волгу основным своим руслом (сегодняшнее русло Сухой Самарки) на 20–25 километров ниже современного устья, напротив возникших в XVII в. деревень Ермаково и Кольцово. Но вот какой из этих двух рукавов был основным, наиболее полноводным, сказать сложно. Нуждается в дополнительной проверке и утверждение Гурьянова о том, что основное русло Волги в то время было смещено к западу и протекало у с. Рождествено⁵.

Существующее и ныне «Самарское урочище», местность между Волгой, старым и новым руслами реки Самары (сам термин «Самарское урочище» возник довольно рано, не позднее XVI в.), было занято лугами, небольшими перелесками и кустарниками; имело множество озер и весной, большей частью, заливалось полыми водами. На протяжении последних 600–700 лет на территории Самарского урочища и его окрестностей располагалось несколько поселений. Одно из них — постоянный поселок-пристань — возникло здесь не позднее начала — середины XIV столетия. О нем хорошо знали жители итальянских городов в Крыму, северном Причерноморье и Приазовье, постоянно плававшие по Волге и занимавшиеся торговлей на всей территории Восточной Европы. На портолан, компасную карту водных путей и пристаней, составленный венецианцами братьями Пицигани в 1367 г., Samar уже был нанесен. Указан он и на мировой карте 1459 г. монаха из той же Венеции, космографа Фра-Мауро, использовавшего для ее составления в качестве одного из источников портоланы⁶.

Возникновение и существование этого средневекового поселения необходимо связывать с экономическим подъемом, наблюдавшимся в первое столетие существования Золотой Орды⁷. В Поволжье, являвшемся центром этого огромного государства, шел процесс активного градостроительства, осуществлявшегося трудом населения захваченных стран⁸. Судя по картам, Samar находился в месте впадения старого основного русла р. Самары в Волгу, напротив «Шелехметских гор», где судам было удобно приставать к берегу. Неизвестно, кто жил в нем, но по аналогии с другими поселениями южных территорий Среднего Поволжья конца XIII–XIV вв. можно считать, что его население было полиэтничным и состояло из кочевников, болгар, мордвы, русских, выходцев из Средней Азии и т. д.

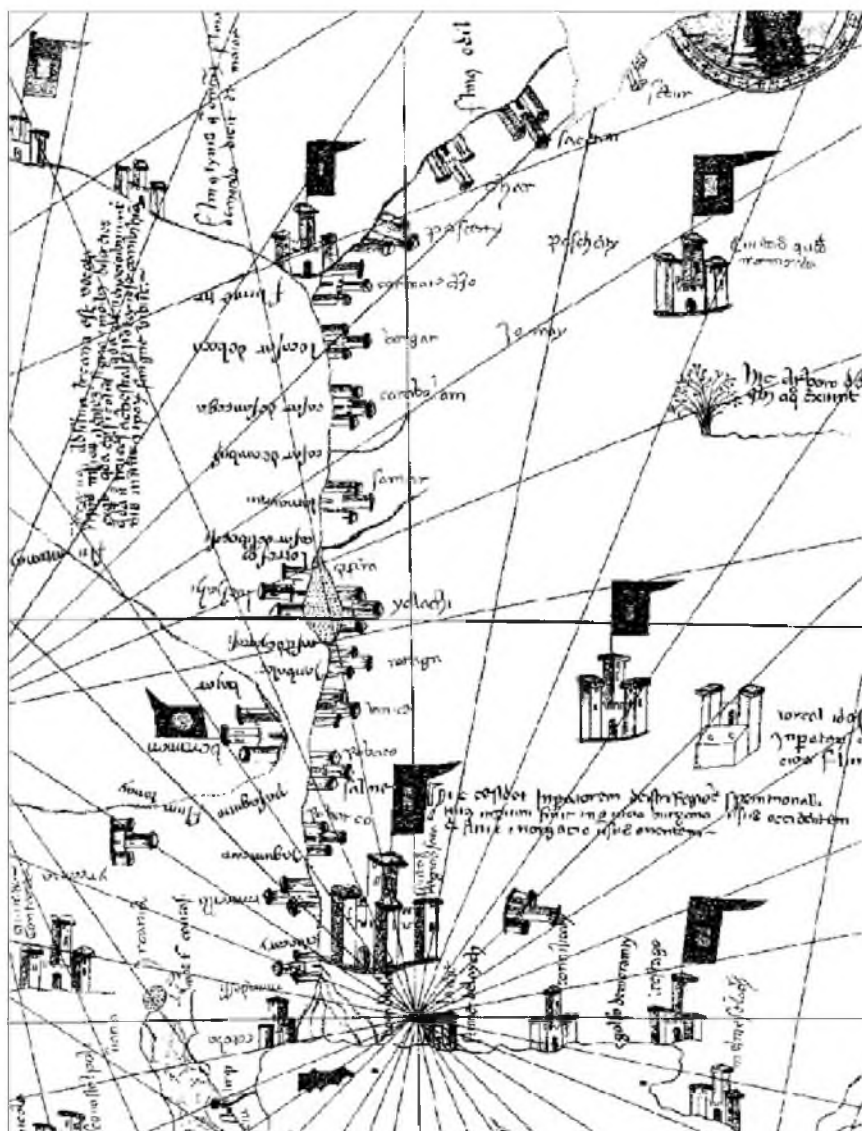

Карта-схема местности, где была построена Самара.

Реконструкция Е.Ф. Гурьянова.

Из кн.: Гурьянов Е.Ф. Древние веки Самары.

Очерки истории градостроительства

*Поселение Самар на портолане братьев Пицигани.
Середина XIV в. Из: Брун Ф. Перипл Каспийского
моря по картам XIV столетия // Записки
Новороссийского университета. Одесса, 1872. Т. 8.*

Археологических следов поселения Samara к настоящему времени не выявлено. Трудно назвать его городом. В нем не имелось сколько-нибудь значительных построек, сооружений, укреплений, которые после своего разрушения, через несколько столетий и даже тысячелетий, оставляют на земной поверхности значительные следы (как правило, в виде так называемого «городища»). На территории современной Самары к золотоордынскому периоду относятся также поселение и могильник на Барбошиной поляне. Судя по археологическим исследованиям 1930-х гг., здесь жила в основном мордва — мокша и эрзя⁹.

Несмотря на то что Среднее и Нижнее Поволжье вошло в состав Московского государства только в середине XVI в., Волга едва ли не с X—XI вв. считалась «русской рекою». Основными «специалистами» по судоходству на ней были русские люди. В Золотой Орде широко использовался труд покоренного населения. Массовый угон в рабство русских, болгар, представителей других народов был обыденным явлением. Целые кварталы со славянским населением имелись в ряде городов Золотой Орды¹⁰. Самарская Лука и ее окрестности на Великом Волжском пути имела для монгольской знати чрезвычайно большое значение. По всей самаролукской излучине по Волге и ее притокам в золотоордынскую эпоху сложился ряд поселений, в том числе и достаточно крупных. К ним можно отнести Междуреченское городище (здесь и далее указаны современные названия, данные в процессе археологических исследований), располагавшееся между современными селами Переволока и Печерское на правом берегу Волги; селища у с. Березовки, Комаровки, Печерских Выселок, Лбища, Малой Рязани и т. д. Характерно, что, по данным археологических раскопок, значительную часть их населения составляли русские, вероятно, угнанные в плен. Отдельные археологические находки, обнаруженные на территории современной Самары, свидетельствуют о том, что здесь останавливались на кратковременные стоянки, а возможно, и селились русские¹¹.

Распад Золотой Орды, междоусобицы, походы среднеазиатского властителя Тимура (Тамерлана) в Среднее Поволжье привели к запустению и гибели поволжских «городов», в том числе и Samara. Сведения о существовании его в более поздний период, в XV—XVI вв., отсутствуют в письменных источниках. Однако в это же время в самарском и саратовском Поволжье спорадически возникали сезонные поселения рыболовов. Первое упоминание о действительно крупных русских сезонных рыболовецких промыслах

в Южном Средневожье встречается под 1521 г. в «Казанской истории». Изгнанный из Казани хан «Шигалей» (Шах-Али) в этом году бежал вниз по Волге и между Самарской Лукой и «Увеком» встретил русских рыбаков, которые вместе с ним, опасаясь погоны, ушли степью на запад в сторону рязанских окраин, «... и ведущая с собою боле 10000 рыболов Руских, ловяще рыбу на Волге, под горами Девичими и до Змиева камени и до Увека, за 1000 от Казани верст — захавши бо тамо живяше лето все, на диких водах, ловяща, и в осень на Русь возвращахуся, наловящесе и обогатившесе. — И слышавша рыболова от царя весть пришедшу, про сечю в Казании, яко да бежат к нему не мотчают оттуду, да и они не избиели будут от Казанцов — а сам дожидашесе их стоя на месте некоем — от нужи ладя своя, и мрежа, и рыбы, и весь запас огню и воде предаша, и сами побегоша по нем, не знающе, куды очи несут, токма носяще рыбу едину...»¹². В средневековье под «Девичими горами» подразумевались или западные отроги Жигулей, или возвышенность, расположенная несколько ниже Хвалынска.

Эти и другие данные свидетельствуют о том, что в первой половине XVI в. волжские воды от Самарской Луки почти до Саратова, возникшего позднее, являлись крупным районом добычи ценных сортов рыбы. Русские промышленники в течение промыслового сезона создавали для себя в укромных, скрытых от глаз кочевников, местах временные поселения, станы и т. д. По всей видимости, они могли появляться и в районе Самарского урочища.

После присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к Московскому государству возникла потребность в создании на волжском судоходном пути сторожевых перевалочных городов-крепостей. Имея русские гарнизоны только в Казани и Астрахани, московское правительство все же стремилось хоть как-то контролировать волжский путь. Для этого по Волге посылались так называемые «плавные рати», в стратегических местах побережья на лето ставились караулы. Любопытно, что в 1550-е гг. эти действия совпадали с интересами руководства Ногайской Орды; прежде всего, нурадина, а затем бия (князя, хана) Исмаила¹³. В переписке между Иваном IV и Исмаилом, последний настоятельно предлагал русскому царю устроить сторожевые пункты на устьях рек Самары, Большого Иргиза и на «Переволоке» (между Доном и Волгой). Например, в 1555 г. «князь» Исмаил писал к Ивану Грозному: «И ныне на астраханской земле город поставь. А Переволо-

локе город жо поставь. И на Самарском устье город жо поставь». В том же 1555 г. он просил царя: «...на всех перевозех [через Волгу] вели по перевозом по двесте человек поставити...», дабы враги «не пришли водяным путем»¹⁴. В числе «перевозов» подразумевалось и Самарское урочище, и устье Иргица, и Переволока. В условиях кризиса, охватившего Орду, Исмаил стремился предотвратить распад огромного государства: остановить тех мурз, которые со своими улусами пытались уйти через волжские «перелазы» на Правобережье, под власть Крыма. Занятая Ливонской войной, Москва длительное время не могла найти ни сил, ни средств, чтобы последовать этим рекомендациям. Но ногаям регулярно сообщалось, что царь «... на Переволоке и на Самарском устье велели есмь бытии многим людям и крепости учинити. А велели есмь им береги по перевозом мурз казаков, чтоб на вашу сторону не перешли»¹⁵.

*Карта России А. Дженкинсона 1662 г. Из кн.:
Материалы по русской картографии / под ред. В.А.
Кордта. Вып. 1. Киев, 1899.*

И действительно, уже с 1553 г. первое время практически ежегодно, а затем все реже и реже, из Казани и Нижнего Новгорода вниз по Волге спускалась «плавная рать» к Астрахани, оставляя на все лето в указанных ногаями местностях значительные отряды. В местах их «летовий» («летовищ») устраивались временные жилища, легкие укрепления и острожки. Осенний караван судов, следовавший из Астрахани вверх по Волге, забирал этих служилых людей. Например, после взятия Астрахани «...на Самарское устье послали есмя Степана Кобелева со многими ж людьми. А велели есмя с Волги казаков всех сослати ...и до осени беречи»¹⁶. Не совсем ясно, где именно устраивались эти летние лагеря в Самарском урочище или на другом берегу Волги – в Шелехметских горах. О том же отряде С. Кобелева говорилось «...против Самарского устья»¹⁷.

Есть известия, что после присоединения к России Казани и Астрахани (а возможно, а ранее) в районе впадения р. Самары в Волгу существовала пристань. Здесь нередко зимовали русские суда, отбившиеся от осеннего каравана и не успевшие до того как Волга «станет», т. е. замерзнет, добраться до Казани. Сведения о существовании такого зимовья сохранились от времени строительства Самарской крепости; но было оно не на левом берегу Волги, а в «Шелехметских горах», напротив основного устья реки Самары¹⁸.

В 70-х – начале 80-х гг. XVI в. Самарское урочище облюбовали волжские казаки. По старинным преданиям, именно в устье р. Самары казаки, собравшись на круг, решили уйти к Строгановым. Отсюда, из этих мест началась эпоха покорения Сибири. В конце лета 1585 г. в Заволжье пришел со своим отрядом соратник Ермака Тимофеевича, последний «великий атаман» Сибири Матвей («Матюша») Мещеряк. Расположившись после долгого перехода в Самарском урочище, около 600 казаков во главе с атаманом обсуждали свои дальнейшие действия¹⁹.

§ 2. Строительство крепости

Временные превентивные меры не позволяли окончательно закрепить огромную территорию и важнейшую водную артерию страны – Волгу – за Русским государством. Неудачное завершение Ливонской войны, воцарение Федора Ивановича и утверждение правительства Б. Годунова – А. Щелкалова привели к значительным изменениям в государственной политике на юге, юго-

востоке и востоке страны. Особое внимание было уделено укреплению безопасности России на этих направлениях, расширению пояса пограничных городов-крепостей с последующим, где это было возможно, хозяйственным освоением новых территорий. Основные направления новой политики не были ясно и четко сформулированы в каком-либо законодательном акте, по крайней мере, такого документа пока не обнаружено. Однако этот поворот все же был замечен и в обобщенном виде изложен в летописных памятниках. Например, авторы «Нового летописца» так отразили новые подходы к закреплению Казанского края: «Сам же государь праведной [Федор Иванович] чая от них [народов Среднего Поволжья] впредь измены ... повеле ставити ... городы, ... и насади их Рускими людьми и тем он государь укрепил все Царство Казанское»²⁰. Составители «Пискаревского летописца» распространили это положение на всю южную и юго-восточную окраину страны, записав под 1584 г.: «Того же году великий государь и великий князь Федор Иванович... приказывает... городы ставить на Поле и в Сивере и к Астрахани, которые за много лет запустеша от безбожных агорян и от междуусобных брани: Елецких князей вотчина Ливны, Койса, Оскол, Валуйка, Белгария, Самара, Кромы, Монастырев и инья многия польския и северския»²¹. «Самара» в этом перечне, скорее всего, означала пограничный пункт на юге России, на р. Самаре, притоке Северского Донца.

Для понимания того, что же правительство намечало «ставить... к Астрахани» и почему среди «инья многие» оказалась крепость именно в Самарском урочище, необходимо рассмотреть, какие события разворачивались в заволжской степи в 1584–1585 гг.

Традиционно историки считают, что Самарская крепость строилась прежде всего для охраны волжского торгового пути. В известной степени они правы, но изучение конкретных документов того времени позволяет внести определенные коррективы в эту точку зре-

*Царь Федор Иванович.
Парсуна*

ния. Для правительства после неудач в Ливонской войне было важно закрепить свой контроль над степным и лесостепным Поволжьем. Хан Большой Ногайской Орды Урус практически перешел в ряды противников России; набеги ногаев на юго-восточные «алаторские» и другие окраины страны стали постоянными. В начале 1585 г. русский посланник И. Мясной сообщал из Крыма, что Урус и мурза Тинбай обращались к крымскому хану Ислам Гирею с предложением дружбы и союза против традиционных противников — московского царя и польского короля. Кроме того, они просили турецкого султана послать войска под Астрахань, чтобы совместными усилиями установить свое господство над Нижней и Средней Волгой²². Таким образом, речь шла о повторении известного крымско-турецкого похода 1569 г. под Астрахань.

На сторожевой границе Московского государства. Худ. С.В. Иванов

По количеству походов ногаев на юго-восточные окраины России и столкновений между ними и казаками лето 1585 г. весьма напоминает события ожесточенного 1581 г. Все свидетельствовало о том, что противоречия между Россией и Большой Ногайской Ордой во главе с Урусом достигли апогея. Перед московским правительством встала первоочередная задача умирения своего бес-

покойного соседа. Ситуация осложнялась еще и тем, что Нижегородское и Казанское Поволжье, граничившее с летовьями Орды, в меньшей степени, чем южнорусские земли, было защищено от нападений кочевников. Недавно построенная там засечная линия не всегда могла противостоять ногайским отрядам, как правило, переходившим Волгу на правобережье через броды в районе современной Сызрани. Таким образом, сооружение постоянной крепости в Самарском урочище (а также других русских городов по Волге и Каме) имело весьма важные последствия для обеспечения безопасности российских земледельческих окраин и раннего предупреждения ногайских набегов.

По всей видимости, правительство в 1584–1585 гг. разработало план глубокого охвата русскими крепостями ногайских летних кочевий в междуречье Волги, Камы и Белой. П.П. Пекарский, специально изучавший ситуацию этих лет на Средней Волге, считал, что в планы Москвы входило сооружение 4 городов-крепостей: на Увекe (рядом с современным Саратовом), в Самарском урочище, на притоке Камы – Белой и на впадающей в нее р. Уфе²³.

В действительности на первом этапе выполнения правительственной программы в 1586 г. было построено два города – Самара и Уфа. Но и они обеспечили серьезное давление на непокорные ногайские орды. Гарнизоны этих городов охраняли броды и перелазы от ногаев, предотвращая их дальние походы к освоенным российским окраинам. Они нависали над летними ногайскими кочевьями, не позволяя ордынцам чувствовать себя безнаказанно. И сколько бы ни внушали московские приказные дельцы ногайским послам, что Самара и Уфа построены для их же блага, чтобы уберечь ногаев от нападений вольных казаков, Урус и его окружение быстро поняли сложившуюся ситуацию. Ногайская знать выступила с решительным протестом, требуя убрать новую Самарскую крепость, угрожая ее уничтожить.

В средневековой России существовала исстари сложившаяся практика подготовительных и строительных работ для возведения новых городов²⁴. Сооружением пограничных крепостей в конце XVI в. занимался в основном Разрядный приказ, а на территории Среднего и Нижнего Поволжья – приказ Казанского Дворца. Предложение об основании того или иного города или системы оборонительных сооружений предварительно, в общих чертах, разрабатывалось «специалистами» Разрядного приказа и направлялось в Боярскую Думу или для доклада непосредственно государю. После его утверждения на выбранное место будущего строительства

направлялись приказные люди для составления точного плана местности, привязки к ней типового проекта крепости, определения необходимого количества материалов и средств — вплоть до каждого бревна. Накануне проектных работ обязательно проводился опрос «знающих людей». С чертежом и сметой разбирались опытные «горододельщики» в самом приказе, а затем окончательный проект с предложениями по кандидатуре «строителя» отправляли вновь в Боярскую Думу. Здесь утверждался проект «Наказа», в котором определялись основные требования к будущему городу²⁵.

Фрагмент копии такого наказа сохранился и по Самаре²⁶. Он был адресован алатырскому воеводе князю Григорию Осиф(п)овичу Засекину²⁷, назначенному руководителем строительства и первым воеводой. В соответствии с документом проектировщики должны были определить, будет ли «...в городе бесстрашно от нагайских татар и сколь далече ногаи кочуют от Самары [реки] от того места, в котором ныне город станет и впредь теми людьми мочно ли в городе сидеть, а сметя и расписав те места и всякие крепости и скольким людям впред в том городе быта и как их мочно устроить о всем подлинное расписав в роспис тот час ко государю роспис прислать...». Далее в тексте говорилось, что после того как «роспис», то есть чертеж и смета, были составлены и «...ко государю ...присланы», обсуждены и поправлены, их передали в Алатырь князю Засекину: «...государь по тому указ велит учинить да память воеводе князю Григорию как город на Самаре поставить и укрепить».

Вполне объяснимо, почему такое поручение получил именно Засекин. Алатырь, где князь воеводствовал с 1583 г., являлся одним из ключевых пунктов в организации сторожевой и станичной службы в Поволжье, той самой, что была создана в 1571 г. князем М.И. Воротынским. Крепость защищала крайние, наиболее уязвимые подступы к давно освоенным Нижегородским землям и колонизируемому в последние десятилетия правобережью Казанского края.

Станицы, посылаемые Г.О. Засекиным, контролировали не только ближние к Алатырю места, но и заезжали к Волге ниже Самарской Луки и Увека, татарского городища близ современного Саратова²⁸. Занимаясь организацией пограничной службы, знакомясь с донесениями руководителей сторожевых отрядов, имея, по всей видимости, на руках какие-то описания-планы местности, Григорий Осипович получает представление о лесостепных и степных пространствах Среднего Поволжья. Возможно, Г.О. Засекин был

одним из воевод, завершивших сооружение Алатырской и «Пузской» засек²⁹. Не зря позднее, в 1585 г., его как человека, приобретшего некоторый опыт в организации строительных работ, послали ставить крепость Санчурск (позднее Царевосанчурск)³⁰ в «черемисской земле».

Сложность и многоплановость военно-административной деятельности, которую осуществлял алатырский воевода, сделала его одним из самых компетентных специалистов по пограничным, фронтальным территориям Казанского края.

Устье Самары, где должна была строиться новая крепость, находилось в зоне летних кочевий ногаев, которые, несомненно, могли воспрепятствовать ее возведению. Поэтому создание основных сооружений новой крепости и размещение в них гарнизона необходимо было осуществить в самые сжатые сроки. Такие способы

экстренного строительства крепостей уже были апробированы русскими «инженерами». Достаточно вспомнить пример основания Свяжска и ряда других укрепленных пунктов. Наиболее красочно такой метод описал бывший в 1568 г. папским нунцием в Польше Фульвио Руджиери: «Московский великий князь имеет кое-какие маленькие деревянные крепости на границах Литвы и Руси. Таких, пока я был в Польше, он выстроил четыре с невероятной быстротой, а так как способ их постройки кажется мне весьма примечательным, я просто расскажу о нем. После того как его инженеры предварительно осмотрели места, подлежащие укреплению; где-нибудь в довольно далеком лесу рубят большое количество бревен, пригодных для таких сооружений; а затем, после

Памятник князю Засекину в Самаре

пригонки и распределения их по размеру и порядку, со знаками, позволяющими разобрать и распределить их в постройке, спускают вниз по реке, а когда они дойдут до места, которое намечено укрепить, их тянут на землю (передавая. — *В.К.*) из рук в руки; разбирают знаки на каждом бревне, соединяют их вместе и в один миг строят укрепления, которые тотчас засыпают землей, а в то время являются и их гарнизоны»³¹.

Подготовительные работы, по всей видимости, продолжались как минимум полтора, а то и два года. В конце 1584 — начале 1585 гт. были сделаны предварительные приготовления в приказе; летом 1585 г. в Самарское урочище выезжали приказные проектировщики, к осени или к началу зимы они составили окончательный проект и смету, утвердили их, и зимой 1585—1586 гт. указ и необходимые средства для его исполнения были доставлены в Алатырь к Засекину. Зимой в приволжских лесах, ближе к речным берегам, рубили лес, вывозили его к реке, на место, заливаемое внешними водами. Одновременно собирали ратных и работных людей, готовили запасы продовольствия, оружейные припасы, суда. К началу половодья все было под парусами, и уже в конце апреля—начале мая караван судов и, видимо, плоты направились вниз по Волге к месту будущего строительства.

Экспедиция Засекина должна была прибыть в Самарское урочище примерно в середине — второй половине мая. Князь Григорий и его «товарищ», то есть заместитель, Федор Елизарович Елчанинов обладали весьма значительными полномочиями. В пределах установленной сметы они могли вносить свои изменения в ход строительства, вплоть до перемены места сооружения укреплений. Неизвестно, какую площадку выбрали приказные проектировщики при составлении чертежа Самарской крепости, ибо территория Самарского урочища и прилегающие к нему земли не давали очевидного однозначного решения.

Местность между старым руслом Самары, ее рукавом и Волгой, почти вся заливалась в половодье, была занята лесами и лугами, труднодоступна для кочевников и являлась надежным укрытием для многочисленных казачьих ватаг. Выше уже говорилось, что в Самарском урочище, возможно, стояли и временные летние отряды русских войск, охранявшие волжский путь, а также существовала пристань с зимовьем.

По всей видимости, при впадении в Волгу основного русла Самары и предполагалось возвести Самарскую крепость. В таком

случае ее гарнизону было бы сравнительно нетрудно наблюдать и охранять передвижение судов по Волге, стать перевалочным пунктом для торгового потока, перекрывать дорогу казачьим отрядам.

И все же Засекин — неизвестно, наперекор ли первоначальному проекту или согласуясь с ним, — начал строить город в совершенно неожиданном месте, значительно удаленном от Волги, на правом высоком (некоторые очевидцы называли его горой) берегу реки Самары. Воевода решил не прятать крепость за протоками и озерами, а поставить ее на самом видном месте, там, где р. Самара разделялась на два рукава, у начала Самарского урочища. Отсюда гарнизон мог успешно отслеживать передвижение кочевых орд в Заволжье, также он закрывал дорогу казакам с Яика (по обоим самарским рукавам) на волжские просторы и контролировал близлежащую акваторию Волги.

В соответствии с гипотезой Е.Ф. Гурьянова, в середине XVII в. Волга пробила себе новый путь, ее русло сдвинулось на восток — под городские стены, топография окружающей местности резко изменилась и тогда-то, почти век спустя, в полной мере выявились дальновидность и точность выбора места под крепость!

Пограничные города строились в основном по типовым проектам, разработанным в Разрядном приказе. Обычно в Москве предварительно регламентировался размер города, причем за расчетную единицу в сметах принималось поселение, вмещающее примерно тысячу жителей мужского пола. Существовало несколько наиболее оптимальных вариантов таких городов, и служилым людям, составлявшим предварительные чертежи и сметы, требовалось наиболее удачно привязать один из этих вариантов к соответствующей местности. Поэтому при успешном выборе места для устройства города, правильной увязке его основных элементов с особенностями рельефа, при тщательном профессиональном проведении подготовительных работ, само строительство города-крепости занимало сравнительно немного времени: от 2–3 недель до 1,5–2 месяцев. Первые известия о построенном Самарском городе появились в конце лета 1586 г.³², а в начале сентября крепость уже принимала многочисленных гостей — послов, стрельцов, свиту крымского царевича.

После высадки на берег Засекин и «горододельщики» начали сверять с чертежами реальную местность. Пока воевода окончательно определил место строительства, а мастера — горододельщики размечали участки под будущие сооружения, служилые и

рабочие люди разобрали плоты, вытащили на берег материалы. Начало закладки города сопровождалось особым ритуалом — молебном и освящением места закладки сооружений. Прежде всего, горододельщики сосредоточили внимание на строительстве собственно «города», или «кремля». На размеченной рабочей площадке сооружались стены с башнями. Внутри кремля устроили усадьбы воеводы и «начальных» людей, здания съезжей избы, тюрьмы, осадных дворов, складов — «анбаров» для припасов, житниц и т. д. Площадь кремля вряд ли составляла более 5 гектаров.

Строительство храма. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в.

По мнению самарского краеведа Е.Ф. Гурьянова, в плане крепость являла близкую к квадрату прямоугольную фигуру с размерами сторон 213 на 245 м. Желавшие обосноваться своими дворами воинские люди вряд ли могли разместиться под укрытием стен и вынуждены были устроиться за кремлем, в его предместье. Самарский город занял самую возвышенную, примыкающую к обрывистому крутому берегу часть междуречья. Доминантой крепости выступала церковь, сооружение которой началось одновременно с городом. Выбор духовного патрона — покровителя горожан — определяла Москва одновременно с выбором названия крепости. Изначально соборным для города считался храм Пресвятой и Живоначальной Троицы³³. Видимо, при выборе названия собор-

ной церкви было принято во внимание то, что по предварительным расчетам экспедиция, возглавляемая князем Г.О. Засекиным, должна была прибыть на место будущего строительства в конце второй декады мая и примерно в Троицын день приступить к закладке города. Поэтому вполне можно совместить примерную дату начала возведения города и храма с праздником Троицы, который в 1586 г. пришелся на 22 мая по старому стилю (1 июня по новому)³⁴. Эту дату следует считать официальным днем основания Самары.

Постройка городской стены. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в.

А вот как назывался придел храма, обычно носивший имя покровителя города, неизвестно. Возможно, он сразу получил имя святителя Алексия, будущего духовного заступника Самары. Пространство за стенами кремля — посад или острог — осваивалось также целенаправленно и планомерно. На территории, отведенной под расселение личного состава гарнизона и первых посадеких жителей, размечались участки под усадьбы, скорее всего, со-

здавалась даже общая планировочная структура улиц и кварталов. Усадебные постройки сооружались в индивидуальном порядке каждым владельцем участка. После определения территории острога сразу же началось сооружение второй внешней системы обороны крепости³⁵.

По устройству оборонительных сооружений, административных, церковных и частных зданий Самара мало чем отличалась от десятков подобных городов-крепостей, построенных тогда же на южном и юго-восточном пограничье Московского государства.

§ 3. Начальные годы

Первой и важнейшей заботой воеводы нового города — князя Григория Засекина — являлась защита крепости от внезапного нападения кочевников. Лето и начало осени 1586 г. были едва ли не самым критическим периодом в истории только что основанного города. Властители Большой Ногайской Орды враждебно восприняли усиление русского присутствия в Заволжье. В дипломатической переписке этого времени в каждом послании от князя Уруса в Москву звучало настойчивое требование убрать русские крепости с Волги и Уфы, пока этого не сделали силой сами кочевники. Помешали им осуществить свои угрозы вольные волжско-яицкие атаманы, видимо, получившие летом 1586 г. «инструкции» из Москвы. Казачья вольница совершила несколько нападений на степные кочевья и тем самым отвлекла внимание ногаев от вновь построенных городов. Во время одного из них отряд «казаков человек с пятьсот» под руководством М. Мещеряка разгромил в конце июля — начале августа 1586 года ногайские улусы. Уцелевшие кочевники рассказывали в Астрахани местному воеводе Ф.М. Лобанову-Ростовскому о том, что «приходили де казаки на Хозин улус и убили Бабухюзю ...да взяли в полон Карашман Хозину жену, а Урусову сестру....А взяли ... казаки нагайских людей и полону с триста душ ... с три тысячи животины да 15 пансырей»³⁶. Позднее в Самаре перед ногайскими послами и Григорием Засекиным атаман Мещеряк простодушно заявил, что все казачьи набеги проводились с ведома Москвы.

А в начале осени 1586 г. основные силы ногаев во главе с самим Урусом потерпели тяжелое поражение под казачьим городком, поставленным незадолго до этого вольницей на Кош-Яицком острове, при впадении в Яик реки Илек. В его сооружении

участвовали русские служилые люди, возможно, посланные Засекиным из гарнизона Самары. Об этом сообщали сами ногаи, взятые в плен у стен крепости «государевых людей». Плененные были весьма высокого мнения о новопостроенной крепости, заявив, «что город крепок — взяти им [ногаям] города нельзя»³⁷.

События лета — осени 1586 г. окончательно решили судьбу заволжской лесостепи. Известный российский историк Р.Г. Скрынников писал: «Поражение Уруса имело такое же значение для судеб Южного Приуралья, как разгром Кучума для судеб Западной Сибири»³⁸. Большая Ногайская Орда уже не являлась самостоятельной силой. Однако необходимо было время, чтобы Урус и его окружение окончательно примирились с этой мыслью.

Усилить безопасность Самары московское правительство пыталось и с помощью переговоров. Основные усилия русской дипломатии в 1586 г. в сношениях с Большой Ногайской Ордой направлялись, прежде всего, на убеждение ее

властителей в том, что крепости на Самаре и Уфе нужны для их же блага. Дьяки Посольского приказа при этом ссылались на давние просьбы самих ногаев. После присоединения Понизового Поволжья «плавные рати» почти ежегодно проходили вниз по Волге и «летовали» в стратегических местах побережья, в том числе, в устье Самары. Ногайские мурзы волей-неволей привыкали к постоянному пребыванию стрелецких отрядов на границах их кочевий. И наконец, пожалуй, главная причина большей покладистости ногайских князей заключалась во все более усиливающимся давлении на их кочевья со стороны волжско-яицких казаков.

В этой политической игре определенная, хотя и второстепенная роль отводилась и самарскому воеводе Григорию Засекину.

*Казак с ружьем. Худ. В.И. Суриков.
Этюд для картины
«Покорение Сибири Ермаком»*

*Татарин. Малоизвестный рисунок
Альбрехта Дюрера начала 1500-х гг.*

Не менее трудными оказались сношения новой самарской администрации с волжским казачеством. При весьма скромных материальных средствах, находившихся в распоряжении князя, необходимо было размещать в городке русские и ногайские посольства, снабжать их продовольствием и всем необходимым.

Воеводская служба в опасных приграничных

районах вообще таила множество неожиданностей. В XVI—XVII веках русский воевода являлся настоящим средневековым владыкой окраинного города и его населения. В его руках сосредоточивались все бразды правления, он казнил и миловал, при этом никто из жителей не смел ему перечить. В документах того времени то и дело встречаются известия о бесчинствах воевод, об их ненасытности, бесконечных поборах. Попытки правительства как-то ограничить произвол своих верных слуг на местах далеко не всегда приводили к желаемому результату. Даже ограничение сроков воеводства на одном месте слабо препятствовало корыстолюбию и злоупотреблениям феодальных властителей.

К чести Засекина, следует отметить, что самарские его службы, как и более поздние царицынские, саратовские и терские, приносили ему больше тревог и забот, чем достатка.

Особого внимания воеводы требовал гарнизон крепости. Служилые люди самарского гарнизона, прибывшие вместе с Засекиным и Елчаниновым, из-за малочисленности не могли полностью справиться со многими поручениями. Характерен эпизод, случившийся при сопровождении торгового каравана, следовавшего осенью 1586 г. из Астрахани вверх по Волге. Охранял его астраханский казачий голова Воин Аничков с четырьмя сотнями стрельцов и казаков. Ему было поручено довести струги до Самарского города, а там передать отряду, который обязан был выделить воевода Засекин. Самарские служилые люди должны были сопровождать струги до самого Камского устья. Судя по объяснениям самого

Аничкова, самарские стрельцы и казаки не смогли заменить его отряд, так как «...ставили на Самаре город и живучи проели и запасу у них не стало...»³⁹. Бедственное положение и недовольство местных служилых людей могло угрожать самому существованию Самары, способствовать ее гибели, что едва не случилось в начале весны 1587 г.

Историю первого года существования Самарской крепости, деятельности ее воеводы Засекина хотя бы фрагментарно позволяют прояснить сохранившиеся материалы русских посольств. Впервые действия самарской администрации упоминаются в делах военно-политической миссии Мурад-Гирея, одного из бежавших в Россию крымских царевичей. Летом 1586 г. он с пышной свитой и многочисленным отрядом стрельцов был отправлен в Астрахань⁴⁰. Сопровождавшим царевича воеводам Р.М. Пивову и М.И. Бурцеву поручалось по пути следования приглашать на службу волжско-яицких казаков. В Самару к Засекину караван пришел 11 сентября. Долго оставаться в недостроенном и неудобном городе не имело смысла, и на третий день утром струги продолжили путь к Астрахани. Однако каравану пришлось задержаться в окрестностях города «...сентября, государь, в 15 день одва к ночи прибили до середнево до Самарсково устья дватцать верст от Самарсково города по грехам, государь, пришли встречу на ветры великие и суды взбивает на берег и на пески, и на кости, и многие, государь, суды портит»⁴¹.

Во время стоянки в Самаре Пивов, Бурцев и Засекин обсудили царскую грамоту, в которой Григорию Осиповичу приказывалось вызвать с Яика и Волги всех «виновных» казаков на царскую службу. Грамота адресовалась не только самарским воеводам, но и казакам. На Волге, в окрестностях Самары, вольных казаков не было и на совете трех воевод решили послать на Яик самарского голову Семейку Кольцова и одного из «воровских казаков» с царской грамотой. Необходимость привлечения вольных казаков на государственную службу для урегулирования конфликта в крае отчетливо осознавалась в Москве, и поэтому, не дожидаясь ответа Засекина, 1 ноября ему прислали еще одну грамоту, срочно требовавшую всеми силами привлечь казачество, и в первую очередь, атаманов Б. Барбошу и М. Мещеряка, к службе. Однако грамота эта запоздала.

В своей отписке Засекин так описывал случившиеся события: «...октября, Государь, в 23 день пришли ко мне... на Самару с Яика Матюша Мещеряк, да Ермак Петров, да Ортюха Болдырев,

да Тихон П-шь [весьма неблагозвучное прозвище], а с ними казаков 150 человек, а на Яике остались атаманы Богдашко Барбоша, да Нечай Щацкой... а с ними казаков полтретья [250] человек»⁴². В Самаре казаки Мещеряка пробыли недолго, всего 5 дней, а затем их отпустили вниз к Астрахани вслед каравану Мурад-Гирея. Однако и за эти дни произошли серьезные события, едва не повлиявшие впоследствии на судьбу крепости. Перед уходом казаков в Астрахань воевода Засекин, руководствуясь указаниями из Москвы, потребовал от них вернуть ногаям пленных и захваченное имущество, добытое во время набегов на улусы кочевников. Для московского правительства и местных властей это было делом политического принципа. Осенью в Самару прибыло русское посольство, направлявшееся к князю Урусу. Входившие в его состав дети боярские Ф. Гурьев, И. Страхов и Р. Норов должны были убедить ногаев в необходимости признания Самарской и Уфимской крепостей, а затем уговорить их прислать весной следующего года свои отряды для усиления русских армий на западе. Вместе с русскими послами, через заволжскую степь возвращалось бывшее в столице ногайское посольство «Тонказю с товарищи»⁴³. Для того, чтобы наглядно доказать ногаям роль Самары в защите их интересов, в частности от яицких казаков, и должен был перед ними разыгаться эффектный спектакль по возвращению награбленного.

Но для части казаков, включая атаманов Мещеряка и П-ша, условия политической игры оказались явно неприемлемы. Они никак не могли взять в толк, зачем возвращать то, что честно добыто на поле брани. Тем более, по их же словам, «...царь... [казаков] ...нароком послал нагаи воевати». В присутствии русских послов казаки перед жалобщиками – ногаями начали «придуриваться... всякие непригожие дела говорить... как жен их соромотили», за полон требовали «немеренные цены» и в конце концов там же попытались их попросту ограбить⁴⁴. Чтобы как-то разрядить обстановку перед ногайскими послами и доказать серьезность своих намерений, Засекину пришлось схватить пять наиболее вызывающе «придуривавшихся» казаков, в том числе Мещеряка и П-ша. Всех остальных удалось спроводить в Астрахань, причем в наказе тамошним воеводам вменялось, чтобы в Астрахани казаки ни в коем случае «... не сказывались бы яицкими казаками, а говорили б, что они туто [в Самарском городе] и не бывали».

Отправив казаков, Засекин был обязан позаботиться и о посольствах. Для их сопровождения до Астрахани, самарские воево-

ды выделили 50 стрельцов. Если же караван с послами «замерзнет» ниже Самары, то ногайских послов следовало отпустить степью «с провожатыми стрельцами, чтоб от казаков оберечь». Действительно, посольский караван не успел далеко уйти из-за непогоды и остановился двадцатью верстами ниже, в «Шелехмецких горах», в зимовье напротив устья реки Самары. Русские послы всю зиму и весну наблюдали события, происходившие в городе, и благодаря их отпискам, исторические сведения сохранились до наших дней.

В долгую первую зиму Самары 1586—1587 гг. в крепости оказались весьма опасные постояльцы. В любой момент на помощь сидевшим в тюрьме Матвеем Мещеряку и его товарищам могли прийти с Яика казаки. Без указа из Москвы Засекин опасался что-либо предпринять против своих пленников. Меж тем созрел заговор. Заточенные в тюрьме казаки вступили в «сговор» с частью самарского гарнизона — «литвой». О том, что самарские служилые люди «шатки», свидетельствуют многие факты, например, доносы начальных людей, «...что стрельцы и казаки ставили на Самаре город и живучи проели и запасу у них не стало»⁴⁵. Заговор раскрыли: «...в роспросе... и на пытке твоему государю воеводе... сказали атаманы и литва, что послали весть на Волгу, и на Увек и на Яик к атаманам и к их товарищам, а вел[ели] быть всем нынешняго 95 году [1587] к твоему государеву городу к Сомарскому на Олексеев день человека Божия или на Благовещеньев день, а не будут на те сроки и ино как вода расколица, да воеводу и всех людей побить и город жечь ... и нас холопей твоих и нагайских послов побити и казна твоя... взять»⁴⁶.

Засекин немедленно сообщил в Москву о раскрытом заговоре и принял дополнительные меры. Казаков изолировали от «литвы», русским и ногайским послам приказали вместе с казной переехать из зимовья в крепость. Ногаям и здесь отдали предпочтение: в то время как русские «казну на себе перенесли в город», к ногаям «для бережения» и перевозки послали стрельцов.

Наконец из Москвы прибыл с указом царя гонец Постник Косяговский. Государева грамота гласила: «Матюшу Мещеряка да Тимоху П-ша, да иных их товарищей пущих [государь] велел казнити перед ними послы смертною казнию». Видимо, в марте 1587 г. в Самаре была совершена первая казнь. Вместе с товарищами на городской площади повесили одного из известнейших волжских атаманов Матвея Мещеряка. Все имущество, награбленное казаками у ногаев, передали ногайским послам.

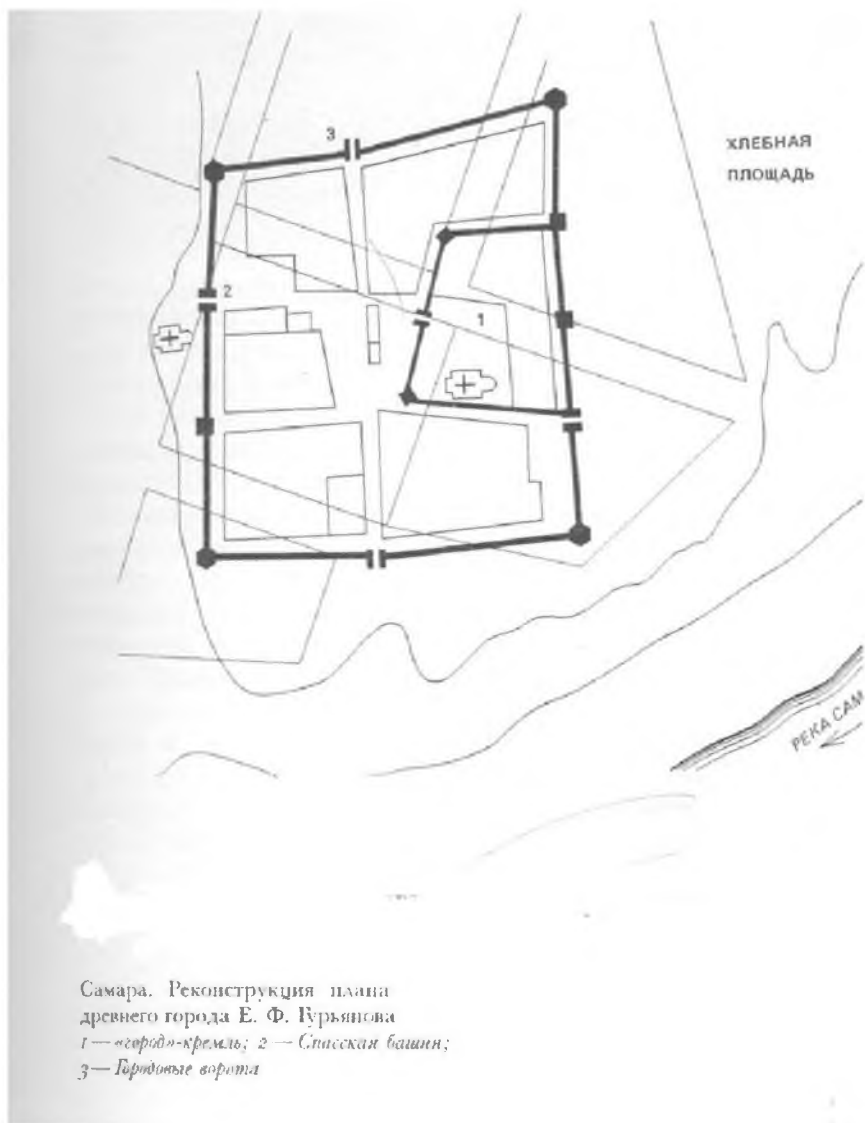
Русские и ногайские послы отправились из города восвояси со своими поручениями только в конце апреля – начале мая. К этому времени, как и добивалась Москва, вопрос о признании Самары со стороны Уруса и его мурз практически был решен. В Астрахани Мурад-Гирей смог доказать послам Уруса, что крепость возведена, прежде всего, в интересах ногаев.

К весне у Засекина и его гарнизона прибавилось много новых забот. Что ни день встречали и провожали послов и купцов, перевозили их через волжские «перелазы». Например, 1 мая 1587 г. по указанию самарского воеводы через Волгу были перевезены послы от нескольких мурз, а с ними 137 «ордобазарцев» – торговых людей из Средней Азии и до 2000 лошадей на продажу. Засекину разрешили устроить небольшой торг под стенами крепости, где продавалось все, кроме «заповедных товаров».

Кочевья ногаев, с наступлением тепла поднимавшиеся все выше и выше по левобережью Волги, наконец-то достигли Самары. Засекин сообщал в Москву, что по мере появления отдельных ногайских кочевий вблизи крепости, он отпускал зазимовавших в городе ногайских и русских послов с «государевым жалованьем» к тому или иному мурзе. Характерно, что сами мурзы (Кучук-мурза и другие) просили, чтобы с этими послами Засекин передавал разрешение ногайским ордам «летовать на Сомаре и на Волге бесстрашно». Таким образом, самарские воеводы утверждались признанными гарантами безопасности ногайских кочевий в Среднем Поволжье. Целенаправленная последовательная политика правительства на юго-востоке дала себя знать и в том, что весной 1587 г., как и добивалась Москва, мурзы начали вновь посылать свои отряды в русскую армию. Эти отряды следовали через Самарскую крепость, переправлялись на правую сторону Волги и с провожатыми Засекина доходили до «мещерских окраин» под Рязанью. Видимо, этот сухопутный путь со Средней Волги степью до «мещерских окраин» и далее до Шацка был в то время весьма оживленным.

Первого воеводу Самары князя Г.О. Засекина сменили в начале лета 1587 г. Грамоты, датируемые концом июня, адресовались уже Федору Елчанинову.

О более поздней истории города в конце XVI – начале XVII в. сведений сохранилось крайне мало. Самара оставалась пограничной крепостью на рубежах ногайских кочевий и казачьей вольницы, транзитным перевалочным пунктом на волжском посольском и торговом пути, а также на сухопутных дорогах из Средней Азии. В «волжских водах» в окрестностях города возникают первые крупные рыболовецкие промыслы русских предпринимателей.

**Самара на рубеже XVI–XVII вв. Реконструкция Е. Ф. Гурьянова.
 Из кн.: Русское градостроительное искусство: Градостроительство
 Московского государства XVI – XVII веков / НИИ теории арх-ры
 и градостр-ва. Под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М., 1994**

Для немногочисленного населения неожиданным событием стало появление в городе зимой 1601 г. дочери бывшего сибирского хана Кучума с малолетним сыном. Исследователи полагают, что она была женой ногайского мирзы Джан-Арслана, потерпевшего поражение в борьбе за власть в Орде. Выхать сразу в Москву из-за «стужи» и «немочи» семья мирзы не смогла, и только 28 апреля местные воеводы С.В. Щербатов и Ф.И. Зайцов-Бирдюкин отправили их в столицу с самарским жильцом Я. Алампеевым⁴⁷.

По всей видимости, в конце XVI столетия Самара играла более значительную роль в истории Поволжья, чем ее соседи — Саратов и Царицын.

§ 4. Город в Смутное время

В начале XVII в. в России разразилась гражданская война, названная современниками «Смутой». Причиной катастрофы, угрожавшей стране гибелью, стал острый внутренний кризис, осложненный вмешательством извне и прямой иностранной интервенцией. В течение 1603–1613 гг. страну потрясли многочисленные восстания, заговоры, мятежи; терзали иноземцы, авантюристы, разбойники.

Не обошла Смута и Самарский край, тогда еще малолюдный и удаленный от основных театров военных действий. В 1605 г., когда власть на Москве захватил самозванный царь «Дмитрий Иванович», якобы чудом спасенный в Угличе, а на поверку сказавшийся беглым расстриженным монахом Григорием Отрепьевым, на далеком Тереке объявился «племянник» нового московского «государя». Тамошние казаки велели своему товарищу беглому холопу Илейке Коровину, прозванному также по месту рождения Муромцем, впредь именоваться «царевичем Петром», сыном покойного царя Федора Ивановича.

Весной 1606 г. рать «царевича Петра» пришла с Терека на Волгу и двинулась вверх на стругах. По пути к ней присоединились волжские казаки и простонародье, численность ее достигла 4 000 человек. Лжедмитрий I, растерявший в столице авторитет и сторонников, отправил в апреле к казакам своего доверенного дворянина Т. Юрлова, надеясь, что отряд Лжепетра «в крайней нужде мог оказать ему помощь»⁴⁸. Когда те «дошли до Самары, и тут, де, их встретили от ростриги [Г. Отрепьева] под Самарою с грамотою, и Третьяк Юрлов велел им идти к Москве наспех». Однако под

Свияжском казаки получили известие о том, «что на Москве Гришку Ростригу убили миром всем», и они «поворотились назад на Волгу, на реку на Камышпенку»⁴⁹.

В Смутное время. Худ. С.В. Иванов

О каких-либо нападениях на Самару и другие волжские города, мимо которых этот отряд проследовал дважды, источники не сообщают. В документах этого времени имеются сведения о том, что гарнизоны волжских городов поддержали самозванца: «И астраханские, и терские, и саратовские, и самарские стрельцы крест ему целовали. И поцеловав крест, они много дворян побили...»⁵⁰. Известно также, что во время похода по Волге казаки во главе с «царевичем Петром» «всяких служилых людей побивали до смерти», грабили купцов. Поход Илейки Муромца, действия других казачьих предводителей, волнения в волжских городах, активизация кочевников — ногаев, вконец расстроили торговлю по великой реке. Голландский коммерсант сообщал о злоключениях своих собратьев по занятию: «Купцы, бывшие в Саратове, Самаре и других местах, претерпевая бедствия блуждали по стране, и каждый бежал своей дорогой...»⁵¹. Среди хивинских и бухарских купцов многие как тогда, так и годы спустя вынужденно отказыва-

лись от поездок в Самару, где в Смутное время несколько среднеазиатских торговцев были убиты и ограблены⁵².

Уход с Волги отрядов «царевича Петра» не привел к спокойствию на всем пространстве от Каспия до устья Камы. В июне 1606 г. астраханский воевода князь И.Д. Хворостинин поднял мятеж против Василия Шуйского. Началось брожение среди Больших Ногаев, для которых позиция властей Астрахани значила очень много⁵³.

Для стабилизации ситуации, летом 1606 г. вниз по Волге были посланы войска под командованием боярина Ф.И. Шереметева. 25 июня, во время пребывания в Самаре, он получил с казанцем С. Змеевым известие об избрании на престол Василия Шуйского и грамоту с указанием «Иштерека князя и мурз к шерти приводить»⁵⁴. Взять Астрахань с ходу царской рати не удалось. После длительной осады Шереметев вынужден был отойти от города и в октябре 1607 г. перешел в Царицын. Несмотря на относительную неудачу этого похода, пребывание сил, верных В.И. Шуйскому, в Понизовье в значительной степени стабилизировало ситуацию в Самаре и других волжских городах. Ногаи вынуждены были вновь признать свое подданство Москве. Казачья вольница могла появляться на Волге лишь время от времени, спорадически. Даже когда в отдельных «малых» городах Нижнего Поволжья верх брали антиправительственные элементы, как например, в Царицыне, Шереметеву удавалось вовремя подавлять эти «бунты».

Однако, когда правительственные войска летом 1608 г. ушли из Понизовья сначала к Казани, а затем в центральные районы страны, огромный край был предоставлен сам себе. Тем же летом вверх по Волге из Астрахани отправились к Москве еще три самозванца: Август-Иван, Осиновик и Лавр. Однако до Самары им не удалось добраться. Если Царицын без боя перешел на сторону «царевичей», то под Саратовом они встретили ожесточенное сопротивление «...в Саратове воеводы и ратные люди отсиделися и на приступах и на вылазках астраханских воров многих побили и вор, которого называли царевичем Иваном, от Саратова пошел с астраханскими людьми в Астрахань»⁵⁵. Обозленные неудачей казаки «царевича» Осиновика убили здесь же на волжском берегу, а Августа и Лавра отвезли в лагерь Лжедмитрия II, где их ждала не менее печальная участь.

Однако и саратовцы недолго сохраняли верность Василию Шуйскому. Уже в феврале 1609 г. их посланцы появились в лагере одного из полководцев Лжедмитрия II Я. Сапеги⁵⁶. Только Самара

до конца оставалась верной Василию Шуйскому. Кому после свержения царя Василия подчинились самарские жители — «Семибоярщине», руководству I или II ополчений, — неизвестно. В 1611–1612 гг. ногайская конница приходила под Тулу и Самару, сожгла Саратов⁵⁷. Видимо, еще ранее был уничтожен и Царицын⁵⁸. Мы знаем лишь, что к концу Смуты из всех городов между Астраханью и Тетюшами уцелела только Самара⁵⁹.

После освобождения Москвы в 1612 г. от интервентов и избрания на царство в 1613 г. Михаила Романова обстановка на юго-восточных границах России, восстановившей свою независимость и государственную власть, не только не стабилизировалась, но и еще более осложнилась.

*Марина Мнишек.
Портрет. После 1606 г.
Из кн.: Козляков В.Н.
Марина Мнишек. М., 2005*

*Иван Заруцкий.
Позднейшее изображение.
Из кн.: Козляков В.Н.
Герои Смуты. М., 2012*

В Поволжье в это время была предпринята последняя попытка сохранить в качестве политической реальности призрак «царя Дмитрия Ивановича». Организаторами новой авантюры стали Марина Мнишек и Иван Заруцкий. Марина, дочь польского магната и супруга обоих наиболее известных самозванцев — Лжедмитрия I и

Лжедмитрия II, после гибели того и другого возложила свои надежды на русский престол на своего малолетнего сына «царевича Ивана Дмитриевича», которого официальные московские власти называли просто «воренком», так как его отца Лжедмитрия II именовали «тушинским вором». Атаман Заруцкий за годы Смуты был и сподвижником Ивана Болотникова, и «боярином» Лжедмитрия II, и одним из вождей Первого ополчения. Опираясь на верные казачьи отряды, он сам мечтал стать правителем государства, поэтому в 1612 г. вступил в конфликт с Д.М. Пожарским, а в следующем году не признал избрание Михаила Романова царем. Атаман и находившиеся под его покровительством Марина Мнишек с сыном укрылись в Астрахани, где захватили власть, убив воеводу Хворостинина и многих горожан. Крупнейший город в низовьях Волги рассматривался как база для организации нового похода в центр страны. Ради этого Заруцкий был готов получить поддержку Ирана и Турции, даже ценой передачи под их власть Астрахани.

Новым московским властям требовалось время для подготовки похода в Понизовье. Местом сбора правительственных войск определили Казань. Самарский город приобрел стратегическое значение, поскольку между Казанью и Астраханью не оказалось волжских крепостей. Основные силы самарского гарнизона составляли 300 самарских и 205 саратовских стрельцов, пришедших сюда после гибели своего города⁶⁰. Население, не относившееся к военно-служилому, было в Самаре немногочисленным и не могло существенно пополнить число защитников крепости. Заруцкий же в благоприятных обстоятельствах мог выставить до 30 тыс. ратных людей: русских жителей Астрахани, тамошних татар и ногаев, волжских казаков. При таком соотношении сил непростая задача удержания города до подхода правительственной армии была возложена на нового самарского воеводу князя Дмитрия Петровича Пожарского-Лопату.

Воевода доводился троюродным братом героя освобождения Москвы Д.М. Пожарского, сам командовал передовым отрядом ополчения в 1612 г. Первым из его шагов на новой должности, известных нам, стала отправка 23 сентября 1613 г. донского атамана И. Онисимова к волжским казакам, чтобы побудить тех признать власть царя Михаила Федоровича и отойти от астраханских мятежников.

Ногаи и волжское казачество в это время являлись реальной силой в Поволжье. В 1613 г. от Самары до Царицына (точнее, до Вязовки, лежащей 150 км ниже) находилось 8 казачьих городков,

в которых в совокупности насчитывалось до 600 казаков⁶¹. Но, очевидно, что их численность на Волге и Яике (Урале) была в несколько раз больше. Характерно, что в Москве весной 1614 г., когда рассылали грамоты, призывавшие к борьбе с авантюрой И. Заруцкого и М. Мнишек, обращались к волжскому казачеству как к совершенно самостоятельной силе. Его ставили в тексте грамот впереди яицких и терских казаков и именовали: «...на Волгу атаманом и казаком всему великому войску» или «всему вашему Волскому великому войску»⁶². Руководители армии, спускавшейся вниз по Волге, должны были привести казакам «царское жалование, денги, и сукна, и хлебные запасы, и вино ...». Возможно, что такое обращение к разрозненным ватагам волжских казаков, было, прежде всего, дипломатической уловкой, попыткой разделить возможных противников. Но все же эти послания свидетельствуют и о той роли, какую вольное казачество играло в это время по всей Волге от Самары до Астрахани.

И. Онисимову не удалось склонить казаков к повиновению московским властям: однако споры о том, чьей стороны держаться, раскалывали волжское казачество, мешая Заруцкому вовлечь его в свои планы. Кроме того, вернувшись весной 1614 г. в Самару, донской атаман привез важные сведения о положении на Нижней Волге⁶³.

В январе самарский воевода уведомил Москву о своем намерении послать человека к ногаям с теми же предложениями, что и к волжским казакам. Столичные власти, считая, что они разбираются в обстановке на волжских берегах лучше, чем воевода передовой крепости, стали убеждать Пожарского, что от ногаев «не чаяти никакого дурна», и сделали ему выговор за проявление инициативы «без государева указа»⁶⁴. Пока из Москвы шли утверждения о лояльности ногаев, их бий и мурзы присягнули Заруцкому, втянувшись в его авантюру. Недоверие, оказанное в столице князю Дмитрию, обернулось нападением степняков на русские селения. Ущерб от ногайского набега оказался не очень значительным: благодаря предупреждениям самарского воеводы, о нем стало заранее известно в пограничных со степью городах. У кочевников удалось отбить пленников, «мужиков и женок и робят», скот.

Все сообщения, поступавшие в Москву зимой и весной 1614 г. о ситуации в низовьях Волги, шли в Россию исключительно через Самару. Они собирались воеводой в допросах астраханских перебежчиков, торговцев или, как в случае с И. Онисимовым, специально посланными людьми. Воеводы крепостей, находившихся под угрозой нападения Заруцкого и его союзников, часто, не дожидая-

ясь официальных сообщений из Самары, посылали туда разъезды («станции») своих разведчиков для скорейшего получения новостей. Так, 11 апреля от Свяжжской засеки послали к Пожарскому «станицу для вестей, вожа Атиша Абакова с товарищи», а привезенные сведения передали свияжскому воеводе⁶⁵.

Астраханский мятеж перерезал традиционный волжский путь. Единственной дорогой, связывавшей Россию со странами Средней и Передней Азии, осталась караванная тропа от Самары на Ургенч в Хивинском ханстве. Пожарскому удалось обеспечить безопасность торговли и доверие купцов, поэтому, несмотря на военное время, поступления из Самары в государственную казну значительно возросли. Регулярное прибытие караванов в Самару не только соответствовало торговым интересам России, но и позволяло находиться в курсе обстановки на Нижней Волге и в прикаспийских степях, знать о положении и взаимоотношениях Хивы, Бухары, Ирана, Турции, кочевых народов Казахстана и Средней Азии.

Этот путь через степь использовали и для дипломатических целей. В декабре 1613 г. самарский воевода получил указ расспросить бухарских и хивинских купцов в Самаре: возможно ли возвращавшемуся в Иран шахскому посольству и ответному посольству русского царя «с ними вместе пройти, которыми местами они на Самару шли». Впервые Посольский приказ в Москве вынужден был искать маршрут до персидских владений, минуя Астрахань; и посол шаха предложил отправить его «зимним путем на санях до Самары» и далее «на вьюках» через Хиву в иранскую провинцию Хорасан. Но московские дьяки боялись, что за Самарой послов могут не пропустить кочевники: казахи, туркмены, каракалпаки или еще кто-нибудь.

Из Самары воевода прислал утешительные известия. Хивинские и бухарские купцы обещали безопасный проезд зимой, поскольку «от Самары... до Юргечи [Ургенча]» нет степняков, которые в это время года откочевывали в другие места. Необходимо было только успеть, пока лед «на реках не прошел и покаместа конский корм под копытом не будет». Когда же вскрыется лед и сойдет снег, тогда «без людей [кочевников] в степи не будет... дорогого будет не проехать»⁶⁶.

22 февраля 1614 г. русское и персидское посольства прибыли в Самару почти на месяц. Появление в маленькой крепости более 100 человек и 200 лошадей до крайности обострило недостаток продовольствия и фуража. Воевода извещал, что в «государевых житницах хлебных запасов нет», купить их у жителей невозмож-

но, многие женщины и дети сами «по миру ходят». Если же люди, в том числе и стрельцы, не убегают из голодного городка, то только потому, что «держит их зимней путь», а весной «удержати их з голоду будет не можно — разбредутца розно». Но послы требовали обеспечить их в достатке для предстоящего пути; привели на площадь усталых и больных лошадей, подлежащих, по их мнению, замене, и бросили их на попечение воеводе, пригрозив: если не дадут овса, они выведут и остальных лошадей сюда же.

Требования послов подкреплялись царскими указами из Москвы, предупреждавшими воеводу, «чтобы твоим оплошеством нашему такому великому государственному делу поруки не было, а тебе б от нас за то в великой опале не быти». Но и Пожарский понимал, что будет с Самарой и с ним самим, если с шахом договорятся не московские посланцы, а люди Заруцкого, которые уже выехали в Персию просить помощи. Понимал он и правоту слов иранского посла: «На такую дальнюю степь на худых лошадех ити нельзя... Лошеди потерять — и самому погинуть»⁶⁷.

Действительно, ни на какую помощь в безлюдной степи рассчитывать не приходилось. Каким-то чудом воевода собрал послам необходимый фураж и продовольствие. Обеспечил конвой, выделив 30 конных стрельцов, по паре коней на каждого. Часть находившихся в Самаре купцов присоединилась к посольскому каравану, часть была задержана в городе до получения известий о благополучном исходе этого путешествия. Раз ручались «головой» за безопасность дороги — пришлось оставаться заложниками своего поручительства.

22 марта послы выехали из Самарского города, без приключений пересекли степь. Не столь мирным оказался обратный путь стрелецкого конвоя, который на реке Эмбе повернул назад. Возвращавшиеся в степь кочевники, «калмыки ль, турхменцы», напали на самарский отряд. В схватке стрельцы потеряли двух человек убитыми, пятерых ранеными и 33 лошади, с таким трудом собранные в Самаре. Нападавшие заплатились жизнями двадцати человек и сорока коней, покинув поле боя.

Важнейшая внешнеполитическая акция нового московского правительства, направленная на восстановление дружественных отношений с Ираном, была успешно осуществлена. Однако обеспечить невмешательство южного соседа в русскую Смуту одними дипломатическими шагами было нельзя. Многое зависело от того, насколько быстро Россия восстановит контроль над всем волжским путем до Каспия, сумеет ли подавить мятежников, предупредив возможную интервенцию на этом направлении.

Поздняя осень и зима 1613–1614 гг. отодвинули непосредственную угрозу нападения Заруцкого на Самару, но уже 5 марта Пожарский сообщил: «На весну ждем под Самарской снизу воровских людей»⁶⁸. 11 марта трое астраханских перебежчиков подтвердили намерение Заруцкого и ногайских мурз весной «итти под Самар». 30 марта еще подробнее эти планы раскрыл беглец из Астрахани Г. Омелянов. Заруцкий со своими астраханскими сторонниками собирался двинуться «Волгою противу льду в стругах», а татар и ногаев убеждал, чтобы «деи шли на конех степью под Самарской и под Казань и Самарской бы деи осадили, покаместа деи он, вор, подоспеет Волгою в стругах с нарядом [артиллерией] и с вогненными пушками». Не оставлял он надежды привлечь к походу на Самару волжских казаков, обещая: «Я де вас пожалуйю тем, чего де у вас и на разуме нет». Пытаясь обнадежить своих сторонников, Заруцкий добавлял: «Знаю де я московские наряды [порядки], покаместа деи люди с Москвы пойдут, я деи до тех мест Самару возьму да и над Казанью промысел учиню»⁶⁹.

По мнению Д.П. Пожарского, сложившаяся обстановка требовала присылки подкреплений самарскому гарнизону из числа войск, стянутых в Казань под команду воевод И.Н. Одоевского и С.В. Головина. Однако Одоевский принял другое решение. Его, как командующего правительственными войсками в Поволжье, беспокоила не столько судьба Самарской крепости, сколько возможность соединения Заруцкого с отрядами казаков и разных авантюристов, возобновивших военные действия и грабежи на Верхней Волге и в Пошехонье. В половодье силы Заруцкого могли пройти незаметно, минуя Самару и Казань, вверх по Волге, а верхневолжские отряды мятежников мелкими группами – в Астрахань. 15 апреля Одоевский отдал распоряжение стрелецкому голове Г. Пальчикову отправиться с пятью сотнями стрельцов из Казани к устью реки Усы, построить там небольшую крепость-«острожек» и воспрепятствовать возможной попытке противника пересечь Самарскую Луку по Усе. В случае необходимости Пальчикову предписывалось «Самарскому городу помогати», но основными задачами ставились наблюдение за движением по Волге, запрет на передвижение по ней мимо устья Усы, а также охрана рыбных промыслов.

Узнав о посылке Пальчикова, Пожарский стал требовать перевода этого отряда в Самарский, приводя соображения как военного, так и политического характера. Он указывал, что действенной помощи друг другу отдаленные на 60 верст гарнизоны оказать не смогут. Запретив движение по Волге мимо своей заставы, Пальчи-

ков перекрыл подвоз хлеба в Самарский городок, где «всякие люди бедны и голодны и хлебных запасов продажного нет у них». В городе расплозились слухи, что казанские воеводы хотят самарских жителей «голодом поморить», а потому на Самаре «смута и в людех сумнение великое». Пожарский предупреждал Одоевского и его помощников: «В Самарском служилые люди и всякие ружники и оброчники бедны и голодны, а воров ожидаем вскоре... а которая, господа, над Самарским городом поруха учинится, и то, господа, не от меня, от вас». Еще сдерживаясь в официальных донесениях, самарский воевода устно, видимо, высказывался более круто. В Казань шли доносы, будто он грозил: «Пойду де я на Усу и острожек де велю срыть», и пуще того: «Когда де воровские люди Самарской возьмут, и я де умею воровать, и от меня де многие города подрожат». Разумеется, подобные реплики воевода отрицал, объясняя их появление клеветой недругов⁷⁰.

Видимо, чтобы хоть как-то разрешить этот конфликт и окончательно обезопасить Самару от нападения с низовьев, в начале мая Одоевский и Головин поручили стрелецкому голове Сунгуру Соковнину с пятистами стрельцами перекрыть волжский путь и «переволоку» между Волгой и Усой ниже города, у южной оконечности Самарской Луки⁷¹. Однако по неизвестным нам причинам это решение так и осталось только на бумаге.

При всех неурядицах в правительственном лагере время работало не на Заруцкого. Споры из-за острожка на Усе прекратились сами собой, когда из Казани по Волге двинулась вниз вся рать князя Одоевского, который 17 мая прибыл в Самару. В тот же день Пожарский и Одоевский получили очень важные сообщения из Астрахани. Там против Заруцкого и его приспешников вспыхнуло восстание русского и татарского населения города. Эти известия подтвердили справедливость расчетов Пожарского на внутренние раздоры в пестром по своему составу лагере Заруцкого.

Астраханские вести ускорили продвижение правительственных войск в низовья Волги. По совещанию с Одоевским самарский воевода передал ему часть своих «ратных людей с головами стрелецкими, с Михаилом Соловцовым да с Лукою с Вышеславцовым, два приказа стрельцов с вогненным боем»⁷².

Бежавший из Астрахани с частью казаков Заруцкий засел «на Яике на Медвежьем острове». Оттуда посылались разведчики «приведьги, что на Самаре вестей»⁷³. В планы казачьего отряда человек в 600, входил прорыв на Волгу по реке Самаре. Вновь на предполагаемом пути мятежников оказывался Самарский город. Стре-

лецким головам, преследовавшим Заруцкого, приказали не дать казакам уйти к Самаре сухим путем или переволочиться с Яика на Самару на стругах. Основным силам, засевших на Медвежьем острове мятежников, осуществить свой план не удалось. Они были окружены и 24 июля выдали царским воеводам Заруцкого, Марину и ее сына, которых срочно отправили в Москву. Конвоем, в состав которого входила и сотня самарских стрельцов М. Соловцова, Одоевский приказал умертвить пленников, если по дороге их попытаются отбить сообщники. Опасения оказались напрасными, пленных беспрепятственно доставили в столицу. Заруцкий и малолетний «воренок» были казнены, «царица» Марина вскоре умерла (или была тайно убита) в тюрьме.

Часть казаков все же бежала с Яика на Волгу, но не по реке Самаре, а степью, так как не решалась теперь из-за своей малочисленности двигаться мимо укрепленного городка, К тому времени новые воеводы В.И. Туренин и М.В. Белосельский сменили на Самаре Пожарского. До Волги казаки не дошли, ибо напали на след «сакмы» — дороги, по которой хивинские купцы «с корованы прошли на Самару, и стали те воры их на степи ждати и стеречь, как они пойдут с Самары назад степью, а на Самаре про то ведомо не было». Когда же купцы, «исторговався, пошли с Самары степью назад в Юргенчи, и те воровские казаки... пришли на них на стан, на сонных»⁷⁴.

Из-за внезапности нападения в руки казаков попала добыча и пленные. Однако, придя в себя, купцы настигли грабителей, благо те были пешими, отбили пленных и часть своего товара. Но казаков ждала и еще большая неприятность. Не успели они разделить остатки награбленного, как из Самарского города на конях подошла погоня. Стрелецкий голова С. Есипов со служилыми людьми «побили» их в степи, доставив в Самару трех плененных атаманов и 42 казака.

Этот эпизод наглядно свидетельствовал о том, что опаснейшее антиправительственное движение окончательно выродилось в обычный казачий разбой на Волге и в заволжских степях. Было у данной истории и дипломатическое продолжение. В 1616 г. хивинский посол на переговорах в Москве поднял вопрос о возвращении купцам тех денег и товаров, которые попали сначала к казакам, а от них к ратным людям самарского гарнизона. При этом выяснилась подробность, характерная для взаимоотношений торговцев и воеводской администрации. Иноземные купцы по закону не имели права вывозить из России деньги — все вырученное от продажи серебро требовалось потратить на покупку русских товаров. Одна-

ко воевода Белосельский хивинцев «с Самары с теми деньгами выпустил, а взял от того 200 рублей денег да 20 лошадей», освободив за это купцов от таможенного досмотра. После пленения казаков Белосельский уверил купцов, что отбитые деньги и товар взяты «в государеву казну».

Хивинские купцы исколотали у своего хана грамоту царю Михаилу Федоровичу с просьбой вернуть из казны то, что принадлежало купцам. Думные дьяки московского Посольского приказа могли только усмехнуться по поводу столь наивных представлений о порядках на русском пограничье. Они объяснили хивинскому послу: «А что будет царского величества самарские ратные люди... рухляди [товары] какие и отгромили [отбили], и воинские люди по себе и розделили, потому что взяли у воровских людей... да того уж не поднята и ни на ком не взяты». После такого объяснения обещание, данное послу, — ради добрососедских отношений Москвы и Хивы про купеческие «животы и рухлядь на Самаре... сыскивати, да будет что... сыщется, и государь велит, сыскав, им отдати»⁷⁵, — выглядело не более чем уловкой дипломатического этикета.

По поводу денег московские представители на переговорах без поучающей интонации заявили: «В государевой казне тех погромных [награбленных] денег нету, да и не надобно государю в казну такие погромные деньги». Эти деньги самарские воеводы, если и собрали сначала, то лишь для того, чтобы опять раздать «ратным людям» как военную добычу. Правоту таких действий под сомнение не ставил никто.

Самарский гарнизон выполнил свое предназначение в самое трудное не только для города, но и для страны время. Он активно участвовал в разгроме мятежа атамана Заруцкого, в обеспечении дипломатических и торговых связей России со странами Востока, в охране ее рубежей. Все это было достойным вкладом в возрождение российской государственности, в предотвращение интервенции со стороны южных соседей, Турции и Ирана. Оказался восстановлен на всем протяжении великий волжский путь, вновь по нему спокойно путешествовали и торговцы и дипломаты.

В начале 1615 г. в Самару прибыл царский гонец с грамотой к шаху. Городским властям предписывалось решить, как его направить — «Волгою или степью»? Воевода Белосельский рассудил за лучшее дожидаться вскрытия реки, после чего с чистым сердцем отправил гонца на струге в Астрахань.

Смута кончилась. Жизнь входила в обычное русло.

Примечания

¹ Гурьянов Е.Ф. Как начиналась Самара // Самарский краевед: Историко-краеведческий сборник. Куйбышев, 1990. С. 13–15.

² Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 379–384.

³ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 140.

⁴ Каптерев Л.М. Нижегородское Поволжье X–XVI веков. Горький, 1939. С. 161.

⁵ Гурьянов Е.Ф. Как начиналась Самара. С. 13–15.

⁶ Брун Ф.К. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Записки императорского Новороссийского университета. Т. 9. II. Часть ученая. Одесса, 1873. Карты; Багров Л.С. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. СПб., 1912. □ 16; Булатов А.Б. Среднее Поволжье на трех картах мира, составленных в XIV–XV вв. венецианцами и испанцем // История и культура Чувашской АССР: сб. ст. Вып. 2. Чебоксары, 1972. С. 396–399.

⁷ Более подробно ситуация с историей поселения Samag рассмотрена в следующих работах: Дубман Э.Л. До русской крепости ... (поселение «Samag» и «Самарское урочище» в XIV–XVI вв.) // Самара: от прошлого к настоящему. Самара, 2007; Его же. Юго-Восток Европейской России. Ч. 1. Поволжский фронт в середине XVI–XVII вв. Очерки истории. Самара, 2012. С. 69–86, 100–120; Кучкин В.А. Samag, Самара и поволжские города в XIII – XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. □ 3 (49); 2012. □ 4 (50).

⁸ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. 2-е изд. М., 2009. С. 10–11, 130–138 и др.

⁹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 297, 301; Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов, 2008; Сташенков Д.А. Раскопки Барбашинского могильника // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций. Самара, 2014. С. 5–50 и др.

¹⁰ См., например: Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

¹¹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. С. 301–309.

¹² История о Казанском царстве. I. Соловецкий список // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1903. Т. 19. С. 32–33.

¹³ Более подробно эта ситуация рассмотрена в статье: Дубман Э.Л. Вопрос о сооружении русских городов на Волге в московско-ногайских взаимоотношениях середины 1550-х гг. // Вестник СамГУ. Гуманитарная серия. 2012. □ 2/2 (93). С. 30–35.

¹⁴ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 248, 303-303об.

¹⁵ Там же. Л. 316об.; см. также: Дубман Э.Л. «Самарское урочище» и его окрестности в документах XVI в. (публикация материалов) // Самарский земский сборник. 2012. □ 1 (21). С. 50.

¹⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006. С. 238.

¹⁷ Там же. С. 238.

¹⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 1. Л. 5.

¹⁹ Карпов А.Б. Уральцы. Уральск, 1911. С. 52.

²⁰ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. СПб., 1910. С. 36.

²¹ Пискаревский летописец. Материалы по истории СССР. Вып. 2 // Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955. С. 88.

²² Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 35.

²³ Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара. СПб., 1872. С. 3–8.

²⁴ Тверской Л.М. Русское градостроительство до конца XVII в. Планировка и застройка русских городов. М.; Л., 1953; Алферова Г.В. Русские города XVI–XVII вв. М., 1989.

²⁵ Алферова Г.В. Русские города XVI–XVII вв. С. 107–149.

²⁶ Фотокопия документа хранится в коллекции самарского краеведа Е.Ф. Гурьянова.

²⁷ Во всех имеющихся в нашем распоряжении документах его отец записан Осифом. Но если в источниках, относящихся к началу службы Григория, отчество Осифович встречается достаточно часто, то в 1580–1590 гг. оно трансформируется в Осипович. Хотя были и исключения. Так, например, среди князей Ярославских, которые должны были участвовать в Шведском походе 1589–1590 гг., он значился как «Князь Григорей княж Осифов сын Засекин». См.: Боярские списки последней четверти XVI-начала XVII вв. и Роспись Русского войска 1604 г. Ч. 1. М., 1979. С. 275. Далее мы будем пользоваться устоявшимся в литературе отчеством Осипович.

²⁸ Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича. М., 1848. С. 7, 17, 23, 27.

²⁹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 36; Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре. Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI–XVII вв. Чебоксары, 2012. С. 18.

³⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 2. М., 1987. С. 34.

³¹ Цит. по: Косточкин В.В. Из истории русского сборного строительства XVI в. (Новые данные о полоцких крепостях времени Ивана Грозного) // Архитектурное наследие. □ 18. М., 1969. С. 120.

³² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Стб. 11. Л. 6–7 и др.

³³ Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – НИА СПб ИИ РАН). Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 374; Дубман Э. Князь Григорий Засекин (Хроника жизни и деятельности строителя волжских городов). Самара, 1995. С. 41–48.

³⁴ Пасха в 1586 г. приходится на 3 апреля по юлианскому календарю. См.: Обращение 13–15 цикла Великого Индиктиона (на 877–2472 гг.) // Специальные исторические дисциплины: учеб. пособие. СПб., 2003.

³⁵ Алферова Г.В. Русские города XVI–XVII вв. С. 140–149.

³⁶ Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара. С. 9–10.

³⁷ Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара. С. 10–11; Карпов А.Б. Указ. соч. С. 75.

³⁸ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 143.

³⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 60–66.

⁴⁰ Беляков А.В. Дорога царевича Мурад-Гирея в Астрахань // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. 2013. Т. 13. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 1. С. 94–97.

⁴¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1686 г. Д. 13. Л. 55.

⁴² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 38–38об., 40.

⁴³ Там же. Д. 10.

⁴⁴ Карпов А.Б. Уральцы. С. 859.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1 1586 г. Д. 13. Л. 60.

⁴⁶ Карпов А.Б. Уральцы. С. 858.

⁴⁷ Беляков А.В. Новый документ о ранней истории Самары // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. 2014. Т. 14. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 1. С. 82–85.

⁴⁸ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 150.

⁴⁹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук (далее – ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. С. 175.

⁵⁰ Корецкий В.И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. 1968. □ 4. С. 130.

⁵¹ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 153.

⁵² Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1892. Т. XXI. С. 171.

⁵³ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 393.

⁵⁴ Гневушев А.М. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 201–202.

⁵⁵ Цит. по: Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 195.

⁵⁶ Тюменцев О.И. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 246.

⁵⁷ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 396.

⁵⁸ Мы все-таки не можем согласиться с И.О. Тюменцевым и Н.В. Рыбалко, считающими, что Саратов был уничтожен в 1608 г. См.: Рыбалко Н.В. Управление «Понизовыми городами» в период междуцарствия (1610–1613 годы) // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. 2013. Т. 13. Сер. История. Международные отношения. Вып. 4. С. 6, 10.

⁵⁹ Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л. Самара в Смутное время // Центр и периферия. 2009. □ 1. С. 11.

⁶⁰ Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. Т. XXI. С. 241.

⁶¹ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. С. 198.

⁶² ААЭ. Т. 3. □ 18. С. 21–23; □ 25. С. 46–54.

⁶³ Смирнов Ю.Н. Самарский заслон. Воевода Дмитрий Петрович Пожарский-Лопата и разгром очага Смуты на Волге // Родина. 2014. □ 6. С. 36.

⁶⁴ Там же. С. 165, 175, 178.

⁶⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее АИ). СПб., 1841. Т. 3. С. 425.

⁶⁶ Бушуев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. М., 1987. С. 16, 21, 22.

⁶⁷ Там же. С. 30, 32–33.

⁶⁸ Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. Т. XXI. С. 229.

⁶⁹ АИ. Т. 3. С. 411–413.

⁷⁰ Там же. С. 420, 423, 426–428.

⁷¹ Там же. С. 426.

⁷² Там же. С. 442.

⁷³ Там же. С. 25.

⁷⁴ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1933. Ч. 1. С. 119.

⁷⁵ Там же. С. 121.

Глава 2.

САМАРА В XVII СТОЛЕТИИ

События Смутного времени нанесли глубокие раны Российскому государству, его экономика потерпела невиданный ущерб. Только к середине XVII в. страна смогла восстановить прежний уровень хозяйственного развития, воссоздать и укрепить административно-государственный аппарат и армию.

Территории, находящиеся под юрисдикцией приказа Казанского Дворца, в меньшей степени подверглись потрясениям Смуты и поэтому в первой половине 1600-х гг. оказались в более благоприятном положении, чем другие регионы страны. После завершения Смутного времени Самара осталась единственным русским городом на волжском пути между Казанью и Астраханью (за исключением Тетюшей). Несмотря на то что сожженные в Смуту Саратов и Царицын, были вскоре восстановлены, до середины XVII в. Самара сохраняла за собой роль крупнейшего в регионе военно-административного центра и торгово-перевалочного пункта юго-восточной торговли. Об этом свидетельствуют данные сбора одного из чрезвычайных налогов в России XVII в. — пятинны 1634 г., другие документальные материалы. Разумеется, термин «крупнейший» следует понимать применительно к масштабам окраинных пограничных городов того времени. Самара в эти годы как бы открывала дорогу из «верховых» городов Московского государства в богатейшее волжское Понизовье с его рыбными и соляными богатствами, в сказочные страны Востока.

Кроме того, Самара стала уездным городом. В первой трети XVII в. на территории Самарской Луки начала складываться земледельческо-промысловая округа со своими оседлыми постоянными жителями, возникли сельские поселения. Этот правобережный район оказался под юрисдикцией самарских воевод, а первое известное нам упоминание о Самарском уезде появилось уже в 1630-х гг. Трудно судить о точной территории уезда.

Карта Среднего и Нижнего Поволжья. 1630-е гг. Из кн.: Оlearий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906

На всем протяжении XVII в. «под Самарой» находилось население, размещавшееся в восточной и центральной части Самарской Луки, до границ с Надеинским Усольем. Но вместе с тем самарская приказная изба ведала волжскими рыбными ловлями и примыкающими к ним незаселенными землями от «Атрубь», напротив современного Тольятти, и до устья Большого Иргиза; отслезивала процессы, происходившие в кочевом Заволжье. Такая неупорядоченность границ была обычной для уездов, находившихся в окраинных и малозаселенных районах России. Администрация Самары, хотя и ограниченная жесткими рамками правительственной регламентации, могла практически полновластно распоряжаться вверенной ей территорией. Однако во второй половине столетия роль и место Самары в регионе в значительной степени трансформировались. Строительство в конце 1640–1650-х гг. Симбирской, Карсунской и Закамской укрепленных линий коренным образом изменило ситуацию в южной части Среднего Поволжья. Началось интенсивное заселение территорий, находившихся под защитой этих оборонительных сооружений. В них появился значительный контингент военизированного населения¹. В Симбирском и на закамских землях Казанского уездов получило развитие мелкое и среднее поместное землевладение. Строительство Симбирска и ряда других укрепленных пунктов, возникновение нового крупного района феодального землевладения привели к тому, что именно к Симбирску перешла роль важнейшего административного, военного и хозяйственного центра в Южном Средневолжье. Значительно быстрее, чем Самара, стал развиваться Саратов, от которого в центр страны вел удобный сухопутный путь. Те функции главного административного, военного и хозяйственного центра на волжском пути, которые ранее были присущи Самаре, перешли к этим двум городам. Снизилась административно-военная роль Самары, уменьшилось количество посадского населения в ней, хотя численность гарнизона осталась на прежнем уровне. По сводным данным переписи 1678 г., в Самаре насчитывалось всего 70 дворов посадского населения, в 7 раз меньше, чем в Симбирске, и в 2,5 раза — чем в Саратове².

Строительство в 80-х гг. XVII в. Сызрани (1683 г.) и Кашпира (1687 г.), возникновение рядом с ними совокупности слобод служилых людей, обезопасило территорию, находившуюся южнее Симбирской и Карсунской черт, создало благоприятные условия для массового заселения нового района в Предволжье, южные границы которого к началу XVIII в. «сползли» по берегу Волги едва

ли не до широты Саратова. Самара в этих условиях еще более теряет свое значение; ее роль как центра обширного региона на Правобережье, постепенно переходит к Сызрани.

В итоге, город оставался военизированным опорным пунктом фронта Московского государства на его европейском Юго-Востоке³ и был, прежде всего, обращен в лесостепное и степное За-волжье; время массовой колонизации которого наступило значительно позднее.

С историей Самары в XVII столетии связана еще одна проблема. В местной литературе стойко держится убеждение, что в 1688 г. была дана «Грамата царская на имя писца Зиновьева в Самару: укрепление Самарское наименовать городом; жителей наделить землей, для чего отвести 120 тыс. десятин «в потомство» и учинить межевые признаки и грани...»⁴. Однако, это не совсем так. Дело в том, что до XVIII в. в средневековой России не было принято специально переводить отдельные населенные пункты в ранг городов. Закрепление за поселением такого статуса происходило в рамках, существовавших в течение многих веков традиций, обычного права. Городом, как правило, называли, либо укрепленный пункт с военным гарнизоном, основанный в пограничной зоне (как это, например, было в 1586 г. с «Самарским городом»), либо административный центр уезда. Другие поселения, существующие на территории того же уезда и имевшие оборонительные сооружения, военные силы и даже воеводу, как главу местной администрации, считали «пригородами». Например, Сызрань, включенная вместе с прилегающей к ней сельской округой, в состав Симбирского уезда, считалась «пригородом» Симбирска. В «Грамате царской...», упоминание о которой сохранилось в документах 1689 и более поздних годов, говорится о том, что «...писцу Ивану Зиновьеву, велено...отвести на Самаре к городу конские и скотские выпуски и сенные покосы...». Ни о каком переименовании поселения Самара в город в данном документе речи не шло⁵.

Разумеется, под определение города в современном понимании этого термина на протяжении всего времени своего существования в конце XVI–XVII вв. «Самарский город» не подходил. Он не был промышленно-перерабатывающим центром для сельскохозяйственно-промысловой округи, не являлся поставщиком товаров (за исключением весьма незначительного количества) для сельского рынка. Можно согласиться со словами академика М.Н. Тихомирова: «Самара... долгое время оставалась крепостью, экономически более связанной с Волгой, чем с окружающей ее черноземной округой»⁶.

§ 1. Городские власти. Храмы и монастыри

В особенностях организации административного аппарата, основных направлениях его функционирования Самара повторяла специфику, характерную для подавляющего большинства российских пограничных городов-крепостей конца XVI–XVII вв. Несмотря на малочисленность населения и преимущественно военизированный его состав, в городе сложилась довольно сложная управленческая структура. Она основывалась на жесткой централизации, неукоснительном подчинении столичным властям. Вместе с тем местная администрация обязана была использовать потенциал городской служилой и посадской верхушки, прежде всего служилых людей «по отечеству». Если на самом верху управленческой пирамиды замещение должностей и исполнение должностными лицами своих функций происходило под жестким контролем соответствующих центральных приказов, то на более низкой ступени право выбора и контроля зачастую представлялось местной администрации; возможным было участие местного «служилого города» в выборе кандидата на ту или иную должность. Со второй половины XVI по 30–40-е гг. XVII вв. многие территории страны имели возможность формировать высшую местную администрацию на основе выборов; существовало так называемое губное управление. Однако для пограничных городов Поволжья, в том числе и Самары с самого ее основания, основополагающим являлся принцип назначения воевод и руководства съезжей (приказной) избы из центра⁷.

И наконец, третьим уровнем организации власти, наиболее близким к нуждам и интересам подавляющего большинства населения, являлось управление, а точнее самоуправление, в местной посадской общине.

Администрация Самары, как и остальных уездных центров европейского юго-востока страны (т.н. области «низовых городов»), вплоть до начала XVIII в., находилась под полной юрисдикцией приказа Казанского Дворца. Последний был не просто территориальным приказом, но и центральным учреждением по управлению всеми вопросами и сторонами жизни огромного региона. Беглый подьячий Посольского приказа Г. Котошихин так писал о полномочиях приказной администрации на юго-востоке Европейской России: «Приказ Казанского Дворца... том приказе ведомо Казанское и Астараханское царствы, и к ним Понизовые города; и в те города воеводы и к ним указы посылаются о всяких делех,

ис того приказа. А денежной збор собирается с Понизовых городов... Да в том же приказе ведомо войское дело и опасение от турецкой и от персической границы, и от калмыков и башкирцов»⁸.

Приказ осуществлял полное административное, финансовое, судебное управление. Он обладал военно-организационными функциями на подвластной ему территории, которые обычно находились в ведении Разрядного приказа⁹. Ему подчинялись основные категории служилых людей, в том числе стрельцы. Приказ Казанского Дворца руководил уголовным сыском и осуществлением наказаний; собирал все подати, таможенные сборы; контролировал исполнение населением невоенных повинностей. Важнейшая особенность этого центрального учреждения, как и других территориальных приказов, состояла в том, чтобы «... обеспечить интеграцию новых территорий в состав единого государства»¹⁰. К сожалению, его архив полностью сгорел в начале XVIII в., и восстановить многие вопросы взаимоотношений между городскими и приказной администрациями не представляется возможным.

В пограничной Самаре высшее звено местного управления соединяло в своей деятельности одновременно военные и административно-судебные функции. Главой администрации являлся присылаемый из центра воевода. В глазах московских приказных людей маленькая пограничная крепость на Волге заслуживала в качестве воевод, как правило, стольников, но никак не представителей первостепенной знати. Лишь однажды в 1625/26–1632/33 гг. здесь на воеводстве находился боярин Борис Михайлович Салтыков, но его определили в окраинный городок в знак опалы, запретив именоваться боярином¹¹. И лишь в ответственные моменты истории Самары в ней появлялись действительно крупные личности, сыгравшие значительную роль в истории страны. К таковым можно отнести князя Григория Осиповича Засекина, первого самарского воеводу в 1586–1587 гг., под чьим руководством возводилась крепость. В трудное время борьбы с авантюрой И. Заруцкого в 1613–1614 гг. в город был послан один из видных военачальников второго ополчения, троюродный брат знаменитого Д.М. Пожарского — Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский. В 1675–1677 гг. в Самаре на воеводстве находился Андрей Никитич Самарин из старинного, известного со времен Дмитрия Донского боярского рода Квашниных. Сам Андрей Никитич, гордясь древностью своего рода, писал в одной из челобитных «... а мы ... людишки родословные болши трех сот лет ...». Вместе с ним в Самаре был его сын Петр (род. в 1671 г.), впоследствии один из первых русских поэтов¹².

Приезд воеводы. Худ. С.В. Иванов

Посылали в Самару воеводами и перешедших на русскую службу иностранцев: в 1671–1672 гг. В.Я. Эверлакова, в 1672–1673 гг. — А.Д. Фанвисина¹³, предка знаменитого русского драматурга второй половины XVIII в.; в 1677–1678 гг. — А. Шеля¹⁴. Первые двое были потомками перешедших на русскую службу во второй половине XVI в. «немцев» из Ливонии. Прожив несколько поколений в России, их предки перешли в православие, адаптировались к новым условиям, верой и правдой служили новой родине. Александр Шель оказался на русской службе сравнительно недавно. Впервые в Поволжье он упоминается в 1674 г. как полковник, назначенный на воеводство в Саратов «город на горах делать новый». По настоянию Шеля Саратов был перенесен на правый горный берег, что потребовало от воеводы «горододелльца» незаурядной настойчивости и квалификации. Характерно, что и в Самаре в условиях развертывавшегося в Заволжье крупного восстания башкир, А. Шель возвел в городском предполье систему оборонительных сооружений. Судя по всему, новый воевода был человеком активным и предприимчивым. В 1678 г. он сообщал в Москву, что неподалеку от Самары обнаружена серебряная руда и даже послал в столицу образцы. Однако дальнейшая судьба его «рудных» изысканий неизвестна¹⁵.

Но в основном среди самарских воевод были личности неброские, средних способностей, не входившие в первостатейную знать и не оставившие яркого следа в русской истории. Всего с 1586 до 1706 г. по нашим подсчетам состоялось 70 случаев назначения в Самару на воеводство. Четырежды в город направляли не одного, а двух воевод, один из которых являлся старшим, а второй его — «товарищем». Так произошло, например, в 1614 г., когда Самарой управляли князья В.И. Туренин и М.В. Белосельский¹⁶. Дважды, с небольшим разрывом, в Самаре был воеводой стольник Г.С. Овцын (в 1589—1590 и 1593—1597 гг.)¹⁷. Среди воевод Самары были: 1 боярин, 30 стольников, 1 стряпчий, 1 жилец и 1 полковник. Чины остальных не установлены.

Воеводы менялись в течение одного-двух годов после назначения, хотя и здесь бывали исключения (Б.М. Салтыков — 1625/26—1632/33 гг.). Для служилых людей «по отечеству» воеводская служба являлась выгодным и привлекательным делом. Именно поэтому даже на место в маленькой Самаре была конкуренция; сюда назначали по челобитьям в награду за особые заслуги. Например, в 1658 г. в город был прислан «псковитин», видимо, выборный дворянин И.Т. Назимов «за службы и за раны»¹⁸. Известен лишь один случай, когда В.Я. Эверлакова послали на воеводство указом без челобитья, но это случилось сразу после завершения Разинщины, когда предыдущего воеводу повстанцы утопили¹⁹.

Обязанности и права воеводы указывались при назначении в особом наказе. Текст наказа жестко регламентировал деятельность воеводы, не позволяя ему совершить сколько-нибудь серьезную акцию без ведома Москвы, сковывал его инициативу; но, в то же время, не мог полностью предотвратить воеводского самоуправления. Кормление, несмотря на попытки его ограничить еще в середине XVI в., являлось основой для благополучия воеводы и его семьи и в последующем столетии. В состав «кормления» входили не только крупные разовые сборы с подвластного посадского и крестьянского населения — «везжее», на три праздника — Рождество Христово, Пасху и Петров день, но и «повседневный корм», «деньги за харчи», производившиеся еженедельно или помесечно²⁰. Население обязано было «кормить» родственников и слуг воеводы. По словам современного исследователя Г.П. Енина, XVII в. породил новые виды кормления: платежи на именины царя и членов царской семьи, на именины воеводы и членов его семьи, корм на отъезд воеводы. Кормление воевод вписывалось в систему обычаев и правовых норм русского средневекового обще-

ства. Характерно, что в представлениях городского населения, в «кормлении» различались вполне оправданные «честные почести» и незаконные «посулы», «поминки» и т. д. В челобитных горожан обычно говорилось о «посулах и поминках», как о взятках за незаконные действия, вымогательствах. Причем одно и то же подношение сам воевода называл «почестью», а население — «посулами и поминками».

Несмотря на существование нормативных правительственных документов, такая система в городе, находившемся на богатейшем торговом волжском пути, открывала широкие возможности для злоупотреблений. Случаи мздоимства и лихоимства нередко были в самарской истории (воеводы А.И. Мясоедов (1656–1659 гг.), И.С. Нестеров (1682 г.). Последнего обвиняли не только во взятках, но и в убийстве²¹).

По меркам средневекового русского правосудия для горожан явиться к представителям местной администрации «скопом» и открыто заявить о своих требованиях считалось тяжким преступлением. Но и угроза жестокого наказания не всегда могла остановить местных жителей. В 1648 г. самарские люди приходили «скопом» к воеводе в съезжую избу «...невежливые слова говорили... учинились сильны и непослушны»²². Характерно, что в годы Разинщины против местной самарской администрации во главе с воеводой поднялись не только жители посада, но также служилые люди по прибору, то есть практически все основное население Самары.

О своих действиях воевода отчитывался перед центральными приказами. Оставляя воеводу подотчетным только Москве, приказная бюрократия пыталась при этом создать механизм местного негласного контроля за его деятельностью. Эта задача входила в обязанность дьяка или подьячего, посылаемого из столицы для руководства съезжей избой. Он негласно наблюдал за исполнением воеводой своих функций и в случаях, если последний превышал полномочия или пускался в злоупотребления, должен был сообщать обо всем в Москву.

Высшим административно-бюрократическим учреждением в городе являлась съезжая изба, которая, начиная с 1670-х гг., в документах именуется, как правило, приказной. Здесь постоянно «сидели» воевода, подьячие, городничий; решались практически все мало-мальски важные вопросы в жизни города и уезда — военные и военно-административные, гражданские, финансовые, судебные и т. д. Окончательный состав приказной избы, ее задачи и спосо-

бы их решения сформировались к середине XVII в. и наиболее законченный вид приобрели в 1650–1690 гг. Это было время расцвета средневековой, исконно российской по своему происхождению системы местного управления. Четкого разделения функций в управлении и суде на высшем уровне не существовало, и воеводе с его помощниками — «товарищами» — приходилось быть компетентным во всех областях.

В приказной избе. Худ. С.В. Иванов

За всю историю Самары известно лишь два случая, чтобы местной съезжей избой руководил дьяк. В 1615 г. при воеводе князе М.В. Белосельском и сменившем его «Федоре Тулупове сыне Вельяминове» здесь был дьяк Посник Калачев. В 1617–1618 гг. на место Калачева в город направили Нелюба Огарева, правда, из документов неясно, был ли он дьяком или подьячим²³. На протяжении всего остального времени город по своему статусу не заслуживал такой чести и сюда в «дьячье место» посылали только подьячих. Сроки их службы составляли, как и у воевод, 2–3 года. Стоявший во главе съезжей избы подьячий обладал весьма широкими полномочиями и представлял по своей должности в определенной степени противовес воеводе. Под его началом служили подьячие разных статей, количество которых увеличивалось по мере

возрастания значения города. От конца XVI—середины XVII вв. сведений о средней годовой численности подьячих Самары не сохранилось, но, вероятно, как и в других подобных городах России их было не более 2–4²⁴. По окладной росписи 1681 г. их значилось 4 человека — 1 старший, возглавлявший съезжую избу; 1 средней статьи и 2 младших. Показателем степени значимости должности старшего подьячего являлся размер его годового жалования — 20 руб. денежного, да хлебного по 20 четвертей ржи и овса, в то время как сотнику конных стрельцов полагалось соответственно 15 руб. и по 15 четвертей ржи и овса. Подьячий средней статьи получал по 11 руб. и по 11 четвертей и, наконец, младшие по 3–4 руб. и по 3–4 четверти овса и, соответственно, ржи²⁵. Такие оклады существовали как постоянные, по крайней мере, с середины XVII в. Например, в 1658 г. по челобитью самарской съезжей избы подьячего Федора Васильева было велено «ему государево жалование учинить оклад» денежный в размере 4 руб. и хлебный²⁶.

Сведений о том, как и из каких слоев населения формировалась эта группа бюрократии, крайне мало. Следует, видимо, согласиться с Н.Ф. Демидовой, что для Самары, как впрочем, и для других пограничных крепостей юго-востока и юга России, характерен в основном служилый характер комплектования. Подьячих набирали из местных грамотных приборных людей, в редких случаях переводили из других городов. Например, в 1663 г. подьячего самарской съезжей избы М.Т. Ухватова перевели к местным стрельцам пятидесятником²⁷, в 1673 г. подьячего свияжской приказной избы Ивана Макарова перевели на такую же должность в Самару²⁸. Постепенно, с формированием устойчивой группы подьяческих семей, начинается наследование этой должности. Сведений о таком наследовании по Самаре не сохранилось, но вот в 1682 г. по челобитной местного подьячего Андрея Корсакова было указано «...брату его Ивану быть на Самаре в денежном столе в подьячих»²⁹. Упоминания о денежном столе и специальном подьячем при нем в приказной избе встречаются несколько раз. Нередко из местной приказной избы подьячих посылали в этой же должности в таможную³⁰. Необходимо отметить, что в материалах Печатного приказа все сведения о назначении и переводе подьячих встречаются только в пошлинных книгах³¹. Лишь однажды в формуляре записи было указано такое назначение «за службы»³², в остальных же многочисленных случаях «...по челобитью». Соответственно, с лица, подавшего такую челобитную, бралась пошлина. И еще на

одно обстоятельство следует обратить внимание. В вышеуказанных материалах за период с 1613 по 1682 г. встречаются сообщения всего о 15 назначениях подьячих, среди которых фигурирует 12 лиц, в том числе И. Кулаковский трижды, И. Чижов дважды и т. д. Любопытно, что отдельные подьячие ухитрились оставаться в местной съезжей избе в течение весьма длительного срока. Например, И. Чижов впервые упоминается в 1649 г., когда ему велено было дать денежный и хлебный оклад, затем в 1659 г. по его челобитью было разрешено вновь быть подьячим в съезжей избе. Наконец, в 1666 г. подьячему С. Тарбатову и в 1673 г. подьячему И. Макарову было указано «быть на Самаре в подьячих на место подьячего Ивана Чижова»³³. Можно сделать вывод, что данная должность для Самары имела определенные преимущества и была конкурсной.

По общему объему письменной документации, выходявшей из местной приказной избы и регистрировавшейся в книгах Печатного приказа, Самара намного опережала соседние Саратов и Царицын³⁴. Подьячие местной съезжей избы не могли справиться с большим объемом приказной работы, и поэтому в городе в середине XVII в. появился площадной подьячий³⁵. Площадной подьячий, как это видно из названия, сидел на городской площади и исполнял писчие работы на заказ. Он в основном писал челобитные, копии с межевых и писцовых книг, подорожные и т. д. Люди, исполнявшие эту работу, являлись выходцами из грамотного слоя посадских и служилых приборных людей и обязательно должны были проходить «регистрацию» в съезжей избе. Наличие площадных подьячих являлось одним из важнейших признаков значимости города, активности его деловой жизни.

Значимым лицом в местной административной иерархии являлся городской приказчик или, как его еще называли, городничий. Первые известия о самарских городничих относятся к середине XVII в.: «1 мая 1650 г. велено было курмышенину И. Вельяминову быть в Самаре в городских приказчиках на место Фадея Гурьева». Городничие набирались из служилых людей по отчеству и назначались на конкурсной основе соответствующим указом. На этом посту в равной степени служили как местные самарские дворяне и дети боярские, так и иногородние³⁶. В окладной росписи денежного и хлебного жалованья эта должность не указана; лица, ее занимавшие, служили с поместного оклада. В отличие от воеводы функции городничего ограничивались пространством города. Он ведал оборонительными укреплениями, городскими

службами в той части, которая ему оставалась от воеводы и старшего подьячего.

Пожалуй, воеводой, городничим, подьячими (старшим и средней статьи), а также головой, руководившим стрельцами, исчерпывался состав высшей администрации Самары. Все они, как правило, назначались из центра и противостояли основной посадской и служилой массе населения.

В Самаре и уезде так и не сформировалось даже начатков губного управления; строгая централизация являлась символом тогдашней местной администрации.

В XVII в. в России не существовало самостоятельных, независимых от администрации судебных органов. Главные государственные преступления рассматривались в Москве Боярской думой и приказными судьями; все остальные дела — гражданские и уголовные — на местах, в съезжих избах. Разумеется, важнейшие из них судил сам воевода. Зачастую судебный процесс возбуждался администрацией города и, следовательно, судья превращался в непосредственно заинтересованное лицо.

*Сидение царя Михаила Федоровича с боярами
в его государевой комнате. Худ. А.П. Рябушкин*

Единственным чиновником в сложившемся административном аппарате, непосредственной задачей которого являлось осуществление судебного-розыскного процесса, считался пристав. Первые све-

дения о приставстве в Самаре относятся к довольно позднему периоду. В 1656 г. в ответ на челобитье было велено П. Леонтьеву, С. Карпову и П. Андронову «отдать самарское приставство без откупу вместо государева жалованья»³⁷. Судя по всему, пристав не играл сколько-нибудь значимой роли в местной администрации, являлся, по сути, мелким чиновником для поручений — привода в суд и т. д. В приставы шли люди из прибора или посада.

Для наказания преступников по окладной росписи предусматривалась должность палача. При тюрьме, появившейся практически одновременно с городом, был определен тюремный сторож.

В состав местного аппарата входили также должности, не несшие сколько-нибудь руководящей нагрузки. К ним относились бирич, часовник, сторожи приказной избы и таможи, струговой кормщик и т. д. На государевом жалованье находился даже богадельный нищий.

Выше уже говорилось, что в первой трети XVII в. рядом с городом на территории Самарской Луки появились сельские поселения, из которых возник Самарский уезд. Разумеется и ранее, в конце XVI— начале XVII вв. под юрисдикцией воеводы и местной администрации находился не только сам город, но и прилегающая к нему обширная территория. Но после образования уезда задачи представителей власти значительно усложнились; для эффективного управления сельской округой явно не хватало сил и людей. Поэтому приходилось привлекать местных жителей, прежде всего служилых людей по отечеству. Дети боярские исполняли временные поручения, занимали выгодные конкурсные должности руководителей застав и караулов, управляющих дворцовыми селами; осуществляли межевание земель, промысловых угодий и т. д. На нескольких заставах, окружавших Самару, они не только оберегали город от внезапных нападений, но и проводили досмотр торговых караванов, собирали таможенные пошрины. Двор управляющего дворцовыми селами находился в с. Рождествено, где в последней трети XVII в. постоянно находились представители местного дворянства. Для регистрации таможенных и откупных сборов к детям боярским прикрепляли младших подьячих и целовальников. Так формировалась довольно сложная структура местных административных, финансовых, таможенных и других органов.

На протяжении всего XVII в. Самара являлась перевалочным пунктом на волжском судоходном пути и на сухопутных караванных дорогах из Средней Азии. В городе появлялись представители

разных народов — купцы-тезики, послы и т. д. Для переговоров с ними в крепости служили с государева жалованья переводчики — татарский и чувашский толмачи (данные 1681 г.).

Таковой, судя по сохранившимся документам, представляется администрация города Самары в XVII в. и способы ее функционирования. Можно сказать, что она была в основных своих чертах типичной и для других сравнительно небольших пограничных городов юга и юго-востока европейской России.

В XVII в., особенно во второй его половине, православная церковь, несмотря на остатки былой автономии, все более попадает в зависимость от государства, становится частью его аппарата. Этот процесс был еще далек от завершения, но признаки его ощущались вполне отчетливо. Церковь, освящая существующий строй и формируя основы мировоззрения средневекового населения, помогала стабилизации общества, снижая уровень конфронтации различных сословий и группировок. Потому-то государство принимало такое активное участие в устройстве в городах и селениях приходских храмов, монастырей.

Вся жизнь средневекового горожанина проходила под сенью церковных куполов. На известном рисунке Адама Олеария в Самаре прежде всего выделяются звонницы и купола церквей и монастырей. Проплывавший по Волге в начале XVIII в. К. де Бруин также изумлялся количеству самарских монастырей и церковных зданий.

Первая церковь в Самаре, получившая имя Пресвятой и Живоначальной Троицы, была заложена вместе с основанием города — в 1586 г. Деревянная, с приделом Николая Чудотворца, она на долгие годы являлась главным соборным храмом. Одно время храм Николая Чудотворца существовал обособленно, самостоятельно³⁸. Дворы местного причта — николевских и троицких попов, дьячка, дьякона и пономарей находились среди прочих посадских в Болдырской слободе³⁹. Их хозяева получали ругу — особое жалованье от государства.

В 1685 г. в Самаре выстроили первую каменную Преображенскую церковь, остатки которой были снесены в 1952 г. при возведении моста через реку Самару⁴⁰. Ее построили сами самарцы, а кирпич для храма обжигали местные кирпичники в специальных «кирпичных сараях». Видимо, во второй половине XVII в. существовал еще один храм Воскресенский, по которому получила

свое название пригородная слобода, с севера примыкающая к крепости.

Возможно, домовая церковь была на подворье боярина Бориса Михайловича Салтыкова, сосланного в Самару воеводой. Скорее всего, по его заказу в 1628–1629 гг. здесь был переписан и богато украшен священником Афанасием и художником Петром самарский список «Повести о Варлааме и Иосафе»⁴¹.

*Рукописная книга «Повесть о Варлааме и Иосафе».
Из кн. Энциклопедия Самарской области. Т. 4. Н-Р. Самара, 2011*

Практически каждый уездный город в средневековой России имел свои монастыри. Самарские обители появились в конце XVI — начале XVII вв. Первым возник мужской Спасо-Преображенский, позднее с тем же названием женский. Мужскому монастырю посчастливилось: он вскоре был приписан к Патриаршему Дому, стал домовым. Под столь высоким покровительством, фактически руководством, монастырские власти смогли обзавестись богатейшей вотчиной на Самарской Луке с деревнями и селами Рождествено, Подгоры (Ильгинское), Новинки, Выползово, Шелехметь и другими⁴². Старицы женского монастыря жили на государево жалованье — ругу и на подаяния прихожан. Монахи и монахини подавали пример святой жизни, отправляли религиозные потреб-

ности горожан, а в мужском монастыре еще и активно занимались хозяйственной деятельностью. Монастыри также должны были служить приютом для немощных посадских и служилых людей, являлись своеобразной богадельней. С такой же целью создавались монастырские обители при других, вновь построенных крепостях, в том числе Сызрани и Кашпире.

§ 2. Самарский гарнизон

Самара строилась, прежде всего, как пограничная крепость. Подавляющее большинство ее жителей составляли семьи служилых людей городского гарнизона. В возникших позднее городах и пригородах по Симбирской, Карсунской и другим засечным линиям стрельцы, казаки и прочие категории служилых людей распределялись по территории уездов, становились в определенной степени сельским населением. Они расселялись в слободах, получали земельные наделы; дворяне и дети боярские испомещались, переводили крестьян, заводили усадьбы в своих селениях. Несмотря на то, что Самарский уезд сложился достаточно рано, он был крайне невелик по территории. Наиболее удобные для испомещения земли в нем были заняты крупными монастырскими и дворцовыми владениями. Только представителям самарских дворян и детей боярских в середине – второй половине XVII в. удалось получить сравнительно небольшие поместные земли в отдаленных прибрежных районах Самарской Луки. За исключением юртовых казаков приборные люди и иноземцы вынуждены были содержать себя и свои семьи за счет «государева» жалованья и различных промысловых предприятий. Все они оставались исключительно городским населением⁴³.

На протяжении всей истории средневекового города вплоть до начала XVIII в. явственно прослеживалась тенденция к росту его гарнизона. Трудно сказать, каковой являлась численность служилых людей в первые годы существования Самары. Известно лишь, что подавляющее большинство среди них составляли стрельцы и иноземцы. Например, в 1612–1613 гг. в крепости насчитывалось 300 стрельцов, из которых 50 являлись конными, остальные пешими. Эти данные о количестве стрельцов, наименьшие из известных нам. Однако в последние годы Смуты, после разорения Саратова, самарский гарнизон пополнился еще 75 конными и 130 пешими саратовскими стрельцами⁴⁴.

До середины 1630-х гг. служилых самарцев насчитывалось не более 400 человек, затем их количество выросло до 450, а к середине XVII в. перевалило за полтысячи⁴⁵. Рост или снижение общей численности гарнизона во многом зависели от ситуации, складывающейся на юго-восточных границах европейской части страны. Известный историк первой половины XX в. П.П. Смирнов писал, что между 1630 и 1650 гг. были произведены крупные перемещения ратных людей, значительные массы которых перевели на юг и юго-восток, в «открывающуюся» для военной колонизации лесостепь⁴⁶.

Вооружение русского всадника.

Из кн.: Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908

Середина — вторая половина XVII в. оказалась насыщенной городскими восстаниями, казацкими и крестьянскими волнениями. Современники называли этот период — «бунташный век». Государству, переживающему начальную стадию становления абсолютизма, приходилось все чаще опираться на военную силу, увеличивать свои гарнизоны даже во внутренних, сравнительно безопасных районах. Сил и средств у правительства имелось больше, чем в предшествующий период. Среднее Поволжье в эти годы пережило одно из самых мощных в российской истории социальных

антикрепостнических движений – восстание под предводительством Степана Разина. Поэтому Москва предпринимала все усилия для того, чтобы обезопасить регион, создать в нем безопасные условия для аграрно-промыслового освоения, развития поместно-крепостнической системы. Численность гарнизона Самары во второй половине столетия достигла 550–600 человек. В окладной книге служилых людей крепости 1681 г. указано 467 «и более» человек, но в ней не учтены юртовые казаки, часть дворян и детей боярских и, возможно, другие категории военно-служилого населения⁴⁷. Только конных и пеших стрельцов по данным 1686–1687 гг. насчитывалось более 500 человек. Кроме того, на службе состояло 100 «иноземцев», детей боярских и т. д.⁴⁸ В 1670–1671 гг., когда город перешел на сторону разинцев, в Самаре, по свидетельству очевидцев, насчитывалось 670–700 «всяких чинов человек»⁴⁹.

Наиболее полные и достоверные данные о составе гарнизона города на начало XVIII в. (1702 г.) дают книги сбора даточных людей для формирования регулярной армии Петра I, проводившегося в нашем крае комиссией под руководством князя Н.А. Репнина. В Самаре насчитали 666 служилых людей: из них дворян и детей боярских – 52, иноземцев – 72, конных стрельцов – 102, пеших стрельцов – 401 (из них накануне переписи две сотни (199 чел.) были отправлены из города в «свейский поход»), юртовых казаков – 25, пушкарей – 14⁵⁰.

№	Группы населения	Численность по группам			
		Служилые люди, недоросли, отставные.	Общее количество	Мужчины	Женщины
А). Служилые люди и члены их семей					
1	Дворяне и дети боярские	52	272	126	146
2	Иноземцы	72	279	154	125
3	Конные стрельцы	102	472	273	199
4	Пешие стрельцы	202	886	440	446
5	Юртовые казаки	25	107	56	51
6	Пушкари	14	70	41	29
Всего служилых людей		467	2086	1090	996
Б). Недоросли и отставные служилые люди, члены их семей					
7	Недоросли	81	264	141	123
8	Отставные	53	158	72	86
Всего по группам, связанным со службой		601	2526	1321	1205
9	Пешие стрельцы «в sweйском походе»	199	750**	376**	374**
Всего, с отправленными в «свейский поход» стрельцами		800	3276	1697	1579

Наиболее постоянной и устойчивой категорией гарнизона города являлись стрельцы. Первоначально это были «годовальщики» из Казани, Свияжска и других городов, присылаемые во вновь основанную крепость. Отслужив положенный срок, обычно равный году, почему и пошло название «годовальщики», гарнизон крепости сменялся почти полностью. Это было неудобно и для ратных людей, годами не видевших семьи, и для государства. Затем, ближе к концу XVI — началу XVII вв., началась практика перевода стрельцов с семьями, то есть в городе возникло постоянное потомственное приборное служилое сословие. «Годовальщики» появлялись и позднее, но тогда их присылали только в экстренных случаях на помощь уже сложившемуся гарнизону. Мало того, в состав «годовальщиков», отправляемых в другие города, попадали и самарские стрельцы. К примеру, для предупреждения продвижения войск Степана Разина вверх по Волге, в Саратов послали из Самары несколько сотен стрельцов.

Стрелец. Рис. С. Иванова. 1898 г.

Основной ударной силой, наиболее обеспеченной государевым жалованьем, являлись конные стрельцы. В начале самарской истории, вплоть до Смутного времени, их было около 50 (данные 1612–1613 гг.), к 1620-м гг. численность конницы увеличилась до сотни и оставалась стабильной все последующие годы. Конные стрельцы использовались для многодневных «посылок» в степь, в разъездах для наблюдения за передвижениями кочевников и предупреждения их набегов. Они служили на дальних заставах. В задачу стрельцов входило сопровождение торговых и посольских караванов. Собственно говоря, наличие и боеготовность конных стрельцов являлись показателем способности крепости и ее властей контролировать ситуацию в окружающем регионе.

Большинство стрельцов были пешими. В первой трети XVII в. их численность составляла около 250 человек, в последующее двадцатилетие выросла до 300, каковой и осталась впоследствии. Однако данные за отдельные годы второй половины XVII в. (1651, 1686, 1687, 1698, 1702 гг.) свидетельствуют о том, что в городе находились четыре стрелецкие пешие сотни. В конце 1640-х – начале 1650-х гг. из них был сформирован приказ во главе со стрелецким головой (приказ – войсковое соединение, объединяющее 500 стрельцов⁵¹).

В военной иерархии пограничной Самары стрелецкий голова занимал почетное третье (вслед за воеводой и городовым приказчиком), а то и второе место. На эту должность назначались исключительно дворяне и зачастую не местные. Самарские дети боярские считались для такого высокого места «худородными». В 1655 г. у местных стрельцов был в головах курмышенин (житель Курмышья) Афанасий Кротков «по прежнему», в 1658 г. – В.Ф. Полтинин (до 28 апреля 1659 г.), в 1697 г. – Д. Бородин и только в 1698 г. – самарец Иван Гурьев. Головы служили с поместий, денежный и хлебный оклад им не полагался. Известен случай, когда до этой должности выслужился бывший сотник самарских стрельцов⁵².

В отличие от голов сотниками у местных стрельцов в основном становились самарцы и, гораздо реже, «иногородние». Это была должность для служилых людей «по отечеству». Например, в 1646 г. в городе служили сотниками дети боярские: Семен Тимофеев, Федор Раздеришин, Степан Корчемкин и Семен Олонисев⁵³. Только в редчайших случаях приборный человек мог подняться в служебной иерархии до сотника. Так случилось, например, в феврале 1681 г. с конным стрельцом И. Невежиным, когда ему в награду за

участие в Чигиринском походе пожаловали должность сотника у конных стрельцов. Среди самарских сотников постоянно мелькают одни и те же фамилии местных детей боярских — Хомутских, Тимановых, Могутовых и других. Должность сотника у конных стрельцов являлась прибыльной и почетной; о назначении на нее просили, подавали челобитные. Сотники, как правило, жалованье получали деньгами и хлебом и только начиная с 1640-х гг. в отдельных случаях служили с поместных дач⁵⁴.

Должности пятидесятников и десятников чаще занимали служилые люди по прибору в награду за долгую и усердную службу.

Вместе с появлением стрелецкого приказа в городе образовалась еще одна должность — пятисотенного дьячка. Этот пост так же занимали по челобитью и, как правило, бывшие приборные люди: в 1647 г. — И. Федоров, в 1658 г. — самарец А. Минин; в 1659/60 г. самарец Г. Молчанов⁵⁵. Человек, исполняющий эту должность, вел всю приказную канцелярию и имел значительную власть.

Разница в жаловании различных групп служилых людей этой категории была весьма значительна. В последней четверти XVII в. сотнику конных стрельцов полагался годовой оклад в размере 15 рублей денег да «хлеба 15 четвертей ржи, овса тож». Пеший стрелец получал в год «денег по 3 рубля, хлеба по 7 четвертей ржи, овса тож»⁵⁶.

Следующей по численности категорией служилых людей в самарском гарнизоне являлись иноземцы. К ним, в основном, относились перешедшие на русскую службу, мелкая шляхта, мещане и другие группы населения Речи Посполитой. Такие переходы происходили во время войн между соседними странами. Этнически «иноземцы» могли быть русскими, например, «смолянами» или относились к родственным украинцам и белорусам. Первые иноземцы в Самаре появились вместе с князем Г.О. Засекиным и составили значительную часть его экспедиции, а затем и начального гарнизона Самарского города⁵⁷. Позже сведения о служилых иноземцах надолго пропадают. Вновь эта категория людей появилась в крепости начиная с 1675 г. По окладной росписи 1681 г. их насчитывалось 70 человек. По размерам жалованья они делились на 3 неравные группы: 46 иноземцам положили по 6 рублей в год, ржи и овса по 6 четвертей; 20 получали по 8 рублей в год, ржи и овса по 8 четвертей; 4 — видимо, начальствующие лица — по 10 рублей, ржи и овса по 10 четвертей.

Судя по окладам, даже низшая категория иноземцев была вполне сопоставима с конными стрельцами (5, 9, 9) и значительно пре-

восходила пеших рядовых (3, 7, 7)⁵⁸. Иноземцы являлись наиболее «темной», слабоизученной корпорацией среди самарских служилых людей. Они могли, как дети боярские, получать поместные оклады. В то же время в «иноземный список» входили не только выходцы из-за рубежа. В 1682 г. самарскому конному стрельцу А. Чурлину (несомненно, местному) «за службу и раны» разрешили служить в Самаре по «иноземному списку» (?).

Иноземцы являлись промежуточной категорией служилого военного населения. Они занимали место между приборными людьми и детьми боярскими, но находились ближе к первым, чем к вторым.

В некоторых городах области приказа Казанского Дворца среди служилых людей видное место занимали городовые казаки. В Самаре этой категории представлено не было. Зато здесь под городом селились выходцы с Яика — юртовые казаки. Первый такой случай отмечен в 1626 г., когда атаман Максим Гилянец и 6 казаков попросили разрешения поселиться в Самаре. Большинство сведений о юртовых казаках относилось ко второй половине XVII в. Юртовые казаки являлись своеобразной частью самарского гарнизона. Они не были положены в оклад, не считались обычным служилым населением, сохраняли за собой право свободного ухода. Численность юртовых казаков вряд ли превышала 25–30 человек⁵⁹. В то же время юртовые казаки не являлись замкнутой сословно-служилой группой. По Самаре встречались случаи, когда местные посадские жители получали разрешение «быть в юртовых казаках». Бывало и наоборот, когда в 1681 г. по челобитью юртовых казаков В. Большого и В. Меньшого Лоскутьевых было «велено служить им по Самаре с городом»⁶⁰.

Стабильной группой среди самарских воинских людей являлись пушкари. В 1620-х–1630-х гг. их было 8 человек. В 1650–1660 гг. наблюдается резкое увеличение этой группы до 11 и даже 14, а затем (по данным 1681 г.) происходит новое сокращение до 8 человек. И наконец, по переписи 1702 г. их опять насчитали 14. Судя по размерам жалования, они были близки по своему социальному статусу к пешим стрельцам. С натяжкой можно отнести к приборным людям самарских часовников и воротников.

Служилых людей по отчеству можно разделить на две неравные группы. В первую входили иногородние, посылавшиеся на службу в Самарский город на командные должности в качестве воевод, городских приказчиков, стрелецких голов, иногда сотников. Количество их было невелико, состав постоянно менялся.

Некоторые из этих людей — воеводы, городовые приказчики — занимали, прежде всего, не военные, а военно-административные должности, и о них уже говорилось в предшествующем разделе.

Представители второй группы — дворяне и дети боярские — являлись традиционной для Самары категорией населения. Самарский служилый город сложился, примерно, к началу 1620-х гг. На протяжении всего XVII в. это была стабильная, сравнительно немногочисленная группа местного гарнизона. Источники свидетельствуют о слабой ротации детей боярских между городами приказа Казанского Дворца. По сводным данным второй половины 1620-х — начала 1680-х гг. (за более ранний период сведения отсутствуют) группа дворян и детей боярских оставалась практически неизменной по численности и составляла 18 чел.⁶¹ Несколько выбиваются из этого ряда данные сметы военных сил Московского государства 1661—1663 гг., указывающие 25 человек. Однако из них на службе по городу числилось только 13. Остальные 12 состояли «на государеве службе в полку думного дворянина и воеводы Замятни Федоровича Леонтьева»⁶². В последние два десятилетия XVII в. численность служилого города резко увеличилась, но объяснить причины этого явления затруднительно. Всего по Самаре на начало 1702 г. насчитывалось 9 выборных дворян и детей боярских и 3 дворовых. Следует отметить, что выборные дворяне (верхушка местного служилого города) появились в Самаре только во второй половине XVII в. Наиболее многочисленную подгруппу местных служилых людей по отчеству составляли так называемые «городовые», то есть те, кто не мог участвовать в дальних походах, а были годны, прежде всего, для местных «посылок» и «осадной службы». К ним относились: «городовые поместные» (14 чел.) и «городовые беспоместные» с земельным окладом от 500 четвертей и денежным жалованьем от 27 руб. до 7 руб. (всего 26 чел.).

Количество всех служилых людей по отчеству в Самаре (тех, кто здесь жил постоянно и имел дворы) было более значительным, чем указано в списке служилого города 1702 г., так как оставшие сотники, сотники конных и пеших стрельцов, стрелецкий голова (из самарских Могутовых) относились к этой же группе. Только с 1640-х гг. самарские люди по отчеству за свою службу начали получать земельные поместья в Самарском (на Самарской Луке) и других уездах. Многие из них поселили в своих владениях крестьян и основали там селения.

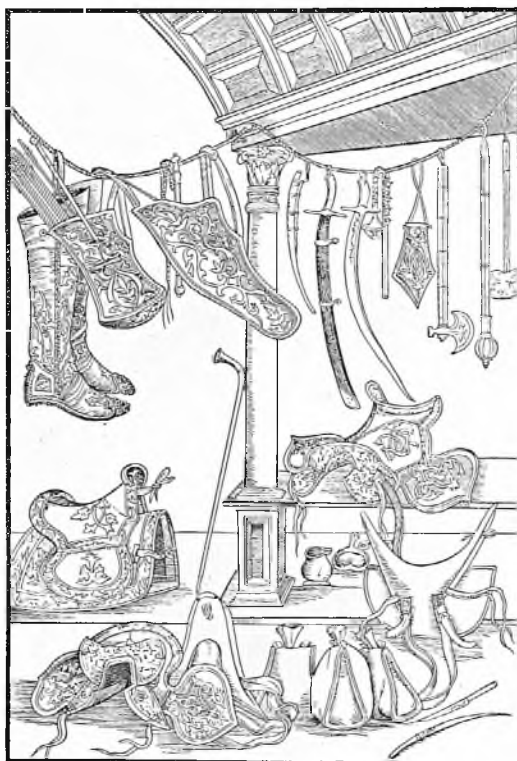
Смотр служилых людей. Худ. С.В. Иванов

К началу 1660-х гг. относятся известия о том, что самарские воинские люди служат рейтарским «строем»⁶³. Но сведений о военных подразделениях «нового строя» крайне мало, и они не позволяют предполагать какие-то серьезные изменения в составе гарнизона города, порядке его службы. Реформирование русской военной системы, проводившееся в середине – второй половине XVII в., весьма слабо затронуло вооруженные силы приказа Казанского Дворца и вполне очевидно служилых людей небольшой пограничной Самары.

Военная служба на Самаре являлась более безопасной, чем в Саратове или Царицыне. Об этом свидетельствуют данные о количестве «посылок» воинских людей, столкновениях с кочевниками и казаками. Лишь несколько раз самарцам пришлось участвовать в серьезных военных действиях. В начале XVII в. в поволжских степях появились воинственные орды калмыков, которые в 1639 г. пытались осадить Самарскую крепость. Гарнизон успешно выдержал осаду 10-тысячного войска, а в 1644 г. самарцы вместе с отрядами, присланными из других городов, ходили в специальный «калмыцкий» поход. После разгрома кочевников отношения между ними и воеводами пограничных поволжских городов нормализовались. Но достижение зыбкого мира не создавало проч-

ных гарантий для спокойной жизни в селениях уезда, самом городе-крепости. Небольшие отряды калмыков и башкир то и дело появлялись под Самарой; отгоняли скот, жгли укрепления, порой захватывали в плен зазевавшихся горожан и селян и продавали их в рабство. Сторожевая служба, предупреждение возможных нападений являлись важнейшей заботой как самарской администрации во главе с воеводой, так и немногочисленного гарнизона.

Самарские воинские люди большей частью исполняли свои обязанности в пределах города и его окрестностей, Самарского уезда; значительно реже на более удаленных территориях Среднего и Нижнего Поволжья и уже в крайних случаях принимали участие в войнах на западных или юго-западных границах России. К числу таких редких случаев можно отнести известный «Чигиринский поход» — русско-турецкую войну 1677—1681 гг., вошедший в послужной список многих приборных людей.

Снаряжение русского воина и дорожная утварь. Из кн.: Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908

Самарские стрельцы и иногда иноземцы сопровождали как охрана, реже «в гребле», торговые и посольские караваны вниз и вверх по Волге до Астрахани и Казани. Конных стрельцов и детей боярских посылали для бережения послов и торговцев на сухопутных путях в Среднюю Азию, на Яик и т. д. Наиболее безопасным временем для таких посылок считался март, когда до схода снега можно было легче передвигаться по насту, а степь еще не заняли кочевники, зимовавшие рядом с Астраханью.

В пределах Самарского края приходилось «дежурить» по уметам и караулам на степных дорогах, по заставам, окружавшим Самару, ходить в «серную посылку» на р. Сок. Нередко вооруженных людей посылали в дворцовую волость на Самарской Луке в с. Рождествено (последняя треть XVII в.). После завершения в крае событий Разинщины по 50 стрельцов ежегодно посылались на «Переволоку» в самое узкое место Самарской Луки между р. Волгой и Усой⁶⁴. Таким образом подступы к Самаре были достаточно надежно прикрыты караулами, заставами, небольшими острожками.

Трудно судить, насколько радетельны были местные воинские люди, как исправно они несли службу. Сами служилые неоднократно жаловались, что они «оскудали», обеднели, повинности им в тягость, в дальние посылки ходить нечем и т. д. Совершенно плачевное положение самарского гарнизона в последние годы Смуты описал воевода Д.П. Лопата-Пожарский. Он сообщал, что город «оскудал», что семьи стрельцов только ждут теплого времени, чтобы идти просить подаяния. Из уст же соперников воинских людей — посадских — были слышны обвинения, что, дескать, местные стрельцы от службы отлынивают, занимаются торгами и промыслами, богатеют. Трудно судить, насколько были правы и те, и другие. Данные достаточно объективного источника — пятины 1634 г. — свидетельствуют, что среди приборных людей имелось немало промышленников и торговцев, которые превосходили своим богатством многих посадских.

Однако защитить город во время крупных социальных движений местные служилые люди не могли. Как правило, они в большинстве своем переходили на сторону повстанцев (как это произошло во время Разинщины), всегда были готовы к неповиновению. Наиболее явственно это недовольство проявлялось, когда до Самары доходили слухи о волнениях в Москве, других городах или территориях. Так, например, в 1648 г. самарские стрельцы, пушкари и ружники «скопом в съезжую избу приходили и бунт устроили».

Тем не менее служилые люди были готовы «порадеть» за православие, не жалели себя в столкновениях с «басурманами». Случаи с русскими людьми, попавшими в плен, но сумевшими сохранить свою веру и вернуться на родину, далеко не единичны и получили достаточное отражение в источниках XVI–XVII вв.

Об их психологии и менталитете свидетельствует история, случившаяся с самарским конным стрельцом Павлом Треногиным. В 1658 г. он был отправлен с отрядом стрельцов из Самары в Саратов для охраны царской казны. На обратном пути попал в плен к калмыкам и был продан в рабство в Хиву, а затем перепродан в Бухару. Видимо, уже в конце 1660-х гг. вместе с 10 русскими рабами бухарский хан Абдул-Азиз передал его в подарок «индийскому хану». После 9 лет жизни в Индии стрелец был отпущен на волю. Вернулся назад в Бухару, выкупил там русскую «жонку казанскую» Анну Никифорову, на которой женился. Затем перебрался в Хиву. Более чем через 30 лет после пленения, в 1689 г. с посольством хивинского хана, где он ухаживал «за зверьми бабрами» (тиграми, барсами), отправленными, видимо, в подарок русскому царю, оказался в Астрахани. По дороге в Москву оставил свою жену Анну у родственников в Самаре. В декабре 1690 г., вызванный в Посольский приказ, он подробно рассказал о своих странствиях⁶⁵.

Служилые люди являлись в целом таким же населением города, как и члены посадской общины. Они имели здесь свои дворы, занимались помимо служебных хозяйственными делами в том числе торгами, ремеслами и промыслами. По переписи 1702 г. общее количество служилых людей вместе с членами их семей в Самаре составляло 3 276 человек (1 697 мужчин и 1 579 женщин), а доля их среди других жителей города достигала 85 % (вместе с подьячими и т. д.). Переписчики учитывали не только самих служилых людей, но и членов их семей по разным возрастным категориям, как мужчин, так и женщин. Эти уникальные данные, позволяющие определить демографические особенности служилого населения города, можно экстраполировать по крайней мере на всю вторую половину XVII в.

В семьях членов самарского гарнизона соотношение записанных в службу к общему количеству мужского населения составляло 1 к 2,55. Полученный показатель практически совпадает с границей соотношения, выведенного в свое время В.Д. Назаровым (40–45 %) ⁶⁶. Заметим, что по отдельным категориям самарского

гарнизона он достаточно сильно варьировался. Например, более низкий для служилых людей по отечеству уравнивался значительно более высоким для иноземцев, а также пеших стрельцов, отправленных в «свейский поход».

На 1 самарца, несущего государеву службу, приходилось 2,4 женщины. В семьях членов гарнизона насчитывалось 48 % женщин и 52 % мужчин, т. е. на 1 000 женщин приходилось 1 079 мужчин. Таким же это соотношение было и для всех категорий служилых людей (вместе с недорослями и отставными). Однако в различных группах этот показатель также менялся и довольно значительно. В семьях служилых людей по отечеству процент женщин составлял — 54 %, у иноземцев — 45 %, конных стрельцов — 42 %, у пеших стрельцов — 50 %, отставных — 49 % и т. д.

Женская составляющая семей служилого населения Самары и ее социально-демографическая дифференциация представляют особый интерес в силу того, что по рассматриваемому и более раннему периодам русской истории практически полностью отсутствуют какие-либо репрезентативные источники по этому вопросу. По данным переписной книги 1702 г. и дополняющих ее материалов о самарских стрельцах, отправленных в «свейский поход», удастся установить не только общее количество женского населения по большинству групп самарских жителей, но и семейно-возрастное деление внутри его. В частности, из 1 579 человек женского пола, входящих в совокупность категорий служилых людей, недорослей и отставных, 772 составляли «дочери девки» (48,9 %), 676 — жены (42,8 %) и 131 — вдовы (8,3 %). Таким образом, в среднем на 1 семью приходилась 1,1 малолетняя (не выданная замуж) дочь.

Среди указанного в таблице мужского населения Самары малолетние «14 и 10 лет и ниже» дети составляли 40,8 %, «холостые, которым 20 лет и выше и ниже до 15 лет» — 10,2 %. Среди указанных на государевой службе всех категорий служилых людей (вместе со стрельцами в «свейском походе») процент женатых составлял 83,6 %. У недорослей он был ниже — 37 %.

Таким образом, дети, а также парни и «девки», не вступившие в брак, составляли около половины населения города (большинства, по которому у нас есть сведения). Если проецировать эти данные на вторую половину XVII в., когда городские гарнизоны практически не подвергались реформированию и были стабильны в количественном выражении, то можно считать, что подростящая молодежь должна была полностью заменить старшее женатое поколение в течение двух десятилетий.

Таковы были состав, положение и обязанности военизированного населения города в конце XVI–XVII вв. Полученные данные необходимы не только для истории небольшой пограничной Самары, но они расширяют наши возможности для изучения других русских городов этого времени и основных категорий их населения.

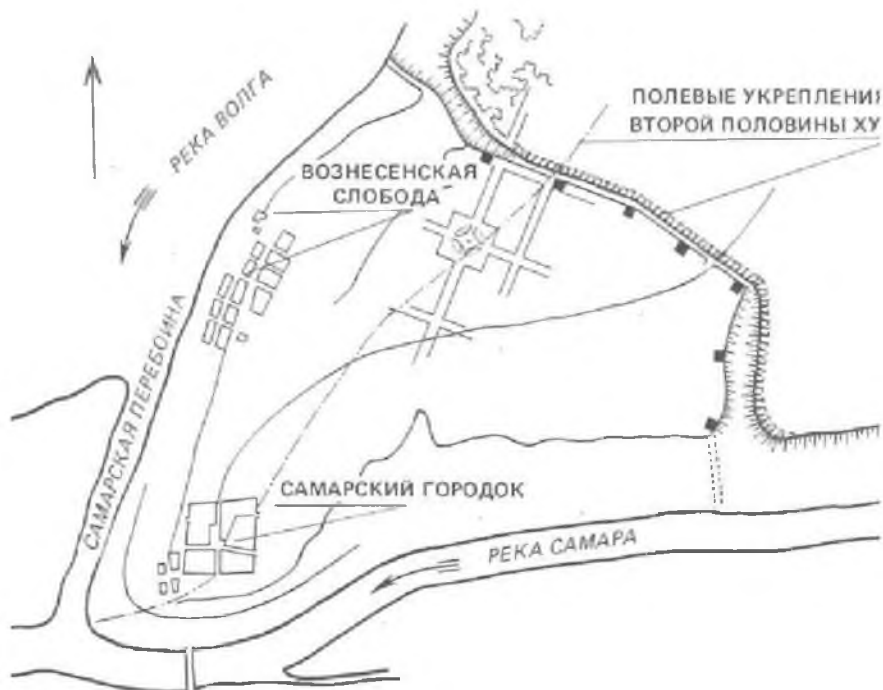
§ 3. Оборонительные сооружения и городское пространство

Самара на протяжении полутора столетий со времени основания и до строительства Самарской (Оренбургской) линии во второй половине 1730-х гг. была, прежде всего, пограничной крепостью. Поддержание в боеспособном состоянии ее оборонительных сооружений являлось жизненно необходимым фактором как для защиты юго-восточных рубежей Московского государства, так и для самого населения города. В их эволюции исследователи выделяют три этапа⁶⁷. На первом (1586–1645) укреплении представляли собой палисад, то есть сплошную стену из заостренных сверху бревен, врытых в землю и соединенных пажиллинами. По периметру острога стояли башни. В плане система укреплений имела подпрямоугольную, близкую к квадрату форму и защищала все населенное место. Видимо, к дальней от Волги стене острога примыкал кремль.

Представление о том, как город выглядел с Волги, дает известный рисунок Самары А. Олеария 1636 г. По определению Е.Ф. Гурьянова, самарская крепость располагалась следующим образом: «... северо-западная угловая башня стояла у перекрестка улиц Водников и Кутякова; юго-западная – на территории мукомольного завода № 1; юго-восточная – у второго (по ходу) тупого излома улицы Карбюраторной; северо-восточная – на линии застройки нечетной стороны улицы Алексея Толстого, между улицами Кутякова и Крупской»⁶⁸.

Изменение топографии Самары, появление в заволжских степях калмыков способствовали созданию в середине 40-х гг. еще одной системы укреплений. Начало второму этапу положил указ царя Алексея Михайловича 1645 г. о строительстве дополнительных оборонительных сооружений с восточной и северо-восточной сторон города, не защищенных реками. Было велено создать земляные укрепления в виде рва и вала со сторожевой высокой дере-

вянной башней⁶⁹. Кроме находившихся под стенами острога ближних «надолб», появились «дальние». Новые оборонительные сооружения отстояли настолько далеко от города — «дальние надолбы не доходя Студеного оврага», — что смогли защищать даже «конские и скотские выпасы». О набеге калмыков и башкир на Самару в 1670 г. говорилось, что те: «...в дальних надолбах сожгли две башни и стали в степи от города версты по три и по четыре»⁷⁰.

Самара во второй половине XVII в. Реконструкция Е.Ф. Гурьянова. Из кн.: Русское градостроительное искусство: Градостроительство Московского государства XVI—XVII веков / НИИ теории арх-ры и градостр-ва. Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М., 1994

Время от времени производился ремонт самарских укреплений и их частичная реконструкция. В 1681–1682 гг. воевода И.С. Нестеров писал: «...на Самаре надолбы около города и башни и с раскаты старые починил и вновь многие зделал»⁷¹. Для этого примерно в полутора километрах от стен острога пространство между двумя оврагами, впадающими в Волгу и Самару, перекрыли рвом

и валом. Внутренние, ближние к городу склоны оврагов были эскарпированы. Вдоль них и рва в несколько рядов поставили надолбы (вар.: надолбы), наклонно, к направлению нападения противника, врытые в землю бревна. За этими укреплениями с внутренней стороны стояли сторожевые башни. Таким образом, были защищены не только вновь появившиеся слободы, но и места ближних выпасов. Неизвестно, перестраивались ли острог и кремль впоследствии, но их не раз ремонтировали (1682 г.) и обновляли. Это «предполье», исходя из современной планировки города, начиналось от Волги, проходило по ул. Ленинградской почти до Самарской, затем круто поворачивало вправо по прямой линии через начало ул. Садовой и завершалось у р. Самара⁷².

*Сторожевая башня.
Реконструкция
Н. Зягинцева, В. Тюкина*

Несмотря на многочисленные пожары (только за 1690–1703 гг. Самара горела трижды – в 1690, 1700 и 1703 гг.), вплоть до начала XVIII в. местные власти и население пытались восстановить прежний облик города. Уточнить особенности его укреплений и границы расселения горожан позволяют данные составленного по распоряжению Петра I описания «низовых городов» 1701–1704 гг. Накануне большого пожара, случившегося 6 августа 1690 г., детинец представлял собой «город рубленой, сосновой, крыт тесом, по нем 8 башен, в том числе с проезжими вороты 4 башни». По острогу, защищавшему посад, также стояло 8 башен. Отстроенные укрепления вновь выгорели в августе уже 1700 г.⁷³ Судя

по сохранившимся источникам, в начале XVIII в. между реками Самарой и Волгой «в степи» город на протяжении полутора верст защищали надолбы и 4 сосновые башни «... и башни и надолобы погнили и развалились»⁷⁴. Еще один пожар 1703 г. уничтожил значительную часть города, острог и кремль. Строительство новых укреплений в 1704–1706 гг. положило начало третьему этапу в фортификационной истории Самары.

На протяжении всего XVII в. происходила медленная перестройка Самары. Территория ее расширялась, крепость превращалась в

населенный пункт, состоящий из кремля, посада, нескольких слобод, а также примыкающих к ним и используемых в хозяйственных целях окрестностей.

*Стена, рубленая городнями. Реконструкция. Из кн.: Крадин Н.П.
Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988*

Эволюцию города можно проследить по совокупности его описаний и рисунков, сделанных иностранными путешественниками и русскими наблюдателями в XVII—начале XVIII вв. Первую краткую характеристику особенностей городской планировки дал проплывавший по Волге в начале 1620-х гг. русский купец Ф. Котов. Он писал, что: «Город Самара стоит на луговой стороне, от Волги песок залег, а город стар, рубленой, низок, и острог по тому же городовому месту. А под городом река Самара течет и[з] степи, устье под городом пало в Волгу, по нижнюю сторону города, а над рекою бани, а посады и ряды в городе, а около степь»⁷⁵. От XVII в. сохранился только один рисунок Самары, сделанный в середине 1630-х гг. секретарем голштинского посольства А. Олеарием. Это изображение является хрестоматийным и используется практически во всех изданиях, посвященных истории города. Однако есть достаточно веские основания усомниться в точности рисунка и описания А. Олеарием Самары (как, впрочем, и соседнего Саратова).

Голштинский путешественник увидел в этих поволжских городах исключительно военные пункты, что совершенно не согласуется с современными его описанию другими источниками. На рисунке в Самаре отсутствуют слободы и предместья; в Саратове же, по мнению голштинца, «живут одни лишь стрельцы». О нашем городе Олеарий сообщает крайне скудные сведения: «Этот город лежит по левую руку, в 2-х верстах от берега, построен в виде четырехугольника, имеет небольшое количество каменных церквей и монастырей»⁷⁶. Однако первые каменные храмы появились в Самаре значительно позднее⁷⁷. Меж тем, судя по данным пятины 1634 г., переписным книгам 1646 г. и другим источникам второй четверти—середины XVII в. рядом с городскими укреплениями, за «городом», в относительно незащищенных местах уже находились слободы.

Самара на рисунке А. Олеария. 1636 г. Из кн.: Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

Исследователи считают, что в первой половине—середина XVII в. изменилась топография местности, где располагалась крепость. Волга пробилла новое русло ближе к городу, между ней и рекой Самарой также под стенами крепости возникла протока — «перембоина». Крепость с посадами и прилегающими слободами оказалась вытянутой точно вдоль Волги с юга на север. В начале 30-х гг. XVII в. уже упоминалась Рыбная слобода за пределами самарской крепостной стены. При проведении переписи 1646 г. в Самаре подьячий записал в свои книги большую Болдырскую слободу, а еще через 5 лет в одном из документов появились сведения о Воз-

несенской слободе: «... за городом за Вознесенскою слободою за огороды на кабацкое питье место под погреб и под избы отвесть»⁷⁸. Начиная от посада, огороженного стеной с башнями и стоявшего на возвышенной стрелке между Волгой и Самарой, далее к северу шла цепочка слобод: Рыбная, Болдырская, Вознесенская; за последней лежали огороды, кабацкое место, погреба и избы. К началу XVIII в. город приобрел ряд черт торгово-промышленного поселения, в известной степени утратив первоначальный военный облик. На Корнилия де Бруина (Брейн, Корнелис де), голландского путешественника и живописца, видевшего Самару в 1703 г., общий облик города произвел не слишком благоприятное впечатление: «Город занимает всю гору, а предместье тянется вдоль речного берега... город довольно обширен, весь деревянный и домишки в нем плохие»⁷⁹. К концу XVII—началу XVIII вв. город особенно после того как к нему в 1688 г. было приписано 120 тысяч десятин земли в междуречье Сока и Самары, во многом был сходен с обычными для того времени русскими городами, окраины которых практически не отличались от окрестных сел и деревень; а в хозяйственных занятиях их населения значительное место занимали земледелие, огородничество и животноводство.

Самарская крепость. Реконструкция Н. Звягинцева, В. Тюкина

Господствующей в Самаре была усадебная застройка. Дома, окруженные дворами, зачастую с огородами стояли просторно, повторяя особенности рельефа и применяясь к ним. Это был так называемый «живописный» вариант городской планировки. Сохранилось описание одного из типичных самарских дворов конца XVII в.: «...а на дворе ...хоромы, изба липовая бревенчатая, да повалаша сосновая бревенчатая с чердаком, да сени, да погреб, печь надворная, баня осокоревая бревенчатая, да хлев, двор в городьбе и с ворота. Дворовое место против государевых размерных книг, а в межах тот... двор подле двора Чудова монастыря, а по другую сторону двор Кирилы часовника, а против через улицу, городской острог»⁸⁰. Едва ли не в каждом дворе держали лошадь, а то и две, коров, овец, коз, кур.

Всю эту зону расселения и экономической деятельности необходимо было защитить от внезапных нападений кочевников и казачьих отрядов.

На дальних подступах к городу уже в первой половине XVII в. устроили небольшие укрепления — заставы, куда посылали служилых людей для оберегания города от неожиданного нападения, проверки торговых обозов и речных караванов. Одна из таких застав находилась на волжском берегу, другая — в степи за рекой Самарой в «Осинниках» (?).

От внезапного прихода «воинских людей» приходилось защищать и подступы к Самарскому уезду. На переволоке между Волгой и Усой самарские воеводы вынуждены были держать караулы. В 1673 г. воевода А. Фанвисин построил здесь три небольших острожка, в которые посылались «самарских служилых людей по пятидесяти и больше»⁸¹. Немногочисленные отряды стрельцов должны были нести караульную службу в крупнейших селениях Самарского уезда. Для «оберегания» в Рождественно, Подгорах, других селах устроили простейшие оборонительные сооружения в виде «заборов с боями», надолоб и т. д. По описанию начала 1670-х гг., «...в селе Рождественном да в Ильинском у церковей ограды загорожены забором и от приходу воинских людей на заборах по одному бою. Да в селе Рождественном от поль около дворов загорожено забором на заборе два боя, на углу струб дубовый две сажени с облами. В деревне Выползове двор осадной огорожен забором, на четыре угла два боя, кругом надолобы...»⁸².

§4. Посадский мир

Посадские являлись второй по численности категорией жителей Самары. Посадское население города как особая группа, а не как отдельные поселенцы, складывается значительно позднее служилого, по всей видимости, вскоре после завершения Смутного времени. Весной 1614 г. самарский воевода Д.П. Лопата-Пожарский, характеризуя состояние жителей города, писал: «В Самарском служилые люди и всякие ружники и оброчники бедны и голодны...»⁸³. Тем самым воевода выделил три основные группы самарцев: служилых людей, то есть гарнизон; ружников – церковно и священнослужителей, получавших ругу (т. е. особое жалованье, «прокорм»); оброчников – промышленников из других городов и местностей, бравших на оброк рыболовные угодья. В 1620/21 г. казанский воевода Б.М. Лыков «с товарищи» жаловался на то, что «рыбные ловцы, которые наперед сего оброчились в Казани в наших водах, ныне оброчатся менши прежнего, а лгота себе оброчатся на Самаре и на Саратове»⁸⁴. Местных посадских жителей Лопата-Пожарский не указал, да их, видимо, и не было в Самаре.

Косвенно, о наличии посадской общины в городе свидетельствуют данные 3-ей пятины – росписи сбора окладных денег по русским городам 1616 г., когда в Самаре собрали 700 руб.⁸⁵ Учитывая, что состояние местного гарнизона после Смуты было плачевным, и в городе практически не имелось крупных собственников, можно предположить, что определенную часть этого сбора платили именно посадские люди. Сумма сбора вполне сопоставима с той, которую самарцы внесли в казну при проведении пятины 1634 г. (952,06 руб.⁸⁶), когда в городе уже имелось значительное посадское население.

Первым на посад, как на отдельный район городского пространства Самары, указывает купец Ф. Котов в 1623 г. «...а посады и ряды в городе...»⁸⁷. Посадская община упоминается впервые в приказных бумагах 1 августа 1626 г., когда в книгах Печатного приказа появляется запись и «запечатание» грамоты по челобитью самарских посадских людей⁸⁸.

О его численности можно судить по данным пятины 1634 г.⁸⁹ В окладной росписи оказались 69 посадских людей (записывали взрослое мужское население, владельцев дворов или, в крайнем случае, глав семей), 22 захребетника, 9 гулящих людей, 4 жителя Рыбной слободы, 5 казенных кирпичников. К ним следует прибав-

вить два двора, владелицами которых были вдовы посадских людей. Отдельно были учтены калачницы, хлебницы и молочницы, к числу которых, видимо, принадлежали владелицы дворов — вдовы. Сводные материалы конца 1630-х гг., к сожалению, не дают однозначного ответа о численности населения самарского посада. По отписке воеводы С. Воейкова от 5 апреля 1638 г. в городе насчитывалось 50 посадских дворов⁹⁰. Окладная книга 1638/39 г., основываясь на данных С. Воейкова, показывает 58 посадских людей⁹¹. Непонятно, почему население посада значительно сократилось за 5 лет, последовавших после проведения пятины. В эти годы в городе и его окрестностях не произошло сколько-нибудь серьезных событий, которые могли повлиять на численность жителей.

*Русские тяжелые люди в XIV до XVIII столетия.
АВЯМТ, СЕРМИГА И ШАПКА.*

Русские тяжелые люди. Из кн.: Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899. Ч. 1

Наиболее полные сведения о состоянии посада и ряда других категорий жителей Самары в середине XVII в. дают материалы переписи 1646 г.⁹² Они подтверждают тезис о том, что численность населения постоянно росла и тем самым еще раз заставляют усомниться в данных С. Воейкова. Наиболее глубокий анализ этого документа по Самаре приведен в статье М.Н. Тихомирова. Главная задача переписчиков состояла в том, чтобы учесть все тяглое население города: либо жившее своими дворами, либо устроившееся временно во дворах посадских и служилых людей. В результате проведения переписи в переписные книги должны были попасть все мужчины в семьях тяглецов, т. е. посадских людей. Помимо того описывались семьи и дворы вдов тяглых людей, указывались дворы служилых людей, где жили в качестве соседей, подсоседников и т. п. семьи тяглецов. Также в перепись попали дворы, семьи и все мужское население в дворах, которыми владели отставные служилые люди. Видимо, эти люди могли войти после отставки в состав посадской общины. И, наконец, в переписных книгах оказались дворы и мужское население семей священнослужителей, а также монастырские подворья и их мирское население.

Всего на посаде и в Болдырской слободе переписчики учли 140 дворов, в которых насчитывалось по подсчетам М.Н. Тихомирова 356 человек м.п.⁹³ Однако в итогах переписной книги указано: «И всего в городе на Самаре на посаде и в слободе посадских жилецких людей, и их детей и братьев, и племянников, и внуков, и соседей и, подсоседников 317 человек»⁹⁴. Наиболее стабильной, сплоченной и ранее всего сформировавшейся была группа горожан, живущих на посаде. Из 82 учтенных дворов посада только 2 принадлежало служившим стрельцам, 1 двор — стрельцовой вдове, 1 двор — отставному стрельцу. В 8 дворах владелицами были посадские вдовы. Допуская, что семью отставного стрельца вполне можно зачислить в состав посада, общее население вышеуказанных дворов за исключением 6 стрельцов составляло 219 чел. м.п. Среди недавних переселенцев следует учесть 11 семей соседей — 18 чел. м.п. В 4 дворах жили приемыши — 4 чел., еще в 3 — пасынки. Немногочисленные данные о местах выхода переселенцев не дают сколько-нибудь явственного представления о направлениях миграции (прозвища — чебоксарин у 2-х человек, казанец, новокрещен). Между посадскими и служилыми людьми отнюдь не было непроходимой грани. Уже говорилось о том, что многие посадские жили во дворах служилых в качестве соседей.

Кроме того, в пяти посадских дворах кто-то из сыновей или братьев был записан в стрельцы.

В Болдырской слободе посадских (без 2-х дворов вдов посадских людей, 6 дворов отставных служилых людей, 3 дворов бобылей) насчитывалось 19 дворов. Кроме того, часть населения слободы — 14 семей, которые жили на положении соседей в семьях стрельцов и т. д., также можно потенциально отнести к посадским людям. Два двора принадлежало посадским вдовам (1 чел. м.п.). Слобода, видимо, преимущественно была населена служилыми людьми. Этим можно объяснить, что посадские люди (всего 19 чел. м.п.) селились в соседях в 13 дворах стрельцов, юртовых казаков и даже одного сына боярского; что в 5 дворах жили отставные стрельцы (6 чел. м.п.), а у одного из них в соседях состояли 2 посадских; 1 двор принадлежал отставному таможенному подъячому (4 чел.), 1 двор — стрелецкой вдове, приютившей 1-го посадского человека. В 4 посадских дворах сыновья, братья и пасынки — всего 8 человек — служили в стрельцах. Случаи, когда братья, отцы и дети, проживавшие в одном дворе, делились на тяжелых и служилых, были довольно часты и на посаде, и в слободе.

Всего в слободе и на посаде главы семей и владельцы дворов с прозвищами, указывающими на их предыдущее место жительства, встречаются в 15 дворах: 3 казанца, 2 чебоксарянина, 2 лысковца, 1 переяславец, 1 владимирец, 1 вятчанин, 1 царичинец, 1 рязанец, 1 нижегородец, 1 торопчанин, 1 вязниковец. Вряд ли по этим данным можно составить сколько-нибудь верное представление об источниках формирования населения Самары в первой половине XVII в.

Численность посадского населения и групп горожан, за счет которых пополнялся посад в 30—90 гг. XVII в., значительно менялась. Большинство жило своими дворами, однако не так уж мало насчитывалось соседей, подсоседников, захребетников. Если бобыльских дворов было сравнительно немного (3), более многочисленную группу представляли семьи подсоседников (27). Абсолютное большинство новоселов, за счет которых происходил рост населения, являлось из северо-западных уездов Среднего Поволжья. По переписной книге 1646 г. в Самаре насчитывалось 15 дворов, владельцы которых или сами объявили переписчикам о своем прежнем месте жительства, либо имели прозвища, указывающие на их былую родину. Опасное соседство кочевников давало о себе знать: в столкновениях, то кто-то из самарцев попадал в плен и оказывался на невольничьих рынках Востока; то у горожан вдруг появлялись новые дворовые люди, «татарчата» и другие.

Русская женская одежда XVII в. См.: Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб., 1903

В результате интенсивного заселения Правобережья, сооружения в середине XVII в. Симбирска, а позднее Сызрани и Кашпира; для Самары наступает период стагнации. Это сказалось, прежде всего, на состоянии посада. В 70–80 гг. XVII в. в городе насчитывалось всего 70 посадских дворов (по подсчетам Я.Е. Водарского 196 чел. м.п.). Еще через пятьдесят лет, в 1722 г. посадские жители составили 204 душ м.п.⁹⁵. Самара утрачивает свое промышленно-торговое значение, так и не став торгово-промышленным центром сельскохозяйственной округи.

На протяжении всего XVII в. самарская посадская община была невелика и небогата. Как и в других русских городах, управлялась она выборными людьми. На сходе жители избирали старосту и его помощников — сотских и десятских. Мирские старосты и выборные занимались не только регулированием внутренней жизни общины, но и улаживали взаимоотношения посада с администрацией города. На мирские должности старались выбирать людей обстоятельных, способных защитить интересы мира. Однако желающих выполнять эти службы находилось не так уж много. Руководители общины оказывались между двух огней: с одной стороны, посадские люди требовали от них твердости и самостоятельности в отношениях с воеводской администрацией, с другой — сама эта администрация заставляла неукоснительно выполнять все государственные повинности⁹⁶. Нередко выборные попадали на правей; за недоимки посадского мира у них отнимали «животы» — личное имущество. Сведений о деятельности руководства посада, его составе, особенностях взаимоотношений с воеводской администрацией по Самаре сохранилось немного. Известны случаи, когда местные посадские люди выступали с просьбой «в головы на кабак» выбрать жителя другого города⁹⁷ или требовали включить в посадское тягло того или иного стрельца, иноземца или промышленника, слишком рьяно занявшегося местными промыслами и торговлей, забросившего государевы службы.

Среди сравнительно немногочисленного самарского посада едва ли не с начала его возникновения доминировала семья Щеп(л)киных. Первую запись о Щепкиных, как о представителях всего посадского общества, мы встречаем уже в 1626 г.: «по челобитью самарских посадских людей Куземки Щепкина»⁹⁸. Тот же самый «Козьма Щепкин» был указан как богатейший представитель посада в документах пятинного сбора 1634 г. Его «животы» оценили в 500 руб., сумму по тем временам весьма значительную. В переписных книгах 1646 г. именно эта семья отмечена первой при опи-

сании самарского посада: «Самарского города на посаде и в слободах жилецкие и бобыльские дворы, а во дворах людей по имени с отцы и с прозвищи. Во дворе Тишка да Стенька Кузьмины дети прозвищем Щел[п – Э.Д.]кины. А у Тишки три сына Якунка, Петрушка, Ганка. Да у Тишки ж и у Стеньки дворовых людей купленных два татарченка Микитка да Ондрюшка.... У Тишки ж и у Стеньки живет Кирюшка родом човашенин, а крепости у них на того Кирюшку никаких нет. Да у них же живет в закладе в чetyрнатцати рублех човашенин Самарского уезду Януруско Вырустасев»⁹⁹. Указание о «проживании» во дворе двух «татарченков» и двух «човашенинов», которых явно использовали в обширном хозяйстве Щепкиных, свидетельствует о состоятельности этих посадских людей. Еще один представитель этой семьи – «Тишка Щепкин» – упоминался во главе посадских людей в 1646 г.¹⁰⁰, а затем в 1650 г.¹⁰¹ В следующем 1651 г. от имени посада выступает уже «Стенька Щепкин»¹⁰², а в 1654 г. в том же качестве в документах упоминается Петр Щепкин¹⁰³. В 1677 г. по челобитью кадашевцев Полунина и Володимирова, «велено самарского таможенного голову нынешнего 185-го году Ганьку Щел(п – Э.Д.)кина и целовальников и дьячка с сборными книгами за поруками выслать к Москве»¹⁰⁴. Однако самарским земским старостой в эти годы был уже «Микишка» Зевякин (1678–1679 г.)¹⁰⁵. Затем во главе самарской общины были Фома Вяткин (первое упоминание относится к 29 декабря 1679 г.)¹⁰⁶, Иван Лучешенов (упоминается 13 октября 1680 г.)¹⁰⁷, а в 1682 г. – Василий Салтанов¹⁰⁸. Создается впечатление, что в этот период в посадской общине начался период неустойчивости, и старосты менялись чуть ли не ежегодно.

Если в Западной Европе звание горожанина давало человеку свободу, то в России посадский человек оставался крепостным феодального государства, под страхом наказания не имеющим права покинуть свою общину. Комплекс феодальных повинностей «черных» людей, так зачастую называли посадских, заключался, прежде всего, в «государевом тягле», состоявшем из денежных налогов, исполнения утомительных «земских служб. К этим службам относились ремонтные и строительные работы, подводная повинность, руководство кабаками, кружечными дворами, торговыми экспедициями и ответственность за собираемые там доходы. Головы и целовальники избирались всем миром и отвечали перед воеводами за правильно и полностью взимаемые денежные и натуральные сборы. Исполнять такие службы самарцев могли послать и в другие города. Против этой повинности посадские выступали всем

миром. В книгах Печатного приказа отмечалось под 18 июня 1651 г.: «По челобитью Самарского города посадских людей Стеньки Щепкина с товарищи велено им службы служить на Самаре в земских службах, а на Царицын и в иные города посылать их не велено»¹⁰⁹.

Мирские люди пользовались значительными льготами на территории своего города: монополией на торговлю, на право иметь свои лавки и торговые места, на промысловые воды и пригородные земли. Городскими торговыми местами, мостами, общественными заведениями также пользовались служилые люди, торговцы и предприниматели из других городов, имевшие в Самаре свои дворы. Нередко местные посадские люди били челом властям с просьбой включить в посадское тягло того или иного стрельца, иноземца или промышленника; активно занимавшегося промыслами и торговлей в городе. Характерно, что такие просьбы, как правило, удовлетворялись; юридической основой для положительного решения были нормы Соборного Уложения. Например, 23 апреля 1679 г. в ответ на челобитную самарских посадских людей было велено «...о торговых людях, которые на Самаре дворами живут и промыслы всякими промышленяют и в лавках сидят о подачах указ учинить по Уложению»¹¹⁰. 13 октября 1680 г. также по челобитью было «...велено самарским стрельцам и юртовым казакам, у которых торговые промыслы есть, в посад тягло платить и служить с ним [посадским] в ряд»¹¹¹.

Черты имущественной дифференциации в самарском посаде уловить довольно трудно. По данным середины 1630-х гг. среди самарцев имелось только 4 сравнительно богатых человека, где выделялся уже упомянутый выше Кузьма Щепкин. Но в то же время среди посадских людей на Самаре было мало бедных, всего 12–13 %. Подавляющее большинство населения составляли люди среднего достатка.

Помимо постоянного населения Самары в ней ежегодно с открытия навигации и до глубокой осени скапливались многочисленные работные люди, беглецы, «вольные» из верховых городов и уездов. Население еще по-зимнему сонного городка резко увеличивалось. Постепенно эти толпы рассасывались, нанимаясь на ватаги, волжские караваны, отдельные суда; но на смену ушедшим, приходили все новые и новые люди. Недаром в это время родилась пословица «Нечем платить долгу — дай пойдю на Волгу».

§ 5. Город на волжском пути. Хозяйственная жизнь

Как и другие волжские города, Самара буквально оживала с началом навигации. В промышленно-торговой жизни города первостепенное значение имел поток волжских транзитных грузов. Только в весенних и осенних караванах вверх и вниз мимо города проходило до 2 000 крупных судов. Грузоподъемность некоторых из них достигала от 500 до 1 000 тонн¹¹². До 1,5–2-х миллионов пудов соли ежегодно (или около 1/5 всей потребляемой в стране), основное количество добываемой в России красной рыбы, производилось в Нижнем и Среднем Поволжье, перевозилось по Волге в центральные районы страны. Волга являлась связующим звеном с Ираном, Закавказьем, Средней Азией и даже с далекой Индией. Вниз, к Астрахани везли хлеб, оружие, лес, меха. Смута нанесла тяжелейший удар по волжским перевозкам, но после ее завершения транспортная система быстро восстанавливается. Уже в 1614 г. русскому правительству удалось восстановить торговые связи с Ираном¹¹³. Несколько позднее, в 1628 г. персидские товары, привозимые в Астрахань и следующие затем транзитом через волжские города, были вообще освобождены от пошлин¹¹⁴.

Струг на Волге. Из кн.: Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906

Весь этот грузопоток проходил мимо Самары, частично задерживался в ней и способствовал развитию посреднической, торговой и предпринимательской деятельности местных жителей. В первые десятилетия существования крепости транзитные суда, видимо, останавливались в одном из устьев р. Самары. Затем, в первой половине—середине XVII в. после изменения гидрографической ситуации пристань была перенесена непосредственно под город.

Самарский торг «волжскими товарами» не получил значительного развития, но все же часть грузов, в основном идущих сверху (хлеб, оружие для яицких казаков и т. д.), сгружалась в Самаре и отсюда яицкими «охотниками» вывозилась на Яик и в другие места. Кроме пристани на волжском берегу «против города» была устроена застава. Служба на ней приносила немалый доход, и недаром должность ее начальника являлась конкурсной. Застава была нужна не только для «бережения» караванов и отдельных судов; на ней производился досмотр грузов, а в ряде случаев и сбор пошлин¹¹⁵.

Крупным торговым сухопутным путем был среднеазиатский, ведущий к Москве через волжско-уральские степи и Самару. Он получил развитие уже во второй половине XVI в. Торговые караваны проходили мимо Самарского города и переправлялись через Волгу на «перелазах» у будущей Сызрани. Это был путь восточных товаров. Например, в расспросных речах от 1617 г. хивинского посла Хаджи-Юсуфа имеются свидетельства о том, что «...приходили из Юргенч корованные головы с товары степью на Самару, ...сперва приходил корованная голова Достогоул с товарищи, а с ними было в короване с 300 телег ..., а в другом короване ... з 200 телег, а с третьим корованом ... с 50 телег, а в четвертом короване ... з 200 телег...»¹¹⁶. Среднеазиатские купцы, их называли «тезиками», имели в Самаре свой «тезицкий двор». В 1676 г. самарский воевода А. Шель писал: «... в прошлых ... и в нынешних годех те купчины приедучи на Самару продавали всякие товары: киндяки, шелк, сафьяны, выбойки, соль, а пошлины в нашего великого государя казну с тех товаров и с продажной соли не платили, учинились сильны»¹¹⁷. Жалоба воеводы, видимо, относилась и к купцам, везшим свои товары по Волге.

Яицкая дорога связывала земли яицких казаков с Самарой, а через нее — с центром страны. Это был, прежде всего, зимний путь, и по нему с Яика через степь шли обозы с красной рыбой и икрой. В обратном направлении их наполняли хлебом, боеприпа-

сами, промышленными товарами. На подходах к городу в «Осинниках» (?) была устроена специальная застава — «пропуск с Яика рыбного ж икрного промыслу». Яицкий извоз являлся, скорее всего, занятием самарских жителей. О размерах двигавшегося с Яика потока красной рыбы и «рыбных припасов» свидетельствует то, что с предпринимателей, взявших на откуп сбор десятины с «рыбы и всех припасов», брались откупные платежи до 1,5 тыс. рублей в год, сумма для 70-х гг. XVII в. — огромная¹¹⁸.

Торговые пути Юго-Востока России в XVII в.

Таким образом, вокруг города было устроено несколько контр-рольных таможенных пунктов — «застав», через которые проходил весь поток транзитных и иных грузов.

К сожалению, описания таможенной избы в Самаре и сведений о ее местонахождении не сохранилось. Но в целом такие заведения в Московском государстве XVII в. были однотипны. Обычно, в уездном городе имелась одна таможенная изба. В ней производился сбор практически со всех видов товаров¹¹⁹. Особенностью Самары второй половины XVII в. являлся «сбор десятой яицкой рыбы» на отдельном дворе. Основная масса рыбы с Яика шла через Самару, где на берегу Волги находился специальный двор для приема «яицкого десятого сбора». Самарский двор состоял из нескольких изб, амбаров, чуланов, бани, караульни; огороженных забором с караульной избой. Общая стоимость его сооружений по оценке начала XVIII в. была весьма значительной и составила 150 руб. 84 коп.¹²⁰

Уже в XVII в. на постоянных торговых путях в степное Заволжье были устроены постоянные дворы, промежуточные пункты, так называемые уметы или уметные караулы: «по Моче реке и по Каральку и по Иргизу и в Чохонских росошах», «Уметный караул от Дубового буярака по Грязнуху реку», «на степи Станишный Умет ж Мочинский подъем»¹²¹.

За предпольными укреплениями, «дальними надолбами» города было отведено специальное место для торга с кочевниками. Из степи на продажу шли огромные табуны лошадей, а в степь — продукты земледелия, промышленные товары. Эти торговые сношения были чрезвычайно важны для ногаев и калмыков. В случаях, когда русская администрация отказывалась от торговли; последние нередко начинали военные действия.

Еще один сравнительно небольшой торг был устроен под стенами кремля, на торговой площади посада. Московский купец Ф. Котов сообщал, что в Самаре торговые ряды находились «в городе», т. е. под защитой острога.

Весь хозяйственный уклад, вся экономическая жизнь Самары вращалась вокруг транзитной торговли. В документах пятинных сборов по городу, относящихся к 1634 г., среди почти 200 самарских торговцев и промышленников указано только 27 ремесленников¹²². Основным источником доходов большинства остальных были торговые посреднические операции. Крепость жила, что называется, от одного торгового каравана до другого. Сама Самара потребляла не так уж много: до конца XVII в. в город ввозился хлеб для гарнизона и посадских людей, трудоемкие промышленные товары, боеприпасы да металл. Все остальные нужды покрывались за счет местных производств. Потребности местных служи-

лых и посадских людей были невелики, а самарское купечество не обладало настолько значительным капиталом, чтобы всерьез заняться крупными посредническими операциями. Состояние самого богатого человека в городе среди «простолюдинов» «Козьмы Щепкина», оцененное в 500 руб., было по тем временам немалым; но его обладатель ни в коей мере не мог тягаться с людьми гостинной сотни, тем более с гостями. Перекупкой товаров в Самаре в основном занимались приезжие купцы — гости и люди гостинной сотни — Светешниковы и Никитниковы из Ярославля, Задорины и Калмыковы из Нижнего Новгорода, другие.

Русский купец. С немецкой гравюры // Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб., 1908

После посреднической торговли самым распространенным и приносящим наибольший доход занятием являлся рыбный промысел. Как и к другим волжским городам в 1656 г. к Самаре приписали рыбные ловли по р. Волге — 5 верстами ниже и 5 верстами выше города. В этих водах могли безоборочно ловить рыбу все градские жители. Кроме того, многие из них брали на оброк промыс-

ловые «рыбные ловли» в р. Волге и Самаре. В первой трети XVII в. под городом появилась Рыбная слобода, жители которой преимущественно занимались рыболовством.

Крупнейшие промышленники самарско-саратовских промысловых вод — центральные монастыри: московский Чудов, нижегородский Благовещенский и другие, — устроили в Самаре рыбные дворы и складские помещения, для чего скупили дворовые места у посадских людей. Крупные промысловые угодья и рыбные дворы имел местный мужской Спасо-Преображенский монастырь.

Администрация г. Самары распоряжалась всеми рыболовными угодьями Самарского уезда от устья Черемшана до устья Большого Иргиза, устраивала торги, сдавала «воды» в оброчное пользование частным промышленникам, а иногда и сама была вынуждена организовывать государственный промысел. Однако в городе не было крупного «государева» рыбного двора, где могла производиться обработка выловленной рыбы. Такие предприятия возникали на волжском берегу рядом с промысловыми участками.

Значительное место в предпринимательской деятельности самарцев получили откупа. Как правило, этим занимались состоятельные градские люди, а также предприниматели из других городов. На откуп брали кабаки, харчевни, таможни, уметы. Судя по размерам откупных платежей, такого рода деятельность могла приносить значительный доход.

В Самаре XVII в. не существовало крупных промышленно-ремесленных предприятий. В середине 30-х гг. в городе насчитывалось около 30 ремесленников. Вряд ли их стало больше в последующий период. В документах пятины 1634 г. приведен следующий перечень ремесленных профессий: бондари, иконники, камышники, кирпичники, кузнецы, плотники, портные, сапожники, серебрянники, солоденники, сыромятники, рыбники, харчевники, часовники, шапочники, калачницы, хлебницы и молочницы. Всего 18 профессий, но вряд ли все они относились к действительно ремесленным. Наиболее представительными были группы рыбников и казенных кирпичников — по 5 человек каждой специальности. Кирпичное производство развивалось на протяжении всего XVII в. В 80-х годах в городе существовали кирпичные сараи, которые брали на откуп¹²³. Как правило, все ремесленники обслуживали потребности городского населения. Наиболее широко вели дело и, следовательно, самыми состоятельными среди этой группы были 2 плотника.

Кузница. Миниатюра из Никоновской летописи.

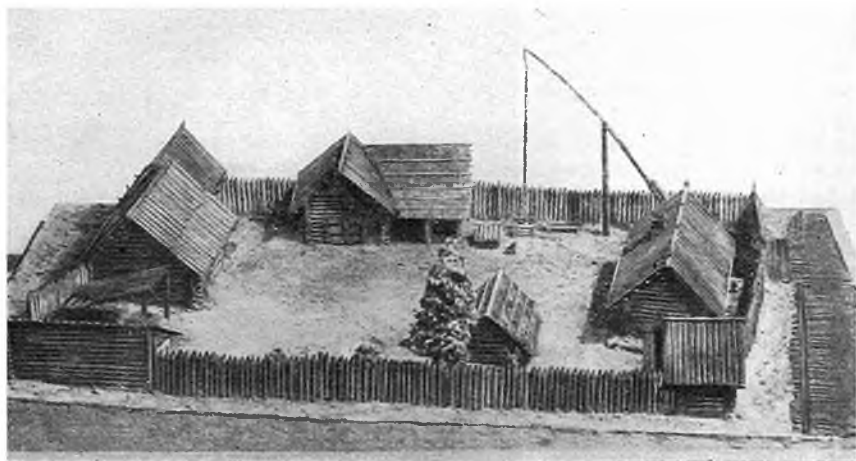
Из кн.: Рабинович М.Г. О Древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан в 11–16 вв. М., 1964

Значительная часть самарских жителей подрабатывала извозом. «Яицкие» промышленники, т. е. люди, привозившие с Яика рыбу и припасы, в большинстве своем являлись самарскими жителями. Зимние обозы шли в центр, к Москве.

Весной и летом в городе скапливались массы сезонных работников, нанимавшихся на волжские суда ярыжками, кормщиками, водоливами и т. д. Прежде чем получить работу, наемный работ-

ник должен был заручиться поручительной записью у местных жителей.

Таким образом, промышленность и ремесла в Самаре находились на низком уровне, получили слабое развитие. Но все же в основном за счет посреднических торговых операций Самара по размаху торгово-производственной деятельности значительно превосходила другие, сравнимые с ней по размерам, города Среднего Поволжья. Сборы с торгово-промышленного населения в первой половине XVII в. в Самаре в несколько раз превосходили суммы, собираемые с таких городов, как Саратов, Тетюши и т. д.¹²⁴

Мастерская гончара (макет). Реконструкция М.В. Городцова и М.Г. Рабиновича. Из кн.: Рабинович М.Г. О Древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан в 11–16 вв. М., 1964

Средневековые провинциальные города имели ряд сходных черт с крупными сельскохозяйственными поселениями. Многие жители Самары занимались огородничеством, владели приусадебными участками. В частности, городские огороды известны на северной окраине Вознесенской слободы. Среди надворных построек постоянно упоминаются конюшни, коровники и т. д. Жилая застройка Самары была опоясана широким кольцом огородов, конских и скотских выпасов. Конские табуны пасли на волжских островах, в пойменных лугах Самарского урочища, в междуречье, у надолб. Неоднократно эти табуны подвергались нападениям кочевников, порой их воровски отгоняли. Далее находились леса для общего пользования — дровяники и т. д. В эту пригородную

округу входили: Самарское урочище, острова по рекам Волга и Самара, лесные и степные пространства — вплоть до современных Студеного оврага и Семейкинского леса.

Несмотря на то, что в конце XVII в. к городу было приписано 120 тысяч десятин пашни в междуречье Волги, Самары и Сока, земледелие на Левобережье не получило развития. В первую очередь, этому препятствовала угроза нападения кочевников. Самарские служилые люди в большинстве своем поместным «дачам» предпочитали устойчивое денежное и хлебное государево жалованье. Единственным районом, где можно было в относительной безопасности заниматься сельским хозяйством, являлась Самарская Лука. Однако почти всеми удобными для земледелия «подгорными» землями восточной части Луки уже в начале XVII в. завладел самарский мужской Спасо-Преображенский монастырь. В его владениях расположились крупнейшие селения края — Рождественно, Подгоры, Новинки и др.; возник крупный сельскохозяйственно-промысловый район. Начиная с 1640-х гг., земельные дачи на Самарской Луке начали получать служилые люди по отечеству, а к концу столетия практически все самарские дворяне и дети боярские стали землевладельцами. Наиболее удачливые из них: Порецкие, Филитовы и другие поселили в своих поместьях крестьян (д. Осиновый буерак, Моркваши, Бахилова). И все же по сравнению с другими городами казанского и симбирского Поволжья, сельскохозяйственное производство смогла наладить лишь небольшая группа жителей Самары. На протяжении всего XVII в. земледельческая округа не могла обеспечить городских жителей хлебом. Его приходилось завозить из других районов страны.

§ 6. Разнщина в Самаре

В документах XVII в. нет сведений о значительных самостоятельных вооруженных выступлениях населения Самарского края. Недовольство жителей крепостническими порядками, действиями государственной и частновладельческой администрации могло вылиться в форму вооруженного восстания только при появлении поблизости крупных повстанческих центров. Ф. Энгельс, анализируя способность немецкого средневекового крестьянства подниматься на вооруженную борьбу, писал: «Их разобщенность чрезвычайно затрудняла достижение какого-либо общего согласия. Действовала долгая... привычка к подчинению... жестокость эксплуа-

тации то усиливалась, то ослабевала в зависимости от личности господина — все это помогало удержать крестьян в повиновении»¹²⁵. Только размах крестьянских войн, крупных восстаний могли вселить в угнетенных уверенность в победе, надежду на освобождение от крепостного гнета.

Русские крестьяне. Гравюра из кн.: Олгарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906

Это убедительно подтверждают материалы, относящиеся ко времени развертывания в Среднем Поволжье мощного социального движения под предводительством Степана Разина. Для разрешения назревших противоречий понадобился сам факт появления на территории края повстанческого войска и в восстании приняло участие большинство населения Самарского края. Столь массовое движение показало, что люди выступали не против отдельных злоупотреблений, за соблюдение норм феодальной законности, как это может показаться из текста челобитных, а против всей системы эксплуатации.

Необходимо отметить еще один любопытный нюанс. В определенной степени Разинщину, охватившую всю юго-восточную окраину европейской России, можно назвать восстанием окраин против центра¹²⁶. В свое время Н.Я. Эйдельман, рассматривая дру-

гое столь же мощное движение (Пугачевщину), писал: «Главные народные войны зажигаются не в самых задавленных, угнетенных краях..., нет, они возникают в зонах относительно свободных.... Оказывается, для того, чтобы восстать, чтобы начать, уже нужна известная свобода, которой не хватает помещичьему рабу»¹²⁷. Население юго-восточного фронта — казачество, работные и гулящие, посадские и служилые по прибору люди; крестьяне с оружием в руках ответили государству на попытку установить на новых более свободных территориях порядки, которые господствовали в крепостническом центре страны.

Тревожные вести о волнениях на Дону начали поступать в самарскую приказную избу уже в конце 1669—начале 1670 гг. По указаниям из Москвы и Казани воевода И. Алфимов должен был послать своих людей на Дон, чтобы проведать о замыслах казаков. По всем поволжским городкам разошлись указы, требовавшие быть настороже, внимательно следить за людьми в гарнизонах и на посаде. Царские воеводы П.С. Урусов и Ю.Н. Бярятинский, под Казанью и Саранском собиравшие две правительственные армии, решили создать в Саратове заслон для продвижения разинцев по Волге. Они послали туда три сотни стрельцов из Казани и две из Самары.

Уход значительной части самарского гарнизона серьезно ослабил вооруженные силы города. К тому же весной 1670 г. начались столкновения с кочевавшими поблизости калмыками и башкирами. Алфимов писал о том, что в конце мая 1670 г. приходили под вечер к Самаре «...многие воинские люди калмыки и изменники башкирцы изгоном и под городком на степи дальние надолбы разломали и многими людьми приехав в надолбы и у города под Вознесенском слободою лошади и животинные стада отогнали, да в полон взяли дву человек пастухов и отогнав те стада в дальних надолбах сожгли две башни и стали в степи от города

*Царь Алексей Михайлович.
Парсуна. XVII в.*

версты по три и по четыре»¹²⁸. Однако с внешним врагом, каковыми являлись кочевники, самарские воинские люди могли справиться без особых усилий. Главная опасность пряталась внутри самого города. Приборные люди и посадские низы были «шатки» и только ждали прихода разинцев. Такие же настроения охватили сельских жителей Самарского уезда. После 15 августа в Самаре появились стрельцы, бывшие на службе в Саратове, и принесли весть о том, как легко сторонникам Разина удалось захватить соседнюю крепость.

Суда разинцев на Волге. Из кн.: Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1936

По-видимому, восстание в Самаре началось еще до прихода разинских стругов под город. Воевода и небольшая группа начальных людей не могли оказать действенного сопротивления. Жители города добровольно открыли ворота крепости Степану Разину с его атаманами. Воеводу Алфимова с немногими сторонниками казнили, в Самаре устроили самоуправление по типу казачьего круга. Движение низов в городе возглавил местный посадский житель «Игошка Говорухин». В одном из документов того времени читаем: «...всякое бунтовство от них, воров [яицких и донских казаков], да от самаренина Игошки Говорухина»¹²⁹. На сторону разинцев перешли не только рядовые приборные люди, но и сотники «Мишка Хомутов» и «Алешка Торшилов». Разинские отряды

недолго оставались в городе, вскоре они двинулись под Симбирск, а с ними «...было самарян 50 человек и конных стрельцов 40 человек»¹³⁰.

До конца идти с Разиным, активно его поддерживая, была готова лишь небольшая часть самарцев. Остальные, более зажиточные, были не прочь примкнуть к движению при явных его успехах, но в случае неудач могли так же быстро оставить его. Когда после разгрома под Симбирском несколько легких разинских стругов вместе с самим атаманом подошли к городу, взявшая на время верх умеренная часть жителей не пустила разинцев в Самару, оставив им на разграбление предместье. Мурашкинский казак А. Михайлов, бывший вместе с повстанцами, доносил в октябре 1670 г.: «И как де вор Стенька к Самаре пришел, и ево де грацкие люди в город не пустили, и он де, вор Стенька, пограбя на кабаке за город[ом] на посаде вино, побежал на низ, а под Самарою де не мешкал от страху ни часа»¹³¹.

После неприветливой Самары струги Разина остановились на недолгое время в Тихих водах у Соснового острова (рядом с современным Хвалынском), где у атамана была назначена встреча с калмыцкими тайшами, но, не дождавшись последних, повстанцы ушли Волгой на Дон¹³².

Степан Разин. Худ. В.И. Суриков

Между тем Самарский край осенью 1670 г. стал одним из центров сбора мятежных сил, стекавшихся с Яика, южных городов, крепостей и слобод Симбирской и Карсунской черт. В Самаре появились такие крупные предводители повстанческого движения,

как Леско Черкашенин, названный брат Степана Тимофеевича, Ромашка Тимофеев, Михаил Бешеный и другие. Тимофеев, после разгрома под Симбирском, привел в Надеинское Усолье отряд повстанцев численностью около 500 человек. Монастырские жители примкнули к разинскому атаману, пополнив его отряд. Позднее, в октябре, Тимофеев перешел в Самару, забрал продовольствие, снаряжение, «зелье» и отправился под Урень, в гущу разворачивающихся в Симбирском крае сражений. Правда в ноябре, после ухода атамана, жители Усолья послали в Симбирск делегацию из промышленника Феодосия, священника и 5 крестьян «...от всех усольцев, чтоб великий государь пожаловал их, велел вины им отдать, что они были у Стеньки Разина»¹³³. Однако последующие события показали, что симпатии усольцев все-таки были на стороне восставших.

Громить Белый Яр, одну из крупных крепостей Симбирского Поволжья, вышел второй многочисленный отряд из Самары под руководством «пушного заводчика» И. Говорухина. Отряды повстанцев стояли не только в Самаре и в Усольских слободах, но и в других крупных селениях края — Рождествено, Выползово, Жигулях, население которых пополняло их состав. Недаром потом, при розыске, многие жители этих селений были причислены к «пушным вора» и сосланы на Север, а то и повешены.

Зимой 1670—1671 г. самарцы, оставшиеся верными правительству, доносили, что настроение в городе меняется; но самарские атаманы, опираясь на отряды яицких казаков, прочно держат власть в своих руках. В декабре симбирские посадские люди М. Левонтьев и Ф. Чебоксаренин повезли в Самару царскую увещательную грамоту. Однако время для сдачи города еще не подошло. Посланцев схватили, посадили в тюрьму «за крепкими караулы скованных» и «к воде их казнить приводили по многое время»¹³⁴. Необходимо отметить, что самарские «политики» проявили дальновидность: задержанных не только не казнили, но вскоре отпустили.

Долгую зиму и весну 1671 г. Самара не подчинялась правительственной администрации. Все это время самарцы посылали доверенных лиц на Дон прознять, как там Разин. Слухи оттуда обнадеживали: «крестьянский вождь силен и здоров и вновь собирает силы, чтобы повторить свой поход». Однако в начале лета под Самарой появились струги не Степана Разина, к тому времени схваченного и отвезенного в Москву, а его верного соратника Федора Шелудяка. У городка армию Шелудяка встретил крупный, в тысячу человек, отряд во главе с атаманом «Ывашкой Констан-

тиновым»¹³⁵. Откуда пришли повстанцы в крепость, как долго в ней находились, дожидаясь Шелудяка, неизвестно.

После разгрома второго похода разинцев под Симбирском почти две тысячи повстанцев отошли в Надеинское Усолье. Восстание затухало. Не получив обнадеживающих известий, люди из Усожья перешли к Самаре, а затем «разбрелись врозь».

Новая неудача сломила дух сочувствующих разинцам горожан и сельских жителей. По указанию находившегося в Симбирске боярина П.В. Шереметева, самарцам вновь послали увещательную грамоту. 29 июня 1671 г. город принес повинную. Челобитную с просьбой о царской милости повезли к боярину 10 выбранных из «лучших и средних» людей¹³⁶. Так завершилась длившаяся почти год эпопея повстанческого движения и вольной жизни в Самарском крае. Здесь не проводили таких кровавых расправ с участниками восстания, как накануне осенью под Арзамасом, Алатырем, Симбирском. Невелико было число повешенных; повстанцев ссылали на Север — Двину, Пустозерск¹³⁷. Накал взаимной ожесточенности заметно поугас.

Несомненно, что жители Самары и Самарского уезда сыграли свою весьма важную роль в развитии Разинщины в Южном Средневожье. Самара оказалась не только важным звеном в «оси» этого движения (Астрахань — Царицын — Саратов — Самара — Симбирск)¹³⁸, но и тем пунктом, где происходило соединение и координация различных вооруженных отрядов, приходивших из Нижнего Поволжья, с Яика, южных городов для дальнейших походов под Симбирск и «черту», в эпицентр разворачивания мощного вооруженного противостояния¹³⁹. Характерно, что в Самаре, Саратове, Пензе и других городах «средневожского предполья» преобладало военизированное население (посадских жителей было в разы меньше). Именно они поддержали разинцев и приняли активное участие в походе на Симбирск и на «черту».

Примечания

¹ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877; Буканова Р.Г. Города и городское население Башкирии в XVI–XVII вв. Уфа, 1993; она же. Закам-ская черта XVII века: дис... канд. ист. наук. Воронеж, 1980.

² Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 287–290.

³ «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX вв.). Ч. 1. Очерки истории / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013. С. 355–356; «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2014. С. 237–238.

⁴ Елшин А.Г. Самарская хронология. Выпуск I – по 1750 г. включительно. Самара, 1918. С. 16.

⁵ Центральный государственный архив Самарской области (далее ЦГАСО). Ф. 673. Оп. 1. Д. 55. Л. 1–9.

⁶ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 514.

⁷ Такое правило было характерно и для других пограничных территорий России, южного «Дикого поля», Сибири и т. д.: См., например: Глазьев В.Н. Структура власти в городах – крепостях «на поле» в конце XVI века // Исторические записки: сб. науч. тр. Вып. 2. Воронеж, 1997. С. 11–12.

⁸ Котошихин Г.О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI–XVII вв. М., 1984. С. 245.

⁹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 125; Гераклитов И. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 43.

¹⁰ Петров К.В. Приказная система управления в России конца XV– XVII вв. и нормативно-правовое обеспечение ее деятельности. СПб., 2005. С. 63.

¹¹ Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 2. М., 1976. С. 340, 364, 371, 375; См., также: Макаров А.И. Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1628–1629 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 52–54.

¹² Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 703–704.

¹³ Варианты, встречающиеся в источниках: Фанфисин, Фонвизин и др.

¹⁴ Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее НИА СПб ИИ РАН). Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 246, 247, 481, 493, 518 и др.

¹⁵ Савченко И.А., Дубинин С.И. Российские немцы в Самарском крае. Историко-краеведческие очерки. Самара, 1994. С. 12–20; Дубман Э.Л. Воеводы-немцы в Самарской крепости в конце XVII века // Русско-немецкие культурные связи: история и современность. Самара, 1998.

¹⁶ Разрядная книга 1598–1638 гг. М., 1974. С. 297.

¹⁷ Сведения за 1591–1592 гг. отсутствуют, но, возможно, Овцын и в этот период являлся воеводой Самары.

¹⁸ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 356.

¹⁹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 246.

²⁰ Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000. С. 305.

²¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 72.

²² НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 214.

²³ Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 198–199; Разрядная книга 1550–1636 гг. II. Вып. 1. М., 1976. С. 281; Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. С. 544–545.

²⁴ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 37.

²⁵ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалования за 1681 г. (К истории государственных росписей XVII в.). С предисловием А.Н. Зерцалова // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (далее – ЧОИДР). 1893. Кн.4. С. 51–65.

²⁶ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 233. Оп. 1. Д. 87. Л. 369–370.

²⁷ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 116. Л. 2.

²⁸ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 359об.

²⁹ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 227. Л. 156; Этот Иван уже был в самарской приказной избе с 1681 г. в подьячих и по какой-то причине его с отцом должны были выслать из города. См.: РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 222. Л. 220.

³⁰ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 122. Л. 690.

³¹ Разумеется, речь идет только о сохранившихся документах Печатного приказа, которые весьма неполны. Например, отсутствуют как в пошлинных, так и в беспошлинных книгах сведения о назначении в Самару подъячих с 1614 по 1649 г.

³² РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 227. Л. 563.

³³ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 50. Л. 42об.-43; Д. 94. Л. 138об.; Д. 136. Л. 163об.; Д. 179. Л. 359об.

³⁴ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67.

³⁵ Первое упоминание площадного подьячего в книгах Печатного приказа приходится на 1665 г. См.: РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 126. Л. 224.

³⁶ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 143, 162; Д. 67. Л. 266, 332, 352, 387 и др.

³⁷ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 341.

³⁸ Тихомиров М.Н. Российское государство XV-XVII вв. С. 287–288.

³⁹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 6468.

⁴⁰ Гурьянов Е. Древние вежи Самары. 2-е изд., перераб. и доп. Самара, 1986. С. 73.

⁴¹ Макаров А.И. «Повести о Варлааме и Иосафе» список // Энциклопедия Самарской области. Т. 4. Н-Р. Самара, 2011. С. 184.

⁴² Невоструев К. Историческое описание бывших в городе Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей. М., 1867.

⁴³ Видимо, завели себе усадьбы самарские дворяне и дети боярские (часть из них), получившие поместья на Самарской Луке и поселившиеся в них деревни. Они также имели дополнительные доходы от своих крепостных.

⁴⁴ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1890. Т. 1. С. 220.

⁴⁵ Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. С. 1141–1358; СПб., 1855. Т. 2. С. 87–931.

⁴⁶ Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев, 1919. Т. 1. Вып. 2. Количество и движение населения. С. 178.

⁴⁷ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалования за 1681 г. С. 51–65.

⁴⁸ Сметный список военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 25; НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Д. 66. Л. 105, 108, 130 и др.

- ⁴⁹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 3. М., 1962. С. 534 и др.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5128. Л. 608–697.
- ⁵¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 161.
- ⁵² Там же. Д. 66. Л. 127, 130; Д. 67. Л. 328, 362, 378.
- ⁵³ Там же. Д. 67. Л. 214.
- ⁵⁴ Там же. Д. 66. Л. 77, 78, 82, 97, 130, 132, 134 и др.; Д. 67. Л. 128, 214, 215, 257, 268 и др.
- ⁵⁵ Там же. Д. 67. Л. 128, 214, 215, 257, 268 и др.
- ⁵⁶ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. С. 56–65.
- ⁵⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 10. 1586 г. Л. 82–84.
- ⁵⁸ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г.
- ⁵⁹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 214, 311, 371, 479 и др.; Д. 66. Л. 160, 165 и др.
- ⁶⁰ Там же. Д. 66. Л. 165.
- ⁶¹ Книги разрядные. Т. 1–2. СПб., 1853–1855; Разрядная книга 1637–1638 года. М., 1983. С. 118; Сметный список военных сил России 1651 г. С. 25; Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. С. 64.
- ⁶² Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. Сообщил действительный член С.Б. Веселовский // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. С. 44.
- ⁶³ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 389, 391.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 281. Оп. 16. Д. 10845. Л. 6–7.
- ⁶⁵ Русско-индийские отношения в XVII веке: сб. документов. М., 1958. С. 350–351; Волжская коммуна. 1960. 17 февраля.
- ⁶⁶ Назаров В.Д. О забытом источнике по истории посадского населения России в первой половине XVII в. // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв.: сб. статей. М., 1983. С. 54–55.
- ⁶⁷ Особенности и эволюция оборонительных сооружений Самары в конце XVI – начале XVIII вв. реконструированы самарскими краеведами А.К. Ширмановым и Е.Ф. Гурьяновым и в настоящее время широко используются в исторической литературе. См.: Ширманов А.К. Из истории оборонительных укреплений города Самары в XVI–XVIII веках // Краеведческие записки. Вып. 2. Куйбышев, 1971. С. 3–9; Гурьянов Е. Древние вежи Самары. С. 50–83; Русское градостроительное искусство. Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков. Под общей редакцией Н.Ф. Гуляницкого. М., 1994. С. 92–94, 98.

- ⁶⁸ Гурьянов Е. Древние вехи Самары. С. 58.
- ⁶⁹ Журнал Министерства внутренних дел (далее ЖМВД). 1850. Ч. 32.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1530. Л. 7.
- ⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Д. 623. Л. 475.
- ⁷² Гурьянов Е. Древние вехи Самары. С. 67.
- ⁷³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 51–52.
- ⁷⁴ Там же. Л. 52.
- ⁷⁵ Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.А.Котова // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук (далее ИОРЯС). 1910. Т. 15. Кн. 4. С. 291–292.
- ⁷⁶ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 360–361, 368–369.
- ⁷⁷ Первый каменный храм в Самаре был построен только в конце XVII в. См.: Гурьянов Е. Древние вехи Самары. С. 73.
- ⁷⁸ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 275.
- ⁷⁹ Бруин К. Путешествие через Московию. М., 1873. С. 173.
- ⁸⁰ РГАДА. Ф. 281. Оп. 16. Д. 10841. Л. 1.
- ⁸¹ Там же. Д. 10845. Л. 6–7.
- ⁸² Там же. Л. 4.
- ⁸³ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее АИ). СПб., 1842. Т. 3. С. 411–413.
- ⁸⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею (далее ААЭ). СПб., 1841. Т. 3. С. 219.
- ⁸⁵ Воскобойникова Н.П. К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII века // История СССР. 1986. № 3. С. 156.
- ⁸⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41162. Л. 1–45.
- ⁸⁷ Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.А. Котова. С. 291–292.
- ⁸⁸ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 9. Л. 165об.
- ⁸⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41162; Карпачев А.М. Пятина 1634(142) года как источник для изучения социально-экономической истории Московского государства // Исторические записки. М., 1950. № 33. С. 232–258.
- ⁹⁰ Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 2. С. 63.
- ⁹¹ Там же. С. 63–64.
- ⁹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6468. Л. 1-22об.
- ⁹³ Тихомиров М.Н. Самара в половине XVII в. // Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 286.

⁹⁴ Интересные данные, позволяющие судить об общем количестве дворов в Самаре в середине XVII в. приводит Я.Е. Водарский. Используя сводные источники, он пишет о том, что в городе в 1646 г. числилось 104 посадских и 2 «прочих» двора. См.: Водарский Я.Е. Численность и размещение посадских людей во второй половине XVII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 289.

⁹⁵ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII вв. М., 1977. С. 215.

⁹⁶ См., например: Булгаков М.Б. Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 9. Л. 165об.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 6468. Л. 4об.-5; Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник документов и материалов. Самара, 2000. С. 84–85.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 43. Л. 721об.; запись 12 мая 7154.

¹⁰¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Д. 67. Л. 261.

¹⁰² Там же. Л. 283.

¹⁰³ Там же. Л. 322.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 194. Л. 432об.

¹⁰⁵ Там же. Д. 206. Л. 618об., 620.

¹⁰⁶ Там же. Д. 209. Л. 262об.

¹⁰⁷ Там же. Д. 215. Л. 148.

¹⁰⁸ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Д. 66. Л. 70.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 60. Л. 316.

¹¹⁰ Там же. Д. 206. Л. 620.

¹¹¹ Там же. Д. 215. Л. 148.

¹¹² Родин Ф.Н. Бурлачество в России. М., 1975. С. 24; Готье Ю.В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. С. 237.

¹¹³ Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения в первой половине XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика, культура): сб. статей. М., 1966. С. 113; Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.). СПб., 2006. С. 254.

¹¹⁴ Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. М., 1862. С. 46.

¹¹⁵ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 277.

¹¹⁶ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л. 1932. С. 116, 119–121, 124–125.

¹¹⁷ Шефер А. Город Куйбышев (Очерки истории Самары-Куйбышева). Куйбышев, 1940. С. 20.

- ¹¹⁸ НИА СПб. ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 146.
- ¹¹⁹ Захаров В.Н. Таможенное управление в России в XVII в. // Государственные учреждения России XVII – XVIII вв. М., 1991. С. 53–54.
- ¹²⁰ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Д. 66. Л. 161.
- ¹²¹ Там же. Д. 66. Л. 80, 85, 88.
- ¹²² РГАДА. Ф. 396. Д. 41162. Л. 9–45.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Карпачев А.М. Города Московского государства и их торгово-промышленное население по пятине 1634/142-го года: дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1948; Воскобойникова Н.П. К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII в. С. 158–161.
- ¹²⁵ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 357.
- ¹²⁶ Нольте Г.Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 31–38.
- ¹²⁷ Эйдельман Н.Я. 17 сентября 1773 г. // Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII-XIX веков. М., 1993. С. 188.
- ¹²⁸ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1530. Л. 7.
- ¹²⁹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. М., 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 535.
- ¹³⁰ Там же. М., 1962. Т. 3. С. 534.
- ¹³¹ Буганов В.И. Разин и разинцы. М., 1995. С. 151–152; Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. М., Т. 2. Ч. 1. С. 190–191.
- ¹³² Там же. Т. 2. С. 184–185.
- ¹³³ Там же. Т. 2. С. 533.
- ¹³⁴ Там же. Т. 3. С. 533; М., 1957. Т.2. Ч.1. С. 535.
- ¹³⁵ Там же. Т. 3. С. 110–111.
- ¹³⁶ Там же. Т. 3. С. 118–119.
- ¹³⁷ Вряд ли можно согласиться в этом отношении с выводами А.К. Ширманова. См.: Ширманов А.К. Самарцы в крестьянских войнах // Краеведческие записки. Вып. IV. Куйбышев, 1976. С. 23–25.
- ¹³⁸ Буганов В.И. Разин и разинцы. С. 333.
- ¹³⁹ К сожалению, роль и место горожан в Разинщине изучена далеко не полностью. См., например: Соловьев В.М. К вопросу об участии городского населения в крестьянской войне под предводительством С.Т. Разина // История СССР. 1982. № 2.

Глава 3.

САМАРА В НАЧАЛЕ И СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

§ 1. Военное значение города. Крепость и гарнизон

От предшествующего столетия Самара начала XVIII в. унаследовала функцию военной крепости на Волге. Старые городские укрепления здесь погибли в большом пожаре 1703 года, после которого в течение трех-четырех лет отстроили новые военно-инженерные сооружения, более соответствующие времени и нуждам растущего города¹.

Основным узлом обороны стала земляная крепость, поставленная на свободном месте к северо-востоку от сгоревшего старинного кремля. Цитадель («замок») располагалась на территории нынешней Хлебной площади и завода клапанов, имела в плане форму ромба площадью более чем в 3 га. Земляной вал обнесли рвом, а со стороны степи две стены дополнительно укрепили и дефилировали основным забором с бойницами. В крепость можно было попасть через двое проезжих ворот или «тайнишные» ворота-калитку.

По углам ромба были насыпаны 4 бастиона («болворика») со срубамии артиллерийских казематов и бревенчатыми накатами на трех из них, обращенных к степи. Внутри «замка» возвышалась 8-угольная башня («раскат»), крытая тесовым шатром и предназначенная для ведения артиллерийского огня. От одного из бастионов цитадели в сторону Волги отходила деревянная сосновая стена с «перерубами» — клетями, или заполненными землей, или оставленными пустыми для бойниц нижнего боя. Такие комбинированные деревянно-земляные стены назывались «тарасы». Для размещения караулов и ведения фланкирующего огня на тарасах были возведены две глухие четырехугольные сосновые башни без верха. «Тарасы» кончались у проездных Вознесенских ворот, через которые шла дорога вдоль берега Волги. Ворота были укреплены еще одной башней. От Вознесенских ворот к Волге тянулась стена без «тарас», на ней стояли еще две башни, последняя называлась Волж-

ской. Далее по затопляемой части Волги поставили в два ряда деревянные надолбы — «рогатки». Такие же рогатки преграждали проход между земляным «замком» и рекою Самарой.

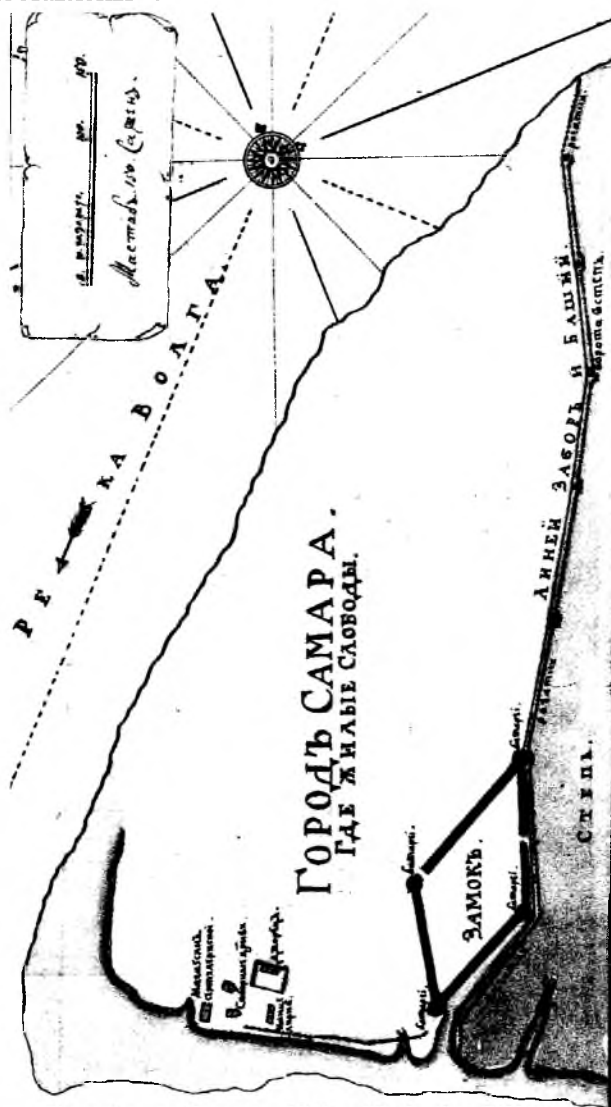

Самара в 1703 г. Рис. К. де Бруна. Из кн.: Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales. Amsterdam, 1718. Volume 1

Сложные и достаточно протяженные (1320 м) общегородские укрепления должен был оборонять, а при необходимости вести активные боевые действия в поле значительный гарнизон: 2 пехотные роты по 115 солдат и офицеров, 8 пушкарей, 100 казаков, 150 отставных солдат, 369 малолеток (детей служилых людей), 46 иноземцев. Всего в 1728 г. гарнизон насчитывал 912 чел. На его вооружении находилось 42 пушки разного калибра с 2355 ядрами, 77 фитильных мушкетов, свыше 73 пудов пороха, а также холодное оружие. Такие укрепления и гарнизон были совершенно необходимы из-за постоянной угрозы набега кочевников².

В XVIII в. Самара из изолированного опорного пункта на Волжском пути становится частью системы пограничных укреплений, прикрывших от набегов степняков обширные районы на левобережье Волги. Крепости и укрепленные линии, возводившиеся на осваиваемых землях, все дальше продвигались вглубь Заволжья. В 1700 г. был заложен укрепленный пригород Самары Алексеевск, а спустя три года началось строительство Сергиевска. Впрочем,

отдаленные друг от друга городки не могли достаточно надежно охранять районы освоения. Известный ученый и государственный деятель В.Н. Татищев писал в 1730-е гг., что «под самым городом Самарою» казахи и калмыцкие кочевники «людей били и в полон брали, и скот отгоняли, чего ради по Самаре реке уже многие городки поставлены»³.

Первый план Самары. 1733 г. Из фондов РГВИА

В соответствии с указом Сената от 14 февраля 1731 г. по инициативе и под руководством тайного советника Ф.В. Наумова начались крупномасштабные работы по строительству «по реке Соку и по другим до реки Ик» новой Закамской укрепленной линии⁴. Новая Закамская линия осталась недостроенной, поскольку в 1736 г. началось сооружение Самарской укрепленной линии, которая протянулась цепочкой крепостей от Самары до Оренбурга. В Самаре, Алексеевске, других крепостях линии были расселены и несли службу русские казаки, а в Мочинской слободе под Самарой — казаки из татар. Из этих казаков постепенно формировалось Оренбургское казачье войско. Большинство их являлись белыми крестьянами. Между ними встречались также горожане, и только одну шестую часть составляли потомственные казаки⁵. Записанных в Самаре в казаки и отправленных отсюда на укрепленную линию бывших крестьян, горожан и дворовых было решено на прежние жительства не высылать. Прежним владельцам не возвращали тех из них, кто был раньше крепостным, а засчитывали как взятых по рекрутским наборам⁶.

Ландкарта участка Новой Закамской линии. Из фондов РГВИА

Несмотря на дальнейшее строительство укрепленных линий далее в глубине степей, Самарская «дистанция» крепостей не утратила своего значения до последней четверти XVIII в. Заволжье оставалось небезопасным. В 1768 г. самарский депутат Д.Ф. Рукавкин сообщал, что волжские некрещенные калмыки кочевали от Астрахани вверх по Волге до города Самары и вверх по реке Самаре. Их кочевья с большим количеством скота располагались не только по степи, но и в волжских займищах, где они вытравливали почти все без остатка сенные покосы, отчего городские и сельские жители испытывали трудности в заготовке корма для своей скотины. Более того, у обитателей Самары, выходявших за город на сенокос или рыбную ловлю, калмыки неоднократно отнимали одежду, снасти, лошадей и сбрую. При откочевке в волжские низовья по осени калмыки из загородных самарских хуторов ночным временем угоняли большие косяки лошадей и стада рогатого скота, зажигая за собою степь, чтобы сбить преследователей с воровского следа. Многие самарские горожане и окрестные крестьяне приходили в большое разорение, оставаясь без лошадей и рогатого скота⁷.

Особенно разорительными были набеги в 1764 и 1766 гг., когда калмыки угнали практически весь скот самарских горожан, причинив им серьезный ущерб. В 1771 году, когда подавляющее большинство

волжских калмыков ушло из российских пределов, заволжские степи за Самарской линией опустели. Однако тем самым увеличилась опасность казахских набегов, что особенно проявилось во время пугачевского восстания. В 1774 г., пользуясь внутренними

Офицеры ландмилиции. Из кн.: Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 2. (1700—1740). СПб., 1842

неурядицами в России, отряды казахов предприняли несколько попыток прорваться через Самарскую линию, в том числе и в непосредственной близости от города, для грабежа сел и деревень⁸.

Все же в общей системе пограничных укреплений Самара заняла наиболее безопасный фланг, что быстро отразилось и на состоянии крепости, и на численности гарнизона. В 1731 г. ставился вопрос о ремонте в городе земляных и деревянных укреплений, и два года спустя Военная коллегия издала соответствующий указ. Однако дело не сдвинулось с места. Самарские власти не отыскали подрядчика на поставку леса, а столичным учреждениям уже было не до городской крепости, поскольку забот хватало с возведением новых укрепленных линий. В 1739 г. в Военную коллегия было внесено представление, в котором говорилось, что с постройкой разных крепостей Самара «стала в закрытии и опасности нет»⁹.

В 1742 г. Правительствующий Сенат рассмотрел вопрос о городских укреплениях Самары, которые к тому времени пришли в плачевное состояние: земляной вал осыпался, забор на нем повалился, да и осталось от него «малое число» бревен, потому что жители растащили на свои нужды. Никакого строительного леса там, где находились тарасы, вообще не обнаружили, сохранились только две обветшалые глухие башни. Ничего, кроме двух башен, не осталось и от стены между Вознесенскими воротами и Волжской башней. От степи город «ненадежно» ограждали лишь рогатки. Сенат отдал распоряжение уточнить количество материала, необходимого для ремонта крепости в Самаре, и выяснить возможность его заготовки. Однако дело вновь заглохло, теперь уже окончательно. В конце 1760-х гг. были видны лишь остатки земляных валов без стен на месте бывшей Самарской цитадели¹⁰.

Казаки из Самары были переведены в Оренбург. Вместе с ними туда же вывели образованную в Самаре дворянскую роту, набранную из здешних недорослей. Эти бывшие части самарского гарнизона составили ядро нового Оренбургского казачьего войска.

Правда, в Самаре пришлось набрать новую казачью сотню, так как преследовать степных грабителей без легкой конницы было невозможно. В 1738 г. самарские казаки разбили и переловили волжских калмыков, ограбивших купеческий обоз, шедший из Самары в Яицкий городок. Они же в 1750 г. отбили у калмыков между Красносамарской и Борской крепостями обоз с товаром на 70 тыс. рублей, в том числе с 57 пудами серебра¹¹.

Кроме казаков, в составе самарского гарнизона полагалось находиться двум ротам солдат под началом коменданта. На самом деле

их наличный состав заметно уступал штатному. В 1742 г. в гарнизоне числилось 97 солдат, в том числе престарелых и раненых, употреблялись они не столько к военной службе, сколько для разного рода посылок от местных властей. После утраты городом значения крепости служба самарских казаков и солдат продолжалась в конвоях при казенных грузах и людях, в разъездах вдоль пограничной линии, в дальних походах¹².

§ 2. Торгово-промышленные и сельскохозяйственные занятия, состав и численность горожан

За пределами городских укреплений жил и развивался самарский посад. Он был населен преимущественно купцами, ремесленниками и другим людом, занятым в торговле и промыслах.

В XVIII в. более быстрыми темпами стало развиваться промышленное производство России, в том числе Самарского края. Рост мелкого товарного производства, то есть изготовления продукции на рынок, был замечен даже в селах. Однако основными центрами промышленности все же выступали города. Жители самарского пригорода Алексеевска добывали белый известковый камень и изготавливали из него различные поделки. В самой Самаре работали ремесленники различных специальностей. В списке цеховых мастеров в 1763 г. здесь числилось 68 чел. Среди них значилось: кузнецов — 3, рукавичников — 11, сапожников — 2, угольщиков — 5, портных — 4, тележников — 3, плотников — 34, часовщиков — 1 и др.¹³

Под воздействием новых веяний в экономике России оказался и традиционный волжский промысел — судоходство, где в XVIII в. более широко стал применяться наемный труд. К концу века на речном транспорте Волжского бассейна было занято около 210–220 тыс. судовых рабочих, в большинстве вольнонаемных¹⁴.

В судовые работники, главным образом в бурлаки, уходили крестьяне приречных сел и деревень, бедные горожане, а также беглые крепостные из различных районов страны. Практически все волжские города являлись пунктами найма рабочих на судовые работы.

Увеличение товарного производства как промышленной, так и сельскохозяйственной продукции, развитие водного и сухопутного транспорта стимулировали торговлю. Центрами торговли в крае выступали также города, в них постоянно рос купеческий слой. Две важнейшие торговые дороги, по Волге и через степь на Яик,

создавали благоприятные условия для втягивания Самарского края в орбиту всероссийского рынка и международной торговли. Во время пребывания в Самаре штаба Оренбургской экспедиции (1736—1743 гг.) из нее планировались и координировались дипломатические и торговые поездки к кочевникам Казахстана, в государства Средней Азии¹⁵ и даже в Индию¹⁶. Соответственно сюда приезжали купцы из этих стран.

Предметами ввоза были шелк, чай, кофе, сахар, виноградные вина, промышленные изделия. Эти товары обычно закупались местными купцами на различных ярмарках, чаще всего на Макарьевской и Карсунской. Порой самарские купцы доставляли «знатные товары» и из других мест, более отдаленных. В 1753 г. самарский купец Д.Ф. Рукавкин совершил поездку в Хиву. Многие промышленные изделия и прочие товары восточного происхождения покупались местными жителями с судов, причаливших к местным пристаням, или у купцов, следовавших через Самарский край с Яика и Оренбурга.

Продолжала играть свою роль меновая торговля с калмыками, которые испытывали постоянную нужду в промышленных изделиях и другой продукции оседлого хозяйства. В обмен они предлагали скот и продукты животноводства, пригоняя к Самаре и другим городам края большие табуны лошадей, стада крупного и мелкого скота. Кроме того, привозили шкурки красных лисиц, корсачьи, бобровые и другие меха, мерлушки, овчины, тулупы, кожи. Товары для продажи калмыкам доставлялись главным образом из Москвы: разные полотна и ткани, в том числе сукно и бархат, готовая одежда, дешевая галантерея, бакалея, металлы и металлические изделия, среди которых особым спросом у кочевников пользовались чугунные котлы. Из собственных товаров Поволжье предлагало калмыкам зерно, муку и другую сельскохозяйственную продукцию. Русские купцы и сами ездили с товарами в калмыцкие улусы, получая большие барыши. По свидетельству академика Лепехина, местное купечество, торговавшее с калмыками, было «не беззажиточное»¹⁷.

По объему торговли, разнообразию ремесленных специальностей и количеству самих ремесленников Самара в XVIII в. уступала ближайшим городам на противоположном берегу Волги: Саратову, Сызрани, Симбирску. Это объяснялось тем, что левобережная Самара долго не имела собственной сельскохозяйственной округи, которая бы стимулировала рост товарного производства и давала сырье. Ближайшие крупные села и деревни находились на

Самарской Луке и были отрезаны от города Волгой, а в Заволжье таких селений было очень мало. Вблизи города на степном левобережье р. Самары постоянных селений вплоть до последней трети XVIII в. не было вовсе, а затем они стали появляться преимущественно к северу от города, что было предопределено географически. От кочевых набегов, которые происходили преимущественно с юга, эти селения прикрывались естественными рубежами рек Самары, Сока, Кондурчи, лесной ландшафт представлял природное убежище. Строительство пограничных укрепленных линий в 1730-х гг. создало возможность появления постоянных поселений и устойчивого оседлого хозяйствования прежде всего в северной части городской округи.

Между землями Царевокурганской слободы и г. Самарой по волжскому берегу и вглубь от него широкой полосой лежали в XVIII в. сельскохозяйственные угодья, принадлежавшие самарским посадским и служилым людям. Городские выгонные земли с поселенными на них хуторами считались в общем владении самарских купцов, мещан и казаков. Местные дворяне явочным порядком тоже занимали участки этой земли, предъявляли свои претензии на владение ею, хотя посадская община оспаривала права таких владельцев, считая их действия незаконными¹⁸.

Земли, отведенные городу, в основном использовались в качестве выгонов, пастбищ, сенокосов. «От Самары верст за 20 находится уже везде высокая степь с черноземом, на котором растет трава почти с человека вышиною», — удивлялся современник в конце 1760-х гг.¹⁹ Хлеб на этих землях не сеяли. В рапорте комендантской канцелярии в 1774 г. сообщалось, что «в городе Самаре жители хлебопашества не имеют» и довольствуются покупным хлебом²⁰.

В отличие от пашенного земледелия, огородничество являлось обычным занятием самарских жителей. Они сажали дыни, огурцы, тыкву, редьку, морковь, свеклу, капусту, хрен, репу для собственного употребления, а арбузы и стручковый перец также и на продажу. Перечные и арбузные «огороды» заводились на поемных местах после схода высокой воды.

Особенно известна была Самара своими арбузами. В начале XVIII в. здесь был «государев арбузный огород», который поставлял продукцию в царский дворец²¹. В 1760-е гг. бахчи самарских жителей занимали обе стороны р. Самары. Они не требовали особого ухода и больших трудозатрат. Путешественник писал: «Сперва огораживают, да и то худо, часть земли, которую вспахав, сядят

семена и больше о том не пекутся, разве что в сухую погоду поливают. Когда же арбузы созревают, то приставляют ребят сторожами в огородах»²². Из-за обилия арбузов их употребляли не только в свежем виде, но и заготавливали впрок: солили или варили ягоду. Правда, для людей приезжих эти заготовки казались непривычными. Тот же путешественник считал, что у соленых арбузов «вкус бывает весьма противной».

Садоводство в Самаре этого времени делало лишь первые шаги. Только с конца 1760-х гг. около Самары начали разводить яблоневые сады, которые в окрестностях Симбирска и Сызрани появились гораздо раньше и приносили хороший доход. Серьезной помехой к их устройству в Самаре стало обилие гусениц и других вредителей. Жители города предпочитали собирать и использовать плоды дикорастущих деревьев и кустарников: яблоней, бобовника (дикого миндаля), вишни. Особенно популярна была дикая вишня, обладавшая весьма приятным вкусом и запахом. Выжатый из вишен морс стоил очень дешево, заготавливался впрок и хранился в ледниках до двух лет, служа приятным прохладительным напитком в летнее время. Его даже успешно возили водным путем на продажу в Москву²³.

Кроме выгонов и лугов, в северном направлении от города, достигая низовьев р. Сок, находились основные лесные массивы, также принадлежавшие городской общине. Они давали жителям возможность бесплатного получения строевой и поделочной древесины, топлива, благоприятствовали занятиям пчеловодством.

Однако в северном направлении размеры городских владений несколько сократились в 1732 г. в связи с начавшимся строительством новой Закамской линии. Территории, занятые под укрепления и поселения пограничной линии, под сельскохозяйственные угодья новых жителей ушли из состава городских земель. Однако этот отвод из-за отдаленности указанных территорий никакого реального ущерба горожанам не нанес.

Со временем привлекательность и перспективность городских земель для более интенсивного аграрного освоения стала все более очевидной. Особенно внимательно к ним присматривались жители малоземельных лесных деревень на Самарской Луке, которые все активнее использовали здешние леса и их степные опушки под свои лесные и земледельческие промыслы. Представители посадской общины г. Самары забили тревогу. В одной из их жалоб говорилось, что 1750 г. самовольные чувашские и мордовские переселенцы, вышедшие из д. Ширяевские Вершины

Самарского уезда, поселились по р. Сок и в Семейкинском лесу, где обзавелись домами, распахали землю под хлеб, стали косить сено и пользоваться лесом. От властей горожане требовали этих переселенцев выселить на прежние места жительства и запретить им принадлежащую городу «землю пахать и всякой лес пустошить»²⁴.

Однако власти не спешили отзываться на жалобы горожан. Жители «новопоселенной» деревни Семейкиной поставили администрацию в известность о переселении, стали исправно платить подати. Чиновники были довольны тем, что число налогоплательщиков увеличилось, и жалобе горожан хода не дали. Более того, новая крестьянская община продолжала охотно принимать других поселенцев.

На луговой стороне Волги ниже г. Самары лишь в третьей четверти XVIII в. появляются селения помещичьих и государственных крестьян. Все они находились на значительном удалении от города, хотя и примыкали к окраинным участкам древнего «Самарского урочища», считавшегося в составе городских хозяйственных угодий. Самарским жителям по грамоте, данной 29 августа 1701 г., отдавались во владение выпасы, сенные покосы, рыбные и звериные ловли «по Волге вверх и вниз от города Самара по пяти верст», с речками, озерами, ериками, островами, песчаными косами и со всякими угодьями по обе стороны реки Самары. По указу из Симбирской провинциальной канцелярии в 1727 г. подтверждалась передача этих рыбных ловель, сенных покосов и прочих угодий по Волге и Самаре «в вечное содержание» самарским горожанам и казакам²⁵.

Однако, «вечное содержание» этих угодий «самарянами» (именно так называли себя жители города в XVIII – первой половине XIX в.) длилось недолго. По указу той же симбирской канцелярии от 12 июня 1764 г. часть угодий вниз по Волге была передана во владение полковнику П.И. Порецкому и крестьянам с. Винновки²⁶.

К последней трети XVIII в. промысловые и сельскохозяйственные угодья горожан на юге сократились до той части волжской и самарской поймы, что лежит непосредственно близ города. Между тем территория к югу от р. Самары использовалась все более интенсивно, по мере того, как значительная площадь самарских земель к северу от города за Студеным оврагом и у Семейкинского леса занималась государственными крестьянами, захватывалась помещиками, изымалась в казну. Перемещение главных городс-

ких выгонов с охраняемого правого берега р. Самары на ее незащищенное левобережье подвергало табуны и стада опасностям со стороны кочевников-калмыков.

Разведение скота и торговля продуктами собственного животноводческого хозяйства на протяжении всего века оставалось главным занятием для значительной части горожан. Кто был побогаче, тот содержал скот на хуторах за городом, где было больше кормов. Изолированные на хуторах стада оказывались также менее подверженными болезням.

Наряду с продажей животноводческой продукции не меньшую роль играл рыбный торг. Хотя у самарских жителей были собственные рыбные ловли по Волге, Моче и Иргизу, в основном они торговали рыбой, привезенной с Яика. В первой половине XVIII в. рыбу доставляли оттуда только зимой. На специальном дворе рыботорговцы сдавали в казну «десятую долю» своего товара, которая тут же поступала в продажу, а вырученные деньги в казенный доход. От продажи той «десятой доли» казна выручала до 8 тыс. руб. в год²⁷.

С середины века сухопутной дорогой на Яик стали пользоваться и летом. После паводка ежегодно наводился мост через р. Самару, а при необходимости и через Мочу, Иргиз, другие реки. На самарских горожанах лежала ответственность за содержание шести «уметов» — постоянных дворов на дороге до Яицкого городка.

В обмен на рыбу и икру яицкие казаки получали, прежде всего, хлеб. По мере освоения плодородных земель левого берега Волги, в междуречье Самары, Сока, Кинеля и Черемшана излишки хлеба стали вывозиться не только в уральские степи, но и в другие районы страны. Рост хлебной торговли постепенно отодвигал на второй план сбыт продуктов животноводства и рыболовства.

Продажа соли, которую везли посуху с Южного Урала или водою из Нижнего Поволжья, являлась казенной монополией. Для пресечения контрабандной торговли солью и другими товарами с Яика в 1750 г. возле Самары пришлось установить заставы.

Из всего объема торговли лишь ее малая часть оставалась для удовлетворения потребностей немногочисленных горожан. Об объеме торговли обычных городских лавок в Самаре дают данные 1765 г. В щепетильном ряду две лавки купца Д.Ф. Рукавкина вместе давали самый высокий годовой доход для данного ряда: 2 руб. 40 коп. Три лавки купцов Аникина, Выдрина, Шерстобитова приносили общий доход всего в 90 коп. Более прибыльным был мясной ряд, там три лавки того же Рукавкина приносили общий доход в 9 руб.

50 коп, а четыре лавки бургомистра И. Халевина – 11 руб. Рядом торговали другие лавки, прибыль которых не превышала 1 руб. 25 коп.²⁸

Во время пребывания в Самаре В.Н. Татищева им было начато строительство большого гостиного двора. На казенный счет поставили 4 амбара для хранения товаров, но правительство вменило расходы на это строительство начальнику Оренбургской комиссии в упрек, поскольку в Самаре имелось много частных домов, в которых не трудно найти «купеческим товарам для поклажи места». Действительно, содержание на своих дворах приезжих и хранение купеческих товаров составляли обычный промысел и источник дохода для жителей города. В 1765 г. дворы для этих целей предоставляли 27 горожан, еще 25 содержали 4 городских постоянных двора в складчину²⁹.

Распространенным промыслом, связанным с обслуживанием торговли, являлся гужевой извоз. Жители Самары нанимались для доставки товаров на собственных лошадях до Москвы, Казани, Урала и Оренбурга, а обратно везли из Москвы щепетильные изделия, из Казани – сафьяны и конские приборы, с Урала – рыбу, а из Оренбурга – соль, поставляемую на казенные склады³⁰.

В Самаре и ее пригороде Алексеевске купцов и других посадских людей (взрослых и сыновей) вместе насчитывалось по II ревизии в 1744 г. 437 душ мужского пола, а в 1762 г. – 485 душ м.п.³¹ Рост посадского населения, таким образом, составил 11% за 18 лет.

Около половины посадских жителей Самары составляли лица, не имевшие собственных мастерских или лавок и работавшие в основном по найму. 30 % посадских занимались ремеслом, 20 % торговлей. Крупных торговцев практически не было³².

Посадское население городов Поволжья постоянно увеличивалось не только за счет естественного прироста, но и в результате приписки к городским общинам новых членов из других сословий, поселившихся «своими дворами» или работниками «при домах хозяйских» в городской черте. Обязательным условием «приписки» выступало участие в торговле или промыслах. По этим признакам городские сословия пополнялись из отпущенных на волю помещичьих крестьян и дворовых людей, из государственных и дворцовых крестьян разных национальностей, из отставных служилых людей, а также из «не знающих своих помещиков», то есть беглых.

Самарские казаки также занимались хлебопашеством и скотоводством, промыслами и торговлей, мало отличаясь по своим за-

нятиям от посадских людей. Некоторые из них переходили в городские сословия. 24 сентября 1768 г. оренбургский губернатор подписал «ордер» (приказ), по которому 15-летний самарский казак Алексей Хопрянинов переводился в купеческое сословие. Он имел более тысячи рублей капитала, обращающегося в торговле, и желал устроить мыльный и кожевенный заводы, а потому, считал губернатор, «купцом Хопрянинов будет более полезен, чем казаком»³³.

Численность находившихся на службе казаков в Самаре и в Алексеевске в третьей четверти XVIII в. составляла до ста человек в каждом из этих населенных пунктов³⁴. Таким образом, в Самаре и ее пригороде число казаков было примерно таким же, как и общее количество представителей податных сословий (купцов и других посадских людей). Кроме того, в Самаре жили отставные чины из армейских полков, которых в 1770-е гг. насчитывалось 128 душ мужского пола³⁵. Они, как и казаки, состояли под управлением Самарской комендантской канцелярии, что подчеркивало роль военных властей в управлении заволжским городом.

Помещики-дворяне, чиновники, офицеры являли немногочисленные группы постоянных жителей городов Самарского края. Невелика была и принадлежавшая им дворня. Историк справедливо писал: «Самара никогда не была, что называется дворянским гнездом. В сословиях, к которым принадлежали ее жители, всегда преобладал торгово-промышленный элемент»³⁶.

Небольшое число крепостных дворовых людей имелось не только у дворян, но и у богатых купцов и казачьих командиров. Всего в Самаре по II ревизии числилось 34 души м.п. дворовых людей, а по III ревизии их было 79 душ м.п.³⁷ Дворовые люди были разной национальности. У купца Д.Ф. Рукавкина было трое, а у самарского бургомистра И.И. Халевина пятеро дворовых слуг из пленных башкир. Дворовый человек ратмана В.И. Синицына происходил из кубанских татар³⁸.

В городской среде ассимиляция иноязычных выходцев русским населением происходила очень быстро. О каких-то обособленных этнических группах в городской общине Самары того времени нам по документам ничего не известно. Всех жителей обоего пола на рубеже 1760–1770-х гг. насчитывалось в Самаре вместе с пригородом Алексеевском более 2 тыс. чел. Среди них русские составляли подавляющее большинство.

§ 3. Органы власти и самоуправления

С 1708 г., когда было введено новое административное деление страны, Самара значится уездным городом Казанской губернии. В 1717 г. ее уезд переводится в Астраханскую губернию, а со следующего года числится в составе Симбирской провинции (промежуточного звена местного управления между губернией и уездом). Вскоре эта провинция была передана вновь в Казанскую губернию.

Во главе самарских властей оставался воевода, наделенный очень широкими полномочиями. Так, в законе было установлено право воевод брать под стражу неплательщиков подати. В 1731 г. воевода Кушников принудил самарских купцов взять на себя выплату завышенной суммы кабацкого сбора — казенного дохода от продажи вина, а недовольные этим решением «держаны были и морены в тюрьме в цепях и в колодках»³⁹.

В первой половине XVIII века в городе действовали следующие правительственные учреждения: воеводская канцелярия, орган городского самоуправления, крепостная контора по оформлению различных актов и сделок («крепостей»), таможня для сбора торговых пошлин. Для управления непосредственно городом и гарнизоном вводились должности городничего или коменданта. Им могли поручаться обязанности воеводы, и последняя должность в таком случае упразднялась.

Орган городского самоуправления в разное время называли ратушей или магистратом. Его члены, по закону, должны были избираться из купцов и ремесленников, но не любых, а только из «первостатейных, добрых, пожиточных и умных»⁴⁰. В ведении магистрата или ратуши находились, прежде всего, сбор податей, несение жителями государственных повинностей, а также судебные тяжбы между горожанами. Вообще неразделенность распорядительной, исполнительной и судебной функций была типична для органов власти и самоуправления в ту эпоху.

По традиции главные правительственные учреждения и казенные службы города располагались на территории крепости даже тогда, когда военное значение было ею утрачено. В 1728 г. здесь размещались воеводская канцелярия, жилые дома воеводы и коменданта, караульная изба, две конюшни, каменный пороховой погреб, церковь. Самарский магистрат располагался за пределами крепости в жилой части города.

Вместе с обычными для уездных городов учреждениями в Самаре в первой половине 1730-х гг. находилась команда тайного советника Ф.В. Наумова, руководившего строительством новой Закамской линии, а с 1736 г. разместился штат Оренбургской экспедиции, на которую возлагались задачи закрепления под властью российского монарха обширных территорий Заволжья и Южного Урала, земледельческого и промышленного освоения этих земель, развитие торговых и политических связей с народами Казахстана и Средней Азии. Сложность поставленных задач требовала и достаточных воинских сил, и опытных инженеров, геодезистов, переводчиков, коммерсантов, и решительных, гибких, разносторонне образованных руководителей. По своим рангам и положению командиры Оренбургской экспедиции входили в число высших администраторов государства наравне с губернаторами. За время пребывания штата экспедиции в Самаре ее последовательно возглавляли видные государственные деятели из младшего поколения «птенцов гнезда Петрова» — сподвижники и последователи царя-реформатора: И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, В.А. Урусов, И.И. Неплюев. При Неплюеве подразделения экспедиции переводятся из Самары в утвержденный на современном месте Оренбург, который стал в 1744 г. центром новой обширной губернии, а

*В.Н. Татищев. Портрет.
Неизвестный художник*

сам Неплюев ее первым губернатором. Временно располагались в Самаре и некоторые другие правительственные учреждения. Так, в 1754 г. из Мензелинска в Самару было переведено соляное комиссарство — управление добычей и продажей казенной соли. Однако в 1764 г. это учреждение в Самаре было упразднено.

Взаимоотношения городских властей с учреждениями чрезвычайного назначения, пребывавшими в Самаре, могли осложняться разногласиями и пересечением интересов. Высокопоставленные руководители этих учреждений не считались с нуждами местной администрации,

стремясь подчинить ее действия решению своих задач. В 1734 г. Сенату пришлось рассматривать сразу несколько дел, поднятых самарским воеводой майором Обуховым по поводу действий тайного советника Наумова и его подчиненных. Сообщения воеводы интересны тем, что в них выделены некоторые основные функции и задачи местных властей.

Денежную казну из собранных в Самаре налогов, которую надлежало отправить в Симбирск, воеводе посылать было не с кем, как некому было собирать налоги с недоимками. Дело в том, что назначенных к взысканию податей и доимки сборщиков, самарских дворян и казаков, солдат и рассыльщиков, сторожей и подьячих Наумов взял в свою команду, прислав взамен в канцелярию для охраны денежной казны и колодников 11 дряхлых, престарелых и почти слепых отставных, у которых не имелось никакого оружия. Из-за этого была также парализована работа местной канцелярии.

Одной из важнейших задач местных властей была борьба с «корчемством», незаконной продажей водки, подрывавшей государственную монополию на торговлю этим прибыльным товаром. В феврале 1734 г. полицмейстер К. Меленсков в сопровождении посадского человека П. Бородулина, «определенного от Самарской ратуши для смотрения и выемки корчемных напитков самарского», изъяли в домах у капрала и двух драгунов Сергиевского ландмилицкого полка корчемную водку. Несмотря на двукратное обращение, от виновных не удалось получить не только «штрафных денег», но и никакого ответа. Об этом жаловались самарские и казанские власти в Сенат, добавляя, что из-за корчемства кабацкий сбор, пополнявший казну, в Самаре оказался очень незначительным.

Впрочем, самарские воеводы сами старались выгородить собственных подчиненных, оказавшихся в сходных ситуациях. В 1740 г. симбирская провинциальная канцелярия потребовала у самарского воеводы прапорщика Новикова взыскать 15 руб. с «комиссара» — сборщика податей И. Попова, не сданные тем при переводе со службы из Симбирска. Вместо денег Новиков отправил в Симбирск показания Попова, в которых отрицается справедливость этого начета⁴¹.

Самара постепенно утрачивала свое административное значение. Более молодые соседние города становятся выше нее по рангу, становясь центрами провинций (Симбирск, Ставрополь) и даже губерний (Оренбург). Однако даже уездный статус Самары ока-

зался под вопросом. В 1764 г. было принято решение о переводе ее в разряд «заштатных», то есть безуездных городов. Села и деревни бывшего Самарского уезда должны были быть переданы в Сызранский.

Город Самара и пригород Алексеевск формально находились в пределах Симбирской провинции Казанской губернии. Однако они и их округа находились в сильной зависимости от оренбургских властей. Лишившись собственного воеводского управления, которое было одновременно военным и гражданским, Самара оказалась в двойном подчинении властям разных губерний. Гражданскую власть в городе, распространявшуюся на купцов и прочих посадских людей, представляли комиссариат и магистрат, подчиненные Казани. Военная власть вместе с заботами об оборонительных укреплениях и гарнизоне, включая управление той частью города, которую занимали солдатские и казачьи дворы, сосредотачивалась в руках коменданта, назначаемого Оренбургом.

В 1768 г. Сенат представил доклад императрице об окончательной передаче города Самары в Оренбургскую губернию, потому что ее жители в большинстве своем находились в подчинении оренбургского губернатора, но этот доклад не был утвержден Екатериной II. После повторного обращения Военной коллегии и Сената в 1773 г. был все-таки издан указ о переводе Самары в ранг приписанной к г. Ставрополю слободы. Реализовать это решение не успели. Крестьянская война 1773–1775 гг. заставила правительство для укрепления власти на местах провести масштабную административную реформу и вернуть Самаре статус уездного города⁴².

§ 4. Облик города и развитие культуры

О внешнем виде города в рассматриваемое время можно судить по уникальному свидетельству, оставленному художником-очевидцем. Облик Самары конца 1730-х гг. был запечатлен сотрудником Оренбургской экспедиции Джоном Кэстлем⁴³. Сделанная по его рисунку гравюра превосходит по достоверности более ранние изображения этого города из книг А. Олеария или К. де Бруина. Дело в том, что Дж. Кэстль – первый из художников, который видел и рисовал Самару, не просто проплывая мимо нее по Волге, а прожив здесь несколько лет.

На гравюре среди рядовой тесной жилой застройки бросаются в глаза традиционные для любого старинного русского города стро-

ения, не связанные напрямую с пребыванием Оренбургской комиссии. Это, прежде всего, каменные и деревянные храмы, а также крепостные сооружения. Гравюра дает единственную на сегодняшний день возможность представить себе храмы Самары тех лет, поскольку из них ни один не сохранился до настоящего времени. Ни одной из изображенных здесь построек не существовало уже в XIX в., кроме церкви Спасо-Преображенского женского монастыря. Этот храм, простоявший с конца XVII в. до 1952 г., находится в правой части гравюры ближе всех к р. Самаре и представляет собой каменную центрическую постройку популярного в русском барокко типа «восьмерик на четверике».

Самара в середине 1730-х гг. Гравюра по рисунку английского художника Дж. Кэстля. См.: Смирнов Ю.Н. Новый источник по истории Самарского края XVIII века и его автор. О «Дневнике» и гравюре Джона Кэстля // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1998. № 1–2

Небольшой храм слева от него и выше на холме является каменной Никольской церковью, где был похоронен в 1737 г. И.К. Кирилов. Для этой же «церкви святителя Николая» в 1739 г. был отлит «по усердию тайного советника Татищева» колокол. В 1741 г. возле той же церкви был погребен В.А. Урусов, преемник Татищева на его должности в Самаре. В 1744 г. Никольский храм стал приделом нового Казанско-Богородицкого собора (на гравюре его еще нет), который своим типом «восьмерика на четверике» походил на Спасо-Преображенскую церковь. Внутри это-

го собора оказались и упоминавшиеся могилы выдающихся государственных деятелей России. Эти могилы оказались утрачены вместе с разрушением собора в XX в.

Остальные церкви Самары были деревянными и весьма разнообразными. На переднем плане близ берега Волги можно увидеть все основные распространенные на Руси типы деревянных храмов: клетский, шатровый, многоярусный. К первому типу относится древнейшая соборная церковь Самары – Троицкая, что стоит ниже всех по Волге в древнейшей части города там, где когда-то находился кремль XVI–XVII вв. Похожей клетской постройкой с легкой шатровой колокольней является и одна из церквей мужского Спасо-Преображенского монастыря, помещенного художником почти в центр рисунка. Рядом с ней возвышается другой монастырский храм, который увенчан очень высоким деревянным шатром. В левой части гравюры видна ярусная (два уменьшающихся кверху восьмерика на четверике) Вознесенская церковь и при ней еще одна шатровая колокольня. Церковь расположена почти на самом краю жилой застройки в пределах одноименной Вознесенской слободы⁴⁴.

Из крепостных сооружений особенное впечатление производит возвышающаяся над городом сторожевая башня, названная художником «Wachthurm». Ее можно сопоставить с известной по описаниям Самары «обвахтой» (от немецкого «обервахта» или «гауптвахта»), стоявшей у проезжих ворот крепости. Действительно за этой башней-караульной на гребне холма виден земляной вал городской цитадели, поставленной за пределами жилых кварталов. Над ним выглядывают кровли находящихся внутри вала строений. От вала влево тянется и спускается к Волге цепь деревянных построек, промежутки между некоторыми забраны оградой. Эти защитные сооружения закрывают подход к городским улицам и слободам со стороны степи между цитаделью и рекой. Как уже говорилось, ближайшая к берегу башня называлась Волжской. От нее «палисад»-часток поднимается к еще одной безымянной башне и продолжается далее до городских проезжих Вознесенских ворот, которые на рисунке проглядывают за Вознесенской церковью.

Подтверждением достоверности рассмотренного изображения является краткое описание Самары, сделанное буквально в те же годы. Это описание вполне подошло бы в качестве подписи к рисунку Кэстля: «Город Самара. На берегу Волги и Самары реки. У Волги влеве, у Самары вправо на самых вилах, где впадает в

Волгу Самара, с восточную сторону имеет вал земляной и была деревянная городьба, коя почти уже рассыпалась. Церковь Николая чудотворца каменная, соборная (Троицкая. — Л. А.) и одна приходская (Вознесенская — Л. А.) и два монастыря, мужской и женской; канцелярия и воевоцкой дом деревянные... Ныне в том городе оренбургского командира дом и прочаго строения канцелярия, сарай, служительские казенные дома, школы немалым числом построены»⁴⁵.

В отличие от церквей и укреплений, гражданские строения общественного назначения или отдельные жилые дворы на гравюре никак не обозначены и графически ничем не выделяются из рядовой застройки. Можно сделать вывод, что особым размахом казенное и частное строительство в Самаре не отличалось. Оно исходило из узких практических нужд. Излишних усилий на придание представительности и выразительности зданиям даже общественного назначения, за исключением культовых, не предпринималось.

Все жилые дома в Самаре XVIII века оставались деревянными, что требовало постоянных забот о противопожарной безопасности. В 1765 г. вспыхнул третий по счету с 1745 г. большой пожар, унесший «церквей каменных две, деревянных две же, магистрат, воеводский дом и все тамошняго купечества лавки, два кабака, да обывательских 418 дворов, людей женска пола 2 человека». От огня «с великим трудом» были сохранены соборная церковь, поховой погреб, склады казенного продовольствия, водки и соли, ведавший сбором податей комиссариат и всего лишь 170 «обывательских дворов». После этого пожара из города вывели кузницы и скотобойни, опасные в пожарном отношении. Жителям рекомендовалось увеличить расстояния между постройками и строить дома каменные или на каменном фундаменте, но эти рекомендации не помогли, и постоянная угроза пожаров продолжала преследовать горожан. В 1772 г., например, в одну ночь сгорело 76 домов⁴⁶.

В XVIII в. отмечалось, что в Самаре «воздух всегда чистый, благотворный и для жития весьма здоровый». Городские власти наблюдали за соблюдением чистоты и уборкой мусора с улиц и дворов. Мусор первоначально свозился в яму около Убогого дома (богадельни) на окраине города, в 1741 г. ее засыпали и отвели новое место под свалку в нескольких верстах от города⁴⁷.

Город и его окрестности изобиловали таким количеством насекомых, что это удивило бывалого путешественника и натуралиста

академика П.С. Палласа. Как ученый, он обрадовался, увидев много редких и любопытных насекомых, но признал, что нигде весной не видел такого множества клещей, а летом люди и скот здесь претерпевали настоящее мучение от слепней, оводов, комаров и

мух. Единственной защитой служила придуманная самарянами сетка, смоченная дегтем и одетая на голову. Всякий идущий в поле надевал такую сетку, хотя этот способ из-за запаха дегтя был не очень приятен⁴⁸.

За городом жители собирали разные травы, использовавшиеся в качестве лекарств и косметики. Паллас писал, что особенно популярной была румяница, чей корень имел заметный красный цвет. Местные девушки собирали этот корень, мазали маслом и употребляли вместо румян⁴⁹. Отдаленного Самарского края, не отличавшегося высоким уровнем хозяйственной и общественной жизни, тем не менее, коснулись свежие идеи и дела «эпохи Просвещения», как часто называют XVIII век. С нашим краем связаны важные эпи-

П.С. Паллас. Худ. Ф. Крюгер

зоды научной деятельности И.К. Кирилова и В.Н. Татищева. Обер-секретарь Сената И.К. Кирилов, крупный ученый своего времени (экономист, статистик, географ, картограф), был инициатором Оренбургской экспедиции, являвшейся частью стратегического плана продвижения российских интересов, влияния, владений в Азию, Тихоокеанский регион, Северную Америку⁵⁰.

Самара с 1737 г. стала не только военным и административным штабом экспедиции, но и центром научных изысканий, которые также входили в число ее задач. Исследования вели инженеры, геодезисты, медики, переводчики и другие специалисты. Среди них был выдающийся ученый-самоучка П.И. Рычков, связавший с Заволжьем и Приуральем всю свою жизнь. Во время работы в Самаре он начал подготовку к написанию большого труда об Оренбургской экспедиции⁵¹.

Даже после переезда со штабом экспедиции в Оренбург П.И. Рычков не раз бывал в Самаре, хорошо знал город, его ближние и дальние окрестности, рассказывая о них в своих сочинениях по истории, географии, экономике. За эти труды, имевшие значение не только для регионоведения, но и для российской геополитики, но он был первым удостоен почетного звания члена-корреспондента Петербургской Академии наук⁵².

Наиболее яркой страницей в культурной жизни Самарского края XVIII века стало двухлетнее пребывание здесь одного из самых просвещенных людей эпохи, замечательного русского ученого-энциклопедиста В.Н. Татищева. Он возглавил Оренбургскую экспедицию в 1737 г. после смерти И.К. Кирилова. Став

фактически наместником огромного малообжитого края, Татищев не оставлял научных исследований. Некоторые из них соприкасались с его поручениями по гражданскому и военному управлению. Так были осуществлены описание и картографирование Самарской Луки, волжских берегов и других территорий. Однако интересы ученого выходили за узкие рамки утилитарных задач. В самарский период Татищев работал над «Общим географическим описанием Сибири», обосновал «Предложение о сочинении истории и географии» — анкету из 198 вопросов по географии, экономике, истории, этнографии и начал рассылать ее по городам страны. Не оставлял он и занятия своей любимой историей. В Самаре он закончил подготовку к публикации Судебника Ивана Грозного и значительной части своего самого главного и знаменитого труда «Истории Российской».

Среди административных построек и служб Оренбургской экспедиции в Самаре появились госпиталь, аптека с «огородом» лекарственных трав и лабораторией. Определение об их устройстве Татищев подписал 11 сентября 1737 г. В нем говорилось о необхо-

П.И. Рычков. Худ. Ф. Крюгер

димости лечения больных в стационаре, поскольку выросло число больных, особенно среди солдат, драгун, ремесленников и рабочих людей. Доктору и лекарю, ходя по разным дворам, их осматривать неудобно и нельзя проконтролировать, как те принимают и хранят прописанные лекарства, а из-за незнания и неосмотрительности больных не только лекарства напрасно пропадают, но и люди себя больше губят, нежели лечат. Госпиталь представлял собой две избы с сенями и поварней. К нему было определено необходимое число людей для ухода за больными по медицинским правилам и предписаниям врачей. Чтобы снабжать госпиталь лекарствами, предписывалось построить помещения для лаборатории, хранения лекарств и проживания аптекаря, а также устроить огород для выращивания лекарственных трав и кореньев. Аптекарю было предложено стараться собирать дикорастущие травы, корни, семена, годные для лекарств, и обучать учеников знаниям этих лекарственных растений. Те лекарства, медицинские инструменты и аптекарскую посуду, которые нельзя было разыскать в Самаре, следовало выписывать из Москвы. Сотрудники и служащие Оренбургской комиссии могли лечиться и получать лекарства бесплатно, медицинская помощь членам их семей и остальным жителям Самары оказывалась за плату⁵³.

Дело стало за опытным доктором. В октябре того же 1737 г. Татищев уволил из штата ботаника, который Татищеву показался в делах ненужным. Вместо него для Оренбургской комиссии стали искать доктора медицины или химии, и в результате в Самару прибыл доктор медицины Ф. Риндер⁵⁴. Еще одного хорошего врача для экспедиции нашли в лице Я. Грива, англичанина, которого Татищев очень ценил и просил в 1740 г. отпустить с ним из Самары на свое новое место службы в Астрахань. Однако Самару Грив покинул только спустя два года, получив место главного доктора в Петербургском сухопутном госпитале⁵⁵. К сожалению, полезные для Самары начинания В.Н. Татищева в области здравоохранения не сохранились и не получили дальнейшего развития после отъезда из города руководства и специалистов экспедиции.

В ученых занятиях Татищеву помогали не только перечисленные медики или упоминавшийся уже П.И. Рычков, но и другие сотрудники. Из Самары в Академию наук были отправлены переводы книг по грамматике и синтаксису, а также универсальный латинско-русско-немецкий лексикон, выполненные Кондратовичем. По распоряжению Татищева в Самаре был сделан перевод глав книги шведского географа и историка И. Страленберга о «со-

стоянии полунощной восточной части Европы и Азии» и рукописной «Татарской истории» Абулгаза-Багадур-хана. Из Коллегии иностранных дел Татищев просил выслать «исторические книги» о калмыках для перевода в Самаре, где «переводчиков есть не мало»⁵⁶.

Большое внимание Татищев уделял изучению истории и языков народов Поволжья. В его планах было создание в Самаре татарской и калмыцкой школ. Правда, до конца организовать работу школ самому Татищеву, отставленному от комиссии в 1739 г., не удалось. По-настоящему работа школ началась уже после назначения руководителем комиссии В.А. Урусова. В реестре дел Оренбургской комиссии говорится, что именно при нем были заведены татарская и калмыцкая школы. Их преподавателями были «студент калмыцкого языка» Иван Ерофеев и знаток татарского, арабского, персидского, турецкого языков ахун, т. е. учитель и богослов, Махмуд Абдурахманов. В них соблюдался принцип совместного обучения молодых людей разной национальности.

В марте 1741 г., извещая Татищева, озабоченного судьбой своих начинаний, об успехах татарской и калмыцкой школы в Самаре, Урусов писал, что устройство этих школ поручено П.И. Рычкову, чья «охота и прилежность» к делу просвещения и науки были всем хорошо известны. В свою очередь, Рычков сообщал тогда же Татищеву, что Урусов «все заведенные здесь школы, над коими никакого призрения не было» приказал собрать в одно здание и взять их под внимательный присмотр.

По сути, начатому при Татищеве обучению языкам народов Поволжья была придана более правильная организация, учебный процесс обеспечивался постоянным помещением, устанавливался должный контроль за школьным делом. В источниках существовавшие при комиссии школы называют то во множественном числе, то одной «комисской» школой. Противоречия здесь нет. В учебном процессе эти школы, или, по-современному говоря, специализированные классы (отделения), были действительно мало связаны друг с другом, но в административном отношении они вместе были особым учебным подразделением Оренбургской комиссии, во-первых, готовившим кадры для нее самой и, во-вторых, дававшим образование детям военных, чиновников, других лиц, состоявших при этой комиссии.

В 1741 г. в Самаре при школе «в разных науках» состояло 52 чел., из которых в трех русских классах, где школьники обучались церковному пению, грамоте и письмоводству, числилось 37 чел.

(или 71 %), в татарской школе – 10 чел. (19 %) и в калмыцкой – 5 чел. (10 %). Не только учителя и школьная прислуга, но и сами ученики считались на государственной службе, за которую получали казенное жалованье. Полученное здесь образование открывало возможность для дальнейшей карьеры. Так, татарскую школу закончил будущий сотрудник оренбургской губернской канцелярии, «заграничных дел секретарь» Петр Чучалов.

Об уровне преподавательского состава и подготовки учеников в самарской школе говорит и тот факт, что в ней велась работа над татаро-калмыцко-русским лексиконом и переводами книг с восточных языков, ее услугами не раз пользовалась столичная Академия наук. На одном из таких переводов в академическом архиве сохранилась примечательная приписка М. Абдурахманова: «Я, все-нижайший и многогрешный раб ... по просьбе моего почтенного друга ... перевел с арабского на татарский язык сию малую книжицу..., дабы всенародно татарскому языку она я книжка известна бысть могла. С татарского на русский язык переведена при учрежденной в Оренбургской комиссии татаро-калмыцкой школе в феврале месяце 1741 г.» Упомянутый знаток языков Востока, до поступления на службу в Оренбургскую экспедицию бывший учителем и переводчиком влиятельного казахского султана Эрали, не был силен в русской грамоте, поэтому переводы осуществлялись в два шага. Сначала ахун переводил по-татарски, а затем его ученики готовили русский текст. «Почтенный друг», упоминаемый ахун, – это П.И. Рычков. В свою очередь, последний также тепло отзывался о татарском учителе, интересовался системой традиционного мусульманского образования, о чем писал В.Н.Татищеву, посылая «реестр арабским наукам», который ахун дал ему и сказал, что некоторые книги о тех науках можно достать в Бухаре⁵⁷.

К сожалению, первые зачатки школьного дела в Самаре остались недолговечными. В связи с постройкой Оренбурга и превращением его в 1744 году в центр новой губернии туда со временем были переведены подразделения и службы Оренбургской комиссии, включая школы. В середине – второй половине XVIII в. в Самаре не было ни учебных заведений, ни понимания их необходимости. В 1764 г. в ответ на указ о посылке купеческих детей на обучение за границу местное купечество заявило, что желающих воспользоваться такой возможностью никого нет⁵⁸.

Научное изучение природы, жизни людей и истории Самарского края, начатое трудами В.Н. Татищева, П.И. Рычкова и их сослуживцев по Оренбургской комиссии, продолжила академи-

ческая экспедиция, организованная по планам великого Ломоносова, отряды которой работали на территории края в 1768–1769 гг. Их возглавляли молодые академики П.С. Паллас, впоследствии всемирно известный биолог, и И.И. Лепехин, выдающийся русский ученый-просветитель. Среди руководителей отрядов были опытный профессор И.П. Фальк и капитан Н.П. Рычков, сын П.И. Рычкова. С ними начинали свой путь в науку в качестве сотрудников экспедиции будущие знаменитые российские ученые Н.П. Соколов, Н.Я. Озерецковский, В.Ф. Зуев.

Будучи номинальным руководителем всех академических отрядов, посланных на восток страны, Паллас постарался выбрать наиболее интересный для ученого-натуралиста маршрут по тогда еще малотронутой человеком территории в окрестностях города Самары и в междуречье Самары и Кинеля. «Самарскую страну описали мне столь изрядную, что я полезнее почитал ожидать там весны, нежели долее медлить в Симбирске», — пояснил свое решение ученый, приехавший в Самару в начале марта 1769 г. Несколько раз покидал он город для дальних и ближних поездок, но окончательно уехал отсюда только 16 июня. Рассказ Палласа о природе нашего края — это прежде всего яркое повествование о ее весеннем пробуждении и бурном расцвете в начале лета: «В приятное весеннее время имел я ... удобный случай осмотреть сию изрядную страну»⁵⁹.

§ 5. Участие жителей Самары в Уложенной комиссии 1767–1768 гг.

Во второй половине XVIII в. самодержавие в России пыталось модернизировать страну в соответствии с меняющимися условиями жизни путем осуществления политики «просвещенного абсолютизма». Одним из наиболее ярких проявлений этой политики явился созыв в 1767 г. комиссии для составления проекта нового Уложения (свода законов). Допущенные к участию в работе Уложенной комиссии сословия, в число которых не вошли только частновладельческие крестьяне, представили свои многочисленные требования, прозвучавшие в наказах избирателей и выступлениях депутатов.

Депутатом от основной части жителей Самары был избран купец Д.Ф. Рукавкин. Ему вручили наказ, подписанный 75 горожанами: 2 чиновниками, 3 должностными лицами местного само-

управления (бургомистр И. Халевин, ратман В. Сеницын, словесный судья и купеческий староста И. Малеев), 52 купцами, 10 цеховыми мастерами, 8 отставными военнослужащими⁶⁰.

В наказе с тревогой отмечалось, что количество отведенных жителям города земель и различных угодий постоянно сокращалось из-за занятия их самовольными переселенцами и передачи властями другим владельцам. Значительное место в наказе занимали жалобы на всевозможные налоги и повинности, отягощавшие городских жителей, прежде всего на содержание постоянных дворов — «уметов» — по дороге от города через дикую степь в казачий городок на реке Яик⁶¹.

Тяжелыми налогами были обложены бани и продажа лошадей, причем суммы платежей произвольно, но неуклонно увеличивались сборщиками податей — откупщиками. Через Самару везли сосланных на поселение в Сибирь в сопровождении воинских команд, а на жителей ложилась постоянная повинность. Бывало, что на одного хозяина приходилось по 5 и более постояльцев. В наказе предлагались меры по упорядочению несения повинностей и по облегчению податного бремени.

Развитие торговли в Самаре сдерживалось отсутствием системы кредита. В связи с этим наказ горожан содержал просьбу поручить самарскому магистрату до четырех тысяч рублей для организации выдачи банковских кредитов под определенный процент.

Наказ содержал также просьбу предоставить купцам и отставным нижним чинам право покупать крепостных. Зажиточная часть горожан стремилась закрепить в законе существующую практику использования принудительного труда.

Документ сообщал, что в Самаре «торг и промысел» для каждого жителя составляют «главное основание и надежду» в жизни. Действительно, торговлей и ремеслом занимались здесь не только купцы и цеховые, но и казаки, которые «имеют и чинят разные торги», а их старшины совершают «большие покупки и продажи», имеют «и кожевенные заводы, и рыбные промыслы»⁶².

Защищая свои сословные привилегии в торговой деятельности от конкурентов, самарское купечество требовало тех старшин и казаков, чье основное занятие состоит в торгах и промыслах, написать в купечество, а тем из них, кто не станет купцом, «оним торгов и всякой промысел иметь, под страхом, накрепко запретить». Однако, в отличие от ряда купеческих наказов других городов, в наказе из Самары не ставился вопрос о полной купеческой мо-

нополии торговли. Если правительство не пойдет на полное запрещение казачьего «торгу и промыслу», пусть те, подобно городским купцам и ремесленникам, платят определенную часть своих доходов в магистрат⁶³.

Очевидна непоследовательность самарского наказа в вопросе о торговых занятиях казаков. Документ механически зафиксировал две точки зрения на этот вопрос, отразившие интересы двух групп купечества Самары. Одна последовательно отстаивала свои сословные права, ее представителем был депутат Д. Рукавкин. Другая группа купцов имела тесные деловые и родственные связи с казаками, ее возглавлял бургомистр И. Халевин. Он был двоюродным братом Т. Подурова, депутата Уложенной комиссии от оренбургских казаков, а впоследствии сподвижника Пугачева.

Другой его родственник, А. Халевин, числился войсковым писарем Оренбургского казачьего войска и его подпись стоит под наказом депутату П.С. Хопренинову, сотнику из Самары, который стал общим представителем казаков «состоящих по Яику и Самаре». Дело в том, что казаки, проживающие в Самаре, приняли участие в выборах своего депутата вместе с казаками других крепостей Самарской и Верхнеяицкой линий: Ставрополя, Алексеевска, Красносамарской и Борской крепостей, Мочинской слободы и прочих поселений.

Казачество Самары и всего края жаловалось на тяжесть службы, которую приходилось нести безо всякого казенного жалования. Основным источником существования являлось занятие земледелием и различными промыслами, но значительная часть казачьих и лесных угодий, сенокосов и рыбных ловель отошла помещикам, крестьянам, посадским людям. Эти жалобы на тяготы службы и на малоземелье в основном исходили от рядового казачества, верхушка же сословия включила в наказ требование о предоставлении ей законом права владения крепостными людьми.

Самарское, ставропольское и оренбургское дворянство избрало общим депутатом самарского помещика майора И. Толстова, который и получил совместный наказ дворян трех уездов. Среди требований этого наказа выделялась просьба отдать помещикам земли, которыми владеют «на Самарской дистанции состоящие в крепостях жители, то есть отставные драгуны, и солдаты, и служащие казаки». У казаков дворяне не просто требовали отобрать часть земель, а предлагали вообще выселить всех их «выше по Яику на линию», то есть дальше на восток. Требования дворянского наказа по вопросу освоения земель Заволжского края задевали интересы

остальных сословий, но совпадали в принципе с позицией местной администрации, которая прозвучала в Уложенной комиссии в виде доношения оренбургского губернатора А.А. Путятина⁶⁴.

Уложенная комиссия начала работать в Москве в июле 1767 г. В ее заседаниях приняли активное участие самарские депутаты Д.Ф. Рукавкин и П.С. Хопренинов. Оба они выступили против разрешения государственным крестьянам скупать хлеб для перепродажи яицким казакам, поскольку купечество и казачество Самары стремилось сосредоточить выгодную хлебную торговлю с Яиком исключительно в своих руках. В то же время Хопренинов согласился с просьбой крестьян разрешить им продажу «съестных припасов» в городах в розницу. Рукавкин же последовательно отстаивал купеческую монополию на все виды торговли, в том числе розничную на городских рынках.

11 сентября 1767 г. Рукавкин поддержал мнение депутата города Енисейска о запрете крестьянам, не записанным в цеха, заниматься ремеслами, 19 октября подал мнение об отрицательных последствиях предоставления крестьянам права вести хлебную торговлю. Во время обсуждения законов о купечестве в октябре-декабре 1767 г. Рукавкин неоднократно присоединялся к тем городским депутатам, которые требовали запретить торговать и иметь промышленные предприятия крестьянам, дворянам, мещанам. Он же занял непримиримую позицию в отношении требований других сословий об ограничении купеческих привилегий в торговле, тем самым отказавшись от возможности компромисса, допускаемого городским самарским наказом. Все же Рукавкин не мог полностью игнорировать нужды казаков, живших с ним в одном городе. Он высказал мнение, что о них, как о военно-служилых людях, должна позаботиться казна, дабы казаки стали получать приличное жалованье и перестали выступать конкурентами посадских торговцев и ремесленников.

Купец Рукавкин проявил себя самым активным из депутатов Самарского края в Уложенной комиссии. Последнее его выступление прозвучало в Большом собрании в июне 1768 г. В конце того же года Комиссия фактически прекратила свою деятельность. Никаких конкретных решений она не приняла. Новое законодательство, на которое рассчитывали представители низших сословий — горожан, крестьян, казаков, — так и не было создано. В стране усиливался произвол чиновников и помещиков. Крах иллюзий, связанных с надеждами на Уложенную комиссию, явился одной из политических предпосылок грянувшей Пугачевщины⁶⁵.

§ 6. Самара в пугачевском восстании

В 1773 г. разрозненные антиправительственные выступления и глухое недовольство народных масс переросли в мощное восстание, по сути — гражданскую войну. Его возглавил донской казак Е.И. Пугачев, принявший имя убитого в 1762 г. императора Петра III. Это было совместное выступление всех недовольных крепостническими порядками, дворянскими привилегиями, тяжелыми помещичьими и государственными повинностями, всевластием чиновников. Под знаменем Пугачева вставали люди разных национальностей, выходцы из крестьян, горожан, военно-служилых сословий, работников и дворовых слуг. В числе территорий, охваченных пламенем восстания, оказался и Самарский край.

В связи с тем, что значительная часть гарнизонных войск ушла из Самары в поход на мятежников,

в распоряжении самарского коменданта И.К. Балахонцева оставалось менее 60 солдат и казаков, включая увечных, больных, престарелых и малолетних, а при имевшихся в городе пушках не оказалось ни одного канонира. Казанский губернатор Я.Л. фон Брант успокаивал Балахонцева, что, по его сведениям, нет такой опасности, чтобы повстанцы могли распространить действия до Самары, и обнадеживал скорым прибытием подкрепления из регулярных войск.

Действительно, главные силы пугачевцев не собирались двигаться к Самаре, но фон Брант не учел логики развития событий в условиях начавшейся гражданской войны, роста стихийного движения вне зоны операций повстанческой армии. Не принимались в расчет и настроения горожан, хотя посланный «для разведыва-

*Е.И. Пугачев.
Неизвестный художник. 1770-е гг.*

ния о злодее» капитан Бутримович предупреждал в рапорте от 4 декабря, что насчет Пугачева в Самаре «самый бедный народ радовался о том, чтоб поскорей пришел, чтоб им грабить богатых». Не была надежной и верхушка горожан, имевшая торговые и родственные связи с восставшими яицкими казаками. Так, близкий сподвижник Пугачева депутат оренбургских казаков в Уложенной комиссии Т.И. Подуров написал «уверительное письмо», что на Яике появился истинный царь, к самарскому бургомистру, своему двоюродному брату. Успехи пугачевцев подогревали симпатии к ним горожан, нежелание последних помогать правительственным войскам⁶⁶.

12 декабря самарский магистрат отказал коменданту Балахонцеву в предоставлении 60 вооруженных человек для защиты города «от нечаянного нападения». Балахонцев связывал угрозу для Самары сначала с появлением на реке Кинеле разъездов перешедшего на сторону пугачевцев атамана Тощкой крепости Н.Л. Чулошникова, а затем с начавшимся маршем И.Ф. Арапова от Бузулука по Самарской линии.

Сведения о численности отряда Арапова и его намерениях комендант имел весьма неточные. Отряд представлялся ему как «пятисотная злодейская армия», нападение которой ожидалось то в ночь с 22 на 23-е, то 24 декабря. Чтобы проверить готовность горожан к обороне, Балахонцев утром 24 декабря собрал их колокольной тревогой, но никто по той тревоги против «злодеев» ни с каким оружием не вышел. Комендант с опасением смотрел, как вышедшие на крепостной вал мужчины и женщины с пустыми руками стояли на валу и смотрели по дороге в степь, ожидая мятежников. Стало совсем очевидно, что горожане биться с пугачевцами не собирались. Еще более определенным было настроение ссыльных, которых в связи с прекращением отправки этапов в Оренбург скопилось в Самаре более 300 чел., и они явно намеревались присоединиться к пугачевцам.

Вечером того же числа из Алексеевска к Балахонцеву явился знакомый ему купец А. Коротков и сообщил, что в этот самарский пригород вошли 400 повстанцев с немалым количеством пушек, да еще ожидается подход 200 чел., после чего все они двинутся на Самару. Предположения коменданта о подавляющем численном перевесе сил противника как будто бы подтвердились. В шестом часу утра 25 декабря Балахонцев бежал с командой волжских казаков, находившейся в Самаре, и с несколькими солдатами, не предупредив ни жителей, ни даже остававшихся в городе

поручика И. Щипачева, двух сержантов и 30 рядовых гарнизонной роты, бросив в городе ссыльных и 6 пушек. Как выяснилось впоследствии, сведения Короткова были намеренной дезинформацией⁶⁷.

И.Ф. Арапов прибыл в Алексеевск ночью 23 декабря, заняв без боя в течение двух дней все крепости и поселения Самарской линии от Бузулука до Самары. Передовые разъезды его отряда вошли в самарский пригород сутками раньше, опечатали кабак и соляной амбар, выдержали стычку с разведчиками Балахонцева. 24 декабря после торжественного молебна и чтения пугачевского манифеста от 2 декабря 1773 г., в котором «Петр III» жаловал «истинных сынов отечества» — своих сторонников «всякою вольностию отеческой», атаман обратился к жителям Алексеевска, чтобы те помогли убедить гарнизон и горожан Самары добровольно принять новую власть. Алексеевские жители выбрали Антона Короткова, который и выполнил непростое поручение.

В Самаре после разговора с напуганным Балахонцевым Коротков встретился с депутатами Уложенной комиссии от тамошних казаков и горожан, П. Хопрениновым и Д. Рукавкиным, бургомистром И. Халевиным. Собравшейся в доме Рукавкина верхушке посадской и казачьей общин города были переданы предложения Арапова, тексты манифеста и других обращений Пугачева и его Военной коллегии. Короткову пообещали встретить повстанцев «хлебом и солью», но просили отложить вступление их в город на один день, «дабы не зделалось в городе никакова помешательства». Зажиточные жители, во-первых, хотели выждать еще какое-то время для окончательного выяснения ситуации, прежде чем принять новую власть, а, во-вторых, опасались волнений в городе, которые могли обернуться против них самих.

Однако Арапов решил не откладывать взятия Самары, используя чрезвычайно благоприятную ситуацию для своего сравнительно небольшого отряда, в котором на самом деле было около 200 чел. и всего две пушки, захваченные днем раньше в Красносамарской крепости. Это решение было принято даже вопреки полученному им указу пугачевской Военной коллегии, по которому ему велено было идти не в Самару, а в Сок Кармалы «для нападения обще с есаулом Чулошниковым на находящуюся тамо воинскую команду».

Утром 25 декабря, через несколько часов после бегства Балахонцева, началось шествие горожан за крепостные валы навстречу повстанцам. В нем участвовали бургомистр И. Халевин, купечес-

кий староста И. Бундов, священники и диаконы всех самарских церквей во главе с протопопом А. Ивановым, многие «первые граждане» и рядовые жители. После встречи с атаманом на подъезде к городу процессия двинулась в соборную церковь, где был отслужен молебен. По его окончании сам бургомистр, потому что «он читать мастер», огласил пугачевский манифест, указ Военной коллегии о наборе добровольцев в повстанческую армию и «увещание к народу о поставке в армию в Оренбург провианта». Затем палили из пушек, угощали всех казенным вином. Жители единодушно кричали здравицу Петру III «с изъявлением буйной и неистовой своей радости» его сторонников.

Единодушие было редким, «все в городе от мала до велика верили и почитали того самозванца за истинного Петра Третьего и оказывали Арапову совершенное повиновение». Должностные лица городского самоуправления сохранили свое положение, казацкие командиры, чины гарнизона оставались при исполнении обязанностей. Так, над солдатами, находившимися в городе, команду принял поручик И. Щипачев, замещавший беглеца Балахонцева.

Пребывание повстанцев в городе не сопровождалось репрессиями. Жители утверждали, что повстанцы не чинили ни над кем насилия и никого не предавали смертной казни. Исполнявший при Арапове обязанности палача Н. Курдюков за время похода по Самарской линии и пребывания в Самаре никого не умерщвлял и даже не сек.

Отряд Арапова в Самаре пополнили, прежде всего, ссыльные. Оказавшись на свободе, они сами через своего вожака, бывшего сызранского купца С. Володимерцева, выразили атаману желание «послужить». С проведенного смотра Арапов отобрал из них в свою команду 120 человек, годных к службе, снабдил лошадьми, вооружил солдатскими ружьями и дубинами.

Численно выросший в Самаре отряд Арапова все же не мог противостоять приближавшимся к городу карательным войскам. Атаман обратился за помощью к горожанам и ее, в отличие от коменданта Балахонцева, получил. Бургомистр приказал «наряжать» на помощь повстанцам жителей с тем оружием, какое у них есть в домах. Среди вышедших по набату утром 29 декабря на лед Волги, чтобы отбить атаку двигавшихся от села Рождествено карателей, было немало самарян.

Плохо вооруженные и фактически не обученные военному делу пугачевцы не смогли выдержать удара регулярной воинской части — легкой полевой команды майора К. Муфеля. Она насчитывала

около 500 опытных солдат и даже численно превосходила собранные Араповым силы. Повстанцы сильно сопротивлялись, потеряли много человек убитыми, общее число которых установить не удалось, так как трупы были жителями собраны и спрятаны, а не найденных занесло снегом. Ворвавшись в Самару, каратели «умертвили» еще несколько «злодеев». В их руки попали 200 чел. пленными и вся артиллерия восставших.

Некоторые из «первых граждан» быстро переметнулись на сторону победителей. Так, «сыскивать злодеев» поспешили священник Вознесенской церкви А. Михайлов и депутат Д. Рукавкин. Однако такие случаи были скорее исключением. К. Муфель доносил, что ему «все в Самаре жители более оказывают суровости, нежели ласки». Несмотря на его «увещевание о сыске злодеев», их никто не ловил, «и весь народ, разбежавшись, скрылся». Более того, несмотря на опасность, некоторые горожане укрывали у себя людей из отряда Арапова, уходили вслед за разбитыми повстанцами из города.

Арапов с остатками отряда отошел к Алексеевску, куда на помощь атаману поспешили другие повстанческие командиры края. Однако и к правительственным войскам подошло подкрепление — легкая полевая команда подполковника П. Гринева с двумя гусарскими эскадронами. К ней был прикомандирован сотрудник секретной следственной комиссии Г.Р. Державин, будущий великий русский поэт. 7 января 1774 г. после ожесточенного боя восставшие оставили Алексеевск, исход борьбы за Самару окончательно решился не в их пользу.

Следствие, проведенное Державиным в Самаре, показало, что все жители повинны в переходе на сторону восставших. Последний бой они дали карателям во время дознания. На допросах самарские священники утверждали, что из своих прихожан и сограждан никого в сообществе с пугачевцами не видели, бургомистр объявил, что ему не известны ни «сообщники» Пугачева, ни «колеблющиеся в службе ее императорского величества». Участники сражения, взятые в плен, никак «не могли» вспомнить и назвать «по именам» тех, кто был в бою вместе с ними⁶⁸.

Поголовное наказание становилось бессмысленным. К ответственности привлекли тех, «которые познатнее», от которых по их положению в обществе следовало ожидать исполнения долга и показа «хороших примеров к подражанию» другим жителям. 10 горожан «при собрании прочих сего города жителей наказаны нещадно батоги» и отпущены. В Казань в следственную комиссию

передали дела бургомистра, священников, военнослужащих, депутатов Уложенной комиссии, купца А.Короткова. Последний был по ее приговору повешен в Алексеевске вместе с другим местным жителем отставным казачьим писарем А. Горбуновым. В Самаре повесили солдат Н. Курдюкова и П. Волчкова. Среди остальных подсудимых, по мнению комиссии, также находились лица, заслуживающие смертной казни, но это наказание им заменили: бургомистр Халевин был высечен плетьюми и освобожден вместе с депутатом Рукавкиным, И. Щипачев лишен офицерского чина, прогнан 6 раз сквозь строй в 1000 шпицрутенов, навечно записан в солдаты Сибирских батальонов, С. Володимерцев приговорен к 50 ударам кнута, наложению клейма и вечной каторжной работе.

События конца декабря 1773 г. в Самаре явились, несомненно, восстанием, но восстанием мирным и до его подавления бескровным. Такой характер событий оказался в значительной мере обусловлен переходом на сторону восставших городских органов самоуправления, превращения их в органы новой власти. Сохранение системы самоуправления и «царистских» лозунгов не свержения, но «восстановления» законной верховной власти облегчали переход на сторону Пугачева, сотрудничество с военными повстанческими командирами.

Жестоко расправляясь в боях и после них с теми, кто поднял оружие, проводя публичные казни и экзекуции для устрашения, екатерининские власти не переходили в терроре определенных границ, оставляли возможность «раскаявшимся» и просто отошедшим в сторону от восстания вернуться к прежнему образу жизни и занятиям. Здесь брал верх трезвый расчет на скорейшее восстановление порядка, на более прочное, нежели военное, умиротворение. Такая политика позволяла сбить накал гражданской войны, умерить жажду мести победителей, не доводить до отчаяния побежденных. Она способствовала постепенной изоляции активных пугачевцев в массе разуверившихся и напуганных людей⁶⁹.

Бунт Пугачева, потрясший государство, подтолкнул Екатерину II к проведению реформы административного устройства. Среди причин, вызвавших народные волнения, не на последнем месте стояли взяточничество, волокита, произвол местного суда и управления. Не говоря прямо об уроках пугачевского бунта, утвержденные 7 ноября 1775 г. «Учреждения о губерниях» обосновывали необходимость областной реформы тем, что существующие губернии излишне обширны и не имеют достаточного числа учреждений и чиновников, а потому подлежат разукрупнению.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 210. Д. 66. Л. 853–872.

² История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000. С. 79.

³ РГАДА. Ф. 249. Д. 134. Л. 1069.

⁴ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 312–313; Смирнов Ю.Н. Деятельность Оренбургской экспедиции под руководством И.К. Кирилова в Заволжье // Самарский земский сборник. Самара, 1996. Вып. 3. С. 55; Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Изд. второе, испр. и доп. Самара, 2005. С. 128–132.

⁵ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России. Самара, 1997. С. 122.

⁶ Смирнов Ю.Н. Легализация беглых и самовольных переселенцев в ходе колонизации юго-востока Европейской России в XVIII – первой половине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 192–193.

⁷ Сб. РИО. Т. 32. СПб., 1881. С. 557–558.

⁸ Сб. РИО. Т. 107. СПб., 1900. С. 461; История Самарского Поволжья. XVI – первая половина XIX века. С. 80.

⁹ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. X. № 7735.

¹⁰ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 225.

¹¹ Материалы по историко-статистическому описанию оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1907. Вып. VII. С. 44, 59, 66, 90.

¹² История Самарского Поволжья. XVI – первая половина XIX века. С. 81.

¹³ Самара-Куйбышев: хроника событий. Куйбышев, 1985. С. 33.

¹⁴ Родин Ф.Н. Бурлачество в России. М., 1975. С. 82.

¹⁵ Смирнов Ю.Н. Документы Оренбургской экспедиции (комиссии) о политике России в отношении контактов и торговли со Средней Азией и сопредельными странами Востока // Уральский исторический вестник. 2013. Т. 3. № 40. С. 47–58.

¹⁶ Смирнов Ю.Н. Самара в планах развития российско-индийских связей и континентальной торговли в 1730–1740-е годы // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. материалов Всерос. науч. конф., приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны. Самара. 2014. С. 169–178.

¹⁷ История Самарского Поволжья. XVI – первая половина XIX века. С. 135.

- ¹⁸ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 11–27об.
- ¹⁹ Паллас П.С. Указ. соч. С. 228–229.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 11. Л. 253.
- ²¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 317. Л. 451.
- ²² Паллас П.С. Указ. соч. Ч. 1. С. 229.
- ²³ Там же. С. 230–231.
- ²⁴ Сб. РИО. Т. 107. С. 461.
- ²⁵ Там же. Т. 107. СПб., 1900. С. 610, 612.
- ²⁶ Там же. Т. 107. С. 461.
- ²⁷ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 233.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 263. Оп. 1. Ч. 2. Д. 463. Л. 3–4.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 248. Д. 308. Л. 29, 249 об.; Ф. 263. Оп. 1. Ч. 2. Д. 463. Л. 5 и об.
- ³⁰ История Самарского Поволжья. XVI – первая половина XIX века. С. 137.
- ³¹ Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1858). М., 1972. Вып. III. С. 211.
- ³² Кизиветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 139, 160.
- ³³ Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья (XVIII – середина XIX вв.): дис. ... д-ра истор. наук. М., 1999 С. 235–236.
- ³⁴ Материалы по историко-статистическому описанию. Вып. VII. С. 185.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 4238. Л. 37.
- ³⁶ Алабин П.В. 25-летие Самары как губернского города. Самара, 1877. С. 72.
- ³⁷ Переписи населения России. Вып. III. С. 214.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2899. Л. 480–483; 485–486об.; 568–570.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 767. Д. 3. Л. 57–62; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 113.
- ⁴⁰ Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 92.
- ⁴¹ Смирнов Ю.Н. Органы власти и местного самоуправления в Самаре с XVIII столетия до получения ею статуса губернского города в середине XIX века // Самара: от прошлого к настоящему. Самара, 2007. С. 283–286.
- ⁴² Смирнов Ю.Н. Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII – первой половине XIX ве-

ков (основные этапы) // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1. С. 82–83.

⁴³ Castl J. Journal von der Ao. 1736 aus Orenburg zu dem Abul Geier Chan... Reise // Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaizers Peters des Grossen. Zweiter Teil. 1730–1741. Riga, 1784.

⁴⁴ Артамонова Л.М. Укрепления и храмы Самары конца XVI – начала XVIII вв. на гравюре Джона Кэстля // Зубовские чтения. Вып. 4. Александров, 2010. С. 100–109.

⁴⁵ Кирилов И.К. Указ. соч. С. 233.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 913. Л. 2 и об.; Ф. 248. Д. 3930. Л. 178.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 767. Д. 2. Л. 62 и об.

⁴⁸ Паллас П.С. Указ. соч. Ч. 1. С. 238–239, 290–291.

⁴⁹ Указ. соч. С. 232.

⁵⁰ Смирнов Ю.Н. Споры патриотов. Ломоносов и его современники о путях освоения восточных и северных окраин России // Родина. 2011. № 9. С. 40–41.

⁵¹ Смирнов Ю.Н. Новые материалы для изучения создания и содержания «Истории Оренбургской» П.И. Рычкова – выдающегося памятника русской исторической мысли XVIII века // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 979–983.

⁵² Смирнов Ю.Н. Начало научного изучения в России восемнадцатого столетия проблем регионоведения и геополитики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3–1. С. 171–175.

⁵³ Самарское Поволжье с древности до конца XIX века: сборник документов и материалов. Самара, 2000. С. 173–175.

⁵⁴ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 38; Новлянская М.Г. Иван Кирилович Кирилов (географ XVIII века). М.; Л., 1964. С. 103, 130.

⁵⁵ Шерешевский Г.М. Начало самарской медицины // Самарский краевед. Самара, 1991. Ч. 1. С. 46.

⁵⁶ Самара-Куйбышев. С. 27–29.

⁵⁷ Артамонова Л.М. Просвещение, власть и общество в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (юго-восточные губернии Европейской России): дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2002. С. 67–70.

⁵⁸ Артамонова Л.М. Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2. С. 104.

⁵⁹ Паллас П.С. Указ. соч. С. 211, 239.

⁶⁰ Артамонова Л.М. Депутат Д.Ф. Рукавкин // Самарский краевед. Самара, 1991. Ч. 1. С. 48.

⁶¹ Сб. РИО. Т. 107. С. 461–462.

⁶² Там же. С. 464.

⁶³ Там же. С. 466–467.

⁶⁴ Смирнов Ю.Н. «Добрый порядок» оренбургского губернатора Пуятина против вольной народной колонизации юго-восточных окраин России // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Нижневартовск, 2013. С. 52–54.

⁶⁵ Артамонова Л.М. Социальное и правовое сознание государственных крестьян Поволжья по наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2009. № 1. С. 88, 90.

⁶⁶ Смирнов Ю.Н. Население г. Самары в Пугачевском восстании // Социально-экономическое развитие и народные движения на Южном Урале и в Среднем Поволжье. Уфа, 1990. С. 106–116.

⁶⁷ Смирнов Ю.Н. Самарское Рождество 1773 года // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 11.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 438. Л. 24, 27об.

⁶⁹ Смирнов Ю.Н. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5–3. С. 158, 161, 164.

Глава 4. САМАРА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII — СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКОВ

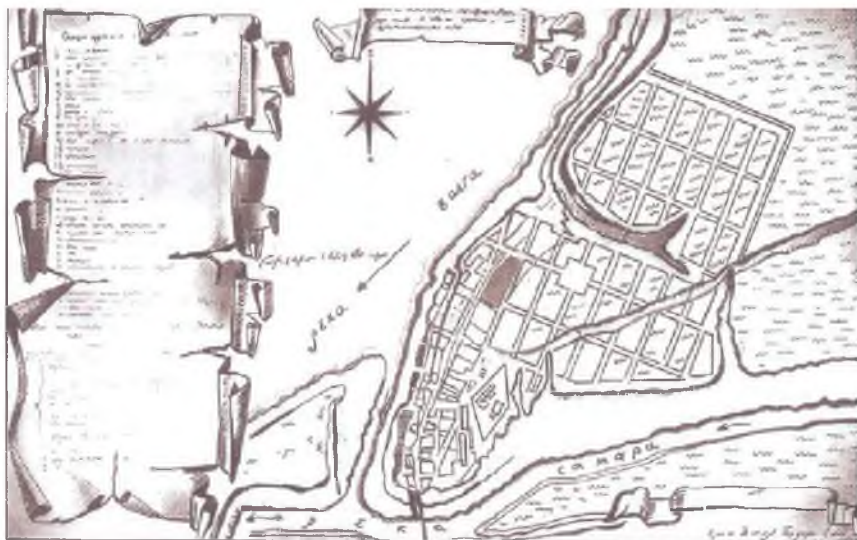
§ 1. Городская территория и застройка, население и его занятия

Город Самара в конце XVIII в. был по-прежнему не очень многолоден и не велик по размерам. Территория Самары занимала 316 десятин, из них 93 дес. приходилось на неудобья (овраги, пустыри и т. д.), свыше 200 дес. лежало «под поселением, садами, огородами», а также «под улицами и проулками», а чуть более 3 дес. «под земляною крепостью». Еще 9 дес. занимали две самарские торговые площади, которые назывались Верхним и Нижним рынками, торг на которых производился только по воскресным дням, продавали и покупали здесь привозимый из окрестных селений разный крестьянский хлеб и необходимые для жизни припасы. На Нижнем рынке торговали только летом, на Верхнем — круглый год¹.

Приезжий люд, особенно крестьяне, продавали свой товар «со стругов», «с возов», «с полков». Городские купцы торговали в лавках. Если не считать тех лавок и амбаров, в которых продавали, скупали, хранили продукты питания (зерно, муку, хлебные изделия, мясо, сало и т. д.), то в Самаре в конце XVIII в. было всего 9 «лавок щепетильных». Все торговые заведения были деревянными.

Особой активностью торговая жизнь Самары конца XVIII — начала XIX в. не отличалась. Лишь малая часть товарооборота приходилась на дорогие привозные шелковые, суконные и льняные ткани, чай, кофе, виноградные вина. В основном торговля велась «мелочными товарами», как правило, закупленными оптом на больших Макарьевской и Карсунской ярмарках. Продукция малочисленных самарских ремесленников играла в торговле незаметную роль. В обмен Самара поставляла прежде всего хлеб, привозимый

сюда крестьянами или скупленный в «окрестных селениях». Многие горожане занимались извозом на сухопутных дорогах и зимниками по льду.

«Геометрический план» города Самары 1782 г. Из кн.: Каркарьян В.Г. Самара — Куйбышев — Самара или Три портрета одного города. Самара, 2014

Однако главным путем привоза и вывоза товаров оставалась Волга, на которой самарская пристань действовала все лето. По реке Самаре не было «судового ходу и гонки плотов», однако в весеннее половодье большие баржи заходили в ее устье и загружались хлебом, свезенным зимою и хранящимся в амбарах на берегу. Хлеб до весны хранился в многочисленных амбарах. В начале XIX в. их в Самаре было 90, а конце 1840-х гг. — более двухсот. По плану города 1853 года предполагалось строить амбары в виде кварталов с широкими проездами².

Оживленная хлебная торговля зимой часто разворачивалась прямо у дороги или на льду реки Самары. Почти все пространство от Сенного острова до Сухой Самарки занимали подходившие к городу обозы.

С 1828 г. по Волге начали делать рейсы пароходы. От самарской же пристани первый пароход с грузом отошел в 1843 г., открыв регулярное движение судов пароходного общества «По Волге»³.

Перевозы через Волгу и другие крупные реки сдавались городской думой в аренду «разным людям и за разные цены». Самым

распространенным видом судна у волжских перевозчиков был дощеник (досчаник) — большая лодка с палубой-настилом, на которой можно было переправлять не только людей, но и повозки, телеги, экипажи. Особенно важными были перевозки в тех местах, где к рекам выходили дороги, имевшие статус почтовых и являвшиеся объектом заботы государства. Почтовый тракт, выходящий к волжской переправе на Самару у села Рождествена, являлся и важной торговой дорогой. В середине XIX в. на переправе у этого села использовались три больших и три малых дощеника. При необходимости два дощеника могли быть соединены одним настилом, но переправа на них в ветреную погоду была опасна. Местом постоянной стоянки дощеников была северная окраина города (близ современного Ульяновского спуска), но и в Рождестве всегда находился лежурный дощеник⁴.

*Хлебные амбары на р. Самаре в XIX в. Из кн.: Самарский альбом.
Самара в открытках и фотографиях конца XIX —
начала XX века. Самара, 2006*

Несколько важнейших дорог подходили к Самаре с юга, где каждую весну из года в год наводился мост в самом устье Самары. Еще больше транспорта шло зимой через реку по льду. Одной из подходивших здесь к городу дорог был почтовый тракт на Николаевск (ныне Пугачев), на юго-восток от этого тракта ответвлялась старинная торговая дорога на Уральск, а на запад — другая дорога на Сызрань.

Проходившие через эту уже обжитую местность дороги, сливавшиеся вместе перед переправой через р. Самару, как бы при-

глашали город перекинуть часть своей застройки на другой берег этой реки. Предпосылки к тому имелись. В Засамарской стороне давно уже были освоены сельскохозяйственные угодья, стали появляться постоянные дворы на большой дороге для торговцев и возчиков, устраивались временные поселки при салотопенных заводах. Правда, были и препятствия к расширению городской застройки на левый берег р. Самары. Во-первых, занятия сельским хозяйством, торговлей и промыслами носили здесь сезонный характер. Во-вторых, практически вся эта местность весной заливалась водой. Под водою оказывались и места салотопенных заведений, что, правда, улучшало санитарное состояние берегов в результате смыва накопившихся за сезон отходов производства, но не стимулировало превращение временных поселков в постоянные жительства.

Важнейшую роль в обеспечении вышеназванных предприятий сырьем играло уже не местное животноводство, а скот, пригнанный из Оренбургских и Уральских степей. Только в 1840 г. через Самарский уезд по московскому тракту перегнали до 18 тыс. голов скота. К 1850 г. за р. Самарой находилось 7 салотопенных заводов. Самые крупные из них принадлежали купцам Плешанову (производил 7 тыс. бочек или 175 тыс. пуд. сала в год), Подсосову, Ершову, Шонину (все три — по 1 400 бочек или 35 тыс. пуд. сала в год на каждом). В середине века стоимость всей промышленной продукции города составляла 772 940 руб., из которых 88 % приходилось на салотопенные заводы.

В старой терминологии конца XVIII — начала XIX в. под словом «завод» (или «заведение») подразумевалось не обязательно большое промышленное предприятие, но и все сколько-нибудь значительные мастерские и производства товарной продукции. Однако и при таком расширительном толковании описание Самары конца XVIII — начала XIX в. утверждало, что в самом городе «заводов и фабрик никаких не имеется». Даже такой немудреный товар, как посуда, в том числе глиняная и деревянная, покупалась у деревенских мастеров или у «плывущих рекою Волгою» торговцев.

Неудивительно, что Самара сохраняла черты сельскохозяйственного поселения. Те же купцы и мещане сверх торговли и ремесел занимались скотоводством и выращиванием «на дачах им принадлежащих арбузов, дынь, перцу, луку и огурцов». Жители получали также хорошие урожаи капусты, свеклы, моркови, картофеля. Плоды и овощи употреблялись как для своего домашнего обихо-

да, так и на продажу, в том числе в отдаленные города, куда их везли по Волге⁵. Продажа овощей и фруктов свидетельствовала о том, что в городских условиях сельское хозяйство из подсобного занятия превращалось в разновидность промысловой деятельности. Как считают исследователи, в таких городах, как Самара, «огородничество, садоводство и скотоводство не только прогрессировали, но и стали высокотоварными еще до наступления капиталистической эпохи»⁶.

В качестве характерного примера для Самары можно привести производство стручкового перца. Во многом благодаря жителям именно этого города прошел процесс интродукции этой южной культуры в средней полосе России. Производство перца требовало тщательного выращивания рассады, ежедневного полива до снятия урожая, при неблагоприятной погоде — дозревания снятых стручков в доме, переработки зрелого перца, сушки, толчения в ступах. Сбор перца в Самаре достигал 1500–2000 пуд. Цена была достаточно высокой. Пуд перца стоил 2–2,5 руб. Расходовали перец экономно, не больше стручка в месяц⁷.

Сельскохозяйственные занятия горожан требовали гораздо больше земли, чем было на небольшом участке при усадьбе, поэтому города края имели обширный земельный фонд, являвшийся собственностью «градского общества». Так, городские выгонные земли с поселенными на оной хуторами общего владения купцов, мещан и служилых казаков Самары составляли более 32 тыс. десятин даже после того, как свыше 7 тыс. дес. изъяли в казну, а еще более 0,5 тыс. дес. передали государственным крестьянам ближних селений. По поводу еще 135 дес. велись споры между городской общиной и дворянами, также заведшими свои хутора на самарской выгонной земле⁸.

Кроме того, Самаре принадлежали 2,5 тыс. дес. пахотной земли, 3 тыс. дес. степи, 5 тыс. дес. дровяного лесу, 2,8 тыс. дес. солонцов и неудобий. Всего сельскохозяйственные угодья самарских жителей достигали 46 тыс. дес. — в 150 раз больше площади самого города. На каждого жителя вне зависимости от пола, возраста, сословия приходилось в среднем более 11 дес.

По мере укрепления южных и восточных рубежей России городские земли Самары становились все более привлекательными для занятий полевым земледелием, огородничеством, садоводством. В то же время они становились и все более притягательными для посторонних городской общине владельцев, в первую очередь для дворян. Хутора горожан и казаков не были постоянными поселе-

ниями. Иначе происходило на дворах некоторых дворян, если те переводили сюда на жительство крепостных, которые начинали использовать землю не столько под выпас, сколько под пашню. Именно так возникли к северу от города помещичьи деревни Томашев Колок, Балахонцев Хутор (Крутые Ключи, Хутор Крутой или Крутых) и Сорокин Хутор (Дмитриевское, Дмитриевка).

Горожанам Самары принадлежали также рыбные ловли, важнейшими из которых были Соковские и Подгородные, которые первоначально располагались по обоим берегам Волги. Ссылаясь на преимущественное право помещиков на угодья, которые «прикосновенны» к их вотчинам, граф В.Г. Орлов предъявил претензии на указанные рыболовные места как прилегающие к его крепостной Рождественской волости. Сенат принял компромиссное решение, разделив эти ловли между городом (по левому берегу Волги) и графом (по правому). Однако самарская доля заносилась песком, а в самую богатую рыбой Быстренькую воложку у села Рождествено городских ловцов не пускали. Самарская городская община стала требовать нового передела угодий по берегам Воложки. Не дожидаясь решения сверху, арендаторы самарских ловель со своими работниками начали явочным порядком добычу рыбы в Воложке, что вызвало столкновения с Рождественской вотчинной администрацией. Правда, исправник отобрал и вернул самарским ловцам снасти и улов, захваченные было людьми графа. Городские купцы, в свою очередь, не давали вытягивать из садков наловленную рыбаками графа рыбу, за возвращение своего улова тем приходилось делиться с самарскими уездными властями⁹.

В конце концов, город проиграл судебный процесс и потерял наиболее ценные рыболовные угодья. В то же время попытки Орлова занять часть других сельскохозяйственных угодий Самары, например, Барбошину поляну, оказались безуспешными. Повременным графа не удалось разыскать документы, которые позволяли бы на законных основаниях затеять еще одну тяжбу за самарские земли.

Население Самары в начале XIX в. достигло 4 тыс. человек. Здесь проживало (вместе с членами семей) около 30 дворян и лиц офицерского чина, 120 священно- и церковнослужителей, 250 дворовых людей, 60 разночинцев (однодворцев, ямщиков, отставных солдат, ссыльных), 900 служилых и отставных казаков, 2250 купцов и мещан православного вероисповедания и 140 старообрядцев. Еще 100 постоянных жителей — это инвалидная команда, составлявшая самарский военный «гарнизон»¹⁰.

Основным элементом городского организма являлся двор-усадебная с жилыми, хозяйственными строениями, огородами, садами. В начале 1780-х гг. в Самаре насчитывалось 634 двора. Они распределялись между отдельными категориями населения следующим образом: 18 дворов дворян и офицеров, 7 — подьячих, 15 — церковнослужителей, 201 — военнослужащих и отставных нижних чинов, 49 — разночинцев, 144 — казаков, 200 — купцов, мещан, цеховых ремесленников¹¹.

В конце XVIII в. в Самаре действовало пять церквей, в том числе два каменных храма: Казанский собор с Никольским приделом и церковь Преображения упраздненного мужского монастыря, обращенная в приходскую. Деревянными были приходские церкви Вознесения и Успения (бывшая монастырская), а также перенесенная на кладбище бывшая соборная Троицкая. В 1807 г. Вознесенская и Успенская церкви сгорели и долго не возобновлялись. При церквях числились четыре богадельни для неимущих, «построенные из церковных доходов», в которых число обитателей было непостоянным. Все они обеспечивались за счет подачий от доброхотов¹².

Вместо бывших деревянных церквей в первой половине XIX в. были возведены три новых каменных храма. Первой из них в 1828 г. была построена церковь во имя Успения. В 1840-е гг. почти одновременно возводились Троицкая церковь и Спасо-Вознесенский собор¹³.

Город рос. В конце XVIII в. число дворов в Самаре увеличилось до 707, а в 1850 г. в Самаре насчитывалось уже 316 каменных и 2290 деревянных домов. Среди жителей было 709 купцов второй и третьей гильдии. Кроме салотопенных заводов за рекой Самарой, уже в самом городе действовали 8 кожевенных, 19 кирпичных, а также чугунолитейный завод Кузнецова и канатный Пемзина. Вдоль Самары и Волги выстроились 232 хлебных амбара. На Волге функционировали несколько пристаней: хлебная, лесная, щепная и железная. Появилось уличное освещение фонарями на спирто-скипидарной жидкости¹⁴.

Всего же в Самаре в 1846 г. работало 117 различных предприятий с 798 рабочими. В городе имелось 437 лавок и магазинов, 167 трактиров, харчевен, ресторанов, кабаков, гостиниц, постоянных дворов, торговых бань и т. п. заведений сферы обслуживания¹⁵.

По официальным данным, постоянное население в Самаре за 1830—е гг. выросло в полтора раза, превысив 13 тыс. чел., а к 1851 г. достигло 15 тыс. жителей. Однако реальная его численность была

на порядок выше. С весны до зимы в город и его округу стекалось на заработки около 100 тыс. человек, и даже зимой в Самаре оставалось с учетом пришлых не менее 25 тыс. обитателей, то есть вдвое больше официального числа жителей¹⁶.

Самарский дом первой половины XIX в. Из кн.: Сапожникова И.В. Архитектурная энциклопедия губернского города Самара. Самара, 2008

В этой массе пришлого на время или фактически на постоянное проживание населения скрывались и беглые. По-прежнему для них служили прикрытием традиционные волжские промыслы, судовые работы, сезонный сельскохозяйственный найм, растущие города. В газетах 1830–1840-х гг. постоянно публиковались объявления о задержанных в г. Самаре и других заволжских городах «бродягах» и «не помнящих родства» с описанием их примет. Как правило, это были мужчины самого рабочего возраста от 20 до 40 лет¹⁷.

Более предусмотрительные из беглых старались обеспечить себя требуемыми по закону документами. Изготовление фальшивых паспортов превратилось в настоящее ремесло. За приемлемую плату местные грамотей сами предлагали желающим на «материале заказчика» — заранее припасенном листе гербовой бумаги написать необходимый документ и «заверить» его самодельной собственноручно вырезанной печатью. Пришедшую в ветхость фальшивку можно было со временем заменить официальной копией, заверенной в местных присутственных местах настоящими подписями чиновников¹⁸.

Волжские батраки. Из фондов ЦГАСО

Обладая упорством и найдя покровителей (по-родственному, а то и за плату), можно было не просто осесть в городе, а добиться житейского успеха. Показателен пример Федора Семеновича Плотникова, вдовьего сына из бугурусланских ясачных крестьян. Сбежав от рекрутчины из родных мест в Самару, он устроился у своего свойственника, богатого самарского мещанина Антона Минаева, и сам записался в мещанство. Оренбургская казенная палата в 1816 г. признала эту запись незаконной и указала вернуть Плотникова на прежнее место жительства. Делом Плотникова пришлось заниматься оренбургскому генерал-губернатору и симбирскому вице-губернатору. Они отдавали распоряжения о возвращении беглеца, из которых ни одно так и не было исполнено. Четверть века спустя, будучи уже одним из самых состоятельных здешних купцов-хлеботорговцев, Ф.С. Плотников трижды избирался городским головой уездной и губернской Самары на 1841–1843, 1847–1849 и 1853–1855 гг. Об авторитете и влиянии Плотникова в самарской городской общине говорит тот факт, что при своем избрании в эту должность на второй срок он получил 175 голосов «за» и только 10 «против»¹⁹.

Как заявлял в 1846 г. на допросе задержанный беглый крепостной из Тамбовской губернии С.В. Мельников, «подобных ему

бродяг в городе Самаре проживает довольно большое число и, как думают, более пятисот человек». Подобное происходило при попустительстве полиции, чины которой обо всех знали и брали с беглых взятки, причем дифференцировано, глядя на состояние каждого. Так, сам Мельников, занимавшийся торговлей и содержанием постоянного двора, откупался в разное время то 12 золотыми полуимпериалами, то 700 рублями, то 12 возами сена²⁰.

Симбирская губернская администрация при разборе дела Мельникова встала на сторону самарских чиновников, заявив, что показания беглых об их высокой численности в городе являются ложными, а о взятках — недоказанными. Такое заявление смотрелось не очень убедительно, но было принято более высоким начальством. Во имя казенного интереса и ради нужд хозяйственного развития края имперские чиновники самого разного ранга смотрели сквозь пальцы на нарушения крепостнического режима, прежде всего потому, что без этого невозможно было насытить рабочей силой хлебные пристани заволжской житницы России.

Всего через пристани Самары в 1820-е гг. прошло 550 тыс. тонн зерна, в 1830-е гг. — 763 тыс. тонн, в 1840-е — 1265 тыс. тонн. Ежегодный объем хлебной торговли через г. Самару достиг 3250 тыс. руб. Для сравнения укажем, что общая сумма других товаров, привезенных в город и проданных на трех главных местных ярмарках (Сборная — на второй неделе Великого поста, Казанская — 8 июня, Воздвиженская — 14 сентября), составила менее 72 тыс. руб.

Хлебная торговля к середине XIX в. прочно заняла ведущее место в экономике города. Переломным стал 1833 год, отмеченный высоким урожаем при одновременном подъеме цен на хлеб, особенно на твердую пшеницу — «белотурку». После него началась, по словам современников, «настоящая белотурочная лихорадка». В 1835 г. был поднят, а в 1840 г. решен вопрос об изменении плана города Самары 1804 года, поскольку прежде «не существовало еще хлебной пристани, и хлебных амбаров на плане назначено не было», теперь же число последних достигло нескольких сот, и ежегодные закупки хлеба, вывозимого отсюда, простирались до 3-5 млн. пудов. Выявились необыкновенное удобство Самарской пристани, особенно для сплава хлеба. Через нее в середине века проходило две трети грузооборота (в стоимостном выражении) всех пристаней по луговому берегу Волги ниже устья Камы²¹.

Из рядового города Самара превращалась в экономический, торговый и транспортный центр обширного Заволжского края, новой губернии на юго-востоке Европейской России. Это обстоятельство выделяло ее из ряда других уездных городов и ставило в дальнейшем вопрос о повышении административного статуса.

§ 2. Администрация, полиция и городское самоуправление уездной Самары

Восстание Е.И. Пугачева заставило правительство Екатерины II для укрепления своей власти на местах поторопиться с проведением во второй половине 70-х — начале 80-х гг. XVIII в. новой масштабной административной реформы, начатой в 1775 г., которая призвана была укрепить органы государственной власти и роль в них помещиков. Через десять лет система органов управления и суда была уточнена и дополнена «Жалованными грамотами» дворянству и городам.

По указу от 15 сентября 1780 г. было образовано Симбирское наместничество (губерния). В него вошла основная часть территории Самарского края в составе Сызранского, Ставропольского, Сенгилеевского и вновь восстановленного Самарского уездов. Город Самара вновь стал административным центром.

По традиции правительственные учреждения и казенные службы располагались на территории городской крепости даже тогда, когда военное значение оказывалось ею утрачено. В Самаре «присутственные места» (органы управления и суда) были открыты 13 января 1781 г. и заняли сначала старые казенные постройки внутри остатков валов «земляного замка», а вскоре там же для них выстроили два каменных здания, одно из которых было о двух этажах и обнесено каменной же оградой. На верхнем этаже расположились нижний земский суд и городническое правление (уездная и городская администрация), уездный суд и дворянская опека (учреждения суда и опеки для «благородного» сословия). Нижний этаж заняли уездное казначейство (касса приема денежных сборов и выдачи денежных сумм по распоряжениям властей), помещения для хранения денежной казны и архива, квартира городничего. В одноэтажном каменном здании находились кордегардия для караула и тюрьма. Рядом располагались деревянные постройки, где хранилось имущество воинской команды, казенное продовольствие и казенное вино²².

В екатерининское время резко выросла роль сословного представительства. Исполнительная и судебная власть формировалась на уровне губернии в значительной мере, а на уездном уровне практически полностью на собраниях местного дворянского общества.

Губернские и уездные дворянские собрания происходили раз в три года. На этих собраниях проходили выборы лидеров местной сословной организации: губернских и уездных предводителей дворянства. Для решения внутрисословных вопросов, главным образом, составления и ведения родословных книг, создавалось постоянно действующее дворянское депутатское собрание. Впрочем, более важными следует считать выборы дворянских представителей на должности местного управления.

Как показывают подсчеты исследователей, по дворянским выборам замещалось около трети всех должностей в системе губернского управления и суда. Кроме того, еще треть должностей губернского уровня замещалась обязательно из местного дворянства, но не по выборам, а по представлению наместника, губернатора или губернского правления. Все же в губерниях выборные или назначенные дворянские представители играли подчиненную роль по сравнению с коронными чиновниками: наместником (или генерал-губернатором), правителем или начальником губернии (губернатором), вице-губернатором и др.

Иная ситуация складывалась на уездном уровне. Дворяне из своей среды избирали чиновников уездной администрации и полиции. Называлась выборная уездная администрация «нижним земским судом», а ее руководитель — «земским исправником» или капитаном-исправником. Содержалась она не за счет государственной казны, а за счет специальных «земских сборов» с местного населения. Слово «суд» здесь употреблено в архаичном значении «орган власти вообще». Собственно судебные функции были формально отделены от административно-полицейских и переданы другому органу, называвшемуся «уездным судом». Уездный судья и два заседателя уездного суда также определялись по дворянским выборам. Эти же лица входили в состав еще одного учреждения — дворянской опеки, в которой председательствовал уездный предводитель дворянства.

Отдав дворянству формирование административно-полицейских и судебных органов в уездах, правительство не допускало выборных в финансовое ведомство. Чиновники уездного казначейства, ведавшего приемом и хранением сборов и доходов, выдачей

денежных сумм, паспортов и свидетельств на право торговли, продажей гербовой бумаги и клейменных мер, назначались сверху. Не были выборными и должностные лица, осуществлявшие прокурорский надзор: губернские прокуроры и уездные стряпчие.

Участие дворян в местном управлении в первой половине XIX в. значительно расширилось в связи с созданием при губернском правлении многочисленных комитетов и комиссий по различным вопросам. В их состав обязательно входил предводитель дворянства, а также другие представители этого сословия в качестве непременных членов, попечителей, депутатов, заседателей и т. п. Можно сослаться на такого авторитетного свидетеля, как П.В. Алабин: «Припомним, какими преимуществами пользовалось наше дворянство до уничтожения крепостного права и вообще до начала ряда реформ настоящего царствования, когда выборные от дворянства председательствовали и в судебных палатах, и в уездном суде, когда таковые же выборные были членами уездного суда, исправниками, заседателями судебных палат, председателями и членами совестного суда, членами приказа общественного призрения, членами комиссий: народного продовольствия, дорожной, общественного здоровья, членами комитетов: земского, коннозаводства, оспенного, особого присутствия о земских повинностях и многих других, временных и постоянных комитетов и комиссий». Большинство упомянутых здесь комитетов и комиссий было создано для определения, раскладки, несения земских повинностей. Последние существовали как в форме натуральных, так и в форме денежных сборов, взимавшихся сверх подушной подати, акцизов и т.п. казенных налогов. Основной ряд земских повинностей составляли денежное и натуральное содержание почты, уездной администрации и полиции, путей сообщения, расходы и обязанности населения по этапированию заключенных и ссыльных, по совершению казни над преступниками (исключая устройство и хранение эшафотов, что осуществлялось за счет государственной казны), удовлетворение различных потребностей квартирующих или проходящих войск, отпуск денег на проведение оспопрививания и др.²³

Для составления сметы денежных земских сборов создавался Комитет земских повинностей, куда наряду с губернатором и рядом других правительственных чиновников включались губернский и уездные предводители дворянства, а также специальные дворянские депутаты для раскладки земских повинностей. Посто-

ем занималась Квартирная комиссия, в которую депутат от дворян, имевших дома в городе, включался вместе с городничим.

Представительство других сословий в местном управлении и суде также имело место, хотя уступало дворянскому. Так, горожане входили в Комитет земских повинностей (голова губернского города и депутаты прочих городов) и Квартирную комиссию (депутат от горожан-домовладельцев). По два выборных заседателя от дворян, горожан и государственных крестьян входили в состав Приказа общественного призрения под председательством губернатора. Этот орган ведал в губернии делами народного образования, здравоохранения, а также сиротскими домами, богадельнями, местными исправительными учреждениями²⁴.

На рубеже XVIII–XIX вв. были ликвидированы сословные суды в уездах и губерниях. Заседатели из горожан вместе с дворянскими были включены в главные судебные инстанции губернии — Уголовную и Гражданскую палаты.

Город считался отдельной административной единицей. Исполнительную власть возглавлял здесь городничий, который не выбирался, а назначался вышестоящими властями. Эту обязанность могли также возложить на военного коменданта, как это было в Самаре до 1787 г., когда сюда назначили первого гражданского городничего Г.А. Буткевича²⁵.

Наряду с постоянными органами управления в Самаре находились учреждения, функционировавшие здесь временно. В 1810–1820-е гг. в городе пребывало Илецкое соляное правление, ведавшее добычей казенной соли в Заволжье и Приуралье. Его возглавлял полковник Г.Н. Струков.

Кроме уездной и городской администрации, в Самаре действовали органы местного самоуправления, основными среди которых были городская дума, городской магистрат (так назывался суд для горожан-недворян) и сиротский суд (орган опеки для купеческого и мещанского сословия). Все эти учреждения размещались в деревянном здании, стоявшем вне крепости на посаде неподалеку от волжского берега близ хлебных амбаров и называвшемся часто в документах «городовым общественным домом» или «домом общества градского».

Страшный пожар 13 июня 1850 г. уничтожил это здание и все имущество, из которого уцелели лишь «стол присутствующих думы с зеленым сукном, зеркало и портрет Государя Императора без рамки». Пришлось временно снимать за 290 руб. в год под поме-

шение перечисленных учреждений частный дом, который предоставил один из гласных думы, купец И.С. Лебедев²⁶.

«Градское общество» имело статус юридического лица, обладало собственностью, получало доходы со своих имуществ, облагало своих членов специальными сборами. Полноправными членами городской общины считались, прежде всего, хозяева городских усадеб-дворов, включавших жилые и хозяйственные строения, сады и огороды.

В соответствии с количеством дворов устанавливалась численность полицейских чинов в каждом городе. Еще не совсем привычное русскому уху слово «полиция» часто заменялось его отечественным синонимом «благочиние». В 1782 г. был принят «Устав благочиния или полицейский». Общегородским полицейским учреждением становилась управа благочиния под председательством руководителя городской администрации (городничего или коменданта), а членами ее были приставы и ратманы. В небольших уездных городах, как правило, имелся один полицейский участок во главе с частным приставом, который имел свою канцелярию. Ее в просторечии именовали просто «частью» или «съезжей». Среди помощников пристава в части должен был быть и «брантмейстер или огнегасительный мастер»²⁷.

Полицейские участки по «Уставу» делились на кварталы из 50–100 дворов. В соответствии с этой нормой симбирский губернатор предложил в 1786 г. поделить дворы Самары на шесть кварталов. Однако в столице решили, что число «оных можно, кажется, уменьшить» до четырех для экономии казенных расходов. В конце XVIII в., когда число дворов в городе несколько увеличилось, в нем уже было 5 полицейских кварталов²⁸.

Числу кварталов соответствовало число будок для караульных. Полицейский надзор в каждом квартале должен был осуществлять квартальный надзиратель со своим помощником – квартальным поручиком, выбранным самими жителями, а также сторожа, которым платили за каждую ночную стражу.

Жизнь вносила изменения в законодательные нормы, определявшие организацию полицейской службы. В 1835 г. император утвердил новые правила сбора в Самаре городских доходов и расходов, что было, прежде всего, следствием развития хлебной торговли, а также новые штаты самарской городской администрации, полиции и органов самоуправления²⁹.

Однако уже в 1841 г. срочно понадобилось и было получено высочайшее позволение на изменение этих штатов из-за большо-

го притока людей. В конце 1840-х гг. в городе, в котором уже насчитывалось 1645 дворов, штат полиции включал двух частных приставов и четырех квартальных надзирателей. По Самаре было поставлено 12 караульных будок, в них и прямо на улицах в качестве часовых использовались отставные солдаты инвалидной команды. Еще в помощь полиции была придана казачья команда из 15 чел.³⁰

Полиция обязывалась следить не только за правопорядком, но и за частной жизнью обывателей. В «Устав благочиния» императрица Екатерина II включила нравственные руководства как для полицейских чинов, так и горожан: «с пути сошедшему указывая путь», «дать покровительство невинному и скорбящему», «жена да пребывает в любви, почтении и послушании своему мужу», «буде скотина и злодея твоего спотыкнется, подыми ее» и т. п.³¹

Однако сами местные чиновники и полицейские чины не всегда были на высоте предъявляемых правительством требований. При городничем Лукине, который сам по себе был «добрый и простой человек», служил квартальным надзирателем и фактически вел все делопроизводство по полиции пьяница и вымогатель Дмитриев. Ему Лукин доверял и сам разрешил пользоваться «доходами», как в тогдашнем канцелярском жаргоне назывались взятки, лишь «иногда потчевал его пощечинами и сажал под арест». Тяжелыми выдались грозный для страны 1812 и последующие за ним годы. Прежнего городничего перевели на другое место службы, и члену уездного суда И.А. Второву (известному литератору и мемуаристу) пришлось совмещать со своей судейской должностью еще обязанности городничего, а также уездного предводителя дворянства, хотя сам он и не был потомственным дворянином. Из ведения городничего в военное время изъяли инвалидную команду, квартальных надзирателей не было ни одного, городская дума определяла к караулам стариков и малолетних. Один из двух писцов городнического правления опился до смерти, второго пришлось превратить в квартального надзирателя, и Второв ко всем прочим своим делам вынужден был сам вести делопроизводство, а то и объезжать ночью город вместо полицейских чинов. Судя по сохранившимся свидетельствам, Второв много употребил труда и времени на то, чтобы раскрыть перед начальством недостатки низших судебных учреждений и бедственное положение чиновников, получавших нищенское жалованье. При тогдашних порядках лихоимство было злом неизбежным, ибо чиновники были лишены возможности иметь помещение, дрова, письменные материалы,

прислугу за свое жалованье, размеры которого часто уступали заработкам работников-поденщиков. Второв писал целые трактаты, которые прочитывались губернатором и губернским правлением, иногда посылались в Сенат, но всегда обретали покой в архивах. Литератора-судью также раздражали безграмотность, невежество и нетрезвый образ жизни подведомственных ему чиновников³².

Не все представители властей относились к своим обязанностям столь же честно и ответственно, как Второв. В феврале 1830 г. застрелился городничий И.И. Соколовский, которого обвинил во взяточничестве бывший квартальный надзиратель, уволенный за пьянство. Преемники Соколовского на этой должности не были столь щепетильными. Городничий Здвиженский, за девять месяцев службы в Самаре наживший 30 тыс. руб., и сменивший его Сеченов, который открыто признавался, что стремится заработать до 50 тыс. руб. и стинуть из города, являли примеры достойные градоначальников из гоголевского «Ревизора» или «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Чиновники особенно высоких рангов были людьми служилыми, которых начальство часто переводило из одного города в другой, для них Самара была временным местом пребывания. Многие из них владели крепостными селами и деревнями, а потому более были связаны с уездным дворянством, нежели озабочены интересами горожан: торговцев, ремесленников, работников. Основная тяжесть расходов и забот по городу падала на само «градское общество» и его должностных лиц.

По «Жалованной грамоте городам», изданной Екатериной II в 1785 г., предусматривалось создание в городах общей и «шести-гласной» дум. Общая городская дума практического значения в повседневной жизни не имела. По сути дела это было собрание выборщиков от разных групп горожан, которое проводилось раз в три года и занималось исключительно избранием членов постоянной, так называемой, «шестигласной» думы. Последняя являлась важнейшим органом местного самоуправления, именно ее следует называть просто городской думой, так, впрочем, ее и именовали чаще всего в документах. В уездной Самаре от издания «Жалованной грамоты» до 1850 г. было проведено 23 созыва думы, последнему из которых выпало вторую половину своего трехлетнего срока действовать уже в губернском городе.

Городская дума состояла из головы и гласных. Последних в Самаре было четверо, а не шесть, как предусматривала «Жалованная грамота». Дума осуществляла распорядительные функции по

тем сторонам жизни Самары, что были отнесены к ведению местного самоуправления. Она ведала сбором податей с горожан и несением ими повинностей, содействовала развитию торговли и ремесел, управляла городским хозяйством и имуществом, занималась благоустройством, защищала сословные права купцов и мещан.

Важнейшей частью работы думы была финансово-бюджетная. Здесь осуществлялся самый жесткий контроль со стороны губернской администрации. Постоянно приходилось отчитываться перед симбирским губернатором и его канцелярией о сборе денежных средств, согласовывать с ними даже незначительные расходы. Дело в том, что, кроме общегосударственных налогов, например, подушной подати, которые собирались с горожан и поступали прямо в казну, никак не пополняя городской бюджет, значительная часть самих городских средств также тратилась на содержание правительственных учреждений. Не казна, а «градское общество» содержало всю городскую администрацию и полицию, хотя те были никак не подотчетны органам местного самоуправления.

В 1850 г. вся расходная часть сметы городского бюджета составила 1 299,01 руб., из которых на содержание чиновников, в т. ч. городничего, полицейских, брандмейстера с пожарной командой, казаков выделено 8 232,59 руб. или 63,33 %. Из них 2508 руб. потрачено на жалованье чиновников и канцелярские расходы, 944,19 руб. — на найм для них квартир и служебных помещений, 727,63 руб. — на отопление, освещение квартиры городничего, будок и других помещений полиции, арестантских комнат, 2827 руб. — на жалованье, аммуницию нижним полицейским чинам, караульным, пожарным, трубочистам, на содержание пожарного обоза и городской тюрьмы, 1 225,77 руб. — на расходы по казачьей команде³³.

Некоторые расходы по полиции не имели отношения к городским делам. 14 июня 1850 г. начальник губернии предписал сумму 18 руб. 61^{1/4} коп. серебром, предполагаемую по смете на текущий год «на непредвиденные надобности», передать самарскому городничему для награждения полицейских нижних чинов «за поимку беглых», и дума это предписание выполнила. Однако, когда вскоре городничий запросил деньги для иллюминации домов, занимаемых городской полицией и двумя частями «в Высокоторжественные праздники», дума постановила «уведомить» его о том, что на иллюминацию городских присутственных мест расхода никакого не положено, а потому дума требуемых денег прислать не может.

Всего же содержание правительственной администрации и полиции потребовало 11 592,58 руб. или 48,95 % (почти половину) годовых расходов «общества градского». По сравнению с этим не очень значительными выглядят затраты «на содержание мест в городском управлении состоящих». По смете расходы на содержание думы и других органов городского самоуправления составили 1 515,69 руб., сверх сметы – 494,90 руб., а всего – 2 010,59 руб. или 8,49 % всех годовых расходов. Дело в том, что голова, гласные думы, судьи магистрата («ратманы») и сиротского суда не получали денежного вознаграждения за несение своих обязанностей, довольствуясь освобождением от некоторых городских налогов и повинностей. Жалованье получали только канцелярские служащие: секретарь и бухгалтер думы, письмоводитель магистрата, писцы, сторожа, рассыльные.

Интересно, что первой статьей сметы городского бюджета указывались расходы «на содержание приходского училища, состоящего в ведении губернской гимназии» (171,43 руб.). На жалованье городскому врачу, содержание больницы и другие виды медицинской помощи, выпуску медицинских журналов и книг истрчено было по смете 1 844,02 руб., сверх сметы – 1 152,95 руб. Для пяти приходских церквей были выписаны газеты, что было предусмотрено в смете и составило 15,15 руб. Всего же на нужды здравоохранения, образования, культуры потрачено 3 183,55 руб. или 13,44 % городского бюджета.

В смете было предусмотрено жалованье городскому архитектору, затраты на строительство ярмарочных помещений, очистку в зимнее время прорубей на р. Волге и Самаре, на все это и было потрачено 1 133,75 руб. Сверх сметы на проведение топографических работ по подготовке плана города, на огораживание и охрану садов Г.Н. Струкова и П.С. Синягина, перешедших в общественное пользование, израсходовано 358,92 руб. Всего расходы на городское строительство и благоустройство составили 1 492,67 руб. или 6,3 % всего годового бюджета.

За вычетом вышеуказанных и некоторых других расходов в распоряжении «градского общества» оставались неистраченные денежные средства, которые вкладывались под проценты в Симбирский приказ общественного призрения. В 1850 г. самарская дума отослала туда 5 027,82 руб., что составило 21,23 % расходной части всего городского бюджета. Таким образом, этот бюджет был в указанное время бездефицитным, хотя со сбором доходов были серьезные проблемы.

В 1850 г. «денежных сумм, городу принадлежащих, по Самарской городской думе» было собрано 18 265,44 руб. и взыскано 339,73 руб. недоимок за прошлые годы (итого 18 605,17 руб.), что не могло покрыть расходы «градского общества». Было недобрано за текущий год 4 428,20 руб. и осталось недоимок за прежние годы 23 271,77 руб. В таких обстоятельствах положение спасал принадлежащий городу капитал в 38 459,28 руб., который состоял в Симбирском приказе общественного призрения с наросшими уже на него в виде процентов 12 876,50 руб.³⁴

Основные статьи городских доходов группировались по «отделениям». Так, отделение «Доходы с общественных городских имуществ» включало: 1) деньги, полученные за отвод выгонных и других городских земель под огороды, кирпичные сараи, ярмарочные лавки и балаганы, постройку частных домов; 2) поступления от сдачи пустопорожних участков под временные лавки, лавочки, товарные склады на берегу Волги, балаганы для торговли овсом и яблоками, места для торговли на рыночных площадях, для постройки хлебных амбаров; 3) плату, взысканную за аренду городских рыбных ловель; 4) сборы с общественных («торговых») бань и плавучего моста через р. Самару, а также за пользование городскими весами и мерами или клеймение весов и мер у торговцев.

Отделение «Сборы с заведений промышленности, с промыслов и промышленников» состояло из платежей хозяев трактиров, ресторанов, гостиниц, заводов пивоваренных, салотопенных, поташных, кузниц, мельниц, хлебопекарен, а также с местных и приезжих купцов, торгующих крестьян и других обывателей. В разной степени пополнялся бюджет из прочих отделений и статей: за регистрацию протеста векселей, явки актов и сделок по заемным письмам; взыскание сбора в четверть процента с недвижимой обывательской собственности; казенные взносы за лечение в городской больнице военных чинов; пошлины с записи новых купцов и мещан в городскую общину и др.

Взыскание перечисленных сборов, как и выполнение других функций, требовало от думы внимательного надзора за состоянием горожан, торговли, промыслов, напряженной и постоянной работы. Собrania думы проводились практически ежедневно, не исключая и воскресных дней, начинались в восьмом часу утра и заканчивались во втором часу пополудни. Отпуска от несения думских обязанностей давались только по очень уважительным причинам, неохотно и при обязательном согласии губернского правления.

Особенно горячим выпадало время городских ярмарок. 1 июля 1850 г. дума отклонила просьбу гласного Н.С. Пензина «об увольнении его в отпуск на отлучку из города по коммерческим делам сроком на три месяца», т. к. в праздник иконы Казанской богородицы (8 июля) проводилась ярмарка, «в которую он с прочими гласными должен производить по поручению думы денежный за места сбор». Дума решила «об отпуске его представить губернскому правлению по окончании ярмарки и по исполнении им поручения по сбору денег». После того, как 10 и 15 июля Пензин сдал деньги, а также книги записи сборов «с торгующих за занимаемые места» и «с торгующих на судах и на лодках», 22 июля Симбирское губернское правление дало ему разрешение, но только на двухмесячный отпуск. В свою очередь на той же ярмарке гласный И.С. Лебедев осуществлял сборы и записи их в книгу «с торговцев, за места занимаемые возами для торговли», а гласный Чистиков — собранные за продажу лошадей.

Казанская ярмарка 1850 года была проведена успешно, несмотря на тяжелую ситуацию в выгоревшем почти дотла городе. Она способствовала оживлению торговли, предоставлению заработков многим жителям, пополнению общественной казны, в чем усилия членов думы сыграли далеко не последнюю роль. К тому же временные ярмарочные помещения было решено не разбирать до очередной ярмарки на праздник Воздвиженья (14 сентября), а предоставить их особо нуждающимся погорельцам.

Гласным и голове одним справиться со всеми городскими делами было не под силу. Им помогали в целом ряде вопросов старосты «по распорядительной части» купеческой и мещанской общин, в составлении списков налогоплательщиков и при взыскании платежей — ревизские, податные, недоимочные старосты и сборщики податей, по торговым делам и «торговой полиции» — базарные старосты, присяжные оценщики, торговые депутаты, по всему прочему — поверенные в разных учреждениях и комиссиях.

О порядке и ходе выборов на должности городского самоуправления в уездной Самаре можно судить лишь по единичным делам, уцелевшим после пожара 1850 года. Решение о проведении выборов и их сроках принимал городской голова, как правило, это делалось в конце календарного года. Так, 10 декабря 1836 г. голова П.С. Сиягин принял решение о проведении 20 декабря выборов судьи магистрата, купеческого и мещанского старост, депутата квартирной комиссии, занимавшейся воинским постоем³⁵.

В особых случаях проходили досрочные выборы. Потерявший дом и имущество в пожаре 1850 г. Е.К. Суханов оказался не в состоянии нести должность мещанского старосты и подал 13 июля прошение об освобождении от нее. Дума удовлетворила эту просьбу, а мещанское общество представило 24 июля приговор «на избрание из среды себя в старосты по распорядительной части мещанина Петра Сергеевича Сивохина»³⁶.

К выборам призывались все полноправные члены общины (мужчины-главы семейств), происходили они в «доме общества градского». Собравшиеся приносили присягу, подписываясь под ее текстом. Результаты выборов протоколировались и также подписывались присутствующими. Если должность была достаточно ответственной, то требовалось утверждение губернской администрации.

Голосование проводилось шарами (баллотировка) и было по современной терминологии «мягким», т. е. давало возможность подавать голос не за одну, а за две или несколько кандидатур. Решающую роль таким образом играли голоса, поданные против. Например, на упомянутых выборах 1836 года оба выдвинутых в судьи набрали подавляющее большинство голосов «за», но Ф.Е. Саблин их получил 49 при 4 «против», а О.И. Шихобалов – 47 «за» и 6 – «против», почему выбранным считался первый³⁷.

Не прошедший на должность, но получивший второй результат на выборах, числился «кандидатом по старосте (судье, голове и т. д.)». Если должностное лицо в силу каких-то причин (смерть, болезнь и др.) не могло выполнять своих обязанностей, то они возлагались постоянно или временно на «кандидата». Другой причиной, заставлявшей привлекать «кандидатов», был большой объем работы, который требовал определения его в качестве помощника основному должностному лицу.

23 июня 1850 г. городской голова В.И. Тепляков в собрании думы объявил, что он во время пожара лишился дома и прочего имущества, «от этого прискорбия» здоровье ослабло, и его мучат головные боли. Тепляков выразил желание для лечения болезни «отлучиться в отпуск на Серные Сергиевские Минеральные воды на три месяца», а думе предложил, чтобы та сделала представление губернатору об этом отпуске на просимый срок и о поручении временного исполнения должности городского головы «состоящему по нем кандидату купцу Василию Попову»³⁸.

Система городских властей и самоуправления практически без изменений просуществовала в уездной Самаре семь десятков лет.

Рост населения, территории, промышленности, торговли, культурного значения города потребовал к середине XIX в. повышения его административного статуса, что поставило на повестку дня вопрос о создании Самарской губернии и соответствующих переменах в местных органах.

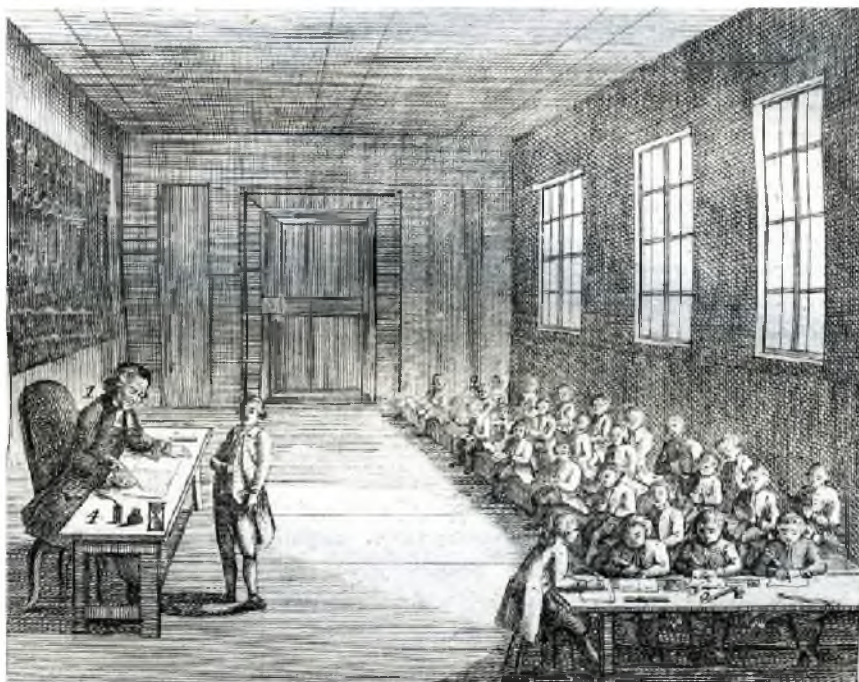
§ 3. Культура и общественная жизнь

Важнейшим показателем уровня культуры можно считать состояние народного образования. Дворяне и чиновники Самары предпочитали давать своим детям домашнее образование, отправляли их в пансионы, гимназии, университеты столичных городов и Казани. Попытки завести пансионы для мальчиков и девочек в самой Самаре предпринимались, но эти заведения оказывались не всегда долговечными³⁹.

Первые государственные общеобразовательные учебные заведения в Самаре появляются в связи с проведением школьной реформы Екатерины II. Начиная с 1786 г., на территории Симбирской губернии, в состав которой входила в качестве уездного города Самара, к началу 1790-х гг. было открыто 5 народных училищ в Симбирске, Сызрани, Ставрополе, Алатыре, Тагае. В июне 1790 г. был поднят вопрос о переводе училища из Ставрополя, где явно не хватало средств на его содержание и было очень мало учащихся, в Самару, представлявшуюся более благоприятным местом для развития дела образования⁴⁰.

Окончательное решение о таком переводе было принято 11 декабря 1790 г. Первым учителем общедоступной самарской школы стал Петр Михайлович Козмодемьянский⁴¹. Церемонию открытия Самарского малого народного училища провел 19 января 1791 г. директор народных училищ Симбирской губернии выдающийся инженер, просветитель, статистик и этнограф Т.Г. Масленицкий⁴².

С восшествием на престол Павла I в 1796 г. отношение властей к народному образованию изменилось. 12 ноября 1797 г. Симбирский приказ общественного призрения, финансировавший до того в числе прочих по губернии и самарскую школу, принял резолюцию, в которой было предложено из-за недостатка в приказе суммы на содержание малых народных училищ предписать дворянским предводителям и городским головам тех городов, где состоят эти училища, чтобы они уговаривали горожан и дворянство взять на себя содержания учителей и училищ.

Школьный учитель. Из кн.: Зрелище природы и художеств. СПб., 1809. Ч. VIII

26 декабря самарский предводитель дворянства с согласия дворян, живущих в городе и уезде, сообщил, что среди местных представителей благородного сословия, желающих содержать здешнее училище, никого не оказалось. Одни отзывались «неимением денег», другие — «неимением к таковой науке способных мальчиков», третьи, у которых были деньги и дети, — «имением своих собственных учителей»⁴³. Действительно у дворян, особенно провинциальных, домашнее обучение детей было более привычным и традиционным, нежели учеба в публичной школе⁴⁴.

Самарские купцы и мещане также отказались дать средства на школу, аргументируя тем, что раз «общество дворянское от содержания училищ отказалось, то и градское общество одно принять на себя ту тягость не согласилось же». Приказ общественного призрения учел позицию ведущих сословий Самары и уезда, а также принял во внимание то, «что в Самаре и дома нет для училища, да и учеников состоит там только четырнадцать человек»⁴⁵.

25 февраля 1798 г. Самарское малое народное училище было предложено закрыть, учеников распустить, учителя с учебными

книгами, пособиями и канцелярскими делами отправить в Симбирск, а столы, скамьи, черную доску и прочее оснащение училища отдать самарскому городничему для продажи с торгов. Самарскому дворянству и горожанам был устроен своеобразный экзамен на глубину и прочность восприятия местным обществом идей подходившего к концу «века Просвещения». Экзамен этот был провален, история народного образования в городе уже второй раз была прервана на более чем на четверть века⁴⁶.

Самара не была исключением. Во всей Симбирской губернии, куда она входила, к началу XIX в. осталось всего два народных училища⁴⁷.

Новая волна просветительской активности приходится на царствование Александра I. В 1804 г. были приняты новые уставы учебных заведений России. Теперь они делились на 4 ступени: приходские училища, уездные училища, гимназии (в столицах и административных центрах губерний), университеты. Государственное финансирование предусматривалось только для трех верхних ступеней, начиная с уездных училищ, которых предусматривалось открыть по стране 405. Однако осуществление благих намерений происходило с трудом. Выделяя средства на содержание казенных школ, правительство не предусматривало расходов на строительство зданий для них и на ряд других статей. Не случайно, что в небольших и небогатых уездных городах, к каким относилась Самара, школьное дело еще несколько лет не могло стронуться с мертвой точки. Без участия, в том числе материального, местной общественности становилось невозможным открытие не только приходских училищ, вовсе не имевших государственной поддержки, но и уездных. Александр I прямо выражал надежду, «что и все наши верноподданные примут деятельное участие в сих заведениях, для пользы общей и каждого учреждаемых»⁴⁸.

Одним из способов привлечения авторитетных деятелей и состоятельных людей к распространению и поддержке школ стало учреждение в 1811 г. должности почетных смотрителей⁴⁹. Они выполняли функции попечителей, благотворителей и покровителей училищ.

В начале 1823 г. министру духовных дел и народного просвещения поступило сообщение попечителя Казанского учебного округа о том, что отставной штабс-капитан А.А. Путилов подал прошение о желании вступить в должность почетного смотрителя уездного училища в Самаре. Он брал обязательство при содействии самарского дворянства выстроить для школы здание и ежегодно

жертвовать на нее по 200 руб. 14 февраля министр утвердил предложение о заведении Самарского училища, назначении Путилова его почетным смотрителем и запросе в Министерстве финансов по 1 250 руб. в год казенных средств на содержание этого училища⁵⁰.

В том же году А.А. Путилов представил проект здания для школы. Ревность к делу народного образования не осталась незамеченной. В 1824 г. А.А. Путилов в качестве попечителя уездного училища удостоился представления императору Александру I, проезжавшему через Самару. «Содействие самарского дворянства», обещанное А.А. Путилову, никакого материального воплощения не получило. Все расходы нес он один. На запрос министра просвещения по поводу того, участвовало ли дворянское общество в строительстве школьного дома, был дан отрицательный ответ⁵¹.

Подготовка к началу работы уездного училища продолжалась до 1825 года. Директор симбирских училищ рекомендовал приурочить торжественное открытие к государственному празднику — дню тезоименитства императора Александра I, которое приходилось на 30 августа. 15 января 1826 г., через месяц после своего драматического восшествия на престол, новый царь Николай I наградил Путилова за его вклад в дело народного образования орденом св. Анны 3-й степени⁵².

Первыми учителями самарской школы стали В.О. Барщевский, являвшийся одновременно штатным смотрителем, то есть заведующим, А.И. Иванов, Ф.О. Гольдсмит. Кроме того, при Александре I было установлено, чтобы занятия по Закону Божьему проводили не светские люди, а образованные священники⁵³. В Самаре этот предмет вел Евграф Цареградский⁵⁴.

Инициатива по созданию первого из казенных учебных заведений в Самаре исходила из среды образованного дворянства. Основной же интерес к обучению своих детей в уездном училище проявили чиновники и рядовые жители города из разных сословий. Постепенно в этой среде распространяется стремление к большей активности в школьном деле. По просьбе штатного смотрителя уездного училища голова приглашал почетных гостей из купечества и мещанства на открытие занятий в новом учебном году и на публичные экзамены. В 1836 г. было открыто в Самаре приходское училище. На учебные заведения этого типа из казны денег не отпускалось вовсе, они полностью содержались на средства городских обществ. Самара уже сама начала подавать пример соседям. Приходское училище в нашем городе было четвертым в

губернии по времени открытия (вслед за Симбирским, Сызранским и Карсунским, открытыми в 1834—1835 гг.) и вторым по общественной сумме, собираемой на его содержание (600 руб.), уступая только Симбирскому (700 руб.)⁵⁵.

САМОУЧИТЕЛЬ

ИЛИ

ПОЛНАЯ РОССИЙСКАЯ

АЗБУКА,

СОСТАВЛЕННАЯ ПО НОВѢЙШЕЙ МЕТОДѢ, И
СЪ НОВЫМИ, ДО СИХЪ ПОРЪ НЕИЗВѢСТНЫМИ
ОБЛЕГЧЕНИЯМИ КЪ ИЗУЧЕНЮ ЧТЕНІЯ.

Соч. М. ГУТТЪ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

Книжная
№ 28
Книжная
1835

3663

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1835.

Азбука. 1825 год

Многие дворяне не соглашались, чтобы их дети обучались в общедоступной школе. Они прибегали к услугам домашних учителей или содержателей пансионатов. Из последних наиболее известный и удачный опыт в Самаре представляет пансион де Маке, открытый в 1827 г. О его деятельности мы знаем благодаря тому, что в нем до 1830 г. учился сын самарского литератора, а в будущем — сам видный деятель науки и культуры Н.И. Второв. Сохранился как его личный дневник тех лет, так и ученические «журналы» с заданиями и оценками. В пансион принимали как мальчиков, так и девочек. Обучение языку и рисованию вели сами супруги де Маке, а общеобразовательные предметы — учителя уездного училища Барщевский и Иванов. На примере Второва-младшего можно судить о хорошем уровне подготовки в пансионе, поскольку мальчик без труда смог поступить затем в Казанскую гимназию⁵⁶.

Общественная и политическая активность в первой половине XIX в. с трудом проявлялись в крупнейших городах России, не говоря уже об уездной Самаре. Сюда долетали лишь отголоски важных событий и новых веяний.

В начале 1812 г. самарских жителей взволновало явление кометы: «Почти все жители Самары предвещали какое-то общее несчастье, как обыкновенно всегда, с самой древности, пугали людей появляющиеся кометы», — писал в своем дневнике один из современников. В городе 1812 года стало многолюдней обычного. К привычному притоку бурлаков, сезонных рабочих добавились беженцы из пострадавших от войны губерний, все новые пешие и конные полки, которые шли через город с востока к театру военных действий. Вскоре прибавились хлопоты с пленными, первая партия которых прибыла в Самару уже в конце сентября 1812 г.: «Тогда все состояния озлоблены были до неистовства против врагов нашего Отечества, вместо квартир запирали их кучами в пустых сараях и амбарах. Равнодушно нельзя было смотреть на несчастные жертвы властолюбия Наполеона». Многие в городе в насмешку называли пленников французов «Париж-Пардон»⁵⁷.

Выглядевшие, на первый взгляд, несколько преувеличенными описания больных, голодных и униженных пленников нашли полное подтверждение в официальных отчетах⁵⁸. Согласно им по пути из Владимира через Самару в Оренбург погибли более 400 чел., то есть свыше половины от общего числа находившихся в этой партии. Да и в конвойной команде, состоявшей из ратников владимирского ополчения, благодаря горе-командиру, потери составили 90 чел. умершими и 200 чел. больными⁵⁹.

Примечательным событием стал приезд 8 сентября 1824 г. в Самару императора Александра I, который на следующий день выехал в Оренбург. Государь из Ставрополя до Самары плыл на военном катере и остановился в доме генерала Г.Н. Струкова. Его двор и примыкавшие к нему улицы заполнил народ, некоторые даже влезли на заборы. Александр I под крики «Ура!» выходил на крыльцо и кланялся, приветствуя своих подданных. Поутру 9 сентября он принял чиновников местных учреждений, самарских дворян и купцов, совершил поездку по городу, посетив собор и приложившись к иконам. Перед отъездом в Оренбург император выразил благодарность городничему И.И. Соколовскому и выказал удовлетворение своими впечатлениями о Самаре⁶⁰.

После восстания 1825 года на Сенатский площади был арестован в Самаре отставной полковник И.И. Христ по подозрению в причастности к движению декабристов, но был отпущен за отсутствием улик. Некоторые местные чиновники хранили в своих библиотеках переписанные от руки произведения «потаенной» литературы русских вольнодумцев А.Н. Радищева, П.И. Пестеля и др. Но ни о каком широком влиянии их идей на самарское общество не было и речи. Не вызвали заметного отклика пребывания в дореформенной Самаре таких выдающихся деятелей эпохи, как С.Т., К.С., И.С. Аксаковы, Т.Г. Шевченко. К служившим в 40–50-е гг. в Самаре молодым чиновникам П.П. Пекарскому и Н.В. Шелгунову известность придет позже. Первый станет историком, академиком, второй — видным общественным деятелем, литератором.

В ряду ярких имен деятелей культуры стоит И.А. Второв, который был первым русским писателем, непосредственно жившим и работавшим в Самаре. Уже в возрасте восьми лет в 1781 г. он начал чиновную службу в только что открывшемся Самарском уездном суде. О систематическом образовании не было и речи. Однако жажда познания и творчества была непреодолима, составляя главную

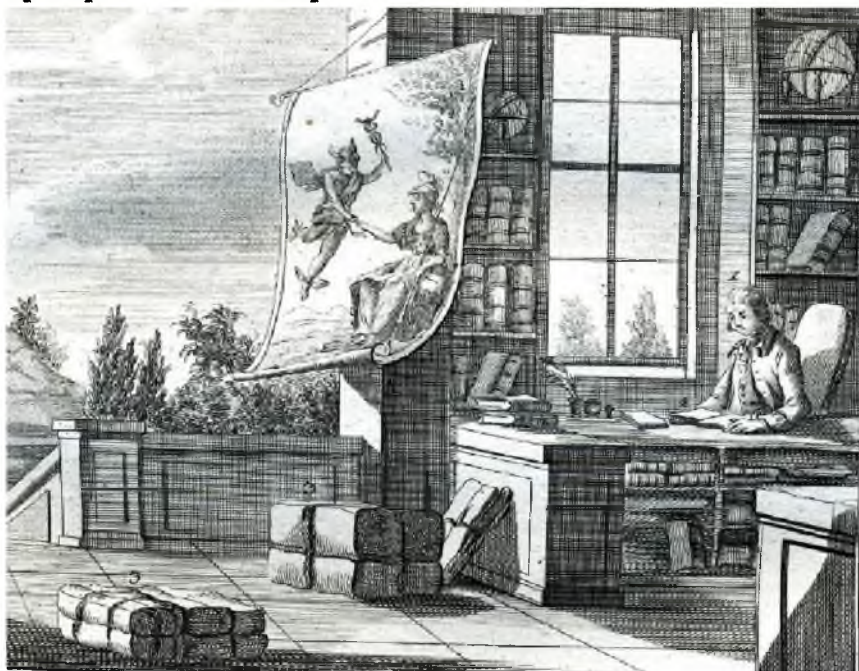

*И.А. Второв. Портрет.
Из ст.: «Глубинный философ»
И.А. Второв // Performance.
2005. № 2 (19)*

жизненную ценность для Второва с молодых лет⁶¹. «Склонность моя к наукам, — пишет он, — с десятилетнего возраста была непреодолима. Я читал с жадностью всякие книги, какие мне тогда ни попадались, и даже сам собою научился рисовать»⁶².

Благодаря самообразованию, знакомству и дружбе с представителями немногочисленной еще культурной среды губернского Симбирска⁶³ и просвещенного дворянства Симбирской губернии И.А. Второв сам начинает пробовать себя в литературном труде. В 1798—1800 гг. несколько его стихотворных и прозаических произведений были напечатаны в столичных журналах. Они представляют сейчас интерес разве что для историка литературы, но вот дневник Второва, который содержит записи с 1792 г., сохранил ценные свидетельства о нравственных и общественных исканиях его эпохи, о культурной жизни в провинции и столицах, о многочисленных знакомых автора, в числе которых были И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин и др.

У Второва была хорошая библиотека, составленная частью из книг, привезенных из поездок в большие города, частью и из приобретенных в Самаре.

Книжная лавка. Из кн.: Зрелище природы и художеств. СПб., 1809. Ч.VIII

Книготорговля здесь, как и в других российских городах, была делом не очень прибыльным, но довольно беспокойным. В 1790-е гг. после выхода в свет «Путешествия» А.Н. Радищева и ареста его автора, расправы с книгоиздателем Н.И. Новиковым, запрета тираноборческой трагедии Я.Б. Княжнина «Вадим» вводится жесткая цензура, не без выгоды обернувшаяся для уездных взяточников. Купец Пономарев, торговавший тогда книгами в Самаре, не мог свободно выставить даже незапрещенные издания из-за корыстолюбия духовных чинов, требовавших мзды за разрешение на их продажу. Второву в 1794 г. пришлось вступить за книго торговца, которому досаждали «цензоры»-вымогатели.

Второв не только для своей библиотеки подписывался на все петербургские и московские журналы, но для распространения их составлял компании из своих знакомых, которых он неоднократно просил о вербовке желающих на чтение периодических изданий. В одной из таких компаний в Самаре Второв принимал деятельное участие. В ней было принято за правило прочитанные издания по окончании года дарить библиотеке уездного училища⁶⁴.

В здании уездного училища нашлось место не только для первой в городе общественной библиотеки, но и для проведения различных публичных мероприятий. Актальный зал нововыстроенного училища был велик для школьных нужд и задумывался при строительстве здания Путиловым, «чтобы доставить дворянству возможность» проводить здесь свои собрания, а взамен «училище могло получать от того пользу себе». Штатный смотритель училища В.О. Барщевский сообщал, что самарское благородное общество предложило произвести в помещении школы необходимый ремонт. Взамен дворяне просили позволить им дважды в неделю проводить «благородное собрание в зале училища», за что, кроме ремонта, на который предполагалось потратить 300 руб., обещало ежегодно вносить в пользу училища 200 руб. фактически арендной платы. Собрания обещано было проводить «с должным приличием», в частности, читать «выписываемые обществом журналы и газеты». Эти периодические издания затем предполагалось также отдавать в библиотеку училища. Еще одной статьей сбережения училищных средств являлось то, что в дни собраний большая зала училища отапливалась бы за счет дворянского общества⁶⁵.

В итоге разрешение на проведение собраний в школьном актовом зале было получено. Кроме материальных выгод училищу и удобств местному дворянскому обществу, попечитель Казанского

учебного округа усмотрел в таком разрешении и пользу политическую в обстановке, когда совсем недавно было подавлено восстание декабристов. Предполагалось, «что общество, собираясь в доме уездного училища, будет находиться под надзором начальства», которому будут известны намерения собравшихся⁶⁶.

Обязанность извещать горожан о подписке на периодические издания и убеждать жителей принять в этом участие входила и в число функций городского головы. 4 сентября 1835 г. в самарскую городскую думу пришло распоряжение симбирского губернатора о намерении Общества поощрения лесного хозяйства издавать с 1836 г. «Лесной Журнал» и о поддержке этого начинания со стороны Департамента Государственных имуществ, который просил «обвести об издании того журнала по Симбирской губернии и оказать содействие к приглашению подписчиков на оный журнал». Распоряжение губернатора было доведено головой до сведения купцов Самары. На него последовал ответ, что самарское купеческое общество объявленное предписание получило, но подписаться на приобретение «Лесного журнала» никто не пожелал⁶⁷.

Не было ожидаемого отклика и на обращение симбирского губернатора к самарскому голове от 19 декабря 1835 г. о подписке на «Литературные прибавления» к газете «Русский Инвалид». Городской голова П.С. Синягин оказался в затруднительном положении. Поскольку из горожан «никто по убедительной моей просьбе желания к сему не изъявил», то голове пришлось подписаться лично, отдав за подписку 35 руб. ассигнациями⁶⁸.

В оправдание самарского купечества, которое не проявило интереса к «Литературным прибавлениям», издаваемым А.Ф. Воейковым, заметим, что они вообще не пользовались популярностью в России. Разделы словесности и критики в нем были откровенно слабыми и обходились без лучших российских литераторов. Другие разделы (пересмешник, смесь и моды) также не могли привлечь читателя к журналу. Под редакцией А.Ф. Воейкова катастрофически терял популярность и сам «Русский Инвалид», к тому же ставший из газеты комитета по содействию раненым и престарелым воинам коммерческим изданием, у которого благотворительные задачи отошли на второй план. Следует учитывать и то, что частые сборы на благотворительные нужды, практиковавшиеся симбирским губернским начальством, делали купцов осторожными в отзыве на все новые и новые обращения по данному поводу, тем более в отношении мероприятий непривычных и непонятных.

Более настойчиво проводилась подписка на официальный «Журнал Министерства Внутренних Дел». В данном случае необходимость такого издания не ставилась под сомнение, да и отказ от предложенной подписки выглядел бы неблагонамеренным поступком. В апреле 1835 г. Синягин, получив соответствующее предписание губернатора, сообщил, что «соревнуя пользе Отечества», тотчас распорядился купечеству и мещанству пожертвовать положенную сумму в 25 руб. Подписка на один экземпляр издания была проведена в складчину⁶⁹.

На следующий год ситуация несколько изменилась. Губернатор, ссылаясь на просьбу министра внутренних дел «содействовать успеху того издания, коего польза не может быть подвержена сомнению», прислал Синягину уже «4 билета на получение журнала Министерства Внутренних Дел, цена годового издания коего остается прежняя, т. е. 25 руб. ассигнациями». Подписка на сей раз была проведена индивидуально, о чем писал Синягин, раздавший 3 подписных билета купцам Н.С. Тенееву, П.Р. Малыгину, мещанину И.А. Абросимову, а один опять-таки оставивший себе⁷⁰.

Самым большим успехом из официальных изданий пользовалась «Коммерческая газета», выпускавшаяся Департаментом Внешней торговли. Число ее подписчиков среди горожан Самары достигало нескольких десятков человек, хотя ее цена была достаточно высокой — те же 25 руб. в год с доставкой. Интересно, что среди подписавшихся на эту газету, выходившую 3 раза в неделю, было немало неграмотных глав купеческих и мещанских семейств. Объяснить последнее обстоятельство может следующее наблюдение. В материалах ревизий (переписей податного населения) те же самые купцы и мещане не могли поставить свои подписи «за незнанием грамоты». Как правило, за них подписывали «ревизские сказки» их взрослые сыновья, не отделившиеся от родителей. Так как эти «купецкие дети» (некоторые уже в возрасте 40 и более лет) не были дворовладельцами, то и не считались полноправными членами городской общины, хотя могли иметь собственные семьи, вести отцовское или свое дело. Младшее поколение самарского купечества, более образованное и грамотное, и было основным читателем специализированного издания для коммерсантов⁷¹.

Упомянутый П.С. Синягин, купец 3-й гильдии, который неоднократно избирался городским головою в Самаре в 1830–1840-е гг., был весьма примечательным человеком. Например, он был владельцем одного из первых и самых красивых каменных жилых домов Самары. Среди его дел было немало имевших благотвори-

тельную направленность. Так, он собирал добровольные пожертвования в пользу Тюремного комитета в Симбирске, Антиохийской православной церкви на Ближнем Востоке, пострадавших от пожара жителей Тулы и др.

В случае несчастий власти и жители других регионов России не оставляли без помощи погорельцев Самары. День 13 июня 1850 г. стал одним из самых страшных в истории города. Первой в двенадцатом часу дня загорелась караулка при хлебных амбарах близ берега Волги. С нее огонь перекинулся на ближайшие складские, административные и жилые строения. Сильный ветер, переходящий в бурю, делал все попытки остановить огонь безнадежными⁷².

Всего в ходе пожара погибло 126 хлебных амбаров, 20 судов по перевозке пшеницы, все присутственные места и больницы, тюрьма, 486 деревянных и 35 каменных домов. Имелись и человеческие жертвы. Откликом на это стихийное бедствие стал сбор пожертвований от различных обществ и частных лиц в разных городах страны. По распоряжению Николая I на помощь Самаре казна выделила 5 тыс. руб.⁷³

Больница. Из кн.: Зрелище природы и художеств. СПб., 1787. Ч. VII

В последней четверти XVIII в. было начато создание единой системы медицинской помощи для населения. Каждая губерния должна была содержать доктора, а уезд — лекаря.

В 1828 г. на средства Е.А. Путиловой в Самаре была устроена больница на 12 коек, главным врачом которой был Г.А. Троицкий. Сын Путиловой, Д.А. Путилов, сам проявлял интерес к медицине. У него была хорошая медицинская библиотека, несколько десятков томов из которой хранятся до сих пор в Самарской областной библиотеке. Путилов имел шесть домов на курорте Серные Воды под Сергиевском. Им же было устроено первое кумысолечебное заведение с «чисто филантропической целью», чем оно и отличалось от более поздних кумысолечебниц коммерческого характера⁷⁴.

В 1843 г. удельное ведомство выстроило в Самаре больницу для своих крестьян. Она была даже побольше городской, ее устройство обошлось в 1,5 тыс. руб., а ежегодное содержание составляло 1,6 тыс. руб. Рассчитана она была на 24 кровати⁷⁵.

В августе 1847 г. был составлен план на строительство новой городской больницы (56 мест), выделено для этой цели 13,5 тыс. руб., но пожар 1850 г. уничтожил как старую больницу, так и строительные материалы, заготовленные для новой. В качестве временного помещения впредь до постройки нового здания больницы свой дом под нее предоставил в аренду самарский купец Н.И. Шихобалов⁷⁶.

Бесплатно, т. е. за счет города могли получить медицинскую помощь в городской больнице только постоянные жители. С прочих лиц взималась плата. В случае несостоятельности самого больного или его смерти расходы должны были покрыть его родственники или, если он был крепостным, владельцы. Казенные ведомства также вносили плату за лечение своих служащих. Так, в июне-июле 1850 г. смотритель больницы Смирнов получил не только требующую им сумму от городской думы на содержание больницы и больных, но и ему же были перечислены деньги от службы путей сообщения и Комиссариатской комиссии (налогового ведомства) «за лечение в Самарской больнице нижних чинов» за месяцы с января по апрель. Были тогда же взысканы деньги с симбирской дворянки Н. Юнг за лечение ее дворового человека, с татарина из Тетюшского уезда Б. Рахметуллина за его брата. В связи с отказом крестьянина из Карсунского уезда А. Авдеева «по бедному своему состоянию» внести деньги за двух своих братьев, лечившихся, умерших и похороненных в Самаре, карсунско-

му уездному суду было предложено «в случае несостояния» родственников Авдеевых взыскать деньги «с имения господ Стародубовых», чьими крепостными были указанные крестьяне⁷⁷.

В городской больнице имелось специальное помещение для больных арестантов с охраной и решетками на окнах. В ведении городской полиции находилось имущество (различные вещи и белье) «холерных больниц», которые разворачивались в случае эпидемий и карантинных мероприятий⁷⁸.

Особое внимание борьбе с холерой стало уделяться после ее первой опустошительной эпидемии, разразившейся в Самаре в 1830 г. В Симбирской губернии самым пострадавшим стал именно этот город, где количество заболевших только по официальным данным составило 577 чел., а умерших — 262 чел., что составляло почти половину больных и погибших во всей губернии. При этом современники не доверяли указанным цифрам: «Самое количество умерших от холеры по народной молве простирается свыше 500 душ, а по местному показанию полиции менее 300. Не понятно, что заставило оную скрывать истину»⁷⁹.

До XIX в. Россия только слышала о холере, не встречаясь с этой болезнью на своей территории. По мнению российских медиков, столкнувшихся с холерой, болезнь следовало считать разной. Однако Медицинский совет Министерства внутренних дел не согласился сначала с этим выводом и посчитал ненужными карантинные мероприятия против холеры⁸⁰.

Пока продолжались ученые споры, летом 1830 г. пандемия холеры вторглась из Азии в Россию через Каспий и Волгу. Ее стремительное распространение и начавшаяся в стране паника заставили верховную власть усомниться в правильности мнения о «незаразительности» холеры. 23 августа император Николай I собственноручно дал указание считать эту болезнь заразной, ввести карантинное оцепление пораженных ею населенных пунктов и местностей.

Холерные карантинные меры в 1830 г. как основная противоэпидемическая мера не выполнили возложенных на них надежд по ряду причин. В советское время чаще всего назывались злоупотребления чиновников, но главной причиной все же было незнание природы болезни, породившее ошибки в организации карантинного противодействия. Свидетели рассматриваемых событий замечали: «Холера еще в первый раз посецала Россию, и средства борьбы с нею не были известны; ее приравняли к чуме, избегая сопри-

косновения с заболевшими, но она не поддавалась этим предосторожностям и через то наводила больший ужас»⁸¹.

Паника и страх усугублялись тем, что симптомы новой неизвестной болезни были непохожи на давно известные кишечные инфекционные заболевания. Ее стремительное и очень болезненное протекание с диареей, рвотой, судорогами и проч. воспринималось населением по аналогии с отравлениями сильными ядами. В провинции и в столицах поползли слухи, что людей просто травят, подозрение часто падало на врачей. Однако в Самаре, расположенной на пересечении сухопутных и водных путей в Азию, значительная часть жителей не сомневалась в заразности холеры, в необходимости карантинных мер и не была удивлена симптомами болезни, будучи уже о ней наслышана и чувствуя приближающуюся угрозу. Может быть, поэтому не произошло в Самаре и крайних эксцессов, похожих на «холерные бунты», которые прокатились с появлением новой болезни по всей Европе и с особой силой разгорелись в ряде мест России.

Кроме того, ослабил социальное напряжение в городе отказ властей от запоздавших и неэффективных карантинных мер. Правда, первоначально, не сумев воспрепятствовать проникновению болезни в город, власти попытались максимально ограничить контакты людей в самой Самаре. Эти попытки, особенно, если задевались религиозные чувства, могли привести к серьезным волнениям. Наоборот, привлечение приходского духовенства к мерам борьбы с эпидемией способствовало умиротворению волнений, ею вызванных⁸².

Наиболее подробные записки о холере 1830 года оставил штатный смотритель Самарского уездного училища В.О. Барщевский. Когда в двенадцать часов ночи на 27 августа городничий дал ему знать, что в городе зафиксирован первый случай заболевания холерой, смотритель сразу принял решение закрыть училище. Однако прекращение занятий не смогло уберечь школьных работников от холеры, которой переболели все, кто работал тогда в Самарском училище. К счастью, все они и остались живы, оставив ценную информацию о протекании болезни и об обстановке в городе.

Барщевский рассказывал, что население, видя родных, друзей, знакомых, соседей, пораженных болезнью и умиравших от нее, потянулось в храмы. Однако на другой же день после начала эпидемии церкви были местными властями закрыты, а их двери опечатаны. Эта мера была не только уже бесполезна, но и опасна из-за массового возмущения. В сложившейся ситуации решительность

проявил самарский протоиерей. Выбирая из двух зол между угрозами усиления эпидемии и бунта, он правильно счел более опасным взрыв недовольства и выход толпы из-под контроля. По его указанию были вновь открыты храмы, возобновлены богослужения, проведены два крестных хода вокруг города, что успокоило волнения и панику, подняло дух жителей⁸³.

Впрочем, как заметил Барщевский, люди осторожные и опасавшиеся за свое здоровье сами не стали участвовать в религиозных церемониях. Больных же к этим церемониям не допускали. Тем самым возможный вред от собраний во время церковных служб и крестных ходов был сведен к минимуму. Были также отменены все погребальные обряды на кладбище независимо от социального положения умерших, к местам захоронения их отвозили без сопровождения родных и близких. Однако с захоронением из-за большого количества смертей также возникли проблемы, поэтому «трупы умерших от холеры, по невозможности погребать в особую для каждого могилу, дозволено было по несколько оных хоронить в общую». Людей не успевали хоронить вовремя, мертвые оставались несколько дней без погребения, одни в своих домах, другие на кладбищах на месте неподготовленных могил.

Тем не менее, не без усилий врачей, прибывших на помощь в Самару из других городов, эпидемия пошла на спад. После крестного хода на Воздвиженье 14 сентября 1830 г. медики, работавшие в Самаре, и жандармские офицеры, следившие за ситуацией в ней, отметили резкое улучшение эпидемиологической обстановки, которое привело к тому, что уже после ни одного случая появления новых больных холерою в Самаре больше не было⁸⁴.

Самара сделала свой вклад в ту копилку опыта, который совместно приобрели пациенты, врачи, администраторы — первые русские люди, встретившиеся со страшной и неизвестной доселе болезнью. Без этого опыта была бы невозможна начавшаяся тогда борьба против грозного недуга. Даже не имея медицинской подготовки, образованные и здравомыслящие жители Самары сделали правильные наблюдения о природе холеры, заметив, что она поражает в первую очередь тех, кто пренебрегает санитарными правилами и личной гигиеной, что никто не застрахован от нее, пока во всем городе не налажена надежная и регулярная уборка нечистот. В Самаре были опробованы различные способы лечения болезни, некоторые из которых оказались достаточно действенными, прежде всего, строгая диета.

Поддержанию здоровья жителей Самары в целом способствовали традиционным формы досуга в виде состязаний, требовавших хорошей физической формы и ловкости: заплывы через Самару и даже Волгу, ныряние под барки и «подчалки»-баржи (иногда разом под две-три поставленные борт о борт), конные скачки, скоростные катания по льду реки на тройках, любителями и мастерами управления которыми являлись даже женщины. Этим лихие самарские катания заметно отличались, например, от саратовских, проходивших чинно и по городским улицам⁸⁵. Верхом удали и ловкости в Самаре считалось участие, а тем более успех в конной игре в виде «взятия снежного городка». В правобережных городах, например, в Симбирске такой зимней забавы не знали вовсе⁸⁶.

Успехи в деле здравоохранения в нашем городе к середине XIX в. стали столь же заметными, как и достижения на ниве народного просвещения, распространения книги и периодики. Можно добавить, что в 1849 г. распоряжением симбирского губернатора П.Д. Черкасского был превращен в место публичных гуляний и увеселений знаменитый Струковский сад⁸⁷. Самара все больше приобретала значение не только торгово-промышленного или административного, но и культурного центра.

Примечания

¹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000. С. 173–174.

² Бирюкова А.Б. Социокультурные аспекты градостроительной деятельности в конце XVIII – середине XIX в. (по материалам Среднего Поволжья) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–2 (44). С. 33.

³ История Самарского Поволжья. XVI – первая половина XIX века. С. 244.

⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 29 и об.

⁵ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 7об., 10об.

⁶ Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 55.

⁷ Очерки русской культуры XVIII века. М., 1985. Ч. 1. С. 122.

⁸ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 11-24об.

⁹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 548. Л. 149об.

- ¹⁰ История Самарского Поволжья. XVI – первая половина XIX века. С. 173.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. II. Л. 25.
- ¹² РГАДА. Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 6.
- ¹³ Жуков А. Н., Мельникова Н. В. Культурное зодчество Самары // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 217, 221.
- ¹⁴ История Самарского Поволжья. XVI – первая половина XIX века. С. 172, 250.
- ¹⁵ Гурьянов Е.Ф. Древние вежи Самары. Куйбышев, 1986. С. 106.
- ¹⁶ Смирнов Ю. Н. Причины административного переустройства Заволжья в первой половине XIX века и образование Самарской губернии // Самарский земский сборник. 1997. № 1. С. 41.
- ¹⁷ Симбирские губернские ведомости. 1839. № 6. 10 февраля; № 9. 3 марта и др.
- ¹⁸ Смирнов Ю.Н. «Юрьев день» губернского масштаба. Отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х гг. // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 4–5.
- ¹⁹ Там же. С. 5.
- ²⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12357.
- ²¹ Смирнов Ю.Н. Политика освоения Заволжья в первой половине XIX века и организация управления его территорией в XVIII – первой половине XIX вв. (основные этапы) // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1. С. 85–86, 89–90.
- ²² Смирнов Ю.Н. Органы власти и местного самоуправления в Самаре с XVIII столетия до получения ею статуса губернского города в середине XIX века // Самара: от прошлого к настоящему. Самара, 2007. С. 288–289.
- ²³ Там же. С. 289–291.
- ²⁴ Артамонова Л.М. Самая просвещенная реформа // Родина. 2010. № 2. С. 46.
- ²⁵ Самара-Куйбышев. Хроника событий. 1586–1986 гг. Куйбышев, 1985. С. 42.
- ²⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2, 6; Д. 2. Л. 20.
- ²⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. М., 1987. С. 324–326.
- ²⁸ Смирнов Ю.Н. Органы власти и местного самоуправления в Самаре. С. 292–293.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 5. Д. 1018.
- ³⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3. Л. 21; Оп. 6. Д. 1584. Л. 2, 6.
- ³¹ Российское законодательство. Т. 5. С. 333–334.

³² Смирнов Ю.Н. Органы власти и местного самоуправления в Самаре. С. 294–295.

³³ Здесь и ниже подсчитано по: ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 1593.

³⁴ См.: ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 1592.

³⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

³⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2. Л. 49об., 102.

³⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

³⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 41об.

³⁹ Артамонова Л.М. Первые шаги женского образования в русской провинции с конца XVIII в. до 1861 г. (на примере юго-востока Европейской России) // Проблемы российской и социальной истории. Самара, 2011. С. 133–134.

⁴⁰ Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Российской империи). Самара, 2001. С. 161.

⁴¹ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1196. Л. 9об.-10.

⁴² Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции. С. 166.

⁴³ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1243. Л. 16.

⁴⁴ Артамонова Л.М. «Учили меня еще во младенчестве». Принципы и традиции образования молодых дворян в XVIII столетии // Родина. 2010. № 11. С. 13–15.

⁴⁵ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1244. Л. 9, 12об.

⁴⁶ Артамонова Л.М. Начальные страницы школьного дела в Самаре (XVIII – первая треть XIX вв.) // Самара: от прошлого к настоящему. Самара, 2007. С. 304–305.

⁴⁷ Артамонова Л.М. Исторический опыт и значение школьной реформы Екатерины II // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 73. С. 17.

⁴⁸ Артамонова Л.М. Школьные реформы XVIII – первой половины XIX века в процессе российской модернизации // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2.2 (93). С. 57–64.

⁴⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1. СПб., 1864. С. 666.

⁵⁰ Артамонова Л.М. Деревянная голова Минервы. Самарское общество и народное просвещение при Александре I // Родина. 2011. № 7. С. 87.

⁵¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 91. Л. 20, 21.

⁵² РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 91. Л. 27–29.

⁵³ Артамонова Л.М. Закон Божий в школах России и Поволжья при Александре I // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8–2. С. 55–64.

⁵⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 1163. Л. 8.

⁵⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 132. Л. 1об.

⁵⁶ Артамонова Л.М. Пансион господина де Маке в Самаре // Самарский земский сборник. 2011. № 1. С. 58–69.

⁵⁷ История Самарского Поволжья. XVI – первая половина XIX века. С. 242.

⁵⁸ Артамонова Л.М. Военнопленные армии Наполеона и русское провинциальное общество: проблемы изучения повседневности, социальных отношений, культурных контактов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1 (14). С. 160.

⁵⁹ Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Симбирской губернии // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск «Актуальные проблемы истории и археологии». Самара, 2006. С. 7–11.

⁶⁰ Смирнов Ю.Н. «Жителю коляски не худо ехать по воде». Путешествие Александра I на восток // Родина. 2011. № 7. С. 91–94.

⁶¹ Артамонова Л.М. Приобщение к культуре и просвещению как источник счастья молодого провинциала конца XVIII века // Счастливые страницы в истории человечества и повседневной жизни людей: материалы Международ. науч. конф. Тула, 2009. С. 11–19.

⁶² Русский Вестник. 1875. № 4. С. 497–498.

⁶³ Артамонова Л.М. Истоки провинциальной интеллигенции в симбирских записях дневника И.А. Второва (1791–1793 гг.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 437–443.

⁶⁴ Русский Вестник. 1875. № 8. С. 595.

⁶⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 955. Л. 7об.; Д. 968. Л. 1–2, 4.

⁶⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 968. Л. 7.

⁶⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 2. Л. 65, 67.

⁶⁸ Там же. Д. 2. Л. 83, 85об.

⁶⁹ Там же. Д. 2. Л. 22.

⁷⁰ Там же. Д. 3. Л. 15–16.

⁷¹ Там же. Д. 2. Л. 9; Д. 27.

⁷² Там же. Д. 2. Л. 1об.-2.

⁷³ Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары. С. 108.

⁷⁴ Шерешевский Г.М. Начало самарской медицины // Самарский краевед. Самара, 1991. Ч. 1. С. 48.

⁷⁵ Там же. С. 49.

⁷⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

⁷⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 44об., 58об.; Д. 2. Л. 53 и об., 97.

⁷⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2. Л. 79об., 101об., 109об.

⁷⁹ Артамонова Л.М. Холера 1830 года в Самаре: действия властей и реакция общества // История и историки в меняющемся мире: сб. статей. Самара, 2003. С. 57.

⁸⁰ Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960. С. 256.

⁸¹ Исторический вестник. 1884. № 12. Декабрь. С. 625.

⁸² Якунин В.Н. История Самарской епархии: историография проблемы // Карельский научный журнал. 2014. № 3. С. 18.

⁸³ Артамонова Л.М. Взаимодействие общества и церкви в русской провинции во время «первой холеры» 1830 года: по материалам Самарского Поволжья // Православные ценности в современном мире. Самара, 2008. С. 391–405.

⁸⁴ Смирнов Ю.Н. Устная история «молчаливого большинства»: основные вехи прошлого Самары в представлениях купцов и мещан середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5–1. С. 226.

⁸⁵ Майорова А.С. Народная культура в городах Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 4. С. 82.

⁸⁶ Смирнов Ю.Н. Жители провинциального города. Самарские рукописи РГО // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 16–17.

⁸⁷ Носков А.И. Очевидец об открытии общественного Струковского сада // Самарский краевед. Самара, 1995. С. 233.

Глава 5.

САМАРА ГУБЕРНСКАЯ. ГОРОД ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

§ 1. Самара — центр новой губернии

Быстрое увеличение числа жителей и экономический подъем Заволжья благодаря переселениям в этот край и развитию, прежде всего, товарного производства зерна в крае, делали все более ощутимыми трудности управления обширными губерниями на юго-востоке Европейской России: Саратовской, Оренбургской, Симбирской. Естественным стало появление идеи создания отдельной губернии на левобережье Волги¹.

2 мая 1850 г. Министерство внутренних дел довело до сведения разных ведомств повеление императора «учреждение новых губерний начать с одной Самарской». Ее устройство осуществлялось из семи заволжских уездов Симбирской (Ставропольского и Самарского), Саратовской (Николаевского и Новоузенского) и Оренбургской губерний (Бутульминского, Бутурусланского и Бузулукского)².

В предреформенные годы XIX в. завершилось превращение Заволжья и его столицы — Самары — в одну из коренных российских территорий. Это официально было признано в мнении Государственного Совета, утвержденном 14 ноября 1850 г. Николаем I и относившим будущую Самарскую к числу «внутренних губерний Империи» с «нормальными» чиновничьими штатами «второго разряда»³.

Такому решению не смог помешать даже чудовищный пожар 13 июня 1850 г., самый большой в истории дореформенной Самары, который истребил лучшую часть города, две церкви, все присутственные места с их делами, уездное казначейство, почтовую и удельную конторы, 521 дом, 126 хлебных складов и несколько судов на берегу рек Самары и Волги, а также Засамарскую слободу. На возведение зданий для новых губернских учреждений эконом-

ный Николай I казенных средств не отпустил. Они разместились на правах аренды в уцелевших или восстановленных домах горожан. Так, для губернского правления был снят заново отделанный после пожара дом купца И.И. Макке.

*Дом купца Макке, где открылись 1 января 1851 учреждения новой губернии.
Из фондов ЦГАСО*

Сроки, назначенные царем для подготовки к открытию основных губернских учреждений, были выдержаны. 6 декабря 1850 г. император подписал указ об образовании Самарской губернии, который было решено обнародовать 20 декабря. 1 января 1851 г. состоялась церемония торжественного «открытия» новой губернии.

На церемонию съехались губернатор, вице-губернатор, советники губернского правления, жандармский штаб-офицер. Здесь же присутствовали командированный от Министерства внутренних дел для присутствия при открытии губернии бывший Саратовский губернатор тайный советник Ф.Л. Переверзев и епископ Симбирский и Сызранский Феодотий. Утром дворяне, чиновники и купечество города принесли губернатору, разместившемуся на квартире в доме помещика Д.А. Путилова, поздравление с Новым годом и все отправились в соборную церковь во имя Казанской Божией Матери. Епископ Феодотий отслужил литургию и благодарственное молебствие, а затем произнес приветственную речь

и благословил самый молодой губернский город России иконой с изображением его святого покровителя — митрополита Алексия. Из храма собравшиеся крестным ходом в сопровождении многочисленного народа при колокольном звоне во всех церквях отправились в помещение губернского правления в дом Макке. Там губернатор прочел указ об открытии губернии, епископ Феодотий отслужил молебен и окропил помещение губернского правления, а также присутствующих святою водою. К 3-м часам в тот же дом, занятый губернским правлением, съехались почетные гости, прибывшие в Самару, дворяне, чиновники, купечество по приглашению городского общества на торжественный обед. Он был открыт пространною речью Переверзева, после которой губернатор провозгласил тост за здоровье императора Николая I. Здесь же Губернатор объявил присутствующим о пожертвовании почетных граждан М. и Д. Плешановых 6 000 руб. на украшение самарских храмов, а также в помощь духовенству и беднейшим жителям города, пострадавшим в прошлогоднем пожаре. Следуя доброму примеру, губернатор предложил немедленно приступить к сбору средств на устройство в Самаре Алексеевского детского приюта для мальчиков, на что присутствующие на обеде собрали почти 3 000 руб. День завершился праздничной иллюминацией города⁴.

Более чем полтора века спустя 28 октября 2014 г. в качестве памятной даты Самарской области депутаты Губернской думы установили «День Самарской губернии». Он приурочен к 13 января, которое в современном гражданском календаре соответствует 1 января русского дореволюционного календаря XIX столетия⁵.

Очень скоро обозначилась весьма деликатная проблема жизни молодой губернии. Дело в том, что новый статус губернского города, усиление органов власти и правопорядка входили в противоречие с исконной самарской традицией приема и использования труда беглых и самовольно ушедших на заработки крепостных крестьян.

По этой причине министр внутренних дел Л.А. Перовский 4 февраля 1852 г. отдал распоряжение своему брату оренбургскому и самарскому генерал-губернатору В.А. Перовскому, а затем последний 24 февраля передал секретное указание самарскому губернатору С.Г. Волховскому, фактически упразднявшее паспортный контроль в Самаре. Губернатор 31 марта рапортовал В.А. Перовскому, что им отдан устный приказ полицмейстеру не требовать паспортов с лиц, приезжающих для торговли и на заработки, если

те не вызывают прямых подозрений. В сомнительных же случаях полиция должна была обращаться за разъяснениями лично к губернатору⁶.

По сути дела почти за 10 лет до Великой Реформы 1861 года в Самаре и на территории новой губернии был упразднен важнейший опорный столп крепостнического режима – паспортный контроль. Был объявлен по сути своеобразный «Юрьев день» – свободное передвижение торговцев и работников во время скупки, перепродажи, транспортировки хлеба и других товаров. Отказ в 1850-е гг. от активного сыска беглых в крупном торговом городе

Василий Алексеевич Перовский. Картина К.И. Брюллова. Из журн.: Самарская губерния в сердце России. 2014. № 10

и транспортном узле, несомненно, был вызван не только хозяйственным интересом. Он также отражал нарастание тех тенденций в социальной жизни и культурных настроениях общества, которые вели к уже скорой отмене крепостного права. Чиновники, торговцы, простые жители Самары показывали пример всей России. Заложенная при основании губернии традиция пренебрежения паспортным контролем оказалась в Самаре весьма живучей. Даже в начале XX в. в ней в отличие от других крупных городов и губернских центров не имелось паспортного стола, что облегчало проживание здесь «неблагонадежных» лиц⁷.

Окончательное становление органов управления и самоуправления в Самарской губернии прошло в основном при губернаторе К.К. Гроде, который управлял ею с 1853 по 1860 гг. Важное место при нем уделялось взаимодействию правительственной администрации с выборными властями и представителями местных сословных обществ. Губернатору пришлось решать непростые административные вопросы работы местных властей различного уровня и их взаимодействия, заняться наведением порядка в выборах,

должностях и полномочиях местного самоуправления путем инвентаризации и унификации.

К.К. Грот констатировал, что в определении должностей местного самоуправления, их полномочий и при выборах на эти должности «в городах Самарской губернии существует произвол». Он лично вытребовал «от городских Дум и Ратуш ведомости о всех должностных лицах, служащих по выборам городских обществ» и переслал их в губернское правление для установления «однообразия и для уничтожения всякого в этом деле произвола». 15 марта 1854 г. губернатор распорядился строго определить, на основании каких постановлений и какие именно должностные лица должны избираться городскими обществами, указал установить правильный порядок выборов по городскому управлению в целом, и в отдельности по купеческим гильдиям, мещанству и цехам.

После инвентаризации 1854 года в ставшей губернским центром Самаре по выбору горожан замещались следующие административные, полицейские, судебные должности.

Дворяне не отстранялись от участия в городском самоуправлении, хотя в нем ведущую роль играли купцы и мещане. Так, депутаты от дворян-домовладельцев участвовали в работе Городского депутатского собрания «по предмету составления Градской обывательской книги». В этом случае в выборах депутата принимали участие и женщины, если они были собственницами городских дворов. Впрочем, если среди домовладельцев были крестьяне и приезжие из других городов, то и они выбирали

К.К. Грот. Фото 1860-х гг. Из фондов Российской национальной библиотеки

своего депутата для ведения дел по разным «предметам, требуемым и могущим требоваться правительством от Городской думы»⁸.

Сам К.К. Грот не только заботился о способах организации и устройства городского самоуправления, но и активно вмешивался в содержательную часть его деятельности.

<i>№ n/n</i>	<i>Название должностей</i>	<i>Число лиц</i>	<i>Из какого сословия</i>	<i>На какой срок</i>
1	Заседатели в Уголовную палату	2	От купцов	3 года
2	Заседатели в Гражданскую палату	2	От купцов	3 года
3	Бургомистры в Магистрат	2	От купцов и мещан	3 года
4	Ратманы в Магистрат	4	От купцов и мещан	3 года
5	Словесные судьи в Магистрате	2	От купцов или мещан	1 год
6	Словесные судьи при частях города (в каждой части)	2	От купцов или мещан	1 год
7	Выборные при частях города (в каждой части)	2	От купцов или мещан	1 год
8	Ратманы в Полицию	2	От купцов или мещан	3 года
9	Депутат в квартирную комиссию	1	От купцов или мещан	1 год
10	Городской голова	1	От купцов	3 года
11	Гласные Думы	6	От купцов 2, от мещан 2, от цеховых 2	3 года
12	Писарь городского общества	1	От мещан	3 года
13	Депутаты в городское депутатское собрание	3	От купцов 1, от мещан 1, от цеховых 1	3 года
14	Старосты для составления городской обывательской книги	3	От купцов 1, от мещан 1, от цеховых 1	3 года
15	Депутат для составления раскладки земских повинностей	1	От купцов или мещан	3 года
16	Купеческие старосты и товарищи их (от каждой гильдии)	1	От купцов	1 год
17	Торговые депутаты	4	От купцов	3 года
18	Мещанские старосты	2	От мещан	1 год
19	Староста по сбору податей	1	От мещан	1-3 года
20	Помощники ему	6	От мещан	1-3 года
21	Десятские	10	От мещан	1 год
22	Ремесленный голова	1	Из цеховых	1 год
23	Управные старшины (в каждом цехе)	1	Из цеховых	1 год
24	Старшинские товарищи (в каждом цехе)	1	Из цеховых	1 год
25	Староста по сбору податей	1	Из цеховых	1-3 года
26	Присяжный маклер	1	Не указано	не определено
27	Аукционисты	2	От купцов или мещан	не определено
28	Депутаты для следствия по делам купцов и мещан	2	От купцов и мещан	не определено
29	Рекрутские старосты и «добросовестные» для рекрутского набора		Распоряжение о них еще не издано	
30	Присяжные оценщики	2	От купцов и мещан	1 год

К числу его инициатив относят не только стремление «улучшить внутренний строй администрации», но и желание водворить в Самаре «начала действительного благоустройства», в том числе «приступить к приведению города в приличный его новому званию вид»⁹. Например, это выразилось в осуществлении необходимых шагов для появления в Самаре публичной библиотеки¹⁰. К этому следует добавить совместные хлопоты губернатора и местного самоуправления по устройству общественного сада, постоянного театра, противопожарного водопровода и других вещей, без которых невозможно представить себе жизнь города нового времени.

К.К. Грот прямо говорил, что в его губернаторство не было самостоятельных городских или земских органов. Это прямо вынуждало его широко пользоваться «распорядительной властью губернатора»¹¹, ныне мы назвали бы это «административным ресурсом». В губернской Самаре 1850-х гг. еще не было возможности для кардинальной перестройки городского самоуправления, которое существовало в жестких рамках законов и традиций крепостной России. Гораздо более серьезное воздействие на него оказали Великие реформы 60–70-х гг. XIX в., знаменовавшие отход от устаревших общественных и административных порядков.

§ 2. Городская территория, строительство и архитектура

За первые полвека своего существования в качестве губернского центра Самара совершенно преобразилась. Волею истории она была поставлена в центр обширного, динамично развивавшегося экономического региона.

Город уже не уместился в своих старых границах. Огромные обозы с хлебом, караваны судов и суденышек, древние почтовые тракты и новейший стальной путь ежедневно наполняли его пестрой шумной толпой людей, многие из которых не прочь были обосноваться на жительство в столь бойком торговом центре. Поразительно разноречивы впечатления современников, видевших Самару в эту пору ее прорыва в когорту крупнейших торговых речных портов России. В 1857 г. наш город посетил Т.Г. Шевченко. Вот его оценки: «Издали эта первой гильдии отроковица весьма и даже весьма неживописна»; «чопорная юная купчиха»; «ровный, гладкий, набеленный, нафабранный, до тошноты однообразный город. Живой представитель царствования неудобозабываемого Николая Тормоза»; «огромнейшая хлебная пристань на Волге, приволжский Новый Орлеан!»¹². В конце века свои впе-

чатления о Самаре записал писатель и журналист В.И.Немирович-Данченко: «Это город будущего, это здоровый, кровь с молоком, юноша, перед которым все розовеет и золотится в лучах восходящего для него солнца. По мере того, как падал Симбирск, аристократический и дворянский, вырастала демократическая Самара, забирая поволжскую торговлю в свои сильные мозолистые руки»; «в самой дали едва рисовался еще песчаный бутор Царева Кургана, а вдалеке уже блеснула, на гребне довольно возвышенного берега, Самара. Солнце ярко бьет в лесной скат, массы судов, барок, распив золотятся внизу, а над всем, и над этою красивою рекою, и над этими зелеными горами рисуются полувоздушными очертками белые стены молодого города, все вырастающего на горе беднеющему Симбирску»¹³.

Вид города Самары. 1871 г. Рис. А.П. Писченкова. Из кн.: Каркаръян В.Г. Самара – Куйбышев – Самара или Три портрета одного города. Самара, 2014

Деревянная Самара часто покрывалась вдруг новыми срубам: очередной пожар безжалостно уничтожал строения, почти беззащитные перед стихией огня. После памятного пожара 1850 г. уже в губернском ранге город дважды подряд опустошался – 12 мая 1854 и 10 июня 1856 гг. Сотни каменных и деревянных домов, салотопенные заводы, даже церковь стали добычей пламени. Сгорели старый гостинный двор, палата госимущества, строительная и дорожная комиссии, губернская чертежная, городская дума, магистрат, ремесленная управа, сиротский суд. Нередко огонь перекидывался через р. Самару, где были мельницы и заводы. В пожар 1856 г. в огне оказались здания уездного казначейства, полиции, земского суда, духовного и уездного училищ. Однако огонь не смог подорвать жизненные силы города (как это иногда случалось с

другими городами), напротив, всякий раз Самара лишь шире разрасталась.

По конфирмованному 19 ноября 1853 г. новому плану города (составлен губернским землемером Федоровым при содействии чертежника Фирсова) территория его была разделена на 140 жилых кварталов, очерченных 17 улицами, параллельными Волге и 17 — перпендикулярными. Под строения отводилось 1 000 дес. земли с точным определением мест для домов губернатора, архиерея, дворянского собрания и других важнейших губернских учреждений¹⁴. В 1869 г. местное начальство добилось правительственного запрещения строить деревянные дома в старой части города, где была велика скученность построек. Центр стал быстро застраиваться каменными зданиями, которые, впрочем, не обладали большими архитектурными достоинствами. Старейшие улицы Преображенская и Казанская были заселены преимущественно купцами: им важно было быть поближе к пристаням. Другая купеческая застройка тяготела к Троицкой базарной площади. Число каменных зданий росло с каждым годом: в 1840 г. было всего 17 каменных домов, в 1851 — 253, в 1861 г. — 353, в 1871 г. — 723, а в следующем — уже 1 240¹⁵. П.В. Алабин обоснованно видел причины такого скачка в 70-е гг. «в развитии местной торговли, а также в сооружении железной дороги, с открытием которой естественно ожидать большего развития всякого рода промышленной деятельности в городе и наплыва новых деятелей и капиталистов»¹⁶.

Постепенно к концу XIX в. центр города переместился с Казанской на Дворянскую улицу. Казанская улица вела к Хлебной площади, где шла основная хлебная торговля. Поэтому здесь выстроились основные присутственные места, резиденция губернатора — в доме купца Субботина, выдержанного в стиле итальянского ренессанса (конкурсный проект петербургского архитектора В.А. Шретера), далее расположился Дом дворянского собрания (проект губернского архитектора А.И. Мейснера). Приметными были дома купцов-миллионеров Аржанова и Шихобалова. Эта улица (теперь А. Толстого) и ныне производит внушительное впечатление, как и соседка ее, ул. Преображенская (Водников).

Динамично развивалась Дворянская улица. Она стала символом новой Самары: не замкнутые купеческие семейные компании, а демократичная магазинно-лавочная торговля, не запертые на крепкие запоры высокие «чанные ворота», а открытые публике витрины. В 50–60-х гг. XIX в. здесь еще преобладали деревянные домишки и обширные пустыри, но к концу 70-х после запреше-

ния возводить такие строения на ней сосредоточились магазины и лучшие лавки города с колониальными, красными и галантерейными товарами. П.В. Алабин отмечал: «В последнее время эти лавки стали щеголять друг перед другом зеркальными окнами (широкое толстое стекло) и красивыми в них выставками товаров»¹⁷. Не случайно именно Дворянская улица стала «любимым местом гульбища самарского общества в зимний сезон, как Невский проспект в Петербурге».

План города Самары 1887 г. Из кн.: Синельник А.К. История градостроительства и заселения Самарского края. Самара, 2003

Главенство новой центральной улицы города обеспечила Алексеевская площадь, названная в честь Митрополита Московского и Всея Руси Алексия — святого покровителя Самары. По форме она представляла собой квадрат, в центре которого находилась трехъярусная башня с часами. Напротив башни в углу стоял большой чан с водой на случай пожара. Площадь обрамляли каменные дома купца Светова, выкупленные городом для административных учреждений. На их основе в 1870 г. было отстроено здание окружного суда — первое двухэтажное здание на этой площади (проект архитектора Теплова).

На Дворянской улице с каждым годом прибавлялись новые каменные здания — городская дума, Александровская библиотека (дом Ю.Б. Христензена), Коммерческий клуб, дом Дунаева (проект петербургского архитектора А.Г. Грюнвальда) в так полюбившемся самарским купцам итальянском стиле. В 1888 г. в конце улицы вырос красавец-театр, выстроенный в «русском стиле» (московский архитектор М.Н. Чичагов).

Дом Наумова и крестьянский банк. Из фондов ЦГАСО

От Дворянской каменные строения зашагали по улицам Саратовской, Николаевской, Соборной, Предтеченской, Панской. Пожары убедили самарцев строить просторно, оставлять широкие улицы. Полиция следила за тем, чтобы при застройке соблюда-

лась красная линия улицы. Особенностью поквартальной планировки было то, что дома имели неширокую парадную часть, выходящую на улицу, остальной комплекс строения развивался вглубь квартала. Так сложились своеобразные дворы-колодцы, которых немало сохранилось в исторической части города.

Важнейшее место в городской застройке принадлежало храмовому зодчеству. Пожалуй, именно здесь в наибольшей степени проявился демократизм Самары с ее конфессиональным многообразием. Преобладание русского населения выразилось в количественном преобладании православных храмов. К концу века здесь было 22 каменных церкви. Относительно принципов расположения культовых зданий в Самаре краеведы-архитекторы высказали различные суждения. Неутомимый исследователь древностей Самары Е.Ф. Гурьянов считал, что «продольные, вдоль Волги, улицы Самары — Преображенская, Казанская, Вознесенская, Дворянская, Саратовская и другие — в ходе развития застройки города “шагали” от Волги и как бы вешались церквами»¹⁸. А.Г. Моргун выделяет три принципа расположения храмов. Он справедливо считает их пространственными ориентирами городской застройки вообще. Первый принцип — на пересечении улиц, когда вертикаль храма «работает» на все четыре направления. По этому принципу была поставлена в 1889 г. Ильинская церковь на перекрестке Алексеевской и Ильинской улиц, так стояла построенная в 40-х гг. Троицкая церковь — на перекрестке Панской и Троицкой улиц, Воскресенская церковь на площади того же названия. Второй принцип — замыкание перспективы одной улицы. Именно его, видимо, имел в виду Е.Ф. Гурьянов. Так стояли самые старые храмы: Спасо-Преображенская церковь XVII в конце Преображенской улицы, Собор во имя Казанской Божией матери XVIII в. в районе Хлебной площади, нынешний кафедральный храм во имя Покрова Богородицы в конце Предтеченской улицы (постройка 1861 г.), а также построенная почти одновременно с ним церковь во имя св. апостолов Петра и Павла на ул. Соловьинной и др.¹⁹ Третий принцип — «в интервалах периметральной застройки городских кварталов (главным образом на одном из углов перекрестка)» — был положен в основу строительства церкви при Николаевском сиротском доме (1864–1868 гг.) на ул. Преображенской, Вознесенского собора и колокольни на ул. Вознесенской, многокупольной Казанской единоверческой церкви²⁰.

Наиболее значительным фактом храмового зодчества в Самаре стало строительство кафедрального собора на самой просторной

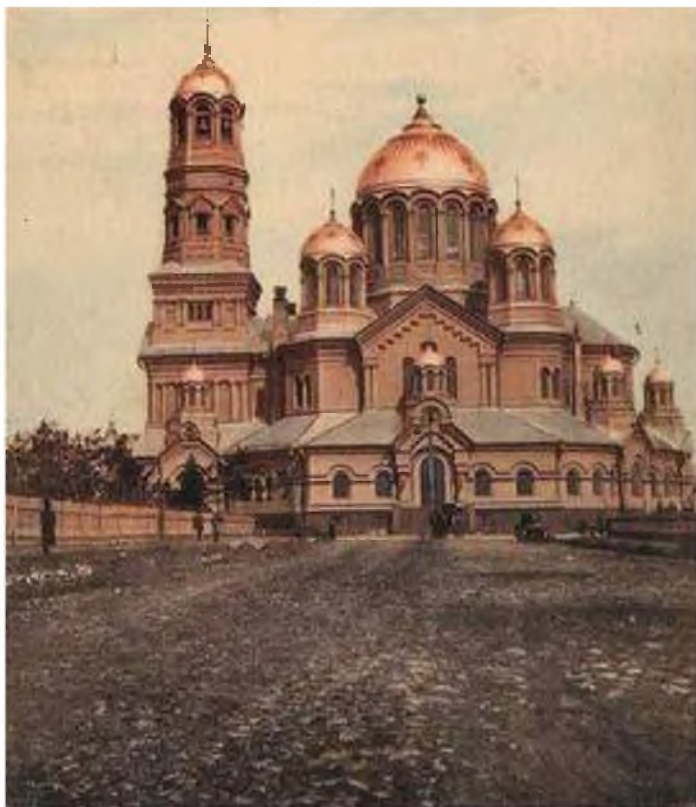
площади города, получившей название Соборной. Инициатором строительства был архиепископ Самарский Герасим, который обратился за разрешением к местным властям 4 апреля 1866 г. Совпадение этого события с неудачным покушением Д. Каракозова на императора Александра II ускорило получение разрешения на строительство со стороны правительства. Император пожертвовал на собор 2 тыс. рублей²¹. 4 апреля 1869 г. был положен первый камень в основание храма. Проект постройки был разработан под руководством председателя технического комитета Министерства внутренних дел архитектора Жибера. Собор построили и освятили в 1894 г. с двумя приделами — во имя св. князя Александра Невского и во имя всех святых, поименованных на 4-й день апреля.

Самара, ул.Дворянская. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е.Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

Относительно внешнего облика нового собора и его места в общей архитектонике города высказывались разные, порой полярные точки зрения. Очевидцы как критиковали новый собор, так и писали о внушительном впечатлении, которое он производил. Так, географ и путешественник А.П. Нечаев в 1904 г. отме-

чал: «Из... городских сооружений наибольшее внимание привлекает собор, построенный в византийском стиле, и довольно красивое здание театра». Писатель Е.Л. Марков характеризовал самарские достопримечательности так: «Большой пятиглавый собор византийского стиля во имя св.Александра Невского, с высокою колокольней, еще не вполне отделан: за ним на северной окраине города, такой же пятиглавый Иверский женский монастырь со своими церквами и обильнейшим колодцем ключевой воды, охваченный зубчатою стеною». «Скученные вместе громадные каменные корпуса многоярусных крупчаток и Жигулевский пивоваренный завод с их дымящимися трубами, роскошный Струковский сад, нависший над берегом Волги, шпили и шатры театрального замка, и над ними два пятиглавые собора с колокольнями, видные теперь от макушки до пяток, все это составляло очень яркую и живописную картину»²².

Кафедральный собор в Самаре. Из фондов ЦГАСО

Около двадцати лет продолжалось строительство архитектурного ансамбля лютеранской кирхи на углу улиц Дворянской и Предтеченской. Сначала построили кирху с колокольной (проект самарского архитектора Н.Н. Еремеева), а в 1875 г. возвели два фланкирующих флигеля, соединив их с кирхой специальной металлической оградой, которую потом заменили на одноэтажную постройку.

Кирха в Самаре. Из фондов ЦГАСО

Превращение Самары в торгово-промышленный центр влекло за собой обширное строительство объектов инфраструктуры и зданий хозяйственного назначения. В новый облик города вписалось здание железнодорожного вокзала (проект Н.И. де Рошефора); вид

на город с Волги формировался многочисленными пристанями, хлебными амбарами, мастерскими, зданием паровой мельницы²³. Неизбежными спутниками промышленных предприятий, пристаней и железнодорожной станции были различного рода складские помещения, амбары, штабеля дров, строевого леса.

Костел в Самаре. Из фондов ЦГАСО

Самым приметным явлением промышленной архитектуры стал Жигулевский пивоваренный завод. На берегу Волги в 1881 г. появились сначала одноэтажные корпуса, затем по проекту германской машиностроительной фирмы И.С. Швальбе развернулась их

реконструкция. Территория завода была отгорожена от реки подпорной стеной, сложенной из штучного известняка. Над ней взметнулись красивые корпуса, ставшие выразительной частью городской панорамы.

Уже в начале 70-х гг. XIX в. строительством новой земской больницы на улице Полевой были нарушены границы конфIRMованного Николаем I городского плана. Пригороды стали быстро застраиваться без всякого контроля со стороны властей. Самовольные поселки появились в северо-восточной части города и за железной дорогой. Названия их колоритны и многозначительны: Кавказ, Новый Оренбург, Запанской (то есть расположенный за улицей Панской). В них часто звучит указание на хозяина земли: Афон (на земле мужского монастыря), Молоканский (на земле братьев-молокан Грачевых), Федоровский (на участке землевладельца Федорова), дальше — поселок Мещанский, Закладбищенский, Заовражный и т. п. Среди их жителей уже не было даже мелкого самарского обывателя, его зона — окраины «официального города» (улицы Троицкая, Москательная, Симбирская, Почтовая, Сокольничья, Самарская). В самовольных поселках массами селились отходники, крестьяне, рабочие, трудившиеся на расположенных тут же вперемежку с жилищами мельницах и мелких заводов.

Еще дальше за городом, вдоль Волги, разместились крупные дачи состоятельных самарцев. Особенно живописной была дача Аннаева с кумысолечебницей. По описанию Е.Л. Маркова «дача Аннаева, выстроенная в стиле средневекового французского замка, ярко вырезается среди этого темного лесного фона на вершине крутого зеленого холма прямо над пучиной Волги своими белыми круглыми башнями и высокою красною кровлей, между тем как внизу холма весело выглядывают из разных углов того же темного леса белые зубцы приворотной башни и разные хозяйственные и увеселительные постройки, разбросанные по береговым обрывам... Дачи идут и дальше и дальше по берегу, но уже совсем не такие красивые»²⁴.

Градостроительный облик губернской Самары, быстро формировавшийся во второй половине XIX в., был очень живописен и разнообразен. Отличительной особенностью Самары, выгодно выделяющей ее среди других волжских городов, является то, что городской фасад всеми своими парадными строениями и храмами обращен к Волге, которая тем самым символически превращается в главную улицу города.

§ 3. Реформирование городского управления. Городская дума и управа

Крестьянская реформа 1861 г. не могла остаться изолированным законодательным актом. За ней неизбежно должны были последовать и другие преобразования, среди которых важное место заняли реформы местного управления, прежде всего земского. В свою очередь земская реформа оказала существенное влияние на складывание системы общественного управления в городах.

В Самаре органы городского самоуправления возникли по Жалованной грамоте городам 1785 г., но до 1851 года Самара была уездным городом, поэтому ее органы городского самоуправления были развиты слабо. Они состояли из городского головы, возглавлявшего городской выборный магистрат, который являлся одновременно органом сословного управления и судом для купцов и ремесленников и занимался благоустройством города.

С момента образования Самарской губернии городское самоуправление было представлено в ее столице городским собранием, общей думой и Шестигласной думой.

1861 год явился переломным моментом в жизни России и затронул различные ее стороны. С падением крепостного права население городов росло быстрее, пополняясь раскрепощенным крестьянством; деревня быстро втягивалась в круг более оживленных экономических отношений, а города незаметно превращались в самодовлеющие экономические центры. И рост населения, и новый состав городского общества, и оживление экономической жизни города ставили на очередь реформу городского управления. Несоответствие старой организации городского управления новым задачам города было ясно даже убежденным противникам всякого преобразования. Причин для недовольства деятельностью городских органов самоуправления было несколько, но, пожалуй, одно из основных было то, что неподатные сословия, и прежде всего, дворянство как самый образованный слой городского населения устранились от участия в общественном управлении. Уже в начале 1859 г. то же московское дворянство, которое раньше пренебрежительно предоставляло купцам ведение городских дел, теперь само ходатайствовало о дозволении московским домовладельцам из дворян принять участие в городском управлении. Важно отметить тот факт, что еще в 50-е годы XIX века с мест стали поступать ходатайства о реформе городского самоуправления. Из этого мож-

но сделать вывод о том, что городская реформа являлась давно назревшей необходимостью, которая была осознана самыми широкими слоями городского населения. В то же время правительство, заинтересованное в поднятии культурности города и расширении его хозяйства и пределов его ведения, задумывает городскую реформу. С 1862 года разработка предстоящей реформы была сосредоточена в Министерстве Внутренних Дел; при этом в губернских и уездных городах были организованы сословные комиссии, они составлялись губернатором из местных граждан, труды которых должны были поступить на рассмотрение министерства²⁵. Труды комиссий являются превосходным отражением того настроения, которое охватило общество, и прежде всего в них отразилась вера в необходимость самостоятельности городского общества. Ярким примером такого настроения являются отзывы Бузулукской и Самарской комиссий, которые указывали: «Зависимость городского управления от губернского правления и казенной палаты признается крайне неудобною, потому что оно, будучи стеснено в своих действиях делается как бы равнодушным к городским интересам и заботится не столько о пользах его, сколько о том, чтобы все имело законное основание, т. е. разрешение губернского правления, а между тем общество, не зная назначения городских доходов и расходов, смотрит на это дело, как на совершенно для него чуждое и остается ни мало в нем заинтересованным»²⁶. Кроме того, многие комиссии резко отрицательно отзывались о сословности как источнике приобретения городских избирательных прав. Вот мнение членов Самарской городской комиссии по этому вопросу: «Сословное деление общества в отношении к реформе городского управления не практично, даже вредно, ибо разрывая основную связь общества сословным разделением, мы тем самым вводим вредные для общего блага столкновения наших интересов и взаимное их противодействие. Гораздо справедливее и практичнее было бы принять единство наших интересов за основание общественного благоустройства... Вообще сословное начало дает свой особый узкий тон делам общего городского управления»²⁷.

Ознакомившись с трудами провинциальных комиссий, Министерство внутренних дел составило проект нового положения о городском устройстве, который получил в 1870 г. силу закона.

По реформе 1870 г. общегородские сословные органы упразднены, вместо них были созданы сословные органы местного самоуправления. Другое важное преобразование заключалось в

разграничении обязанностей исполнительного и распорядительного органов. Далее, распорядительные функции теперь возлагались уже не на все городское общество, а на его представительный орган — думу. Число членов думы — гласных — было довольно значительным в зависимости от численности избирателей в городе. В Самаре было 72 гласных городской думы. Из своего состава дума избирала исполнительный орган общественного управления — городскую управу.

Здание городской управы. Из фондов ЦГАСО

Избирательное право базировалось на имущественном цензе. Право участия в выборах независимо от сословия получали владельцы недвижимой собственности, облагаемой налогом в пользу города, а также лица, уплачивающие ему определенные торгово-промышленные сборы.

Большим недостатком принятого Городового положения явилось то, что представители образованной части населения (инженеры, врачи, преподаватели, чиновники) оказались фактически лишеными избирательного права, т. к. в основном они не имели собственных домов, а снимали квартиры. П.В. Алабин с горечью отмечал, что «лица, занимающиеся свободными профессиями или

имеющие диплом на ученую степень, лица, которые несомненно могли бы принести городу действительную пользу своим участием в его делах, потому только, что не имеют имущественного ценза, лишаются права голоса в городских делах»²⁸.

Выборы в городскую думу проводились по трем избирательным категориям (крупных, средних и мелких налогоплательщиков), избравшим по равному числу гласных сроком на четыре года. При этом крупные налогоплательщики, входящие в первый разряд, будучи наименее численно представлены, выбирали такое же количество гласных, как более многочисленные избиратели второго и третьего разрядов. Таким образом, городское управление после реформы 1870 г. фактически сосредоточилось в руках торгово-промышленных групп населения²⁹.

В социальной структуре Самарской городской думы в период действия Городового положения 1870 г. произошло некоторое снижение численности купечества, но, тем не менее, эта социальная группа продолжала оставаться явно преобладающей; наблюдался рост числа мещан, привлеченных к делам городского самоуправления; дворянство в Самарской городской думе было представлено крайне скудно.

Относительно избирательной активности горожан можно сказать, что доля избирателей, участвовавших в выборах в Самарскую городскую думу с 1870 по 1883 гг., несколько увеличилась. В целом число избирателей, воспользовавшихся своим избирательным правом, было крайне невелико.

Образовавшиеся в результате выборов органы городского самоуправления возглавлял городской голова, координируя работу этих учреждений. Лица, избранные на эту должность, в губернских городах утверждались министром внутренних дел (как и в Самаре), в негубернских городах — губернатором³⁰. Имеется документ от 15 марта 1871 г., адресованный в Самарскую городскую управу за подписью губернатора Г.С. Аксакова, в котором говорится: «Имею честь уведомить городскую управу, что в предложении от 2 марта за № 2382 первой гильдии купец Буреев утвержден г. Министром внутренних дел в должности Самарского городского головы»³¹.

Относительно социальной принадлежности самарских городских голов безынтересно отметить, что подавляющее большинство среди них — это купцы, причем первой гильдии. Вместе с тем, должность городского головы иногда занимали и представители дворянства (например, П.В. Алабин). Объективно реформа

1870 г. способствовала привлечению к управлению городами торгово-промышленной буржуазии. В то же время правительство было заинтересовано в привлечении к городскому самоуправлению представителей дворянского сословия. Тем самым оно стремилось не только укрепить всю систему местного управления, но и привлечь к решению новых городских задач наиболее образованную часть русского общества, традиционно считая купечество малокультурным. Такое представление о купечестве имело определенные основания. Так, по данным на 1886 г., из 70 гласных Самарской городской думы 44 человека имели домашнее образование, причем купечество в этой группе составляло более половины – 26 человек. Естественно, что появление на этом фоне таких образованных представителей дворянства, как П.В. Алабин благотворно влияло на всю деятельность органов городского самоуправления.

Вся деятельность думы подлежала надзору и опеке со стороны губернского по городским делам присутствия и Министерства внутренних дел. Кроме того, закон предоставлял губернатору право наложить «veto» на любое постановление думы или управы, если он находил ее действия противозаконными. Но «veto» губернатора не имело окончательного значения: городским учреждениям предоставлялось право опротестования решения перед Сенатом³².

Поскольку городская дума являлась распорядительным органом, то она пользовалась аппаратом городской управы. Самарская городская управа была открыта по постановлению губернского по городским делам присутствия от 15 февраля 1871 года³³.

Принятие нового Положения 1870 г. не сразу привело к положительным результатам в деятельности городского общественного управления. П.В. Алабин, сам бывший в составе гласных первой Самарской думы, так характеризовал работу избранной думой городской управы: «Членам Управы ... предстояла работа усидчивая, кропотливая, усиленная, требовавшая и знания и глубокой преданности делу. Между тем, в действительности оказалось, что

*Губернатор П.А. Бильбасов.
Из фондов ЦГАСО*

канцелярия Управы, по необходимости, составила часть из дельцов прежнего закала, а члены Управы состояли из людей совершенно неопытных в служебной практике, или из лиц, предпочитавших свои служебные отношения к товарищам основывать на взаимном доверии...»³⁴. В результате в управе была обнаружена растрата общественных сумм в количестве 11 тысяч рублей, почти весь состав управы был сменен, и в 1873 г. было произведено обновление канцелярии. Это событие произвело в думе и в городе крайне тяжелое впечатление и до известной степени затруднило первые шаги новоучрежденного самоуправления. Но постепенно Самарская городская дума и управа начинают относиться к возложенным на них обязанностям все с большим вниманием.

Мерилом развития городской жизни в определенной степени могут служить городские финансы. Несмотря на то, что правительство полностью возложило заботы о развитии городского хозяйства на органы общественного управления, города не были полностью свободны в расходовании своих денежных средств. Значительную часть бюджета составляли так называемые «обязательные расходы» (содержание полиции, воинский постоя, содержание тюрем и т. д.). Расходы же на содержание больниц, благотворительных заведений, на образование относились к числу «необязательных».

На городскую управу возлагались административно-хозяйственные функции на территории города. Попечительству управы подлежали вопросы благоустройства города (транспорт, освещение, канализация, благоустройство мостовых, набережных, тротуаров, мостов), а также заведование школьным, медицинским, благотворительным делом, городской торговлей, городским кредитом³⁵. Структура Самарской городской управы была довольно сложной и неоднократно изменялась³⁶.

Как видим, в руках управы была сосредоточена практически вся хозяйственная жизнь города. Управа активно пользовалась правом внесения на рассмотрение думы подготовленных ею вопросов. Так, в мае 1871 г. по инициативе управы Самарская городская дума приняла постановление «относительно зарывания палого скота», обязывающее свозить таковой в специально подготовленные на городском выгоне ямы. В 1888 г. Водопроводная комиссия управы обратилась в думу с просьбой урегулировать своим постановлением разбор частными лицами воды из городского водопровода. Постановлением городской думы с 20 мая 1888 г. поливка дворов и улиц разрешалась только с 10 часов утра до 3 часов

пополудни. В 1890 году управа стала инициатором принятия постановления Самарской городской думы «в предупреждение несчастных случаев от беспорядочной езды по городу», коим предписывалось ездить только по правой стороне мостовой, а движение на верблюдах после 7 часов утра запрещалось³⁷.

Большая часть обязательных постановлений Самарской городской думы определяла правила торговли. Например, постановление от 21 августа 1887 г. о торговле тушами свиней, отправляемых в другие города и столицы; от 21 ноября 1890 г. о запрещении торговли сеном и дровами в какой-либо другой части города, кроме Полицейской площади; от 28 февраля 1891 г. о запрещении торговли спиртными напитками в праздники и выходные дни. Другие группы постановлений касаются вопросов санитарного состояния (содержания помойных ям и отхожих мест, хранения скоропортящихся продуктов, предосторожностей от эпидемий) и порядка на улицах города (о запрещении выпуска свиней, порядке движения хлебных обозов, запрещении в трактирах игры в домино, бикс и горку и т.п.). Значительная часть постановлений касается противопожарных мер. Городской думой определялись правила содержания чердаков и сараев, состояния крыш, содержания быстровоспламеняемых товаров (лес, хлопок, нефтяные продукты). Лишь небольшая часть постановлений думы касается вопросов благоустройства города, однако они обстоятельны и подробны, содержат перечень многочисленных обязанностей домохозяев по содержанию и ремонту мостовых против своих дворовых участков, устройству сточных канав, нумерации домов и т. п. Как правило, эти постановления действовали в течении всего освещаемого периода³⁸. При этом городская дума не владела средствами приращения, что значительно ослабляло ее влияние.

В то же время городская дума отнюдь не оставалась безучастна в тех случаях, когда администрация посягала на права общественного управления, которые были закреплены в Городовом положении. Это наглядно показывает растянувшаяся почти на три года тяжба об обжаловании постановлений губернского по городским делам присутствия по делу об отнесении на средства города ремонта дорожных сооружений к кумысолечебным заведениям г. Аннаева и Постникова. Дело это началось с принятия Губернским по городским делам присутствием 29 мая 1873 года решения о ремонте спуска у Струковского сада и далее дороги, ведущей к Постникову оврагу, где действовала частная кумысолечебница доктора Постникова, за счет городского бюджета. Управой был

представлен доклад, определивший сумму предполагаемого расхода на этот ремонт в несколько тысяч рублей и обративший внимание гласных на неправомочность решения губернского присутствия. Было решено подать рапорт в Правительствующий Сенат, что и было сделано 28 июня 1873 года. Но только 29 декабря 1876 года дело это заканчивается полной победой городской думы. При этом протест думы не вышел за рамки внутриведомственной переписки, не привел к широкому общественному резонансу, да и носил в целом мелкий характер. В 1890 г. самарский губернатор отметит, что «...деятельность местных правительственных..., а также земских, городских и общественных учреждений не выходила из пределов, указанных законом». Это утверждение верно для всего периода деятельности думы³⁹.

Зачастую дума, комиссии управы решали незначительные, мелкие вопросы: сколько водопроводных кранов устроить в здании училища, Съестном ряду; продолжать ли топку калориферов в строящемся соборе и т. п. Дума оказалась в руках крупного купечества, которое большей частью корыстно использовало выборные должности. Например, для заведования постройкой собора дума избрала Е.Н. Шихобалова – представителя крупнейшей купеческой династии, которому из бюджета предоставлялись на строительство крупные суммы денег. При выкупе земельных участков, отходящих под постройку того же собора в 1884 г. мещанам Новокрещеновой, Скворцовой деньги были выплачены из расчета 4 руб. и 5 руб.77 коп. за каждую кв. сажень соответственно, а купцам Шихобалову и Горбунову – по 7 руб. за кв. сажень. Примеры эти можно было бы продолжить.

В целом реформа городского самоуправления благотворно сказалась на жизни Самары. Заметным стало упорядочение городского быта и торговли, улучшение благоустройства улиц и площадей, развитие городского хозяйства.

§ 4. Промышленность, торговля, развитие инфраструктуры Самары

Бурное экономическое развитие Самары в конце XIX – начале XX в. во многом базировалось на выгодном географическом положении города, наличии природных и трудовых ресурсов, использовании железнодорожных и водных путей сообщения. В 1874 г. началось строительство Оренбургской железной дороги от правого берега Волги (ст. Батраки) через Самару до Оренбурга с мостом через Волгу. В 1875 г. Самара стала железнодорожной станцией. В 1880 г. был сооружен Сызранский (Александровский) железнодорожный мост через Волгу, соединивший центральные районы страны и богатое зерном Среднее Поволжье. Появление железных дорог значительно ускорило развитие региона так в 1897 г. с железнодорожной станции «Самара» было отправлено 8,6 млн пудов разнообразных товаров (преимущественно зерна), прибыло – 11 млн пудов товаров⁴⁰.

Вокзал Оренбургской железной дороги. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

Помимо железнодорожной инфраструктуры значительный товарооборот обеспечивал волжский водный путь. Такие пароходные общества, как «Самолет», «Кавказ и Меркурий», «По Волге», «Дружина», «Зевеке», «Андрея Орехова сыновья», арендовали у Самарской городской думы земельные участки на берегу Волги под пароходные пристани. В 1892 г. начались регулярные пассажирские рейсы пароходов купцов Мясникова, Гаврилова и Зайцева между Самарой и Старой Майной. Крупнейший предприниматель Самары А. фон Вакано имел собственное пароходство, в состав которого входили десять барж общей грузоподъемностью 650 тыс. пудов и два буксирных парохода мощностью 600 лошадиных сил. Железнодорожная ветка соединяла «Жигулевский пивоваренный завод» с пристанью на р. Волге. Техническая реконструкция речного флота обусловила необходимость создания в Самаре новой инфраструктуры — котельных, машиностроительных и ремонтных мастерских. В Самаре были сооружены нефтяные резервуары, обеспечивавшие топливом речные суда. Помимо фирмы «Товарищество братьев Нобель», торговлей нефтью, керосином, мазутом занимались фирмы: «Мазут», «А.И. Мантышева и Ко», «Тер-Акопов»⁴¹.

Речной транспорт доставлял лес, зерно, нефть и продукты ее переработки, цемент. Всего в 1896 г. по Волге было отправлено 1,2 млн. пудов зерна и муки. В 1897 г. в Самару прибыли 956 судов, было отправлено 1 491 судно (из них — 862 паровых). Грузооборот Самарской пристани в 1896—1897 гг. составлял 31,2 млн. пудов, а в 1910—1911 гг. — 73,1 млн пудов. Рост объемов перевозок стимулировал создание синдиката, в который вошли в 1909 г. пароходства «Русь», «Самолет», «Кавказ и Меркурий», «По Волге», «Восточное», «Купеческое пароходство на Волге». Соглашение регламентировало нормы перевозок для каждого пароходства, был установлен единый тариф, учитывавший классификацию грузов и дальность перевозок. В 1912 г. в Самаре насчитывалось 2 303 парохода, что более чем в два раза превышало этот показатель в 1895 г.⁴²

Развитие речного пароходства обусловило необходимость сооружения пристаней и бухт-затонов для зимней стоянки пароходов, барж и буксиров. В 1891 г. Самарскую губернию охватил масштабный голод, для поддержки населения Самарская городская дума организовала в декабре 1891 г. общественные работы по проектированию бухты-затона для зимней стоянки судов. В проектировании бухты принимал участие инженер Штукенберг, а руковод-

ство строительством было возложено на князя А.Г. Щербатова (руководитель общественных работ). Кроме бухты планировалось возвести дамбу до д. Кряж. Летом 1892 г. общественными работами на строительстве бухты и дамбы, которые спасли от голодной смерти тысячи человек, руководил С.О. Лавров. 7 ноября 1892 г. строительство бухты было завершено. Тогда же закончилось и строительство незатопляемой дамбы от плашкоутного моста на р. Самаре до Стромилловских хуторов. Засамарская дамба была построена на одной из важнейших транспортных артерий Самарской губернии, по которой в Самару непрерывным потоком везли хлеб, сало, скот, шерсть и др. товары из Николаевского, частично Новоузенского, Самарского, Бузулукского уездов. Из Самары в эти районы поступали лес, мануфактурные и колониальные товары. Ежегодно по этому направлению в августе – октябре проходило 16 тыс. подвод⁴³.

Пароход «Император Александр II».

Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

Город становится крупным торговым центром и перевалочным пунктом, где происходило перемещение транзитных грузов с сухопутного на водный путь. Важнейшими товарами для Самары были хлеб, скот и сало, выделанные и сырые кожи, свечи. В Самаре функционировали три крупные ярмарки: Сборная – на третьей неделе Великого поста в течение 15 дней, Казанская – в середине июля, Воздвиженская – в середине сентября. В 1876 г. в городе действовали 71 магазин и 697 лавок⁴⁴.

Важную роль в экономике города играла торговля лесом, который сплавлялся из лесных губерний. В 1897 г. к лесной пристани Самары прибыло 190 плотов. Е.Л. Марков сообщал, что у подножия самарского холма тянулся «целый городок новых бревенчатых срубов с крышами и без крыши, срубленных в дешевых лесах Костромской и Нижегородской губерний и выставленных здесь на продажу лесными торговцами»⁴⁵.

*Общественные работы при устройстве бухты при р. Самаре.
Из кн.: Самарский альбом. Самара в открытках и фотографиях конца XIX — начала XX века. Самара, 2006*

Соответственно развитию торговли и промышленности в Самаре развивались и финансовые институты. Банковская система Самары осуществляла кредитование промышленности, транспорта и аграрного сектора. Первым в 1871 г. в Самаре открыл отделение Волжско-Камский банк. К 1873 г. он распространил свою деятельность на весь хлебный район Волги и Камы⁴⁶. В первые пять лет операции ВКБ быстро возросли, произошел значительный прилив вкладов. Позднее развернул свои операции Азовско-Донской коммерческий банк. Он выдавал ссуды под соло-векселя заемщиков сроком на 12 месяцев, обеспеченные залогом имений, инвентаря, сельхозпродуктов. Наибольший интерес банка вызывал экспортный хлеб, который давало Заволжье. «В последние годы заволжские хлеба занимают выдающееся положение в экспортной торговле Ростова-на-Дону и Новороссийска, — сообщал председатель правления банка, — количество хлеба, поступающего с волжских пристаней по р. Дону, в Ростове определяется в 10 млн пудов. Совет банка признал необходимым открыть отделение в Са-

маре «как центральном пункте хлебной торговли на Волге»⁴⁷. В 1894 г. открылось отделение Русского торгово-промышленного банка, в создании которого принимали участие банкиры Парижа и крупные предприниматели российской столицы. С 1893 г. в Самаре начала действовать биржа. Таким образом, город оказался в центре формирующегося регионального денежного рынка.

Важное место в финансовой системе Самары занимал Государственный банк Российской империи, Самарское отделение которого было открыто 7 июня 1864 г. Государственный банк занимался организацией хлебного экспорта, финансировал мукомольную промышленность и строительство элеваторов. Кроме Госбанка, в 1885 г. в Самаре были открыты государственные Дворянский земельный и Крестьянский поземельный банки. В 1909–1914 гг. произошел новый всплеск активности коммерческих банков, что было вызвано улучшением экономических показателей региона. В Самаре были открыты филиалы Русского для внешней торговли, Азовско-Донского, Русско-Азиатского и Международного банков⁴⁸.

Промышленность Самары в основном была ориентирована на переработку продукции сельского хозяйства, но при этом имела многоотраслевой характер. Еще в 1850–1860-х гг. самарская промышленность носила скромный характер и была представлена, в основном мелкими ремесленными мастерскими, скромными кожевенными, салотопенными, свечными заводами, ветряными мельницами. Однако уже в конце 1870-х гг. в Самаре работало около 70 промышленных предприятий (заводов, мастерских): 15 кирпичных, 11 салотопенных, 7 кожевенных, 5 горшечных, 3 механических, клееваренных, поташных, насчитывалось более 100 мельниц и т. п. (всего около двадцати наименований производства)⁴⁹.

В 1870–1880-е гг. в Самаре началось строительство паровых мельниц-гигантов, что превратило город в один из крупнейших центров мукомольного производства в Поволжье. Всего в Самаре в этот период было построено 10 крупных мельниц, на которых производилось 10 млн пудов муки в год. К числу пионеров внедрения новых технологий в мукомольную промышленность следует отнести купца П.С. Субботина, мельница которого перерабатывала до 18 тыс. пудов зерна в год. Производством муки в Самаре занимались Аржанов, Ф.Ф. Красиков, А.М. Эрландер, товарищество Шахова и Понеова, товарищество паровой мельницы, в которое входили П.С. Субботин, А.И. и М.И. Шихобаловы, Г.И. Курлин, Е.Н. Шихобалов, Башкировы, Журавлевы, Соколовы, братья Ромашовы, Стройковы-Якимовы, А.Н. Шадрин.

На маслобойных заводах Самары вырабатывалось значительное количество подсолнечного масла.

В 1880–1890-е гг. происходило стремительное, скачкообразное развитие городского промышленного производства, были открыты: паровая мукомольная мельница Курлина и Субботина, вскоре вслед за этим – «Товарищество паровой и мукомольной и крупчатой мельницы и заводов в Самаре» (Субботин, Шихобалов, Курлин), Жигулевский пивоваренный завод фон Вакано, макаронная фабрика Кеницера, лесопильный завод Наймушина, чугунолитейный завод Лебедева, маслобойный завод Вишнякова, спичечная фабрика «Волга» Зелихмана, кирпичный завод Жукова, огромная паровая мельница Башкирова производительностью в 3 млн пуд. в год, кондитерская фабрика Гребжева, мыловаренный завод Уласова, спирто-водочный завод, обувная фабрика Чувашьянц, завод искусственных минеральных вод, кондитерская фабрика Савинова и Картана, электростанция мощностью в 300 кВт, механический и чугунолитейный завод Платкова и многие другие⁵⁰. В 1911 г. в Самаре завершилось строительство одного из крупнейших военных заводов России – «Трубочного завода», выпускавшего взрыватели для артиллерийских снарядов.

Наиболее динамично развивалась самарская пищевая промышленность. Крупнейшим предприятием в этой отрасли являлся «Жигулевский пивоваренный завод». Его история началась 6 февраля 1880 г., когда австрийский подданный Альфред фон Вакано подал в городскую управу Самары прошение о сдаче ему в аренду земли, занимаемой бывшим пивоваренным заводом Буреева, для строительства нового пивоваренного завода. В результате торгов, состоявшихся 4 марта 1880 г., ходатайство было удовлетворено. Договор аренды был подписан 15 марта 1880 г. на срок 99 лет, и уже в феврале 1881 г. предприятие выдало первую продукцию. «Товарищество Жигулевского пивоваренного завода в г. Самаре» на паях было зарегистрировано в апреле 1881 г. Основной капитал составил 200 тыс. руб., из которых 110 тыс. руб. принадлежало фон Вакано. В товарищество вошли М.М. Фабер и купец П.С. Субботин, а затем – владелец макаронной фабрики О.К. Кеницер.

Первые сорта пива «Жигулевского завода» именовались в честь родины предпринимателя – «Венское», «Венское столовое». Благодаря личным способностям А. фон Вакано, при наличии новейшего оборудования, передовых технических и организационных новшеств на предприятии, оборот и прибыль «Жигулевского пивоваренного завода» стремительно росли. Завод перерабатывал

более 400 тыс. пудов ячменя, который поставлялся из Самарской, Саратовской, Казанской, Нижегородской и Вятской губерний. 85 % продукции продавалось вне Самары. К 1906 г. товарищество имело 52 оптовых склада в разных городах России. Во владении завода находилось 400 разливных пунктов продажи пива. Завод обслуживала собственная обширная флотилия (буксирные пароходы, грузовые баржи-ледники), по железной дороге пиво перевозилось в специальных вагонах. Объем производства с 1881 г. по 1914 г. вырос более чем в 75 раз: с 427 800 до 32 376 000 л. По объему производства Жигулевский пивоваренный завод занимал третье место в России. Продукция завода была удостоена 15 медалей международных выставок. Помимо пива, завод производил алкогольную продукцию на меду.

Жигулевский пивзавод. Из фондов ЦГАСО

Благодаря стараниям Альфреда фон Вакано и его сыновей на «Жигулевском заводе» в 1898 г. была построена одна из первых в Самаре электростанция мощностью 150 киловатт, которая не только обеспечивала нужды завода, но и освещала Городской театр и Струковский сад. На территории завода, кроме основного корпуса, было построено восемь жилых домов, склады, торговые помещения, четыре солодовни, две заторные, газовый завод (поставлявший газ для освещения театра и улиц города), водокачка, фильтровальная станция (для очистки использованной в технологическом процессе воды), элеваторы, столярная и слесарная мастерские, кроме того, работали паровая прачечная, библиотека и читальный зал, больница, школа, приют. Фон Вакано создал специальный фонд для материального обеспечения рабочих и служащих пенсионного возраста, имелась больничная касса. По его инициативе было начато

строительство самарской набережной, а в 1908–1909 гг. им был построен пробный участок городской канализации. Таким образом, завод заметно изменил городскую инфраструктуру. В декабре 1897 г. А. фон Вакано подал прошение на высочайшее имя о принятии его с детьми в российское подданство, которое вскоре было удовлетворено⁵¹.

Новое технологическое оборудование было установлено на созданных в конце XIX – начале XX в. макаронном заводе Кеницера, в кондитерских заведениях П. Корунова, торговом доме А. Косолапова и С. Решетинникова, Савинова, механической хлебопекарне Неклютиной.

История одного из крупнейших в России макаронного завода Кеницера началась в 80-е гг. XIX в. Еще в 1874 г. Оскар-Карл Кеницер начал в Самаре торговлю сельскохозяйственными машинами. В 1882 г. им был основан завод по производству макаронных изделий из лучшего сорта местной муки – «белотурка». Здание макаронного завода с момента основания и до нынешних дней размещается на ул. Садовой. Завод располагал новейшим оборудованием, в том числе паровой машиной, число рабочих мест достигало 130. Продукция завода неоднократно удостоивалась наград на российских выставках. Продукция макаронного завода «Кеницер и Ко» реализовывалась фирменными магазинами «Венская» (ул. Панская), «Жан» (ул. Дворянская). В 1900 г. макаронный завод стал частью Торгового дома «Кеницер и К°», куда также вошли П.П. Шниберг и К.М. Шехтер. Основной капитал составлял 90 тыс. руб. В начале XX в. фабрика Кеницера производила в день 600 пудов итальянских макарон, русской лапши, вермишели. В 1898–1902 гг. О.К. Кеницер организовал обустройство сквера вокруг городского театра⁵².

Помимо салотопенных заводов, в Самаре было несколько мыловаренных производств. В 1891 г. был открыт мыловаренный завод Кирьякова и Сенаторова, в 1901 г. владельцем салотопенного и мыловаренного заводов являлся купец С.И. Чекмарев. Такое же производство имели предприниматели Федоров, Кузнецов, Гаврилов и казанский мещанин Морозов. В 1905 г. Самарская городская дума дала разрешение Торговому дому «И.В. Картан и А. Савинов» на строительство на Соборной улице завода для производства мыла из вытопленного сала и кокосового масла.

В Самаре стало развиваться производство строительных материалов, что было обусловлено ростом жилищного и промышленного строительства в губернском и уездных центрах и проведени-

ем работ по городскому благоустройству. В городе в 1900 г. насчитывалось 11 кирпичных заводов: И.И. Александрова, Т.П. Жуковой, И.Е. Ильина, С.И. Кутузовой, М.И. Летагиной, Д.П. Новокрещенова, В.А. Родионова, М.М. Шитаева, П.Ф. Шишкина, А.Д. Ничаева. В поселке «Ветряные мельницы» находились кирпичные заводы городской управы, Санукова и др. Владельцами лесопильных заводов были купцы Парадеев и Лебедев, И.Ф. Иванов, Д.П. Крещенов, купеческие сыновья В. и И. Летагины.

Помимо предприятий, занятых переработкой сельскохозяйственной продукции, в Самаре в конце XIX — начале XX в. открылись металлообрабатывающие, чугунолитейные, механические заводы. К их числу относились чугунолитейный завод И.А. Федорова, Соколова, Молчанова, Зуева, Шерстнева, Крупского, чугунолитейный завод Н.М. Платкова, механический завод купца Н.И. Лебедева, механический чугунолитейный завод Бенке-Журавлева. В городе велась сборка тракторов и жатвенных машин американской «Международной компанией жатвенных машин». В 1913 г. было продано шесть тракторов марки «Интернационал».

Особо стоит отметить и крупное самарское предприятие тяжелой промышленности — «Механический чугунолитейный завод Бенке-Журавлева», изготовлявший сельскохозяйственное оборудование, машины и ремонтировавший паровые котлы речных судов. Создание механического чугунолитейного завода в Самаре началось в 1872 г., когда механик Готхард Карлович Бенке получил в аренду участок волжского берега. На заводе изготавливали плуги, бороны, конные грабли, сеялки и оборудование для мельниц, кроме того, осуществлялся ремонт паровых котлов. В 1876 г. это предприятие стало называться механический чугунолитейный завод «Бенке и К°». Продукция завода неоднократно получала высокую правительственную оценку. На рубеже 1870—1880-х годов, в связи с общим промышленным подъемом в России, завод значительно расширил свою деятельность, его оборот достиг 170 000 руб. в год, а число рабочих — 180 чел. В 1882 г. для привлечения дополнительного капитала было организовано «Товарищество механического чугунолитейного завода» на паях. В него вошли крупнейшие самарские купцы: П.С. Субботин, П.М. Журавлев, Г.К. Бенке, А.Н. Шихобалов, И.Л. Санин, Ф.Г. Углов, братья Константин и Георгий Курлины, что позволило значительно увеличить производство. К 1884 г. ежегодный оборот достиг 600 000 р., а количество рабочих увеличилось до 250 человек.

Завод Бенке. Из фондов ЦГАСО

Новый этап истории завода начался в 1884 г., когда правление «Товарищества механического чугунолитейного завода» решило расширить производство. Для этой цели был арендован участок земли на берегу Волги. На этом участке была сооружена верфь для строительства пароходов. Идея организовать строительство пароходов в Самаре исходила от одного из акционеров, Павла Михайловича Журавлева, младшего брата известного рыбинского судопромышленника. Идея переориентации оказалась успешной, первый пароход был спущен на воду 13 мая 1885 года. Его построили для купца Ф.Г. Углова и назвали «Первый». В дальнейшем на заводе Бенке-Журавлева было построено более сорока пароходов, и Самара стала одним из центров волжского судостроения⁵³.

В 1910 г. составители «Списка населенных мест Самарской губернии» зафиксировали в Самаре 136 фабрик и заводов, 63 ремесленных заведения, 10 банков, шесть типографий.

Развитие инфраструктуры города Самары в конце XIX – начале XX в. Активное торгово-промышленное развитие Самары нашло свое выражение в стремительном увеличении населения города. Численность населения Самары в 1870 г. составляла 14 494 чел., в 1884 г. – 75 478 чел., в 1897 г. – 91 600 чел.⁵⁴ Первая Всеобщая перепись населения России 1897 г. выявила, что 30 469, или 33 %, жителей были коренными самарцами, еще 24 553 прибыли из уездов губернии, а 34 699 (37 %) были уроженцами других губерний.

Больше других было выходцев из Казанской (4 293), Симбирской (11 536), Нижегородской (2 143) губерний. Значительным было число выходцев из Владимирской, Вятской, Пензенской и Саратовской губерний⁵⁵. По вероисповеданию населения картина была следующей: православных – 80 493, единоверцев, раскольников и старообрядцев – 3 478, католиков – 1 244, протестантов (лютеран) – 1 036, мусульман – 2 364, иудеев – 1 327⁵⁶. Русский язык назвали родным 82 907 самарцев, украинский – 402, белорусский – 81, польский – 958, татарский – 2 301, мордовский – 639, чувашский – 87, башкирский – 28.

Для обеспечения быстрорастущего населения города требовалась соответствующая инфраструктура. За вторую половину XIX века Самара достигла значительных успехов в создании городского коммунального хозяйства и благоустройстве. Самара могла похвастать развитой водопроводной сетью, обслуживающей не только городской, «аристократичный» центр, но и рабочие окраины. Успешно функционировало электроснабжение города. Кроме того, к 1913 году Самара обзавелась городской канализационной сетью, которая за четыре года достигла городских окраин.

Построенный в хозяйственно-противопожарных целях самарский водопровод стал главным инфраструктурным проектом Самары конца XIX в. Несмотря на длительный срок, прошедший с утверждения министром внутренних дел первоначального проекта (1865 г.) до утверждения городской думой подготовительной водопроводной комиссии (1879 г.), идея водопровода последовательно шла к реализации.

Важно отметить, что в 1879 г. Самарская городская дума отказалась от идеи концессии и решила строить водопровод своими силами. Главными препятствиями для строительства водопровода стали огромная для города стоимость сооружения, консерватизм жителей, сопротивление предпринимателей, занимающихся доставкой воды, устройством прорубей для водоемов, портомойных плотов и т. д. В 1880 г. был объявлен конкурс, на котором комиссия выбрала 3 лучших проекта, а победитель – Н.П. Зимин – получил 3 000 руб. и приглашение в Самару на проведение дальнейших технических изысканий и составление нового детального плана строительства. За 6 месяцев 1885 г. Н.П. Зимин спроектировал самарский водопровод, подобрал для будущего водопровода инженера-смотрителя, в лице Н.В. Чумакова, и строительную организацию, в лице московского «Торгового дома бр. Бромлей и К°». 1 октября 1886 г. на главные улицы города была подана вода,

а 11 января водопровод был освящен епископом Серафимом. В последующие годы осуществлялись доработки конструкции водоразборных колодцев. В 1891 г. городской водопровод был соединен с железнодорожным. В 1904 г. он достиг Молоканского сада; в 1905–1907 гг. добрался до Мещанского поселка. В 1902 г. локальный водопровод был сооружен в Засамарской слободе, а затем, в 1907 г. его соединили с городским самарским водопроводом. Через два года централизованный водопровод охватил пригороды-поселки Самары «Запанской» и «Новый Оренбург». В 1917 г. в Самаре общая длина городского водопровода превышала 60 км, в городе было 11 фонтанов. Обеспеченность водой составила в 1897 г. 25,2 л. на человека в день. В 1915 году к городскому водопроводу было подключено 1388 владений, а среднесуточная подача воды достигала 5 520 м³, обеспечивая в среднем каждого самарца 32,4 л в день⁵⁷.

*Здание городского водопровода, построенного в 1887 г.
Из журн.: Самарская губерния в сердце России. 2014. № 10*

Городское освещение Самары прошло путь от керосиновых фонарей до электрических. В 1853 г. в Самаре поставили первые 100 керосиновых фонарей. В 1887 г. их было уже 769. В это же время устанавливается норматив фонарного освещения: через каждые 15–30 саженей (32–63 метра) в центре города и 30–60 саженей (64–126 метра) – на окраине. Первые электростанции, используемые для организации электрического освещения, появились в Са-

маре в конце 1880-х гг. В 1890-х гг. был рассмотрен ряд проектов по устройству электрического освещения, а вскоре была построена городская электростанция. В феврале 1900 г. станция дала первый ток, официально она была запущена 14 мая того же года. Однако частные электростанции отпускали электроэнергию дешевле, чем городская, и иногда освещали целые близлежащие кварталы. В 1899 г. улицы Самары освещали 920 керосиновых фонарей, 32 электродуговых и 64 электроламповых фонарей⁵⁸.

Строительство полноценной городской электростанции началось в 1895 г. Самарской городской думой был объявлен конкурс на строительство электрической станции, при этом главной задачей являлась необходимость организовать электрическое освещение Городского театра, Струковского сада и ул. Дворянской. В 1900 г. победитель конкурса, акционерное общество «Сименс и Гальске», завершил установку оборудования в построенном городскими властями здании электростанции. На момент открытия электроэнергия вырабатывалась четырьмя паровыми котлами, мощность станции составляла 200 киловатт. Электричество подавалось в город по двум подземным кабелям, длина сети высокого напряжения составляла 3763,5 м, сети низкого напряжения 1695 м, воздушной сети – 738 м. Возглавлял городскую электростанцию инженер М.И. Лиховидов. Штат служащих состоял из 15 человек. Станция работала с наступлением сумерек и до 2 ч ночи. Днем энергия могла подаваться в Городской театр для утренних спектаклей и народных чтений. Кроме общественных и частных потребителей, станция питала 60 уличных фонарей. В 1914 г. в связи с резким увеличением потребностей города и запуском электрического трамвая мощность станции была увеличена до 3 800 киловатт, к 1918 г. число потребителей возросло до 2700, из них 300 – учреждения и предприятия⁵⁹.

В связи с ростом территории Самары к концу XIX в. возникла необходимость в создании массового городского транспорта. В 1895 г. в Самаре начала работать конно-железная дорога, или просто «конка». Ее первая линия протяженностью 6,5 километров соединила район Хлебной площади с Молоканскими садами за Полевой улицей. Маршрут пролегал по нынешним улицам Алексея Толстого, Пионерской, Куйбышевской, Самарской, Садовой. Поездка из конца в конец занимала около 40 минут. Движение начиналось в 8 часов утра зимой и в 7 часов летом, а завершалось в 22 часа. Пассажирские вагоны были одно- или пароконные и двигались со скоростью не более 12 км/ч. Проезд на лошадях по рельсовому

пути оказался намного комфортнее, дешевле и надежнее, чем наем извозчика, и «конка» стала пользоваться в Самаре большим успехом. В 1895 году по городу ходило 27 вагонов на конной тяге. В каждом могли сидеть 14 пассажиров, а еще 8 — стоять на площадках. Стоимость проезда местами первого класса составляла 5 коп., второго — 3 коп.⁶⁰

Самарская конка. Из фондов СОИКМ

Таким образом, стоит отметить интенсивное торгово-промышленное развитие Самары во второй половине XIX в. Самарская промышленность в целом специализировалась на обработке продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности (особо стоит отметить самарские мельницы, Жигулевский пивоваренный завод, макаронный завод Кеницера). Успешно функционировали и механические чугунолитейные предприятия, заводы по выпуску строительных материалов. Активную роль в региональной торговле играли самарские филиалы ведущих российских государственных и коммерческих банков. Не отставала в своем развитии и городская инфраструктура. Важнейшее значение в экономике города имели железнодорожный вокзал, многочисленные волжские пристани. В конце XIX в., стараниями Самарской городской думы в городе создаются такие объекты инфраструктуры, как водопровод, электростанция, электрическое освещение, «конка».

§ 5. Доходы города и городское хозяйство

Общую картину характера, размаха и хозяйственных возможностей городского самоуправления отражают структура городского бюджета и динамика его развития. Следует отметить, что в системе российского бюрократического централизма местному самоуправлению была предоставлена весьма ограниченная финансовая самостоятельность. Источники дохода города были строго регламентированы Городовым положением. Органы городского самоуправления не могли самостоятельно ввести новый налог, а также превысить определенную законом норму обложения. Ограничением прав служили так называемые «обязательные расходы».

Утверждение городского бюджета проходило многоступенчатый путь: от предложения исполнительного органа общественного управления – городской управы – до утверждения городской думой, губернским правлением, а затем и разрешения министра внутренних дел.

Главным источником дохода города Самары являлись доходы с городских имуществ, оброчных статей и различные виды сборов (с владельцев недвижимого имущества, промышленников и т. п.). В 1873 г. в совокупности они составляли 125106 руб. или 64 % всех доходов Самары. Кроме этого, значительные суммы поступали в городскую казну в качестве пособия от земства по отбыванию городом квартирной воинской повинности, процентов с оборота общественных сумм, помещенных в Общественный банк, и другие статьи, объединенные в бюджете в разделе «чрезвычайные доходы». В том же 1873 г. эта статья доходов составляла 54880 руб. 48 1/4 коп., то есть примерно четверть доходов города. Кроме указанных источников городских финансов, в росписях доходов и расходов губернского города Самары выделяются доходы от косвенных налогов (с владельцев лошадей, собак и т.п., за содержание «приблудной скотины» в городских загонах, взыскания по искам и т.п.), их сумма составляла 10 478 руб. 30 коп.; а также мелкие и случайные доходы (пени за несвоевременную уплату сборов, штрафы за неисполнение служебных обязанностей, нарушение правил торговли на площадях и улицах) – около 3 тысяч руб.⁶¹

Активно пользовалась городская дума таким источником доходов, как продажей городских движимых имуществ и продуктов, получаемых с городских земель. Так, в 1872 г. городом было продано

2 300 пудов сена с общественной сенокосной пашни по 17 коп. за пуд и выручено 493 руб., в 1881 г. с продажи различного городского движимого имущества предполагалось выручить 1 000 руб. В том же году город продал городскую муку на сумму 19 276 руб. 48 коп.

Доходы города постоянно росли. В 1870 г. они составляли 166 500 руб., в 1873 г. — уже 193 000 руб., в 1889 — более 478 500, в 1 900 — 783 000 руб.⁶²

Видное место в городском бюджете занимали налоги и подати. Город взимал следующие прямые налоги:

- с оценки недвижимых обывательских имуществ;
- с документов на право торговли и промыслов;
- с патентов на питейную торговлю;
- с трактирных заведений, постоянных дворов и съестных лавок;
- с извозного промысла.

Наиболее значительный доход давал городу оценочный сбор с недвижимых имуществ, который в 1873 г. составлял 37 % всех налогов и 7,6 % бюджетных поступлений. Однако со временем падает удельный вес поступлений от этого налога, а в некоторые годы — и абсолютное их число. Так, в 1881 г. сборы с недвижимых имуществ г. Самары составили лишь 8 750 руб. Причины этого явления нам видятся в системе сбора налога и стремлений городских властей сдерживать рост именно этой части бюджетных поступлений. Намеренное занижение ставки сбора и оценки имущества (ее производили таксаторы, выбранные из среды домохозяев), затягивание мероприятий по переоценке объектов обложения — таковы были главные средства в руках «отцов города», с помощью которых они уменьшали издержки торговцев, промышленников и домовладельцев по содержанию городского управления.

Вторым по значимости для городского бюджета Самары был налог с трактирных заведений, постоянных дворов и съестных лавочек. В отличие от других налогов, он поступал исключительно в пользу города, имея тенденцию как к абсолютному росту, так и к увеличению удельного веса в доходах города. Так, в 1873 г. в городскую казну поступило 11 414 руб. по этой статье, а в 1881 г. — уже 51 550 руб., что на 1 550 руб. больше, чем предполагалось сметой, то есть удельный вес этой статьи в городских доходах вырос с 6 % до примерно 20 %⁶³.

Рост других статей доходов города не был так стремителен, поскольку большая часть остальных налогов шла в государственную

казну. Сбор с торговых документов составлял не более 25 % платимой в казну пошлины, с документов на промыслы и прочих — по 10%, с патентов на питейную торговлю — 20% с платимой в казну суммы.

Титы волжских босяков. Из кн.: Самарский альбом. Самара в открытках и фотографиях конца XIX — начала XX века. Самара, 2006

Однако, несмотря на некоторый рост налогов в целом, их удельный вес в бюджете Самары в период действия Городового положения 1870 г. снижается.

Поступления в городской бюджет города Самары⁶⁴

№	Статьи поступлений	1873 г.		1881 г.	
		Руб.	% ко всему доходу	Руб.	% ко всему доходу
1	Сборы с оценки недвижимых имуществ	14738	7,6	8750	4
2	С документов на право торговли и промыслов	8381	4,3	11587	5,7
3	С патентов на питейную торговлю	9172	4,7	3310	1,9
4	С трактирных заведений, постоянных дворов	11414	6	51550	20
5	С извозного промысла	451	0,3	1678	0,8

Резко возрастают доходы города от эксплуатации принадлежащей ему земли. В 1881 г. они превышают 90 тыс. руб., или 45 % всех доходов. Во владении города Самары в этот период состоит «...одной удобной земли 8 079 дес. 1504 саж. (8 306,6 га) и неудобной 1 270 дес. 1 764 саж. (1 385,1 га). Из числа удобной земли находится под хлебопашеством 3 600 дес. 6 саж., под садами 883 дес. 2 018 саж., лесу — 600 дес. 382 саж., под выгоном, площадью города и окружающими его заводами и мельницами — 2 893 дес. (3 251,5 га)». Основным способом извлечения дохода с городской земли является отдача доходной земли в пользование частных лиц под посев овощей, хлеба, устройство складов, постройку заводов, кузниц, амбаров и мельниц. При этом земли вне города обычно отдавались с торгов, а внутригородские участки — в аренду. Так в 1870 г. за 200 дес., отданных с торгов под посев овощей, было выручено 2 709 руб. 95 коп., а за 3 участка под посев хлеба в 600 дес. — 2 606 руб. 22 коп. В 1873 г. доход от этих земель составил уже 9 581 руб. 85 коп., в 1881 году — 18 044 руб. 51 коп.⁶⁵

В черте города городская земля, находившаяся под заводами частных лиц, приносила в городскую кассу в 1873 г. — 7 913 руб. 20^{1/4} коп., а в 1881 г. — 12 787 руб. 55 коп. на условиях уплаты по 3 коп. за сажень под зданиями и по 1 коп. под дворами. Крупнейшие налогоплательщики среди самарских промышленников принадлежали к купеческому сословию. В 1871 г. с пивоваренного завода купца В.Е. Буреева в казну города поступило 704 руб. с водочного завода купца Н.Ф. Дунаева — 100 руб. Городские земли находились под мельницами, торговыми банями, амбарами. Для последних размер налога устанавливался по 1/4 коп. с рубля дохода и по 90 коп. с каждой лицевой сажени. В 1871 году это давало 967 руб. 50 коп. дохода, через 10 лет около 2 000 рублей. В 1871 г.

налог на кирпичные кузницы составил 115 руб. (по 1 руб. 50 коп. с каждого горна), в 1873 г. — 133 руб.50 коп., в 1881 г. — 242 руб. 57 коп.

Другой группой городских имуществ, приносящих существенный доход в местный бюджет, были различные промыслы, участки, сдаваемые под пристани, рыбные садки, портомойные плоты и проруби, городские весы и меры, мосты и перевозки через реки Волга и Самара. В 1873 г. доход от них превысил 30 тыс. рублей.

Значительные суммы поступали в городской бюджет от сдаваемых городом торговых мест. Это были сборы за торговлю на городских площадях и улицах с подвижных лотков, деревянных лавок, за места в принадлежащих городу деревянных и каменных торговых рядах, съестном ряду, за места под ярмарки и т.п. Среднегодовой доход от главных торговых центров — Троицкой, Воскресенской, Покровской площадей — составлял в 1880-е гг. 35 065 руб. Только на Троицкой площади под городскими лавками находились 1 524 саж. земли, здесь были построены Съестной ряд, устроены навесы. По данным городской управы, в 1882 г. с Троицкой площади было получено 82 634 руб. 17 коп. дохода, а в 1890 г. — 69 990 руб. 44 коп. Некоторое снижение доходов, получаемых с крупнейшей самарской торговой площади, было вызвано принятием думой ряда решений в 1879—1889 гг. о запрещении торговли на углах улиц и тротуарах в целях удобства движения пешеходов и транспорта.

Единственным городским предприятием, приносившим доход в кассу Самары, до 1887 г. можно считать каменоломни, находящиеся в 6 верстах вверх по р. Волге, за Постниковым оврагом (в советское время — Овраг Подпольщиков) и в 14 верстах вверх по р. Самаре. В каменоломнях добывался бутовый камень, алебастр, известь. Расширяющееся строительство города требовало увеличения добычи дешевого местного строительного материала, поэтому городские власти приняли решение о сдаче каменоломен с торгов в эксплуатацию частным лицам. 10 мая 1872 г. за 300 руб. и 330 руб. соответственно они были сданы жителям Самары. Таким образом, в 1873 г. в бюджет города поступило 630 руб. дохода, в 1881 г. — 680 руб., далее доля этого источника городских доходов была незначительной.

В 1878 г. городская дума поставила вопрос о строительстве в Самаре водопровода, до его открытия воду в городе приносили с Волги или покупали из бочек у водовозов. Водовод подавал городу 300 тыс. ведер чистой воды в сутки. В 1895 г. доход от его эксплуа-

тации составил 11 214 руб. 07 коп. Кроме того, за отведение мест под прокладку водопровода было получено еще 13 918 руб.⁶⁶

Таким образом, развитие города и возрастание его роли в экономической жизни страны сопровождалось ростом городских доходов. За 30 лет они увеличились более чем в 4 раза. Этот процесс происходил неоднородно и противоречиво. Снизилась доля доходов с оценочных сборов с недвижимых имуществ, в то же время значительно возросли доходы с налогов с трактирных заведений и постоянных дворов, с извозного промысла. Наметилась тенденция снижения в целом доли доходов с взимаемых налогов за счет увеличения доходов с городских земель и предприятий. Однако увеличение доходов города не влекло за собой расширения финансовых полномочий городского управления.

§ 6. Городское самоуправление Самары на рубеже XIX—XX вв.

С воцарением императора Александра III произошла серьезная перемена во внутреннем политическом курсе российской власти. При этом Министерство внутренних дел в полной мере осознавало необходимость совершенствования системы городского самоуправления России и устранения явных несовершенств Городового положения 1870 г. В итоге реформа городского самоуправления была реализована в Городовом положении 1892 г.

По Городовому положению 1892 г. было усилено подчинение общественных учреждений административному аппарату и изменена система выборов. Вместе с тем правительство отдавало себе отчет в том, что полная передача обязанностей дум административному аппарату вызовет серьезные трудности: слишком хорошо прижились общественные структуры самоуправления, и кардинально менять всю сложившуюся систему было нецелесообразно. Тем более правительство не могло пойти и на полное лишение учреждений самоуправления самостоятельности. В итоге, по новому Городовому положению весь комплекс вопросов, которыми городские думы занимались ранее, был за ними сохранен.

При этом в результате реформы изменился характер отношений между администрацией и думами, усилилась опека над думами и сократилась их самостоятельность⁶⁷. Министр внутренних дел или губернатор получили право без объяснения причин от-

клонять избранных думой лиц. По новому Городовому положению городской голова и все остальные члены управы считались состоящими на государственной службе, утверждались в должности губернатором, могли подвергаться взысканиям не только по суду, но и по административной линии⁶⁸.

Александр III в Самаре. Из фондов ЦГАСО

Должностным лицам городского общественного управления присваивались классы государственной службы. Городской голова был обязан предоставить губернатору не только копии всех постановлений думы, как в предыдущем Городовом положении, но и список вопросов, намечаемых к обсуждению⁶⁹. Перечень постановлений, требовавших утверждения министра внутренних дел или губернатора, значительно расширился. Губернатор, как и раньше, мог приостановить действие любого определения думы. Причем если прежде основанием для этого служила «незаконность» решения, то теперь приостанавливались «неправильные» постановления думы, то есть «несоответствующие общим государственным пользам и нуждам», либо «явно нарушающие интересы местного населения»⁷⁰. Иными словами, теперь администрация получила

право по своему усмотрению оценивать целесообразность определенных городских дум⁷¹.

Перемены стали ощутимы уже в ходе первых выборов Самарской городской думы и управы, прошедших согласно Городовому положению 1892 г. Самарская городская управа, проводящая подготовку к выборам гласных, постоянно присылала губернатору для утверждения определения городской думы по поводу выборов, информировала его о ходе дел, по наиболее важным вопросам обращалась за советом, например: «Как наиболее удобно объявить список избирателей?»⁷².

25 августа 1892 г. была выбрана лишь половина положенного числа гласных, и были объявлены дополнительные выборы. После выборов управа представила для утверждения губернатору полный список избранных гласных и баллотировочные списки по их избранию⁷³. Внимания заслуживает социальный состав 72-х избранных гласных. Судя по их формулярным спискам, представители купечества составили 38 человек, имеющих табельные чины — 16, врачи — 4, мещане — 9, крестьяне — 3⁷⁴. Губернатор утвердил выборы городского головы и дал самые лестные отзывы о нем. 27 октября 1892 г. губернатор утвердил заместителя городского головы и членов городских управ⁷⁵.

Механизм избрания городской думы, предписанный Городовым положением 1892 г., претерпел значительные изменения по сравнению с положением 1870 г. Был введен высокий имущественный ценз, который ограничил корпус городских избирателей наиболее состоятельной частью городского населения, при этом он рассчитывался исходя из стоимости имеющейся недвижимости и составлял для губернских городов не менее 1 000 руб.

Городовое положение 1870 года предоставляло избирательное право ничтожной части городского населения (в среднем от 4 до 6 %). Избирательный ценз, предложенный городской реформой 1892 г., еще более понизил число городских избирателей. Средний процент избирателей сократился до 1 % от всего населения. Были известны факты, когда многие бывшие гласные городских дум срочно увеличили стоимость своей недвижимости, желая приобрести нужный ценз. Этим правительству добивалось главной цели — провести в городские думы инициативных и образованных гласных, в то же время лояльных существующему режиму.

Социальный состав городской думы после реформы 1892 г. изменился незначительно. В среднем по губернским городам России дворянство и разночинцы (чиновники и интеллигенция) при-

обрели 34 % голосов в городских думах, купечество и почетные граждане – 55,8 %, мещанство, ремесленники, крестьяне – 9,8 %. В губернских городах Поволжья картина складывалась иначе: в Самаре и Симбирске большинство в городской думе составило купечество, в Пензе – гласные от дворянства. Так, на выборах Самарской городской думы 60 % гласных было избрано от купечества, 22,6 % гласных – от дворян⁷⁶. В целом, если сравнивать социальный состав Самарской городской думы в конце 1880-х гг. и после реформы 1892 г., видно, что купечество несколько расширило свое представительство за счет бывшей III группы избирателей. Примечательно, что в 1890-е гг. купеческая составляющая городских дум продолжала увеличиваться⁷⁷.

Организация городского общественного управления на основе Городового положения 1892 г. оказала благоприятное влияние на экономическое положение Самары. За десятилетие с 1892 по 1901 гг. доходы города выросли почти на 30 %. К 1901 г. бюджет Самары достиг 1,5 млн рублей⁷⁸.

Увеличение доходов на треть привело и к соответствующему росту расходов бюджета. По данным на 1901 г. около 16 % расходов составляло содержание полиции, войск, правительственных учреждений. Стоимость содержания общественного управления выросла на 30 %. В среднем в 2,6 раза больше средств стало выделяться на городское благоустройство (до 13 % бюджета). Значительно возросли расходы на дорогостоящие улучшения – трамваи, водопровод, скотобойни, канализацию. Примерно в 2 раза увеличились расходы на санитарную безопасность, больничное дело и народное образование⁷⁹.

После введения Городового положения 1892 г. контроль губернатора за деятельностью городских учреждений еще более усилился. Самарские губернаторы конца XIX – начала XX в. имели на деле столь широкие полномочия и авторитет, что позволяли себе обращаться к городским головам Самары следующим безапелляционным образом: «...Предлагаю Вам, как председателям городской думы, не допускать в обсуждение в думе вопросов, касающихся оценки служебной деятельности лиц служащих по государственной части»⁸⁰, либо «...предлагаю Вам в трехдневный срок доставить в губернское правление проект сметы доходов и расходов города Самары за 1894 год»⁸¹. Данные обращения являлись типичным примером проявления властных полномочий губернатора, однако они никогда прямо не нарушали статей законодательства. Практически все эти просьбы действительно были на-

правлены на улучшение повседневной жизни горожан, в свою очередь городские думы не спешили проводить в жизнь эти предписания, не убедившись в их целесообразности. Тем не менее до 1892 г. губернаторы не позволяли себе «приказного» тона в общении с городской думой.

*Губернатор А.С. Брянчанинов.
Из фондов ЦГАСО*

Обязательному утверждению губернатора стали подвергаться и отчеты городской управы. Так, после представления губернатору отчета Самарской городской управы за 1896 г. по его распоряжению была создана специальная ревизионная комиссия, которая тщательно проверила все финансовые и хозяйственные операции Самарской городской управы за 1896 г.⁸² При этом были выявлены следующие недочеты в работе управы: небольшие перерасходы средств по сметам, недобор податей, особо вызвала недовольство комиссии «бесплодная и непонятная переписка» членов управ между собой и с городской думой. По всем замечани-

ям было проведено расследование и получено объяснение управы, в итоге все это отнесли к неизбежным затруднениям при большом объеме хозяйственной деятельности⁸³.

В 1904 г. из Самарского присутствия по городским делам в губернское правление направляется интереснейший документ: «Его превосходительство, начальник губернии обратил внимание на крайнюю медленность Самарской городской управы в исполнении тех или иных его предписаний и требований и поручил собрать все конкретные случаи о вышеозначенной медленности городских управ за последнее время. Ввиду этого, имею честь почтительнейше просить губернское правление сообщить присутствию перечень тех случаев, в которых наблюдалась медленность городской управы»⁸⁴. К сожалению, архив не сохранил ответа губернского правления на этот запрос, однако сама проблема сформулирована отчетливо и наглядно свидетельствует об определенных

трениях и недовольстве губернатора действиями городского общественного управления. Даже если проблема была несколько преувеличена губернатором, он, по всей видимости, опирался на реальные факты. Тем не менее, в этом деле нет острых противоречий общественных структур и губернатора — вопрос стоял не о качестве работы управы, а всего лишь о скорости ее работы. Далеко не всегда губернатор вмешивался в деятельность городского общественного управления по своей инициативе.

После 1892 г. губернаторам было предоставлено право оценивать целесообразность тех или иных статей городского бюджета, что позволяло непосредственно влиять на деятельность городских дум. Например, Самарский губернатор не согласился с рядом расходных статей в смете доходов и расходов города Самары на 1894 г., приостановил их исполнение и направил дело в присутствие по городским делам⁸⁵. Внимание губернатора привлек большой дефицит бюджета, составивший 282 114 руб. (доходы города равнялись 420 069 руб., расходы — 702 183 руб.), из них более 100 тысяч руб. — долги бюджетов прошлых лет. Городское общественное управление предлагало свой выход из создавшегося положения, однако эта ситуация не могла пройти мимо губернатора. Безусловно, он даже не пытался лично повлиять на сложившееся положение дел, для этого существовало специальное учреждение — присутствие по городским делам, где с участием бюджетной комиссии и был найден компромиссный вариант ликвидации дефицита бюджета⁸⁶.

К 1907 г. доходы бюджета города Самара возросли до 1 368 214 руб., но расходы превышали эту сумму на 188 207 руб. Вновь в ситуацию по инициативе губернатора пришлось вмешаться присутствию по городским делам, которое опротестовало ряд статей и предложило иной вариант бюджета⁸⁷. Более сложное положение с бюджетом возникло в 1909 г., доходы возросли до 1 756 000 руб., но и дефицит бюджета составил 415 448 руб. Сама городская дума предложила покрыть дефицит правительственным займом на постройку казарм и военного лазарета, в ответ губернатор справедливо указал на то, что в итоге ни казарм, ни лазарета в городе не будет, и предложил думе пересмотреть бюджет «без замедления» еще раз. Так как присутствие не располагало необходимыми данными, для решения вопроса были задействованы Главное управление по делам местного хозяйства и Бюджетная комиссия. В результате присутствие настояло на компромиссном варианте: дума изменила свое мнение по бюджету, который получил одобрение

губернатора 24 февраля 1909 г.⁸⁸ Как мы видим, на рубеже веков стремительно росли не только городские доходы, но и долги городов, прежде всего губернских. В основном это являлось следствием инфляции и долгосрочных займов на масштабные городские улучшения.

Таким образом, в прениях по бюджету губернское присутствие по городским делам вполне законными способами могло изменить решения городской думы, но происходило это лишь в критических случаях, когда возникала проблема большого дефицита или когда подготовка бюджета затягивалась городским общественным управлением. Губернатор никогда сам не делал предложений по перераспределению сумм, он лишь указывал на «противозаконные» статьи бюджета и организовывал процесс его переделки в присутствии по городским делам.

Данные образцы конструктивного взаимодействия местной власти и городского самоуправления позволяют пересмотреть устаревшие тезисы о засилье «полицейско-бюрократического аппарата» и оценивать усиление централизации власти на местах в России конца XIX в. как факт, не ограничивающий хозяйственных полномочий городского общественного управления. Право утверждения бюджетов, некоторых постановлений и отчетов городского общественного управления являлось для губернатора мощным рычагом влияния на работу городского самоуправления. Однако анализ архивных материалов позволяет сделать вывод, что данное право не приводило к злоупотреблениям губернатора. Все утверждения проходили компетентно, с выяснением обстоятельств дела и при ответственности губернатора за свои действия.

Порой между губернской администрацией и городским самоуправлением возникали конфликтные ситуации. В основном это происходило, когда губернатор приостанавливал незаконные, с его точки зрения, постановления, а городские думы не соглашались с этим. Для городского общественного управления существовали возможности доказать свою правоту: в первую очередь конфликт разбирался в присутствии по городским делам, а решение этого учреждения можно было обжаловать в Правительствующем Сенате. В ряде случаев, встретив негативную реакцию городских дум, губернаторы снимали свои претензии. После 1892 г. губернаторы гораздо чаще и активнее выражали свое отношение к деятельности городского общественного управления, но по-прежнему все это происходило в рамках закона и не затрагивало повседневной хозяйственной деятельности городского самоуправления.

§ 7. Общественно-политическая жизнь

Пореформенный период в истории России отмечен оживлением общественной жизни: шло становление системы самоуправления, создавались самые разнообразные общественные организации, в публичных дискуссиях по насущным вопросам выкристаллизовывались различные направления политической мысли. Исключением из этих общероссийских процессов не стала и Самара.

Характерной чертой реформ 1860–1870-х гг. стало то, что при подготовке и проведении преобразований власть обратилась к общественной поддержке. Каждый готовившийся тогда масштабный законопроект предварительно проходил стадию общественного обсуждения в прессе или же в специально созданных комитетах. Первым таким опытом стала подготовка реформы 1861 г. — отмены крепостного права.

Ход «крестьянского дела» в провинции зависел от двух сил — губернской администрации и поместного дворянства. Чрезвычайно важную роль играла фигура губернатора. Самарский губернатор К.К. Грот активно участвовал в подготовке и проведении крестьянской реформы «по готовым рецептам своего великого учителя Н.А. Милютина»⁸⁹ и стал виднейшим реформатором-практиком среди начальников губерний.

Формой участия дворян в подготовке реформы стало создание губернских дворянских комитетов, в задачу которых входило составление подробного проекта Положения «Об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян». Самарский губернский дворянский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян был открыт 25 сентября 1858 г. в зале дворянского собрания. Председателем комитета стал губернский предводитель дворянства А.Н. Чемодуров, в качестве представителей от правительства в комитет были назначены коллежский секретарь Н.Л. Муханов и отставной коллежский советник Ю.Ф. Самарин — видный мыслитель-славянофил. Именно активная деятельность К.К. Грота и Ю.Ф. Самарина превратила Самарский дворянский комитет в явление общероссийского значения⁹⁰.

В мае 1859 г. Самарин был отозван в столицу и вошел в качестве эксперта в редакционные комиссии, которые должны были сформировать окончательный проект реформы. Он участвовал в разработке и редактировании важнейших документов, юридически оформивших ликвидацию крепостничества в России — «Об-

Юрий Федорович Самарин. Художник И.Н. Крамской. Из журн.: Самарская губерния в сердце России. 2014. № 10

ских положений о крестьянах, выплывших из крепостной зависимости», выработал форму «Уставных грамот», фиксировавших отношения помещика с крестьянами; его перу принадлежал первый вариант текста Манифеста об отмене крепостного права. Ю.Ф. Самарин участвовал и в практической реализации реформы, работая в Самарском по крестьянским делам Присутствии. В 1863 г. Самарское городское общество удостоило его звания Почетного гражданина города Самары, учредив две стипендии имени Ю.Ф. Самарина в гимназии и женском училище⁹¹.

Самарская губерния стала первой губернией России, где была осуществлена земская реформа и введены новые органы самоуправления. Летом 1864 г. в Самаре был создан Временный губернский комитет под председательством губернатора Н.П. Мансурова, начавший подготовительную работу по созданию земских органов. Учредительное земское губернское собрание открылось 28 февраля 1865 г. в 14 часов в обширном зале дома Шелапникова на углу ул. Казанской (ныне ул. А. Толстого) и Воскресенской (ныне ул. Комсомольской). Председателем стал губернский предводитель дворянства Б.П. Обухов, по характеристике П.В. Алабина, «человек, вполне просвещенный, весьма гуманный и преданный душою земскому делу»⁹². Вступительную речь произнес губернатор: «По приведению в действие Положения о земских учреждениях Самарская губерния, как и во многих, впрочем, делах, опередила прочие губернии. Вам выпал славный жребий начать великое дело, все взоры обращены на Самару... я горжусь вместе с вами, что сего числа открываю первое губернское собрание в Империи»⁹³.

В ходе первой сессии губернского земского собрания прозвучали почти все вопросы, составившие затем стержень деятельности земства: о тревожном положении с народным продовольстви-

ем, о народном образовании и здравоохранении, земском губернском банке и его уездных отделениях, сберегательных кассах для крестьян, об общественном призрении, ветеринарии, о натуральных повинностях и обложении, о борьбе с пьянством, об организации сбора статистических сведений.

Ход земской реформы в Самаре был в центре внимания правительства, поскольку это был первый опыт. Б.П. Обухов направил телеграмму министру внутренних дел: «Могу удостоверить, что Самарская губерния оправдала доверие Вашего высокопревосходительства при назначении ее ранее прочих для выполнения воли государя императора». Министр начертил на бланке телеграммы: «Слава Богу»⁹⁴.

Реформы 1860–1870-х гг. дали импульс развитию общественной самоорганизации. Как отмечает современный историк, возникновение общественных организаций «символизировало зарождение нового типа организации социума»: «В предреволюционной России они были островками формирующейся гражданской культуры и гражданского общества»⁹⁵. Деятельность добровольных обществ в Самаре охватывала такие сферы, как социальная защита и благотворительность, медицина и образование, искусство и организация досуга⁹⁶.

В Самаре, как и в других губернских городах России, существовали сословные организации и общественные собрания: Самарское губернское дворянское собрание (действовало с 1851 г.), и Самарское Коммерческое собрание (с 1872 г.), игравшие, по словам П.В. Алабина, роль клубов, где можно было «отдохнуть от дневных трудов и по возможности веселее провести вечер»⁹⁷.

Многочисленными и разнообразными по характеру были благотворительные организации. В их числе следует отметить Общество попечения о бедных (открыто в 1873 г. под председательством Л.А. Реутовской), которое на доходы от членских взносов, благотворительных спектаклей, лотерей, концертов и литературных вечеров предоставляло единовременные и постоянные пособия нуждающимся, оказывало помощь одеждой, продуктами питания, жильем, трудоустройством, помещало сирот и детей бедных родителей в приюты и учебные заведения, предоставляло ссуды, оказывало бесплатную медицинскую помощь. В 1876 г. Обществом были собраны средства на создание Мариинского приюта детей воинов (для девочек-сирот); к 1899 г. в приюте находилось 45 воспитанниц. В 1880-е годы Общество открыло дешевую столовую на 50 человек; во время голода 1891 г. — еще одну временную дешевую столовую, а также два временных ночлежных приюта для

мальчиков и девочек из пострадавших уездов; во время эпидемии холеры в 1892 г. общество учредило еще 2 приюта, содержавшиеся за счет частных пожертвований А.Н. Шихобалова, кн. Долгорукова и др. В 1890–1910-е гг. общество открыло в Самаре первую в городе народную чайную на Набережной улице; чайную-столовую на берегу р. Волги, столовые на ул. Николаевской и на набережной Волги, ремесленное приют-училище для детей-сирот (впоследствии передано Ведомству императрицы Марии); общежитие при Самарской женской гимназии; осуществило строительство дешевых квартир для малообеспеченных и др. Масштабную благотворительную деятельность вело Общество Дома трудолюбия в Самаре (открыто в 1894 г.): с 1894 по 1910 гг. оно помогло найти работу около 21 тыс. чел. При Доме трудолюбия существовал ночлежный дом, начальная школа для детей, библиотека; работал постоянный врач; в голодные 1898, 1902 гг. Дом трудолюбия занимался раздачей бесплатных обедов.

Достаточно широко были представлены в городе общества взаимопомощи, взаимного страхования и взаимного кредита, потребительские общества. Обычно общества взаимопомощи создавались по профессиональному признаку; так, Эмеритальная касса духовенства Самарской епархии (создана в 1867 г.) выплачивала пенсии и пособия священно- и церковнослужителям; Самарская вспомогательная медицинская касса (открыта в 1868 г.) оказывала помощь осиротевшим семействам врачей и врачам, лишившимся возможности самостоятельно добывать средства к существованию; существовали также Общество взаимного вспоможения приказчиков, Общество взаимного вспоможения книгопечатников и др.

В пореформенный период было основано Самарское отделение Общества попечения о больных и раненых воинах Российского Общества Красного Креста; при нем был открыт Дамский комитет. Первым председателем Самарского отделения стал губернатор А.Д. Свербеев; первым председателем Дамского комитета — С.А. Аксакова, супруга самарского губернатора Г.С. Аксакова. Целью общества были организация и содержание подвижных и временных лазаретов на случай войны, подготовка сестер и братьев милосердия, создание запасов перевязочных материалов и лекарственных средств, а также помощь пострадавшим от стихийных бедствий, голода и пожаров в мирное время. Средства общества формировались из ежегодных членских взносов и единовременных пожертвований, доходов от процентов с капитала, благотворительных спектаклей и лотерей. В 1877 г. в Самарском отде-

лении состояло 20 членов, в Дамском комитете — 32 члена. В 1873 г. Дамский комитет развернул активную деятельность по помощи пострадавшим от неурожая. Пожертвования, поступившие в самарский Дамский комитет, составили около 495 тыс. руб. деньгами и до 2 900 руб. зерном, продуктами и одеждой; комитет обеспечил продовольствием более 114 тыс. чел. в Бузулукском, Николаевском и Самарском уездах. Во время Балканского кризиса 1875—1876 гг. и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Самарский Красный Крест проводил сбор средств в пользу армии, мирного населения Сербии и Болгарии, организовал в Самаре лазарет для российских солдат и турецких военнопленных. В 1877 г. Самарский Дамский комитет принял на свое попечение 37 ветеранов обороны Севастополя 1854—1855 гг. Наконец, во время голода 1898—1899 гг. Дамский комитет осуществлял сбор пожертвований, открыл на ул. Ильинской приют и Дом трудолюбия для женщин и детей, организовал санитарный отряд для борьбы с эпидемическими заболеваниями. Активно работало Общество врачей Самарской губернии⁹⁸.

Комитет Красного Креста. Из фондов ЦГАСО

Яркий след в истории губернии оставила деятельность доктора В.О. Португалова, организовавшего в 1886 г. Самарское общество трезвости, которое проводило народные чтения о вреде пьянства, издавало популярные брошюры и впервые в мировой практике осуществляло амбулаторное лечение алкоголизма. Для пропаган-

ды здорового образа жизни общество трезвости открыло бесплатную народную читальню и дешевые чайные-столовые на набережной р. Волги.

По инициативе того же В.О. Португалова совместно с юристом К.К. Позерном и другими общественными деятелями в 1873 г. было создано Самарское общество поощрения образования, которое оплачивало обучение отдельным воспитанникам местной гимназии, духовной семинарии, студентам Казанского, Московского и Петербургского университета, Казанского ветеринарного института, медико-хирургической академии. В 1890-е гг. были также созданы Самарское общество вспомоществования учащим и учившим и Общество вспомоществования нуждающимся учащимся; они осуществляли выдачу учителям беспроцентных ссуд и безвозвратных пособий, занимались поиском рабочих мест, организовывали бесплатное медицинское обслуживание учителей и помогали неимущим учащимся получить среднее образование, а также продолжить образование после окончания гимназии или училища.

Особой формой самоорганизации общества в экстремальных обстоятельствах были Комитеты помощи голодающим — общества по борьбе с голодом, создававшиеся в 1873, 1879—1880, 1891—1892 гг. по инициативе губернской администрации, органов местного самоуправления, общественных организаций и частных лиц. Такие комитеты практиковали закупки зерна и выпечку хлеба для раздачи голодающим, открытие бесплатных столовых «для даровых обедов неимущих обывателей» и ночлежных приютов. Источником средств были добровольные пожертвования, поступавшие и от горожан, и от жителей других губерний; так, благодаря публикации «Письма к издателям “Московских ведомостей”» Л.Н. Толстого было привлечено внимание к голоду в Самарской губернии 1873 г.; благодаря публикациям В.Г. Короленко удалось объединить усилия общественности для борьбы с голодом 1891—1892 гг.

Однако самарское общество пока делало лишь первые шаги по пути самоорганизации. Во многих других городах России к концу XIX в. уже существовали историко-археологические, юридические, филологические общества, общества распространения технических знаний. В Самаре подобные общественные организации, объединенные вокруг научных и культурно-просветительских задач, появились лишь в начале следующего, XX века; в этом, безусловно, проявилась тенденция отставания «неуниверситетского» го-

рода от обеих столиц и крупных провинциальных университетских центров.

Наряду с легальными и вполне мирными общественными организациями в Самаре возникали и оппозиционные политические объединения. 1870-е гг. были временем резкого усиления активности разночинной молодежи не только в столице, но и в провинции. Кружки интеллигенции в Самаре, возникавшие на рубеже 1860–1870-х гг. (например, кружок С.И. Ивановой, группы самообразования, членами которых были преимущественно гимназисты), первоначально не имели антиправительственной направленности: их члены занимались изучением работ П.Л. Лаврова, Д.И. Писарева, «Политической экономии» Д. Милля с примечаниями Н.Г. Чернышевского. В начале 1870-х гг. в Петербурге сложился кружок-землячество самарских студентов⁹⁹. Это было время, когда студенческая молодежь, движимая идеей долга перед народом, активно готовилась к «хождению в народ». Самарская губерния стала одним из центров такого движения. В 1874 г. здесь сложилась разветвленная сеть очагов народнической пропаганды, которую вели как члены столичного кружка-землячества, так и местная радикально настроенная молодежь¹⁰⁰. Пропаганда включала призывы к отказу от имущества и уплаты податей, отрицание бытия Бога, «дерзкие, оскорбительные слова против государя императора». Успеха она не имела. Так, крестьяне с. Васильевка Ставропольского уезда, послушав призывы П. Войнаральского и Н. Юргенсон перевешать господ и лишить царя власти, заявили об этом старосте, который взял пропагандистов под стражу.

К концу 1880-х годов народническая доктрина «утрачивала свой кредит» в глазах самарцев. Прежние активные пропагандисты в большинстве отошли от борьбы. В Самаре в это время существовало несколько кружков, в которых занимались систематическим чтением; в сознании молодежи происходила переоценка идеологических ценностей, и вскоре все большую власть над умами самарских конспираторов стал приобретать марксизм.

Впрочем, деятельность радикальной оппозиции не имела в губернии особого резонанса. Слухи о смутьянах-студентах подогревались покушениями, которые были организованы народовольцами. Самарское общество было потрясено мученической гибелью государя императора. Многие самарцы помнили его посещение города 29 августа 1871 г., когда Александр Освободитель и его сыновья Александр и Владимир собственноручно заложили по камню в стену строившегося кафедрального собора.

Именно во второй половине XIX в. в Самаре появляются свои «места памяти». Одним из них стал памятник императору Александру II, возведенный на народные пожертвования и средства благотворителей на Алексеевской площади в 1889 г. Автором памятника был скульптор В. Шервуд. Император был изображен в армейском мундире и фуражке, а рука его покоилась на эфесе шпаги. По углам постамента располагались четыре символические фигуры: черкес, ломающий шашку (символ покорения Кавказа); болгарка, разрывающая цепи (символ освобождения от владычества Османской империи); среднеазиатская женщина, приподнимающая чадру, и русский крестьянин, осеняющий себя крестным знаменем (отсылка к знаменитой фразе из Манифеста 19 февраля 1861 г.: «Осени себя крестным знаменем, православный народ»)... У памятника проходили народные торжества, раздача подарков во время коронации, чествования воинских частей¹⁰¹.

Памятник Александру II. Из кн.: Самарский альбом. Самара в открытках и фотографиях конца XIX — начала XX века. Самара, 2006

Особенное оживление общественно-политической атмосферы в Самаре вызвала национально-освободительная борьба на Балканах в 1870-х гг. Весной 1875 г. вспыхнуло восстание в Боснии и Герцеговине, охватившее вскоре провинции Османской империи на Балканах. 14 сентября 1875 г. «Самарские губернские ведомости» опубликовали воззвание сербского митрополита Михаила, при-

зывавшего славян оказать помощь своим братьям. Широким потоком шли пожертвования от крестьян, рабочих, мещан, купцов и дворян Самарской губернии¹⁰².

Гласный Самарской городской думы П.В. Алабин призвал «оказать возможную помощь страждущим братьям нашим по кресту и по крови доставкой денег и материалов для вспомоществования их больным и раненым»¹⁰³. Постановлением думы от 5 июля 1876 г. в Самаре был создан Комитет для организации сбора средств и помощи южным славянам в составе 25 человек под председательством П.В. Алабина. В дальнейшем в «Губернских ведомостях» публиковались сведения о деятельности Комитета, а также имена жертвователей. С этого времени народная помощь балканским славянам усиливается¹⁰⁴. Например, 17 апреля 1877 г. городская дума постановила поднести императрице Марии Александровне 25 тыс. руб. «на нужды “Красного Креста”»¹⁰⁵.

Весной 1876 г. из Самары в числе первых по России ушел отряд добровольцев из 40 человек во главе с офицером. Позднее выехали еще 3 группы, в основном из отставных солдат.

Наиболее яркую страницу в историю русско-болгарского братства вписало Самарское знамя, идея создания которого возникла в период Апрельского восстания 1875 г. Крупную роль в создании знамени сыграл П.В.

Алабин. Рисунки и роспись знамени создал художник Н.Е. Симанков, а вышито полотнище было монахинями Иверского монастыря. Знамя представляло собой прямоугольное полотнище из шелка: 3 горизонтальные полосы — красная, белая, синяя с такими же лентами. Древко с копьём в византийском стиле (автор — художник Рошфор) было изготовлено на фабрике Овчинникова в Москве. На позолоченной скобе и на одной из лент была сделана надпись: «Болгарскому народу г. Самара 1876 г.». Прямоугольный крест посреди знамени вышит по черному фону золотыми арабесками с

П.В. Алабин. Из фондов ЦГАСО

изображением просветителей Кирилла и Мефодия и Иверской Богоматери. После официального объявления войны городская дума решила через свою депутацию приветствовать главнокомандующего Южной армией великого князя Николая Николаевича в связи с переходом турецкой границы и поднести ему по этому случаю икону покровителя Самары св. Алексия Митрополита Московского, а также знамя.

Иверский монастырь. Из фондов ЦГАСО

В Самаре царило необычайное воодушевление. П.В. Алабин писал о том, «как ликовала Самара, когда в день праздника Преполовления совершилось Преосвященным Герасимом в Соборе освящение и иконы и знамена, к которому стремились приложиться и стар и мал, и как торжественно несли это знамя в крестном ходу на реку и обратно в Собор»¹⁰⁶. Знамя проделало длинный путь до Болгарии и превратилось фактически в дар всех славянских народов, населявших Россию. Самарский городской голова действительный студент Е.Т. Кожевников и гласный думы П.В. Алабин вручили знамя 18 мая 1877 г. главнокомандующему, а тот, в свою очередь, — вновь сформированным болгарским дружинам, не имевшим еще никаких знамен. Здесь, в трех километрах от г.Плюешти в Румынии, знамя было прибито к древку. В Самару было направлено благодарственное послание: «Событие 6 мая (18 мая по ново-

му стилю — П.С.) в болгарском лагере в Пloeшти останется незабвенным в памяти и истории Болгарии... Болгарский народ благоговееет перед дорогим подарком»¹⁰⁷.

Самарское знамя побывало в трех боях за Балканский хребет, в драматическом сражении ополченцев с армией Сулеймана-паши за Стара-Загору в июле 1877 г. 3-я ополченская дружина ходила под Самарским знаменем в штыковые атаки. В схватке за само знамя с неприятелем погибли первый знаменосец Антон Марчин и его ассистент ополченец Булаич, унтер-офицер Цимбалюк, болгарский студент Стоян Санищев, подполковник Калитин (командир дружины) и ополченец Минков... Переломилось древко, турецкая пуля погнула серебряное копьe, но знамя было вынесено с поля боя ополченцами. В декабре 1877 г. они победоносно завершили операцию по окружению крупной турецкой группировки в лагере Шипка-Шейново. В 1880 г. Самарское знамя украсилось высшим боевым орденом Болгарии «За храбрость». «Мы расскажем когда-нибудь, в другом месте, историю этого Знамени (так как оно имеет уже таковую), признаваемого доселе одною из величайших святынь болгарского народа (если не величайшею), несмотря на смуты и недоразумения, произошедшие в последнее время в этой, слишком близкой нашему сердцу стране», — записал П.В. Алабин в 1886 г.¹⁰⁸

Освящение в Пloeштах болгарского знамени, поднесенного городом Самарой. Начало июня 1877. Гравюра Э. Даммюллера. 1877

Своеобразной демонстрацией поддержки славянских народов в начавшейся войне были проводы воинских частей, отправлявшихся на театр военных действий. 16 мая 1877 г. из Самары ушел 150-й Гурийский пехотный полк. Городская дума ассигновала на его проводы 945 руб. (425 руб. на завтрак офицерам, на чай и хлеб нижним чинам — 15 коп. на человека). После взятия Плевны самарское общество отправило поздравление государю-императору и выделило 5 тыс. руб. на поддержание семейств воинов, геройски павших в эту войну.

Через 2 года 150-й Гурийский пехотный полк, действовавший на Кавказском театре войны, был торжественно встречен самарцами. Были устроены «две триумфальные арки на вокзальной площади и близ Алексеевской площади со стороны Дворянской улицы. Для командиров и офицеров был устроен обед, а нижние чины угощались водкой, пивом, булками, пирогами, мясом и папиросами»¹⁰⁹. При вступлении полка на Алексеевскую площадь Епископ Самарский Преосвященный Серафим благословил воинов богато украшенной иконой св. Алексия и вручил ее командиру полка, а городской голова поднес адрес, где между прочими приветственными словами говорилось: «В вас, героях разгрома турецких сил на высотах Аладжи; в вас, виновниках падения Карса и открытия перед русскими знаменами ворот Эрзерума, самарские граждане приветствуют представителей той великой северной рати, пришествия которой ряд веков чаяли наши славянские братья в надежде своего спасения от тяжкого ига и воскресения к новой, политической жизни»¹¹⁰.

В 1886 г. Самара торжественно встретила свое трехсотлетие. В момент юбилейного торжества благодарные горожане отслужили молебен в поминовение усопших основателей и защитников Самары за все время ее существования, воздали честь ее почетным гражданам как живым, так отошедшим в вечность: И.В. Константинову, основателю большой Самарской богадельни, Ю.Ф. Самарину, государственному канцлеру светлейшему князю А.М. Горчакову, статс-секретарю К.К. Гроту, действительному тайному советнику Г.С. Аксакову, бывшим самарским губернаторам. Тем самым были отмечены наиболее важные, с точки зрения современников, вехи в истории города и подытожены первые достижения самарской общественной жизни. Тогда же городским головой П.В. Алабиным был впервые составлен исторический очерк, охватывающий все 300 лет существования города¹¹¹.

§ 8. Участие самарского общества, губернских органов власти и городского самоуправления в развитии образования и здравоохранения

После придания городу губернского статуса самый заметный рост испытывали те важнейшие звенья социокультурной инфраструктуры Самары, за поднятие которых на более высокий уровень прямо отвечали органы власти. Речь идет, прежде всего, о сферах образования и здравоохранения. В них по-прежнему ведущую роль играли практические нужды и модернизационные устремления государства. Однако со временем мероприятия властей в этих сферах находили все более адекватное понимание и поддержку в растущих культурных потребностях местных жителей. Так, в первый же год существования Самарской губернии (1851) городское общество начало хлопоты об открытии второго приходского училища в добавление к имевшимся в городе начальным школам: уездному и одному приходскому училищам. Купцы и мещане «обязались принять на свой счет издержки по содержанию училища, для чего определили сбор»: с купцов 1-й гильдии по 2 руб., 2-й гильдии — по 1 руб. 50 коп., 3-й гильдии — по 60 коп., а с мещан по 3 коп. серебром. Открытие этого училища состоялось в январе 1852 г.¹¹²

5 августа 1856 г. была открыта мужская гимназия. Она стала первой средней общеобразовательной школой в Самаре. Численность учащихся в гимназии за первые 20 лет ее существования увеличилась с 67 чел. до 424 чел. и росла быстрее, чем население города, что доказывает очевидное стремление к качественному образованию местных жителей причем разного социального положения. С 1873 г. доля учеников из семей купцов, мещан, разночинцев и крестьян сравнялась и даже превысила долю детей из семей дворян и чиновников. С принятием Устава 1864 г. Самарская гимназия была преобразована в классическую¹¹³.

Исполнял обязанности директора при открытии гимназии, а затем и официально получил эту должность А.П. Пономарев. Первым же ее инспектором был назначен И.Д. Веретенников. Интересен факт, что оба этих деятеля просвещения, руководившие Самарской гимназией в момент ее основания, были женаты на родных сестрах М.А. Ульяновой, урожденной Бланк, матери В.И. Ульянова (Ленина), с семьей которого, таким образом, они оказались тесно связаны родственными узами. Еще один

их свояк, муж самой младшей из сестер Бланк, И.К. Лавров служил штатным смотрителем старейшего в городе Самарского уездного училища. Не случайно, что именно в Самарской гимназии сначала его жена С.А. Лаврова, а затем и ее сестра М.А. Бланк (в будущем Ульянова) в 1863 г. сдали экзамены на получение свидетельств домашних учительниц с правом «первоначального обучения детей на русском, французском и немецком языках»¹¹⁴.

К тому времени ни Пономарев, ни Веретенников в Самаре уже не работали, а директором гимназии был В.Г. Варенцов, известный педагог, журналист, филолог и этнограф. Его статьи, посвященные вопросам образования, охотно печатали и «Самарские губернские ведомости», и петербургский «Журнал Министерства народного просвещения». Наиболее известной публикацией Варенцова стал «Сборник песен Самарского края», в составлении которого ему помогали учителя и ученики гимназии. Его «Самарские письма», печатавшиеся в нескольких номерах «Московских ведомостей» за 1860 г., были самым обстоятельным газетным очерком о дореформенной Самаре в столичной прессе середины XIX в.¹¹⁵

Функции среднего общеобразовательного и одновременно специального учебного заведения для подготовки православных священнослужителей выполняла духовная семинария, открытая 9 сентября 1858 г. В 1869–1872 гг. для нее близ кафедрального собора было построено новое здание¹¹⁶.

Еще раньше в 1852 г. в городе появилось духовное училище — начальная школа для сыновей лиц духовного звания. Первоначально в духовном училище и семинарии учились только дети священников и церковнослужителей, но затем в эти учебные заведения разрешили поступать мальчикам и юношам из других сословий.

Епархиальное училище для дочерей духовенства было открыто 24 февраля 1864 г. В 1868 г. был принят Устав женских епархиальных училищ, который заметно менял статус выпускниц. Они стали получать не только общее образование, но и профессиональную педагогическую подготовку, что давало право на звание домашней учительницы. На практике это означало также возможность занимать должности и учительниц начальных школ, а значит, обеспечивать себя материально.

Первые общеобразовательные школы для обучения девочек появились в Самаре в конце 1850-х гг. Города Поволжья вообще очень живо и деятельно откликнулись на призывы к распространению

образования среди женщин, прозвучавшие в начале царствования Александра II. Здепшня общественность разделяла взгляды бывшего попечителя «своего» Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина, который в 1850-е гг. являлся уже попечителем столичного Санкт-Петербургского округа и активно участвовал в разработке реформы женского образования. В отличие от частных пансионов, в которых, прежде всего, преследуются коммерческие цели их устроителей, полагал он, посещение общественных школ более способствует умственному и нравственному развитию девочек, снижает затраты родителей на обучение детей, а последних не отрывает от семьи и не лишает семейного воспитания¹¹⁷.

В 1855 г. в Самарской губернии среди 1 012 учеников городских начальных школ (уездного и приходских училищ) на 991 мальчика приходилась 21 девочка, что составляло 2 % от общего числа учащихся. Наличие девочек среди учащихся 2-го Самарского приходского училища побудило заведующего дирекцией Самарских народных училищ А.П. Пономарева искать пожертвования на оплату работы в этом училище «надзирательницы за обучающимися девицами». На эту просьбу откликнулся Б.П. Обухов, богатый самарский и оренбургский помещик, почетный смотритель Самарского уездного училища, выпускник знаменитого Царскосельского лицея. Жена учителя уездного училища Г.Н. Потанина, впоследствии литератора, мемуариста и собирателя фольклора¹¹⁸, Елизавета Потанина изъявила желание занять должность надзирательницы¹¹⁹.

Впрочем, наличие в одной городской школе детей обоего пола не всегда делало их обучение действительно совместным. При достаточно большом количестве учениц в приходских училищах организовывались женские отделения, которые занимались в одном помещении с мальчиками, но в разное время. Например, мальчики учились до обеда, девочки — после¹²⁰.

Однако в качестве основного направления развития женского образования утверждалось устройство отдельных школ для девочек, к тому же с учетом их сословного происхождения. В 1852 г. вышеупомянутый Б.П. Обухов открыл отдельную школу для девочек в Самаре на собственные средства. Она просуществовала только два года, не получив общественного признания из-за недостаточного образования, которое в ней можно было получить. В первый год в ней училось 25, во второй — 35 девочек¹²¹.

В 1858—1859 гг. при активном участии губернатора К.К. Грота и содействии общественности состоялось открытие двух приходс-

ких училищ для начального обучения девочек в Самаре и подобных школ в уездных городах губернии. Сравнивая между собой «по успехам мужские и женские приходские училища» в городах, современники находили, что дела в женских шли лучше: «Девочки, большею частию, поступают в начале академического года, аккуратнее посещают уроки и добросовестнее относятся к своим классным обязанностям». Другим успехом взаимодействия губернских властей с самарской общественностью явилось открытие 7 августа 1859 г. первой средней школы для девочек – женского училища 1-го разряда (будущей женской гимназии). Этому событию предшествовало принятие 30 мая 1858 г. «Положения о женских училищах ведомства Министерства Народного просвещения», по которому предусматривалось создание учебных заведений, удовлетворявших запросам тех родителей, что стремились дать дочерям качественное образование. От прежних институтов благородных девиц и частных пансионов эти школы отличались всесословным составом учениц и тем, что последние приходили сюда только на классные занятия¹²².

Конкурентные преимущества новых женских училищ сказались очень быстро. С их появлением частные пансионы для девочек или закрывались, или старались преобразоваться в такие же училища. Конкретные факты по отдельным городам, в том числе Самаре, подтверждают, что общеобразовательная женская школа выигрывала у частной.

В числе первых учениц в Самарское женское училище 1-го разряда поступили воспитанницы пансиона г-жи Фланден, ставшей первой начальницей этого училища. Покинув вскоре училище из-за недовольства общества ее деятельностью, она не смогла возобновить свой пансион в Самаре, переведя его в другой город. Попытки занять освободившуюся нишу частного женского образования в Самаре не дали результата. Пансион Ю. Загоровской и частное училище 2-го разряда для девочек на средства купчихи А.В. Буревой, открытые в 1860 г., оказались недолговечными. В 1860–1861 учебном году в Самарском женском училище 1-го разряда обучались 45 учениц, в т. ч. 27 дочерей дворян и чиновников, 15 – купцов и мещан, 3 – лиц духовного звания. Эти цифры, кажущиеся скромными для современной школы, были в то время недостижимы для частных пансионов в провинции¹²³.

Биографы уже отмечали особую приверженность К.К. Грота делу просвещения и устройства школ, которое он считал «главной основой культурного прогресса, а следовательно, и морального об-

пественного подъема, улучшения нравов и всего уклада и благоустройства жизни в обществе и простом народе»¹²⁴. Он даже содействовал открытию школы для весьма специфического контингента при тюремном замке в Самаре, которое произошло 2 сентября 1858 г.¹²⁵

К концу XIX в. в городе функционировали несколько средних общеобразовательных учебных заведений. Казенная мужская и общественная женская гимназии дополнялись несколькими частными гимназиями, училищами и пансионами, преимущественно женскими (С.А. Шкот, М.А. и О.А. Харитоновых, Н.А. Хардиной, А.С. Межак и др.)

Для значительной части горожан, не заинтересованной в традиционном классическом образовании с его вниманием к древним языкам, далеким от повседневной жизни, появилась достойная альтернатива в виде реального училища – средней школы, нацеленной на получение преимущественно естественно-научной, математической и технической подготовки. В 1877 г. император Александр II дал соизволение на предложение Самарской городской думы открыть такое училище и присвоить ему имя Александра Благословенного, своего дяди. Шел как раз год 100-летнего юбилея императора Александра I. Самарское губернское земство и бывший губернатор К.К. Грот поддержали эту идею учреждением в училище стипендий для бедных учеников¹²⁶.

В 1880 г. на выборах в городской думе, происходивших 2 мая, большинством голосов (29 «за», 5 «против») утверждается в должности директора Самарского реального училища А.П. Херувимов, а 7 сентября это училище было торжественно открыто. Среди 101 первых его учеников большинство составляли дети мещан (43 чел.) и купцов (20 чел.), а количество крестьянских детей (16 чел.) было одинаковым с числом сыновей дворян и чиновников. При содействии губернатора А.Д. Свербеева было организовано общежитие для бедных учащихся. Из-за наплыва желающих учиться пришлось разделить первый класс на две параллели, что не было предусмотрено в смете на 1880/1881 учебный год, тогда на помощь пришел купец П.С. Субботин, утвержденный почетным попечителем реального училища и взявший финансирование дополнительных расходов на себя¹²⁷.

Реальное училище, посвященное памяти Александра I Благословенного, государя, при котором возникла первая в XIX в. городская общеобразовательная школа – уездное училище, стало одним из лучших учебных заведений в дореволюционной Самаре.

Его окончил ряд выдающихся выпускников, среди которых были будущие академики Г.М. Кржижановский (создатель плана ГОЭЛРО) и Н.Н. Семенов (химик – Нобелевский лауреат), писатель А.Н. Толстой.

Реальное училище. Из фондов ЦГАСО

В честь посетившего Самару в 1871 г. императора Александра II было в тот же год решено организовать Александровское ремесленное училище, которое 30 декабря 1872 г. и было открыто. Кроме профессиональной подготовки, оно давало общее образование в объеме начального народного училища. К капиталу, который местное ремесленное общество ассигновало на содержание, чтобы проценты с этого взноса шли на нужды училища, мещанин Д.В. Обозов добавил еще 1 000 руб. Купец И.И. Смирнов предоставил на три года бесплатное помещение этому училищу в собственном доме¹²⁸.

Александровское ремесленное училище прекратило свое существование в 1882 г., когда ремесленное общество передало его городской думе, но для города эта профессиональная школа оказалась ненужной. Все же необходимость в подобном заведении сохранялась и привела к организации в конце XIX в. по частной инициативе семьи Кирилловых учебного заведения, называвше-

гося то «ремесленным училищем им. Е.И. Кирилловой», то «низшей ремесленной школой им. В.Д. Кириллова»¹²⁹.

Были также созданы учительская семинария (1871), земские школы для подготовки сельских учительниц (1872), фельдшеров (1867) и фельдшерниц (с 1873), техническое железнодорожное училище (1879) Министерства путей сообщения. Продолжали успешно работать образовательные учреждения православной церкви: духовная семинария, духовное училище, епархиальное женское училище. Учебные заведения, несмотря на принадлежность разным ведомствам, получали значительную помощь от горожан, не принадлежавших к числу служащих этих ведомств. Так, вышеупомянутый П.С. Субботин был почетным блюстителем по хозяйственной части Самарского епархиального училища. В 1877 г. он получил благословение Святейшего Синода за пожертвование 500 руб. на нужды учениц этой школы, а в 1878 г. благодарность Самарского епархиального съезда за 700 руб., подаренных «на экипировку окончивших курс» воспитанниц училища. В 1880 г. П.С. Субботин получил дважды монаршую благодарность по представлению Министра путей сообщения. Сначала она последовала за пожертвованные 1 000 руб. на ученическую библиотеку, а затем за ту же сумму на устройство физического кабинета при железнодорожном училище¹³⁰.

Земская школа учительниц. Из фондов ЦГАСО

Однако особым вниманием городского общества и его органов самоуправления в деле народного просвещения пользовались учебные заведения, находившиеся на городском содержании. Тот же П.С. Субботин в 1879 г. стал почетным смотрителем Самарского

городского четырехклассного училища, а затем неоднократно повторно утверждался в этой должности. В училище под этим названием было преобразовано 18 декабря 1878 г. бывшее уездное училище, которое полностью перешло на содержание Самарской городской думы¹³¹.

В городском четырехклассном училище, которое имело шестилетний срок обучения, могли продолжить образование выпускники приходских школ, традиционно содержавшихся полностью за счет города. Число этих начальных школ постоянно множилось. Два мужских приходских училища уже не могли удовлетворить потребности жителей в элементарном образовании их сыновей. В 1865 г. открылось 3-е приходское училище, а в 1867 г. — 4-е и 5-е приходские училища. Последнее из них было открыто и до конца 1870 г. работало на средства купца Колодина, а потом было принято на содержание городской думой. Выросло число начальных школ для девочек. В 1870 г. было открыто 3-е женское приходское училище. В 1871 г. частное училище г-жи Рихтер, открытое ею за свой счет в 1868 г., было преобразовано в 4-е женское приходское и также взято думой на городское содержание¹³².

Всеми городскими приходскими училищами заведовали в хозяйственном отношении попечители и попечительницы, избранные городской думой. Попечительство над приходскими училищами считалось делом престижным особенно среди самарских дам, которым открывало поле для общественной активности. За это звание иногда разворачивалась настоящая борьба. Так, в 1883 г. в городской думе прошли выборы попечительницы 4-го женского приходского училища. Гласные думы голосовали «закрытою подачею голосов посредством записок». Представительницы двух громких самарских купеческих фамилий М.З. Курлина и М.С. Головкина набрали одинаковое число голосов, после чего дума вынуждена была провести жеребьевку, по результатам которой попечительницей стала Головкина¹³³.

К 1887 г. в Самаре действовали уже 9 мужских приходских училищ (8 — на городском содержании, 1 — Самарского уездного земства) и 6 женских (все — городские). Одно женское училище было двухклассным, остальные женские и все мужские — одноклассные¹³⁴.

Доходы Самары как губернского города позволяли содержать больше учебных заведений и предоставлять учителям более высокое жалованье, чем в других начальных школах губернии. В 1894—1895 гг. учителя восьми мужских и учительницы шести женских городских приходских училищ Самары получали по 500 руб. в год

(отметим равную оплату труда вне зависимости от пола), а помощницы учительниц — по 360 руб. Такую же сумму по 360 руб. за год получали три учителя единственного городского приходского училища в Ставрополе. В Николаевске в мужском приходском училище два учителя получали от 300 до 350 руб. в год. В Бузулуке было три мужских приходских училища, где жалованье учителям составляло 400 руб. в год. Только в Бугульме учитель женского приходского училища получал, как и в Самаре, 500 руб., но там же в мужском училище учителю платили 360 руб., а двум его помощникам — по 250 руб.¹³⁵

При необходимости учителя получали разовые вспомоществования. Так, 15 мая 1881 г. Самарская дума постановила выдать из городских средств пособие в размере 100 руб. на лечение учителю 1-го мужского приходского училища Тихвидову, принимая во внимание его болезненное состояние, бедность и восьмилетнюю полезную деятельность на своей должности¹³⁶.

В самом конце XIX в. в Самаре число мужских приходских школ увеличилось в 1899 г. до 12. В их числе было 9 городских училищ, а также училища Самарского уездного земства, Общества приказчиков, Жигулевского пивоваренного завода. Количество городских женских приходских училищ достигло 8 (включая одно двухклассное). Кроме того, в помещении 5-го женского приходского училища и 2-го мужского работали воскресные школы для взрослых. Новым стало появление двух смешанных приходских училищ с совместным обучением мальчиков и девочек¹³⁷.

1-я женская гимназия в Самаре. Из кн.: Самарский альбом. Самара в открытках и фотографиях конца XIX — начала XX века. Самара, 2006

Именно число смешанных начальных школ показало самый заметный рост в ближайшие годы. В 1904 г. их уже насчитывалось 10, в то время как количество мужских и женских школ изменилось незначительно. В том году в числе мужских училищ было два городских шестиклассных, одно городское трехклассное, два земских двухклассных, восемь городских приходских одноклассных и по одному одноклассному Общества приказчиков и Жигулевского пивоваренного завода. Из женских городских приходских училищ одно было двухклассным и шесть одноклассными. Кроме того, общественных женских гимназий стало уже две¹³⁸.

Для специальных контингентов воспитанников и учащихся были устроены специальные заведения. В Самаре рубежа XIX–XX вв. это были Мариинский приют детей воинов, Николаевский сиротский дом, Приют для детей-сирот духовного звания имени Пресвященного Гурия, Алексеевский детский приют ведомства учреждений Императрицы Марии, Ремесленный приют-училище того же ведомства, Училище для слепых детей¹³⁹.

Рост школ давал уже качественные перемены к лучшему в состоянии образованности в целом. Если грамотными среди населения Самары в 1897 г. были пока еще менее половины жителей, то училось в разных учебных заведениях уже более 90% всех детей в возрасте от 8 до 11 лет¹⁴⁰.

Многие выпускники самарских учебных заведений продолжали обучение в университетах и институтах Санкт-Петербурга, Москвы, Казани и других городов. Исследования истории Московского Университета за 1877–1916 гг. привели к интересным наблюдениям. За этот 40-летний промежуток, как оказалось, не было ни одного года, чтобы среди выпускников старейшего университета России не оказалось бы уроженцев Самарской губернии. За 1877–1904 гг. таких выпускников оказалось 134 чел.¹⁴¹

Немаловажную роль в поддержке стремления местной молодежи к высотам знаний и науки сыграло Самарское общество поощрения образования, которое было создано 25 февраля 1873 г. Из средств, собранных этим обществом, оказывалась материальная помощь: 1) получившим по окончании различных школ право на поступление в высшие учебные заведения, но не могущим воспользоваться им по бедности, 2) оказавшимся в затруднительном материальном положении студентам, ранее учившимся или проживавшим в Самарской губернии; 3) нуждающимся выпускникам высших учебных заведений, прибывших на жительство в Самару¹⁴².

Развитие общедоступной медицинской помощи было также связано с созданием Самарской губернии. Общее руководство медицинским делом осуществляла созданная 21 августа 1851 г. губернская врачебная управа (инспектор Э.К. Финке, врач Г.А. Троицкий, акушер П.А. Агромыченков). 28 апреля 1851 г. был образован Самарский приказ общественного призрения, ведавший лечебными и благотворительными учреждениями в губернии. В его ведение поступила городская больница, в момент принятия Самарой статуса губернского центра не имевшая своего здания, которое сгорело в пожаре. От прежнего догубернского плана обустройства и расширения городской больницы отказались. Было решено помещения для медицинских целей арендовать. Под больницу в разное время снимались дома поручика Обухова, купцов Шихобалова и Волкова, мещанина Казанцева. На частные пожертвования были выстроены деревянные бараки на окраине города, в них часть больных, главным образом, с психическими расстройствами, размещалась летом, а после капитального ремонта с утеплением — и зимой. Штатная вместимость больницы расширилась до 140 коек, но реально в ней содержалось более 200 пациентов, в отдельные дни превышая 300 чел. Больничная смета приказа общественного призрения со временем достигла 23,5 тыс. руб., десятикратно превысив подобные расходы догубернского времени. Старшим врачом губернской больницы был Ю.Б. Укке, сделавший немало для развития медицины, санитарии, гигиены и награжденный орденом св. Анны II степени. После перевода Укке на должность инспектора врачебной управы старшим врачом губернской больницы стал Н.В. Постников. Он же считается организатором первой частной кумысолечебницы под Самарой, где пользование больных было поставлено на научную основу (1858 г.), вслед за которым было открыто кумысное заведение Е.Н. Аннаева в урочище «Вислый Камень» (1863 г.), а затем кумысолечебницы Журавлева и военного ведомства на Барбопиной поляне (1872 г.)¹⁴³.

Под управлением Постникова губернская больница была приведена в образцовый для своего времени порядок. Кроме старшего врача, ее штат в 1860-е гг. включал 2 ординаторов, 5 фельдшеров, провизора, смотрителя с помощником, письмоводителя, кастеляншу, 35 чел. прислуги. Результаты инспекторской проверки в октябре 1860 г. показали, что больница «содержится во всех отношениях отлично», «содержание больных превосходно», «хирургические инструменты имеются почти для всех операций», врачи «знакомы с современным состоянием науки», «опытны», «искусны», «внимательны к своим больным». При больнице была биб-

блиотека, получавшая специальные книги и до 13 наименований периодических изданий, в том числе газету «Друг здоровья» и «Военно-медицинский журнал». Вопросы обеспечения и деятельности больницы решал больничным совет, учрежденный решением медицинского департамента МВД от 1851 г., под председательством и.о. губернского предводителя дворянства А.А. Путилова¹⁴⁴.

Кумысолечебное заведение Н.В. Постникова. Из журн.: Самарская губерния в сердце России. 2014. № 10

19 октября 1857 г. было принято решение об учреждении в Самаре военного госпиталя. Для больных военнослужащих отвели отделение в городской больнице, их лечением занимался один из младших врачей-ординаторов Л. Чарецкий (бывший городской врач Ставрополя), получавший жалованье от военного ведомства.

Неудачей закончилась попытка открыть лечебницу для бедных учеников самарских ремесленников в 1860–1861 гг., поскольку хозяева туда своих малолетних подмастерьев не отпускали. Удельное ведомство в связи с освобождением от крепостной зависимости крестьян, принадлежавших царской фамилии, закрыло свою больницу в Самаре в 1863 г. Перестройка лечебного дела, вызванная сменой административного статуса Самары, вскоре переросла в перестройку, вызванную глубокими социально-политическими реформами 60–70-х гг. XIX века.

1870–1910-е годы были успешными в распространении медицинского и санитарно-гигиенического обслуживания населения. Основные успехи здравоохранения были связаны с развитием земской медицины в Самарской губернии, начавшемся в 1865 г., когда больницы Самары и других городов были переданы из-под управ-

ления Приказа общественного призрения в ведение земств. Губернская земская больница в Самаре и земская больница для душевнобольных в Томашевом Колке стали не только образцовыми для провинции лечебными учреждениями, но и отвечали международным стандартам своего времени.

Кроме земства, к делу здравоохранения были привлечены другие ведомства. Например, имелась своя больница при тюрьме. 9 января 1865 г. под руководством старшего врача В.Н. Ильина был устроен военный лазарет в Самаре на базе отделения для военнослужащих в бывшей городской больнице, в 1866–1867 гг. он был расширен до 75 коек за счет аренды более просторного здания. К 1875 г. Самарский военный лазарет при 95-м резервном батальоне на 85 коек помещался в 2 каменных зданиях. Свой лазарет имел и расквартированный в Самаре полк¹⁴⁵.

В 1874 г. лазарет на 29 коек был открыт при строящейся Оренбургской железной дороге, затем он расширился. К началу официального движения поездов в 1877 г. медицинскую службу на этой дороге возглавил С.С. Станиславский. Были устроены, оснащены, обеспечены лекарствами приемные покои на станциях Самара, Батраки, Безенчук и других, налажено медицинское освидетельствование лиц, ответственных за безопасность движения. В 1893 г. частная Оренбургская железная дорога была выкуплена в казну и слилась с государственной Самаро-Златоустовской. Управление этой дорогой обосновалось в Самаре, в его состав входила Врачебная часть, возглавленная в 1895 г. В.П. Строкиным, и склад медикаментов¹⁴⁶.

27 мая 1871 г. в Самарской губернии было введено обязательное оспопрививание, хотя на практике оно не было полностью осуществлено. В том же году губернатор Г.С. Аксаков, земство и городская дума, чтобы предотвратить широкое распространение эпидемии холеры, приняли против нее действенные меры, включавшие устройство инфекционного лазарета, разъяснение населению санитарных правил и др. Эта активность получила высокую

Аннаев Е.Н. Из фондов ЦГАСО

оценку самого императора Александра II, а координация усилий органов власти и самоуправления в противоэпидемических мероприятиях стала традицией для Самарской губернии¹⁴⁷.

Из 30 лет в период с 1873 по 1903 гг. 11 лет были отмечены эпидемиями чумы, оспы, сыпного тифа, дифтерии, холеры. Была создана Губернская санитарно-эпидемическая комиссия, а на железной дороге — подобные участковые комиссии. На станции Самара появилась переселенческая амбулатория с врачом, фельдшером, дезинфекторами и санитарями. На этой и других станциях в тупиках стояли 39 вагонов, оборудованных кроватями и медицинским оборудованием, строились временные холерные бараки, которые также обслуживались медиками и дезинфекторами¹⁴⁸.

В 1886 г. в Самаре была открыта вторая в России Пастеровская станция с бактериологической лабораторией. Это позволило развернуть борьбу с опаснейшим инфекционным заболеванием — бешенством¹⁴⁹.

Организирующую функцию в лечебном, санитарном, ветеринарном и судебно-медицинском деле выполняло врачебное отделение губернского правления под управлением врачебного инспектора, подчиненного губернатору. В ведении врачебного отделения состояли уездные, городовые, ветеринарные врачи и их помощники (фельдшеры). Кроме земских, военных, железнодорожных, а также медиков, работавших на гражданской государственной службе в учебных и благотворительных заведениях, в Самаре были вольнопрактикующие врачи, фельдшеры, акушеры, повивальные бабки, стоматологи, оспопрививатели, ветеринары, частные аптеки и санаторно-курортные заведения.

В 1882 г. было основано общество врачей Самарской губернии — профессиональная и общественная организация¹⁵⁰. Создание общества позволило медикам объединиться как для обмена научными знаниями и опытом лечения больных, так и для отстаивания корпоративных интересов.

При массовом распространении опасных болезней состав медиков в Самарской губернии усиливался врачами, фельдшерами, студентами медицинских факультетов университетов и Военно-медицинской академии, слушательницами медицинских курсов и сестрами милосердия из столиц и других регионов. Для лечения и изоляции инфекционных больных строились или отводились дополнительные помещения. Так было во время эпидемии холеры в 1892 г. и борьбы с цингой в голодных 1898—1899 гг.¹⁵¹

§ 9. Культурная среда губернской Самары

Успехи в деле просвещения и здравоохранения в Самаре, ставшей губернским городом, дополнялись другими достижениями в сфере культуры. Положительные результаты развития здешней культурной среды станут более заметными, если учесть появление в городе фотографического заведения и губернской типографии (1851), добавить реализованные инициативы врача Ю.Б. Укке по проведению постоянных метеорологических наблюдений (1854) и губернатора К.К. Грота по открытию публичной библиотеки (1860)¹⁵².

В губернском городе постепенно разворачивалась научно-просветительская и историко-краеведческая деятельность. Материалы по истории, этнографии, географии, статистике, культуре Самарского края публиковались в изданиях губернского статистического комитета — первого научно-практического учреждения в регионе, сформированного в 1854 г., а также в «Самарских губернских ведомостях» — первом самарском периодическом издании, которое с 1852 г. стало выходить в свет. От жителей Самары также шли интересные корреспонденции в Русское Географическое общество¹⁵³, наиболее примечательными из которых следует считать труды учителя Г.Н. Потанина об истории города, языке, быте, занятиях его обитателей¹⁵⁴. В середине XIX в. числе исследователей самарской старины и современности, повседневности и фольклора были также редактор «Самарских губернских ведомостей» А.Ф. Леопольдов, чиновник по особым поручениям при самарском губернаторе К.К. Гроде Н.В. Воронов, учителя самарских школ, служащие различных местных учреждений, священники¹⁵⁵.

Эти материалы использовал и дополнил видный самарский администратор, общественный деятель, краевед П.В. Алабин. Результатом его работы стал выход в свет обобщающих трудов по истории и статистике Самары¹⁵⁶. Усилиями же П.В. Алабина был создан первый в городе публичный музей. План устройства музея был выработан в 1880 г., но понадобились годы на постепенное формирование его коллекций¹⁵⁷.

В конце XIX века в Самаре выходил журнал «Самарские епархиальные ведомости». При губернском правлении выпускалась газета «Самарские губернские ведомости», под редакцией городского головы — «Самарский листок объявлений», частным и независимым изданием была только «Самарская газета»¹⁵⁸.

В конце февраля 1895 г. сотрудником «Самарской газеты» стал А.М. Горький и работал в ней до апреля 1896 г. Здесь он сначала вел раздел «Очерки и наброски», а с 14 мая — ежедневную фельетонную рубрику «Между прочим». Дважды — в марте-апреле и в июне-сентябре — Горький был редактором этой газеты. Он же явился инициатором создания Самарского общества книгопечатников. После отъезда из Самары Горький продолжал публиковаться в местных изданиях и неоднократно посещал этот город¹⁵⁹.

В начале XX в. количество периодических изданий в Самаре начало расти. С 1904 г. стала выходить газета «Самарский курьер».

Росла популярность публичной библиотеки у горожан разного социального положения. В 1864 г. она имела 285 абонентов, в том числе чиновников и дворян 119 чел., купцов и мещан — 59 чел., учащихся — 93 чел. В 1893 г. книги и журналы на дом брали 1203 чел., среди них дворян и чиновников — 308 чел., купцов, мещан и ремесленников — 317 чел., крестьян — 56 чел., духовного звания — 38 чел., учеников и учениц — 125 чел.¹⁶⁰

Александровская публичная библиотека. Из фондов ЦГАСО

При этом публичная библиотека не охватывала полностью весь круг потенциальных читателей. Наряду с ней в городе в конце XIX — начале XX вв. работали частные библиотеки книготорговца Н.М. Федорова и Н.И. Громова. Кроме того, были библиотеки при учебных заведениях. Свои книжные собрания и собственных

читателей имели Благородное, Коммерческое, Офицерское собрания, Собрание служащих в правительственных и общественных учреждениях, Общество вспоможения приказчиков, Комитет о народной трезвости¹⁶¹.

Все большую роль в жизни города играл театр. Если уездная Самара была знакома только с любительскими постановками, то на первый же год в губернском статусе (1851) приходится начало профессиональных театральных представлений в специально снятом и приспособленном для них доме купца Лебедева. В августе 1855 г. начинается строительство специального деревянного здания для театра на деньги, собранные самарской общественностью по инициативе губернатора К.К. Грота. В 1887—1888 гг. на средства города по инициативе П.В. Алабина и тех гласных Самарской городской думы, которые представляли образованную часть общества, было построено каменное здание театра, возведенное «в русском стиле» по проекту выдающегося архитектора М.Н. Чичагова¹⁶².

Вокруг этого строительства кипели нешуточные страсти и споры. Прогрессивной части гласных удалось одержать верх над теми, кто театр не посещал и денег на него тратить не хотел. При этом был принят самый дорогой проект театра на 1 300 мест, варианты на 800 или 1 000 мест были отклонены. Строительство велось хозяйственным способом, хлопотным для городской управы и самой думы, но зато оставлявшим без наживы жадных подрядчиков и их думских покровителей. Вопреки интересам торговцев керосином и осветительным маслом, имевших немалый вес в городской думе, удалось добиться передового для своего времени освещения сцены электричеством, а зала — газовыми светильниками, что делало помещение более чистым, светлым и безопасным в пожарном отношении. Впервые в истории самарского театра его здание и сцена были освящены по церковному обряду и окропле-

*Отчет о работе
Александровской публичной
библиотеки за 1887 г. Из журн.:
Самарская губерния в сердце
России. 2014. № 10*

ны святой водой, на что дал благословение Преосвященный Гурий, епископ Самарский и Ставропольский. Такое отношение духовенства к актерам было столь непривычным, что великая П.А. Стрепетова вспоминала эпизод с освящением Самарского театра как одно из удивительных событий: «И вдруг капище идолослужения окропляется святой водой!»¹⁶³

Первый деревянный театр. Рис. Г. Подбельского. Из кн.: Каркарьян В.Г. Самара – Куйбышев – Самара или Три портрета одного города. Самара, 2014. С. 102

Историки театра полагают, что именно в Самаре П.А. Стрепетова получила признание как выдающаяся актриса. Первая ее антреприза в этом городе в 1867–1868 гг. пока еще только обратила внимание публики на талантливую девочку. Работа же в самарском театре в 1869–1871 гг., особенно исполнение ею самой своей знаменитой роли Лизаветы в «Горькой судьбине» А. Писемского, принесла ей огромный успех особенно у демократически настроенных зрителей. Публика была настолько восхищена игрой актрисы, что ее экстагическая реакция «превзошла всякую меру» даже тогда, когда актрису выпускали на роли в опереттах¹⁶⁴.

Профессиональный театр не вытеснил из жизни, а наоборот, стимулировал театральное любительство, выходящее в ряде случаев на высокий уровень. В Самаре пользовался популярностью Общедоступный театр при комитете попечительства о народной

трезвости, при котором был также организован Музыкальный любительский кружок¹⁶⁵.

Не оставалось без внимания музыкальное искусство. В развитии собственно музыкальной культуры в дореволюционной Самаре были достигнуты серьезные успехи. В городе имелись капитальные сооружения для театральных и зрелищных представлений, которые по качеству акустики и сценическому оснащению вполне подходили для исполнения хоровой и инструментальной музыки: здание театра и Народный Дом им. А.С. Пушкина, построенный и открытый 21 декабря 1903 г. Чуть позже к ним добавился театр-цирк «Олимп». Кроме них, к музыкально-драматическим и концертным постановкам привычно и легко приспособлялись актовые залы в помещениях гимназий и других учебных заведений, Благородного и Общественного собраний, прочих аристократических, деловых, профессиональных клубов и различных обществ.

Здание театра. Из фондов ЦГАСО

Летние площадки для музыкальных спектаклей и концертов были оборудованы в Струковском саду — любимом парке горожан. Еще более популярным он стал, когда в 1851 г. здесь была устроена палатка с деревянным полом размером 6 на 3 сажень «для бала». С 1852 г. в саду действовал «воксал для благородного собрания». Он состоял из трех комнат: танцевальной, диванной и для

карточной игры. Здесь за 20 коп. серебром «с персоны» можно было послушать музыку Оренбургского линейного батальона, «хор живописно ободранных цыганок и громогласных солдат»¹⁶⁶.

Городской парк (Струковский сад). Из фондов ЦГАСО

Наряду с традициями пения и музицирования в домах, храмах, на народных праздниках и гуляниях источником интереса к классическому искусству стала любовь практически всех слоев общества к театру, повсеместно охватившая провинциальные города в XIX – начале XX вв. Одним из условий успеха у самарской публики как любительских, так и профессиональных театров, трупп, антреприз было включение в их репертуар музыкально-драматических спектаклей. Вслед за водевилями с отдельными легкими вокальными номерами местная публика осваивала репертуар оперетты и настоящей оперы, все более требовательно относясь к музыкальному мастерству исполнителей-певцов. Вместе с тем в наибольшем выигрыше оказывались антрепренеры, не жалевшие средств на обеспечение этих музыкальных постановок настоящими оркестрами¹⁶⁷.

Наполнению жизненного пространства музыкой способствовал интерес к новому искусству кино. Будучи «Великим немым», ранний кинематограф требовал для повышения зрелищности сопровождения игрой на пианино, а еще лучше – оркестрового. Кроме музыкального комментария самой движущейся картинки, фойе кинотеатров перед началом сеансов и между ними становились площадкой для небольших, а порой и достаточно наполненных номерами концертов.

От инструментального и оркестрового исполнения в ходе драматических и визуальных зрелищ значительная часть провинциальной публики поднималась до интереса и любви к оперной, камерной и симфонической музыке. Самара, не имея еще кадров и средств для создания собственного музыкального театра или симфонического оркестра, охотно приветствовала концерты классической музыки, устраиваемые собиравшимися во временные коллективы профессиональными исполнителями и искусными любителями, а также артистами, приезжавшими на гастроли. В числе последних в Самаре побывали звезды мировой величины, достаточно привести пример труппу миланского театра «Ла Скала», великого русского баса Ф.И. Шаляпина, выдающегося композитора и пианиста А.Н. Скрябина¹⁶⁸.

Музыка непременно звучала в самарских школах. В приходских и других начальных училищах ученики постигали азы не только грамоты, но и пения. Средние школы города, особенно реальное училище, славились преподавателями музыки, талантливыми учениками и их музыкальной подготовкой как вокальной, так и инструментальной. 17 сентября 1889 г. в реальном училище вводится обучение музыке, а уже 18 марта 1890 г. в зале при квартире губернатора было проведено «литературно-музыкальное утро» силами учеников указанного училища. Концерт был освещен в самарской прессе, которая отметила «утешительные результаты первого в г. Самаре опыта обучения в школе оркестровой музыки» и то, что «ученики-музыканты к величайшему изумлению публики достаточно стройно и отчетливо исполнили назначенные по программе пьесы»¹⁶⁹.

В Самаре было открыто отделение императорского Русского музыкального общества (ИРМО). Кроме привычного домашнего и школьного обучения музыке, в 1902 г. при ИРМО были организованы Музыкальные классы, дававшие уже профессиональное образование и превратившиеся впоследствии в музучилище. Первым руководителем старейшего культурно-просветительского учебного заведения Самары, существующего до сих пор, и организатором концертной деятельности местного отделения ИРМО стал выпускник Петербургской консерватории Я.Я. Карклин (Е. Карклиныш). Он был учеником выдающихся русских композиторов А.К. Лядова и Н.А. Римского-Корсакова, а впоследствии явился одним из основоположников латвийской профессиональной музыкальной культуры¹⁷⁰.

В Самаре появлялись возможности развивать и другие художественные таланты. Кроме музыки, в ряде учебных заведений преподавалось рисование. Так, в женском училище 1-го разряда этот предмет был переведен из числа необязательных в обязательные¹⁷¹. Одно время учителем рисования в этом училище был выпускник Академии Художеств, уроженец Самарской губернии Н.Е. Симаков. Занимался он также этнографическими изысканиями¹⁷². По основному месту работы Симаков служил чиновником удельного ведомства, но не оставлял занятий искусством портрета и пейзажа, хотя получил известность прежде всего как художник-декоратор, иконописец, педагог, пропагандист народного художественного творчества. Самым прославленным его произведением стал эскиз Самарского знамени, по которому оно было изготовлено в Иверском монастыре Самары в 1876 г. и вручено в 1877 г. болгарским ополченцам, став национальной святыней Болгарии, освобожденной от османского ига¹⁷³.

Характерен пример К.С. Петрова-Водкина, который в 1893–1895 гг. жил и учился в Самаре в классах живописи и рисования Ф.Е. Бурова. Смерть учителя прервала обучение, попытки найти работу вывесочного мастера или иконописца в Самаре оказались неудачными, что заставило будущего выдающегося художника покинуть этот город¹⁷⁴.

Эстафету Бурова подхватили другие преподаватели и популяризаторы изобразительного искусства. В Самаре рубежа XIX–XX вв. работали рисовальные школы художников К.Н. Воронова и В.А. Михайлова¹⁷⁵.

С Самарой также связаны важные страницы жизни и творчества И.Е. Репина. Он приезжал сюда в 1870 и 1872 гг., работая над знаменитым полотном «Бурлаки на Волге» и другими художественными замыслами¹⁷⁶.

К.П. Головкин, Н.А. Храмцов и другие художники, постоянно жившие в Самаре, не только устраивали здесь свои выставки, но и подарили в 1897 г. ряд картин городскому публичному музею для организации в нем «художественного отделения», чем положили начало будущему Самарскому художественному музею. Состоятельные ценители искусства собирали в Самаре собственные коллекции. Одним из лучших в городе было собрание купеческой семьи П.И. и В.Л. Шихобаловых, которых консультировал самарский художник, педагог и искусствовед В.В. Гундобин, получивший художественное образование в Москве и Париже¹⁷⁷.

Некоторые произведения русского и зарубежного искусства из частных коллекций представлялись на широкое обозрение, как это было в 1892 г., когда в здании Благородного собрания была организована подобная экспозиция с благотворительной целью. Самарская публика не понаслышке знала о современных русских художниках, поскольку город не раз посещали знаменитые передвижные художественные выставки, которые, как правило, также проводились в помещении Благородного собрания. На них можно было увидеть последние работы В.Е. Маковского, В.Д. Поленова, К.А. Савицкого, И.И. Шишкина, Н.Н. Ге, Н.И. Крамского, В.И. Сурикова и других мастеров-передвижников. Предоставляли место под проведение различных выставок в своих домах и самарские жители, в том числе П.С. Субботин и И.И. Жильцов¹⁷⁸.

Стремление Самары к превращению в культурный центр на протяжении второй половины XIX в. становилось все более очевидным. Во многом этому способствовала все возрастающая активность самих жителей города. Свидетельством тому являются многочисленные общества просветительской, медицинской, творческой, научно-технической, спортивной и иной культурной направленности. На рубеже XIX–XX вв. здесь официально функционировали Самарское местное управление и Местный комитет Российского общества Красного Креста, Община сестер милосердия им. Вел. княжны Ольги Николаевны, Самарский отдел Русского общества охранения народного здравия, Самарское отделение Санкт-Петербургского общества взаимопомощи врачей, Общество врачей Самарской губернии, Самарское отделение вспомогательной и медицинской кассы, Общество взаимного вспомоществования помощников врачей, Общество взаимного вспоможения книгопечатников, Самарское Губернское попечительство детских приютов, Семейно-педагогический кружок, Общество поощрения образования, Самарский городской комитет попечительства о народной трезвости, Общество вспомоществования учащим и учившим Самарской губернии, Самарское Губернское сельскохозяйственное общество, Самарский отдел Императорского Российского общества садоводства, Самарский отдел Русского общества пчеловодства, Самарское скаковое общество, Самарское общество поощрения рысистого коннозаводства (Самарское общество охотников конского бега), Коммерческое собрание, Офицерское собрание, Собрание служащих в правительственных и общественных учреждениях, Благородное собрание, Самарское отделение Императорского Русского музыкального общества, Самарское фото-

графическое общество, Самарское общество велосипедистов-любителей¹⁷⁹.

Общественные инициативы, деятельность органов власти и городского самоуправления сыграли важную роль в развитии образования, здравоохранения, культуры Самары второй половины XIX – начала XX века. Еще важнее была координация их усилий по этим направлениям. На ниве просвещения, медицины, искусства и творчества успешнее, чем в иных сферах жизни России, принимались и всходили ростки формирующегося гражданского общества, заметнее были результаты модернизации страны и края в условиях перехода от традиционного к индустриальному обществу, от крепостнических к рыночным отношениям.

Примечания

¹ Смирнов Ю.Н. Переустройство юго-восточных губерний до-реформенной России в процессе их освоения // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 331–336.

² Смирнов Ю.Н. К 160-летию Самарской губернии: зачем и как она была создана? Самара, 2011. С. 9–10.

³ РГИА. Ф. 1341. Оп. 80. Д. 475. Л. 8, 12.

⁴ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С. 41–46.

⁵ Закон Самарской области от 10.11.2014 №104-ГД «О памятных датах Самарской области» URL: <http://www.samregion.ru/documents/laws/10.11.2014/date/1/66883>.

⁶ Смирнов Ю.Н. Юрьев день губернского масштаба // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 8–9.

⁷ Леонов М.И. Самарская губерния в революции 1905–1907 гг. // Самарская область (география и история, экономика и культура). Самара, 1996. С. 212.

⁸ Смирнов Ю.Н. Предложения К.К. Грота по совершенствованию управления в Самарской губернии: взаимодействие с выборными органами и местным самоуправлением // Гротовские чтения: материалы III Межрегион. науч.-практ. конф. Самара, 2013. С. 10–29.

⁹ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. С. 541.

¹⁰ Завальный А.Н., Завальная Л.Г. «...и Самара украсилась книгохранилищем...» Самарской областной универсальной библиотеке – 150 лет // Библиотечное дело. 2009. № 11. С. 6–11.

- ¹¹ Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель. Пг., 1915. Т. 1. С. 12.
- ¹² Путешествие в прошлое. Самара, 1992. С. 43.
- ¹³ Там же. С. 71.
- ¹⁴ Алабин П.В. Самара: 1586-1886 годы. Самара, 1992. С. 118–124.
- ¹⁵ Там же. С. 123.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 122.
- ¹⁸ Гурьянов Е.Ф. Древние веки Самары (Очерки по истории градостроительства). Куйбышев, 1986. С. 117.
- ¹⁹ Моргун А.Г. От крепости Самара до города Куйбышева (Заметки об архитектуре). Куйбышев, 1986. С. 34–35.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См. подробнее: Гурьянов Е.Ф. Древние веки Самары. С. 126–127.
- ²² Путешествия в прошлое. С. 69, 79.
- ²³ См.: Самара-Куйбышев. Хроника. С. 60–78.
- ²⁴ Путешествия в прошлое. С. 69–70.
- ²⁵ Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-е – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л., 1984.
- ²⁶ Городское самоуправление // Джаншиев Г. Эпоха великих реформ: исторические справки. 9-е посмертное дополненное издание. СПб., 1905. С. 186.
- ²⁷ Там же. С. 161.
- ²⁸ Алабин П.В. Двадцатипятилетние Самары как губернского города. Глава VII. Городское хозяйство. Самара, 1877.
- ²⁹ Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-е – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л., 1984.
- ³⁰ Городовое положение 1870 года, с объяснениями и дополнениями. СПб., 1873. Ст. 88-89.
- ³¹ Энциклопедия Самарской области. Т. 1. А – В. Самара, 2010. С. 241.
- ³² Алабин П.В. Двадцатипятилетние Самары как губернского города. Глава VII. Городское хозяйство. Самара, 1877.
- ³³ ЦГАСО (Центральный государственный архив Самарской области). Ф. 153. Оп. 9. Д. 374. Л. 9.
- ³⁴ Алабин П.В. Двадцатипятилетние Самары как губернского города. Глава VII. Городское хозяйство. Самара, 1877.
- ³⁵ Там же. С. 4.
- ³⁶ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 9. Д. 374. Л. 9.
- ³⁷ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 614. Л. 113.
- ³⁸ Там же. Л. 76, 129; Ф. 170. Оп. 1. Д. 180. Л. 183.

³⁹ Научная библиотека Российского государственного исторического архива. Всеподданнейший отчет Самарского губернатора за 1890 г. С. 3.

⁴⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 82. СПб., 1890–1907.

⁴¹ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1. Л. 140–150.

⁴² Энциклопедия Самарской области. Т. 5. С – Я. Самара, 2012. С. 44.

⁴³ Самарская губерния день за днем. 1891–1895. Самара, 2004.

⁴⁴ Путешествие в прошлое. Самара, 1992. С. 43.

⁴⁵ Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древности до начала XX в.: 2 кн. Кн. 2. Самара, 1993. С. 53.

⁴⁶ РГИА. Ф. 595. Оп. 6. Д. 1. Л. 2–3.

⁴⁷ РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁴⁸ Клейн Н.Л. Предпринимательство и предприниматели в России. Исторические очерки Самара, 1994.

⁴⁹ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1. Л. 140–150.

⁵⁰ См.: Самара-Куйбышев. Хроника событий. С. 60–78.

⁵¹ ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4360. С. 1–12.

⁵² ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 770. Л. 13–14, 37об, 210.

⁵³ Казарин В.Н. Возрожденные имена. Самара, 2004. С. 101.

⁵⁴ Сборник сведений по России за 1884–1885 гг. СПб., 1887. С. 16–27; Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. С. 342.

⁵⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1904. С. 28–32.

⁵⁶ Там же. С. 2–3.

⁵⁷ ЦГАСО. Ф. 4940. Оп. 1. Д. 2. Л. 53–53об.; Д. 12. Л. 4.

⁵⁸ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 37. Д. 78. Л. 54.

⁵⁹ Громов В.И. Самарские энергетические истории. Самара, 2010.

⁶⁰ Алексушин Г.В. Конка и трамвай в дореволюционной Самаре // Интернет-портал «Самаратранс.info». URL: <http://www.samaratrans.info>.

⁶¹ Журналы заседаний Самарской городской думы. Самара, 1873.

⁶² ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1415.

⁶³ Там же. Д. 1283.

⁶⁴ Составлено по: ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1415; ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1283.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Алабин П.В. Трехвековая годовщина Самары. Самара, 1887.

⁶⁷ Мыш М.И. Городовое положение 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. 3-е изд., неофиц. СПб., 1897. С. 109.

⁶⁸ Там же. Ст. 121, 122, 147, 148, 150.

⁶⁹ Коркунов М.Н. Русское государственное право: в 4 т. Т. 2. СПб., 1909. С. 59.

⁷⁰ Городовое положение, высочайше утвержденное 11 июня 1892 г. Ст. 86.

⁷¹ Там же. Ст. 12.

⁷² ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 245. Л. 11.

⁷³ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 102. Д. 56. Л. 14.

⁷⁴ ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 245. Л. 76.

⁷⁵ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 64. Л. 12.

⁷⁶ Там же. С. 35.

⁷⁷ Там же. С. 37.

⁷⁸ Там же. С. 53.

⁷⁹ Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX веков. Самара, 2007. С. 79–102.

⁸⁰ ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 584. Л. 16.

⁸¹ Там же. Д. 16. Л. 1.

⁸² ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 345. Л. 74.

⁸³ ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 345. Л. 12–14.

⁸⁴ Там же. Д. 1437. Л. 12.

⁸⁵ Там же. Оп. 1. Д. 16.

⁸⁶ Корф С.А. Административная юстиция в России. С. 214.

⁸⁷ ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 826. Л. 55 – 56об.

⁸⁸ Там же. Д. 866. Л. 19об–21.

⁸⁹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000. С. 8.

⁹⁰ Савельев П.И. Два реформатора: К.К. Грот и Ю.Ф. Самарин // Наследие П.В. Алабина и современная культура Самарской области. Самара, 1993.

⁹¹ Поддубная Р.П. Самарин Юрий Федорович – почетный гражданин г. Самара. Самара, 1996; Поддубная Р.П. Юрий Федорович Самарин. Самара, 2011.

⁹² Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города (Историко-статистический очерк). Самара, 1877. С. 581.

⁹³ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. С. 19.

⁹⁴ Там же. С. 20, 221.

⁹⁵ Туманова А.С. Общественные организации и русская публика. М., 2008. С. 7–8.

⁹⁶ См.: Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города (Историко-статистический очерк). Самара, 1877; Алабин П.В. Трехвековая годовщина г.Самары. Самара, 1887; Годы и события. Хроника (к 150-летию Самарской губернии). Т. 1. 1851–1920. Самара, 2000; Самарская губерния день за днем... (1896–1900 годы). Хроника событий / сост. А.Н. Завальный, П.С.Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2006; Самарский краевед: Историко-краеведческий сборник. Ч. 1 / сост. А.Н. Завальный. Самара, 1991.

⁹⁷ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. С. 695.

⁹⁸ См. также параграф настоящей главы «Участие самарского общества, губернских органов власти и городского самоуправления в развитии образования и здравоохранения».

⁹⁹ Государственные преступления в России в XIX веке. Вторая половина 1877 г. Париж, 1905. Т. 3. С. 83; Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Т. I. 1870–1875 гг. / под ред. Б.С. Итенберга. М., 1964. С. 302.

¹⁰⁰ Преображенский П.А. Очерк истории Самарского края. Самара, 1919. С. 64.

¹⁰¹ Завальный А.Н. Памятник Александру II // Сайт «Самарская губерния: история и культура». URL: <http://gubernya63.ru/dostoprimechatelnosti/monuments/aleksandr2.html> (дата обращения: 24.01.2015).

¹⁰² Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: в 3 т. М., 1961. Т. I. С. 168.

¹⁰³ Там же. С. 280.

¹⁰⁴ Яковлев Н.Н. По дорогам Самарского знамени // Краеведческие записки. Вып. 5. Куйбышев, 1979. С. 46.

¹⁰⁵ Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы / ред. и автор вступит. статьи П.С. Кабытов Самара, 1991. С. 179.

¹⁰⁶ Там же. С. 181.

¹⁰⁷ Яковлев Н.Н. По дорогам Самарского знамени. С. 52.

¹⁰⁸ Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы. С. 181.

¹⁰⁹ Самарские губернские ведомости. 1879. 9 сентября.

¹¹⁰ Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы. С. 183.

¹¹¹ Алабин П.В. Трехвековая годовщина Самары. Самара, 1887.

¹¹² Артамонова Л.М. Получение Самарой губернского статуса и расширение культурного пространства провинциального города / Городская культура и город в культуре: материалы Всерос. науч.-практ. конф: в 3 ч. Самара, 2012. Ч. 1. С. 267.

- ¹¹³ Алабин П.В. Самара: 1586-1886 годы. С. 71–72.
- ¹¹⁴ Жакова-Басова Т.П. За достоверное освещение истории семьи Ульяновых // Вопросы истории. 1973. № 10. С. 203–205.
- ¹¹⁵ Артамонова Л.М. Образ Самары как нового губернского города в русской печати и публицистике середины XIX века // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы II Междунар. науч.- практ. конф.: в 3 ч. Самара, 2014. Ч. 2. С. 152–161.
- ¹¹⁶ Якунин В.Н. История Самарской епархии. Тольятти, 2011. С. 88.
- ¹¹⁷ Артамонова Л.М. Первая реформа Александра II // Родина. 2014. № 4. С. 20–21.
- ¹¹⁸ Смирнов Ю.Н. Г.Н. Потанин в культурном пространстве до-реформенной Самары // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы II Междунар. науч.- практ. конф.: в 3 ч. Самара, 2014. Ч. 2. С. 145–152.
- ¹¹⁹ Артамонова Л.М. Первые шаги женского образования в русской провинции с конца XVIII в. до 1861 г. (на примере юго-востока Европейской России) // Проблемы российской и социальной истории. Самара, 2011. С. 135–136.
- ¹²⁰ Дашкевич Л.А. Городская школа в общественной и культурной жизни Урала (конец XVIII – первая половина XIX в.). Екатеринбург, 2006. С. 205.
- ¹²¹ Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы. С. 88.
- ¹²² Артамонова Л.М. Первая реформа Александра II. С. 21–22.
- ¹²³ Там же. С. 24.
- ¹²⁴ Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897): материалы для его биогр. и характеристики: к 100-летию со дня его рождения. Пг., 1915. Т. 1. С. 111.
- ¹²⁵ Артамонова Л.М. Просветительская деятельность самарского губернатора К.К. Грота: столичный чиновник в культурном пространстве провинции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 156–161.
- ¹²⁶ Народное образование Самары: хроника событий. 1851–1917 / сост. Г.Е. Козловская, О.В. Московский. Самара, 2002. С. 42–45.
- ¹²⁷ Там же. С. 46, 48–49.
- ¹²⁸ Там же. С. 31–32, 35–37.
- ¹²⁹ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. Самара, 1899. С. 229; Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. Самара, 1905. С. 36.

- ¹³⁰ Народное образование Самары. С. 42, 44, 46, 49.
- ¹³¹ Годы и события: хроника (к 150-летию Самарской губернии). Т. 1. 1850–1920 гг. Самара, 2000. С. 81.
- ¹³² Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы. С. 66, 68–69.
- ¹³³ Народное образование Самары. С. 41, 50–51.
- ¹³⁴ Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1888 год. Самара, 1887. С. 75–77.
- ¹³⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 43. Д. 2. Л. 7 и об., 8об., 11, 13, 21; Д. 4. Л. 13, 29.
- ¹³⁶ Народное образование Самары. С. 49.
- ¹³⁷ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. С. 225–228.
- ¹³⁸ Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. С. 34, 36–41.
- ¹³⁹ Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. С. 55–57.
- ¹⁴⁰ Дмитриева Э.Я., Савельев П.И. Образование и воспитательная среда // Самарская область: учеб. пособие. Изд. 3-е. Самара, 2001. С. 395–401.
- ¹⁴¹ Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М. Уроженцы Самарской и Симбирской губерний – выпускники и студенты Московского университета (1877–1917 гг.) // Самарский земский сборник. 2009. № 1. С. 36–37.
- ¹⁴² Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1890 год. Самара, 1889. С. 150–151.
- ¹⁴³ Шерешевский Г.М. Начало самарской медицины // Самарский краевед. Самара, 1991. Ч. 1. С. 49–52, 60.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 52–53.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 59.
- ¹⁴⁶ Абрамов А.И. Медико-санитарная помощь в период строительства и эксплуатации Самарско-Златоустовской железной дороги // Краеведческие записки. Вып. IX. Самара, 2000. С. 97–99.
- ¹⁴⁷ Тюрин В.А. Забота о здравоохранении в деятельности городских и губернских властей Среднего Поволжья в конце XIX века // Самарский земский сборник. 2005. № 3. С. 36–38.
- ¹⁴⁸ Абрамов А.И. Медико-санитарная помощь. С. 100–101.
- ¹⁴⁹ Кабытов П.С., Стегунин С.И., Кузьмин В.Ю. Земский врач Вениамин Осипович Португалов (1835–1896 гг.) Самара, 2006. С. 45.
- ¹⁵⁰ Кузьмин В.Ю. Земская медицина России в мирное и военное время (1864–1917). Самара, 2000. С. 179–180.
- ¹⁵¹ Путешествие в прошлое. Самара, 1992. С. 151–158, 170–172.

¹⁵² Шестерикова В.В. Фотография в Самаре // Самарский земский сборник. 2004. № 1. С. 68; Годы и события. С. 20–21, 26–27; Самарская областная универсальная научная библиотека: энциклопедия. Самара, 2009. С. 17.

¹⁵³ Смирнов Ю.Н. Жители провинциального города. Самарские рукописи РГО // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 12–21.

¹⁵⁴ Артамонова Л.М. Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5–1. С. 229–237.

¹⁵⁵ Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском географическом обществе и их авторы // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8.2 (109). С. 65–73.

¹⁵⁶ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города: ист.-стат. очерк / изд. Сам. губ. стат. комитета. Самара, 1877; Его же. Трехвековая годовщина города Самары / изд. Сам. губ. стат. комитета. Самара, 1887.

¹⁵⁷ Буркова О.С. Самарский городской публичный музей. 1880–1917. Самара, 2006. С. 10–27.

¹⁵⁸ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. С. 243.

¹⁵⁹ Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. А – Д. Самара, 1993. С. 291–292.

¹⁶⁰ Курмаев М.В. Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII – начало XX вв.) Самара, 2008. С. 192.

¹⁶¹ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. С. 246; Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. С. 169.

¹⁶² Молько В.И. Путешествие по одной улице. Куйбышев, 1987. С. 13–14; Годы и события. Т. 1. С. 29, 101, 105.

¹⁶³ Смирнов (Треплев) А.А. Старый самарский театр и быт: очерки и материалы по истории театра и быта в провинции. Самара, 2008. С. 323–324, 327–329, 337.

¹⁶⁴ Мжельская М.В. Самара в музыкально-театральном процессе конца XIX – начала XX вв. // Прошлое и настоящее музыкальной культуры в трудах самарских музыковедов. Самара, 2002. С. 46.

¹⁶⁵ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. С. 246.

¹⁶⁶ Бирюкова А.Б. К истории формирования рекреационных зон в дореформенной Самаре // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2014. Т. 3. № 6. С. 45–52.

¹⁶⁷ Мжельская М.В. Самара в музыкально-театральном процессе. С. 42, 44–45.

¹⁶⁸ Цветова Е.М. Возрожденный «Олимп»: из истории музыкальной жизни Самары-Куйбышева. Самара, 1991. С. 7–27.

¹⁶⁹ Народное образование Самары. С. 62–63.

¹⁷⁰ Мжельская М.В. Екаб Карклиньш – основатель Самарского музыкального училища и организатор концертной жизни 1902–1917 годов // *Самарское музыкальное училище сквозь призму поколений (1902–2002)*. Т. 1. Самара, 2003.

¹⁷¹ Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы. С. 92.

¹⁷² Смирнов Ю.Н. Материалы Русского географического общества о населении Заволжья и его этническом составе до середины XIX века // *Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник*. 1996. № 3. С. 26.

¹⁷³ Крылов Г.З. Автор Самарского знамени // *Году России в Болгарии посвящается: 130-летие окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии*. М., 2008. С. 44–48.

¹⁷⁴ Володин В.И. Из истории художественной жизни города Куйбышева. М., 1979. С. 109–114.

¹⁷⁵ Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. С. 61.

¹⁷⁶ Володин В.И. Из истории художественной жизни. С. 125–130.

¹⁷⁷ Самарский художественный музей: русская живопись XVIII – начала XX века / сост. А.Я. Басс. Самара, 1999. С. 3–6.

¹⁷⁸ Самара-Куйбышев. Хроника событий. 1586–1986 гг. Куйбышев, 1985. С. 68–69, 71–72.

¹⁷⁹ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. С. 240, 244–246; Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. С. 53–60.

ГЛАВА 6.

САМАРА В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

§ 1. Канун и начало революции

С каждым днем нового XX века очертания Смуты становились все явственнее. Власть теряла управление страной, противоречия раздирали политически активные социальные страты, в том числе и те, которые были стеновым столпом российской государственности. Раскол общества и власти стал зримым. Интеллигенция подстрекала простонародье. Обыденными стали выступления студентов, рабочих. Грозным предостережением прозвучали волнения крестьян Полтавской и Харьковской губерний в 1902 году. Усилили агитацию либералы и революционеры, ряды которых каждодневно пополняли неофиты. В 1898 г. объявили о создании своей партии социал-демократы, в конце 1901 года — социалисты-революционеры; в 1903 году организовались либеральные Союз освобождения и Союз земцев-конституционалистов. Возродился терроризм. Бывший студент Юрьевского университета П.В. Карпович 14 февраля 1901 г. смертельно ранил министра народного просвещения Н.П. Боголепова. Вскоре статистик Самарской земской управы В.Ф. Лаговской покушался на жизнь обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева. Террористы Боевой организации партии эсеров убили министров внутренних дел Д.С. Сипягина и В.К. Плеве, губернатора Н.М. Богдановича. Власти находились в растерянности, общество ликовало. Состоятельные люди жертвовали тысячи и тысячи рублей либералам, революционерам, террористам.

Ухудшила положение бездарная авантюра на Дальнем Востоке. Простые жители России поначалу надеялись на скорую победу в русско-японской войне. Газеты Самары, в их числе «Самарские губернские ведомости», подробно рассказывали о ходе военных действий, о патриотическом подъеме. Чем дольше длилась война,

тем явственнее проявлялась растерянность, а вместе с ней досада, недовольство. Революционные организации обвиняли власть во всех смертных грехах и подстрекали народ к восстанию.

*1 июля 1904 г. ул. Заводская/Набережная р. Волги.
Встреча императора Николая II в Самаре. Из кн.: Фотографы и Самара:
Очерки истории фотографии в Самаре:
в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014*

«Распалась связь времени» — страна погрузилась в смуту, хаос, революцию. Рабочие Петербурга, охваченные отчаянием, ощущением унижения, попрания своих прав, решили просить у царя

защиту: испокон веков русские люди искали милости у царя. На многотысячных митингах рабочие обсуждали составленную интеллигентами петицию к царю, с жалобами («мы обнищали, нас унижают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать») и просьбами предоставить возможность представителям рабочих участвовать в выработке законопроектов о труде, установить восьмичасовой рабочий день, назначить выборы в Учредительное собрание, дать политические свободы¹. Утром 9 января 1905 г. 140-тысячная манифестация направилась к Зимнему дворцу и была расстреляна. По городам России прокатилась волна митингов, демонстраций, стачек солидарности и протеста. Смута достигла высшего предела — революции.

На рубеже веков глубинная Самарская губерния в государственном политическом регистре проходила по реестру спокойных. По отзыву видного либерала Д.Д. Протопопова «в городе Самаре царил глубокий сон»². Сюда ссылали поднадзорных, а местная администрация привечала их; среди служащих Самарского земства сосланные составляли едва ли не треть. В их числе были видные либералы (А.К. Клафтон), социал-демократы (А.Г. Шлехтер), эсеры (М.И. Сумгин)³. А.К. Клафтон, будущий лидер самарских кадетов, снискал доверие губернатора А.С.Брянчанинова и его супруги, а также уездного предводителя дворянства, графа Н.А. Толстого и секретаря уездной управы Реутовского. Их хлопотами его, для получения чина, в 1902 г. устроили в канцелярию уездного предводителя дворянства, где он только числился, а на самом деле работал и получал заработную плату в губернской земской управе. Позднее он хлопотами тех же покровителей получил должность секретаря губернской земской управы⁴.

Из земских гласных только Г.Н. Костромитинов, В.А. Племянников, Д.Д. Протопопов, А.А. Ушаков и Н.А. Шипков были известны как действенные либералы. Само же губернское земство, по словам Д.Д. Протопопова, «было в руках каких-то земских Батыев, шедших походом против статистики и всякого живого дела»⁵. А.Н. Хардин, А.Г. Елшин, А.А. Бостром и другие самарские либералы до конца 1904 г. ограничивались беседами в узком кругу, участием в семейно-педагогическом кружке и обществе взаимопомощи учителей; разрозненные сторонники «Союза освобождения» никак не могли сплотиться.

Эсдеки (социал-демократы) и эсеры (социалисты-революционеры) были значительно активнее. Как одни, так и другие испове-

довали социализм, т. е. веру в земной рай на основе обобществленных орудий и средств производства, плановой и планомерной экономики, централизованного распределения. Социал-демократы ориентировались на рафинированный индустриальный тип развития, а эсеры стремились увязать социализм с традиционным сельскохозяйственным строем. Первые идеализировали пролетариат, вторые — трудящихся («трудовой народ»); как те, так и другие призывали к насильственному ниспровержению существующего строя.

Самара в начале XX в. Из фондов ЦГАСО

А.А. Преображенский, А.Н. Ермаков в 1900 г. создали в Самаре немногочисленную «группу содействия “Искре”», вся деятельность которой первоначально ограничивалась сбором средств и распространением этой газеты, а позднее организацией малочисленных кружков рабочих на заводах Журавлева, Лебедева, свечном и изданием прокламаций. Самарский комитет РСДРП, который вел свое начало с июля 1902 г., основное внимание уделял пропаганде рабочих и учащихся; ее, как правило, вели очень молодые люди, такие, как Р.Н. Дмитриев, П.П. Кузьмин, С.М. Лепский, Б.И. Николаевский. В губернском городе располагалось созданное осенью 1903 г. Восточное бюро ЦК РСДРП, в котором главную роль играл

И.Ф. Дубровинский, а с осени 1904 г. — А.А. Квятковский. На Алексеевской улице (ул. Красноармейская, д. 52) в нелегальной типографии печатались «Хроники Восточного бюро РСДРП» и прокламации.

Самарская группа эсеров оформилась в 1902 г.; наиболее видными членами ее были М.И. Сумгин, И.И. Девятков, Г.И. и С.И. Акрамовские, М.А. Веденяпин. Поначалу эсеры агитировали в кружках рабочих, учащихся, народных учителей (особенно преуспевал один из основателей «Союза народных учителей социалистов-революционеров» С.И. Акрамовский); позднее они уделяли немалое внимание пропаганде крестьянства и созданию крестьянских кружков — «братств»⁶. В январе 1904 г. группа преобразовалась в комитет партии эсеров. Теоретические распри, взаимные обвинения не мешали либералам, социал-демократам и эсерам сотрудничать: уже в конце 1904 г. они совещались о координации действий, о совместной работе, однако договориться не сумели.

В консолидации самарских консерваторов видную роль сыграли А.А. Чемодуров, М.Д. Мордвинов и А.Н. Наумов, пропагандировавшие идею сплочения дворянской корпорации для защиты сословных привилегий. Одна часть консерваторов считала нужным уравнивать в правах всех землевладельцев, за дворянами же сохранить роль старшего опекуна; другая часть настаивала на сохранении особого социального статуса дворянства и поместного землевладения. А.А. Чемодуров, М.Д. Мордвинов, А.Н. Наумов в 1895 г. инициировали появление Общества сельских хозяев Самарской губернии.

Самарскую администрацию возглавлял губернатор согласно закону «хозяин губернии». На губернатора возлагался контроль за органами местного самоуправления, председательство в губернском по земским и городским, фабричным, воинским, питейным делам присутствиям — всего присутствий было более полутора десятков. Закон 1900 г. вернул губернатору дореформенные обязанности верховного попечителя в обеспечении населения продовольствием, наблюдения за подчиненными, надзора за свободной и беспрепятственной торговлей съестными припасами, «устранения непомерного возвышения цен», «покровительства общепольным предприятиям», торговле и промышленности, а также разрешения открытий фабрик, заводов и других промышленных предприятий, руководства фабричным и горным надзором, поддержание порядка, имущественного благополучия рабочих.

22 января 1905 г. Самару покинул А.С. Брянчанинов. 13 лет он по-отечески руководил вверенной ему губернией (а до того три года состоял вице-губернатором): покровительствовал либералам, не обижал революционеров, если те, как с ними порой бывало, не выходили из рамок закона, ладил с консерваторами. Вместе с супругой привечал общественные мероприятия. «Самарские губернские ведомости» отмечали: «С давних пор, по инициативе Александра Семеновича Брянчанинова и его супруги, Софьи Борисовны, в Самаре установился обычай взаимных поздравлений в день нового года в зале коммерческого собрания взамен праздничных визитов». Обыватели платили губернатору взаимностью. Во все годы пребывания в Самаре, говорил А.С. Брянчанинов, «он всегда и во всем встречал сочувствие и благожелательное отношение к его начинаниям со стороны сословных и общественных учреждений и других ведомств, а также добросовестное и разумное содействие со стороны ближайших сотрудников»⁷.

За свои труды гофмейстер Брянчанинов в декабре 1904 г. был назначен членом Государственного Совета, а городская дума на заседании 15–16 декабря того же года единогласно избрала Александра Семеновича почетным гражданином города Самары. Самарские купцы и другие видные горожане поручили депутации в составе именитых и почетных граждан и купцов первой гильдии во главе с П.С. Аржановым и А.Г. Курлиным утром 1 января 1905 г. просить получившего отставку губернатора разрешить учредить стипендию его имени в учебных заведениях города и посетить торжественный обед. На эти цели было собрано более пяти тысяч рублей. От обеда Брянчанинов отказался, а стипендии были учреждены. 22 января 1905 г. он покидал город. «Вокзал был переполнен народом, — сообщал самарский официоз, — и проводы имели самый сердечный характер»⁸.

В 1905–1906 гг. губернаторствовал Д.И. Засядко. Протеже В.П. Мещерского, человек образованный и рассудительный, но не решительный, он предпочитал, как и его предшественник, патриархально управлять вверенной ему губернией. 1 февраля 1906 г. либеральный «Голос Самары» поместил фельетон «Тайны г. Присядки» лишь чуть изменив фамилию только что смещенного губернатора: «Когда же ему доносили, что в губернии погромы, мужики жгут усадьбы, грабят хлеб, режут скотину, Присядко, добродушно похлопывал себя по круглому животу, отвечая: «Ничего, это далеко отсюда, до нас не дойдет... ничего, пошумят, да когда-

нибудь и успокоятся. Пусть себе грабят и режут кого хотят, — но по моему личному приказанию не прольется ни капли крови, ни одного горчишника»⁹. Нужно признать, что в бульварном гротеске переданы некоторые реальные черты: Д.И. Засядко регулярно обращался с отеческими увещаниями к самарцам, призывая их к согласию и миру, уговаривал предпринимателей пойти на уступки. В июле 1905 г., когда в городе носились слухи о возможном еврейском погроме, он обратился с воззванием к горожанам, убеждая их отказаться от насилия, евреев же просил воздержаться от появления в местах массовых собраний, в частности, в Струковском саду; в октябре 1905 г. во избежание несчастных случаев предостерегал родителей, чтобы они не выпускали детей из дома без присмотра¹⁰.

В дни октябрьской стачки 1905 г. губернатор растерялся и 14 октября направил к митингующим на луговой стороне Самарки заведующего сыскной частью полковника И.Л. Короткевича с поручением успокоить собравшихся и предложить им выбрать делегацию для переговоров. Митингующие оскорбляли полковника, пытались наклеить на него прокламации, но, в конце концов, согласились с ним, избрали трех депутатов, которые потребовали освобождения политических заключенных, гарантий свободы слова, собраний, неприкосновенности личности и жилища, а также беспрепятственных похорон тех демонстрантов, кто, возможно, скончается от ран, полученных при перестрелке с казаками 13 октября. Д.И. Засядко обещал сделать все, что в его силах, наказать виновных, убрать казаков с улиц. Депутации от «самарского общества», прибывшей к нему тогда же, он обещал впредь воздерживаться от применения силы. В дальнейшем Д.И. Засядко регулярно согласовывал свои действия с Комитетом общественного спасения и другими представительными общественными организациями города¹¹.

*Губернатор Д.И. Засядко.
Из фондов ЦГАСО*

*Губернатор И.Л. Блок.
Из фондов ЦГАСО*

Вице-губернатор В.Г. Кондоиди, человек решительный, убеждал самарцев, что волнения начались «может быть» происками японцев и уж точно служат их интересам. Он угрожал репрессиями вплоть до применения военной силы, призывал «избегать появления на улицах толпами» и расходиться по первому требованию полиции¹². Кондоиди был обречен на конфликт с «самарским обществом», а также и с губернатором, и в конце 1905 г. расстался со своим постом. Вслед за ним получил отставку и Д.И. Засядко.

Их сменили губернатор И.Л. Блок и вице-губернатор И.Ф. Кошко. И.Л. Блок, волевой, целеустрем-

ленный, опытный чиновник был сторонником решительных действий. Он просил министра внутренних дел П.А. Столыпина вывести из Самары «пораженные мятежническим духом» Бузулукский полк и Борисовский батальон, а также «расформировать или освежить войска частями незапятнанной репутации»¹³. По его настоянию подавлялись волнения в городах и селах, производились многочисленные аресты. Октябристский «Голос Самары» был ошеломлен и вопрошал: «Арестовываются, а затем ввергаются в тюрьмы адвокаты, учителя, железнодорожники (они преимущественно), почтово-телеграфные чиновники, рабочие и крестьяне. ...Когда будет конец начальственному гневу и когда начальство устанет таскать своих недругов?»¹⁴. Позднее И.Ф. Кошко вспоминал, что он физически ощущал «повсюду разлитую враждебность» к властям¹⁵. И.Л. Блок погиб 21 июля 1906 г. на углу улиц Воскресенской и Вознесенской от взрыва бомбы, брошенной членом летучего отряда Поволжской области, рабочим-столяром Г.Н. Фроловым¹⁶. Вновь назначенный губернатор В.В. Якунин наставлял самарцев «бояться бога и чтить царя»¹⁷. При нем 16 сентября 1906 г. в Самаре был введен военно-полевой суд, а 28 октября того же года губерния была объявлена на положении усиленной охраны.

Опорой администрации были жандармерия и воинские части. Губернское жандармское управление в 1905 – начале 1906 гг. возглавлял полковник Г.С. Добрянский, которого сменил генерал-майор И.И. Каратаев. Оба в первую очередь думали о пенсии, обязанности свои выполняли плохо, авторитетом у подчиненных не пользовались. По свидетельству министерства внутренних дел «самарское жандармское управление редко знало, что делается в губернии»¹⁸. И.И. Каратаев был уволен при скандальных обстоятельствах. 29 июля 1906 г. эсер-террорист бросил бомбу в помещение ГЖУ. Она не взорвалась, но в ночь на 31 июля взорвались бомбы на противоположном берегу Волги. Нервы шефа жандармов Самары не выдержали, и 1 августа в «Самарском курьере» было опубликовано объявление, что в связи с оставлением должности генерал-майором И.И. Каратаевым продается корова¹⁹. Злополучное объявление произвело в Петербурге фурор. Директор департамента полиции М.И. Трусевич срочной телеграммой просил И.Ф. Кошко «успокоить» стража порядка Самары. Через две недели И.И. Каратаева уволили²⁰. Жандармское управление возглавил инициативный, энергичный, знающий энтузиаст сыска подполковник М.П. Бобров. Его стараниями секретные агенты были внедрены во все революционные организации губернского города. Деятельность М.П. Боброва была настолько успешной, что эсеры покушались на его жизнь.

Поскольку Самарская губерния значилась среди самых спокойных, то по ведомству департамента полиции ее жандармское управление относилось к третьей, низшей категории с минимальным числом сотрудников. В 1903 г. в губернском жандармском управлении было выделено охранное отделение, в функции которого входило наблюдение и пресечение деятельности противоправительственных организаций. Возглавил охранное отделение начальник жандармского управления. Жандармское начальство печалилось скудостью средств, отпускаемых на агентуру (их хватало на содержание только двух секретных сотрудников), отсутствием паспортного стола и подворной регистрации в Самаре, в силу чего «в нее стекались революционеры»²¹. В январе 1907 г. М.П. Боброву поручили немедленно приступить к организации Поволжского районного охранного отделения в составе 11 губерний. В связи с этим были значительно увеличены ассигнования и штат Самарского губернского жандармского управления²². В 1908 г. Поволжское охранное отделение перевели в Саратов.

Общую полицию г. Самары возглавлял полицмейстер. В его подчинении были четыре частных пристава (по числу частей города), десять помощников частных приставов — участковых надзирателей, двадцать восемь околоточных надзирателей и 265 пеших и конных городовых²³. Начальник Самарского гарнизона генерал Сергеев и командир триста двенадцатого Березинского полка полковник Баранов были сторонниками подавления волнений силой. В свою очередь командир третьей артиллерийской бригады подполковник фон Гальбен, «самарский Шмидт», кумир общества, поддерживал либеральный Комитет общественной безопасности.

Русско-японская война подхлестнула антиправительственные настроения самарских революционеров и либералов; революционные комитеты наладили выпуск прокламаций и для солдат. К этому времени относятся первые попытки агитации местного гарнизона, в частности, Бутульминского полка и 3-ей артиллерийской бригады.

В ноябре-декабре 1904 г. по России прокатилась «банкетная компания». В связи с сорокалетием судебных уставов либералы вместе с радикально настроенной интеллигенцией устраивали в губернских городах банкеты, на которых принимали резолюции о желательности преобразований. Самарские купцы поначалу побавлялись: «А что если нас за банкеты да в Сибирь сошлют? Нет, лучше уж не ходить». Но потом решились. 17 ноября 1904 г. на состоявшемся в Самаре банкете была принята резолюция о необходимости созыва Учредительного собрания, прекращения войны, амнистии политическим заключенным. 20 ноября собрались адвокаты. Вот как иронично описала этот банкет «Самарская газета». «Обед шел вяло. Наконец, один из участников встал и произнес речь на тему, что он поражен: «Мы все только едим и молчим, молчим и едим». После чего, приободренные напитками адвокаты, произнесли речи и подписали адрес. На следующий день, рано утром, самые пугливые ездили вычеркивать свои подписи²⁴.

На заседании семейно-педагогического кружка в Земской управе 19 декабря 1904 г. собравшаяся радикально настроенная публика, человек 200—300, шумела: «Долой самодержавие!», «Да здравствует республика!», «Трусые жалкие, либералы!». С хоров разбрасывали прокламации. После того как председатель закрыл собрание, присутствующие с революционными песнями вышли на улицу и в начале двенадцатого часа ночи остановились на углу улиц

Саратовской и Москательной, а затем с пением «Марсельезы» и «Варшавянки», провозглашая: «Долой царя!»,— прошли по улице Москательной, по ул. Дворянской и далее по улице Панской. Эта первая демонстрация в Самаре произвела на общество большое впечатление²⁵. В январе 1905 г. напряжение нарастало с каждым днем. В новогоднюю ночь в громадной пивной Вакано сошлось до тысячи человек. С особым воодушевлением собравшиеся восприняли речь эсера М.И. Сумгина.

Самара, ул. Дворянская в начале XX в. Из фондов ЦГАСО

10 января 1905 г. в Самару пришли известия о расстреле манифестации в Петербурге. Общественные организации отправили в Петербург телеграммы со словами поддержки. Газетные сообщения о событиях в Петербурге и других местах были предельно скудными, и по Самаре ходили самые невероятные слухи. Комитеты социал-демократов и эсеров издали во многих тысячах экземпляров «Письма Г. Гапона к рабочим», прокламации «К рабочим», «Ко всем рабочим», «К обществу», в которых излагали содержание петиции к царю, призывали граждан Самары объявить стачку протеста. По выражению «Самарского курьера», после 9 января Самара зажила «чисто вулканической жизнью», «необычайный подъем

охватил все слои населения»²⁶. На самом деле это относилось, главным образом, к политически активным социальным группам.

Администрация втрое против обычной нормы (на 240 человек) увеличила казачьи патрули, подняла на ноги полицию, регулярно арестовывала «зачинщиков». 18 января в знак солидарности с рабочими Петербурга прекратили работу 12 типографий, часть рабочих и служащих железнодорожных мастерских; на улицах собирались толпы людей, разъезжали отряды конной полиции; власти от греха подальше приказали закрыть пивные. На другой день остановились мельницы, заводы Лебедева и Жигулевский. На предприятиях обсуждали петицию петербургских рабочих. Политические требования отклика не находили. Губернская администрация потребовала от предпринимателей пойти на максимум уступок²⁷. Под нажимом губернских и городских властей владельцы типографий 20 января обязались удовлетворить предъявленные забастовщиками требования. Городская стачка разрасталась и, достигнув 22 января апогея, резко пошла на убыль. Во второй половине этого дня приступили к работе на заводе Лебедева, мельницах Шихобалова, Бобермана, типографиях. 24 января стачка окончилась. Попытки владельцев мельниц, фабрик, заводов уволить «зачинщиков» январских забастовок и тем дать острастку другим пресекались фабричной инспекцией.

Зимой и весной 1905 г. экономические стачки стекольных, сапожных, портняжных мастерских, грузчиков, приказчиков, модисток, официантов, служащих, учащихся стали обыденным явлением Самары. Служивый люд заведений, где господствовали обычаи старины, просил о таких условиях труда, которые на крупных предприятиях уже давно казались невыносимыми. 328 приказчиков 1 февраля 1905 г. решили добиваться одиннадцатичасового рабочего дня. Владельцы же торговых заведений предлагали сократить рабочий день до 12 часов. Приказчики подали прошение губернатору, но чиновники затеряли его. На собрание 13 марта явилась примерно половина приказчиков Самары – около 2 000 человек. Присутствующие постановили с утра 14 марта начать забастовку. Владельцы торговых заведений согласились сократить рабочий день до 11,5 часов, предоставлять прослужившим более трех лет двухнедельный ежегодный отпуск. 15 марта приказчики вышли на работу²⁸.

Неистово бунтовала радикально настроенная учащаяся молодежь, которую агитировали революционеры, особенно интенсивно эсеры; «организация самарской учащейся молодежи комитета

партии социалистов-революционеров» издавала с начала 1905 г. гектографированный журнал «Молодое слово»; успехи социал-демократов были много скромнее. Большинство учащихся сторонились политических радикалов, ставя во главу угла «академические права». 4 февраля в Кинельском сельскохозяйственном училище, где имелся влиятельный эсеровский кружок, началась забастовка. В петиции, врученной директору школы, забастовщики писали о праве учащихся иметь представителей в педагогическом совете, носить любую, а не только форменную одежду и пользоваться всеми разрешенными цензурой книгами, а также создавать союзы и созывать собрания. Также они послали эмиссаров в другие учебные заведения города с этой петицией. Обсудив ее, учащиеся фельдшерской школы 10 февраля прекратили занятия. Возобновили они учебу лишь через 11 дней — после того, как администрация уволила «зачинщиков». Учащиеся же Кинельского сельскохозяйственного училища стояли на своем до 8 марта. Затем, несмотря на уговоры директора училища, а также земских гласных во главе с А.А. Чемодуровым, радикалы снова решили бастовать, теперь до 1 сентября. Чтобы покончить с попытками начать занятия, 17 марта 15 учащихся, преимущественно эсеры, вышибли рамы и стекла училища, выбросили из окон парты и кровати, сожгли спальное белье. Власти пошли на крайние меры: училище закрыли, из города прислали солдат. «Зачинщики» бежали, беспорядки прекратились.

Один полюс социального спектра России Самарской губернии составляли революционно настроенные слои, не останавливающиеся перед крайними формами насилия во имя мгновенного переустройства, другой — консервативные. Либерально настроенные слои жаждали коренных реформ решительными, но не крайними насильственными методами, и консерваторы, согласные на частные изменения. В каждом социальном слое, в разной пропорции, имелись сторонники всех этих направлений²⁹.

После 9 января во много раз увеличилось число тех, кто активно интересовался событиями в стране, губернии, городе, сам пытался влиять на них. Осмелели «Самарская газета» и «Самарский курьер». Самарские либералы активно включиться в политическую борьбу не спешили. Попытки мобилизовать либералов, предпринятые Д.Д. Протопоповым в конце февраля 1905 г., особых результатов не дали. Ему удалось собрать освобожденческий кружок, издать в эсеровской типографии прокламацию, но дальше, как свидетельствовал инициатор, «дело не клеилось».

Об усилении неприязни между либералами и консерваторами свидетельствовал так называемый «Чемодуровский инцидент». Интерес самарского либерального общества к очередному 40-му губернскому земскому собранию, от которого ожидали чего-то необычайного, был настолько велик, что в день его открытия, 30 января 1905 г., публике не хватило мест в зале и многие пробрались на хоры. Публика шумно поддерживала земцев-либералов. Председательствующий, губернский предводитель дворянства А.А. Чемодуров, отложил начало заседаний, против чего протестовали земцы-либералы Г.Н. Костромитинов, Д.Д. Протопопов и другие. На следующий день 31 января 1905 г. Чемодуров приказал не допускать на заседания публику, а также корреспондентов; у подъездов здания земской управы поставили околоточных надзирателей. Согласно букве и духу земских положений Чемодуров энергично пресекал политическую риторику земцев-либералов. Тем не менее либеральное большинство земского собрания настояло на том, чтобы принять депутатии от «самарских граждан» и адвокатов и заслушать их адреса о «трудных временах, переживаемых Россией» и о необходимости коренных реформ. В знак протеста восемь консерваторов-земцев во главе с Чемодуровым демонстративно покинули зал. В ответ служащие земской управы объявили забастовку, отказываясь подвергаться досмотру при входе и выходе³⁰.

В дни, когда проходило 40-е земское собрание, земцы-либералы на частных совещаниях обсуждали резолюции ноябрьского (1904 г.) петербургского земского съезда. Одни из них ратовали за реформы при сохранении самодержавия, другие считали необходимым сначала ликвидировать самодержавия, а затем проводить реформы. После бурных прений земское собрание завершило работу 7 февраля 1905 г., даже не рассмотрев бюджета, что было делом невиданным.

Так как о предстоящем завершении заседаний было известно заранее, то к двум часам дня 7 февраля возле земской управы собралась многочисленная толпа. Усиленный наряд полиции внутрь здания никого не пропускал, указывая на вывешенное объявление: «Заседание, по распоряжению предводителя дворянства, не будет публичным». Это вызвало сильное недовольство собравшейся публики. Г.Н. Костромитинова, Д.Д. Протопопова и других земцев-либералов встретили аплодисментами, Чемодурова – свистом, оскорбительными выкриками. Будущий депутат I Государственной думы В.А. Племянников опубликовал в центральных газетах

открытое письмо с протестом против действий А.А. Чемодурова. Событие получило всероссийскую огласку.

Ни одно крупное политическое выступление не проходило без участия социал-демократов и эсеров. В начале 1905 г. из ссылки в Самару прибыли авторитетные социал-демократы Г.И. Крамольников, Н.Н. Баранский, значительно усилившие местную организацию. Эсеры в целом и общем уступали социал-демократам в городе, будучи, правда, влиятельнее среди железнодорожников и учащейся молодежи. Популярности им прибавило убийство в Москве 4 февраля 1905 г. членом Боевой организации партии эсеров И.П. Каляевым великого князя Сергея Александровича.

Потрясения побуждали к сплочению приверженцев существующего строя, тех, кто ранее лишь исправно исполнял приказания властей предрержащих. Большинство жителей Самары жили заветами старины. Они верили в бога, в сакральность царя, слушались начальства, опасались смуты, которая нарушала привычный прочный мир и грозила неисчислимыми бедами. Самарский дворянский, аристократический консерватизм возглавил губернский предводитель дворянства А.А. Чемодуров, человек волевой и деятельный. Наряду с аристократическим, спланивался плебейский, «черносотенный» консерватизм во главе с вице-губернатором В.Г. Кондоиди. Черносотенцы создавали незарегистрированные организации для борьбы с «бунтовщиками» и «студентами». Губернское жандармское управление собрало немало листовок зачастую малограмотных с призывом: «Бей жидов и революционеров!» В начале марта 1905 г. на Троицкой площади был избит некий Барыбин, которого приняли за агитатора-бунтовщика. Такое повторялось не раз. Газеты сообщали, как на том же Троицком рынке хозяева лавок угощали водкой «галахов», «горчишников» и рассуждали о вреде от «бунтовщиков», «студентов», «жидов»³¹. Они говорили о том, что во имя порядка следует расправиться с «бунтовщиками». По меньшей мере, по городу упорно ходили слухи, что на Пасхальную неделю будут громить евреев и интеллигентов.

Много шума наделала стачка приказчиков. 1 февраля 1905 г. 328 приказчиков собрались и постановили добиваться одиннадцатичасового рабочего дня, избрали комиссию во главе с журналистом А.И. Матовым для выработки резолюции и координации дальнейших действий. На собрании 5 февраля присутствовали 350 человек. Владельцы торговых заведений 13 февраля настаивали на двенадцатичасовом рабочем дне и соглашались ходатайствовать

перед властями о закрытии торговых заведений в дни праздников. Приказчики этим не удовлетворились и в конце февраля передали свои требования администрации. Далее произошел чисто российский казус: чиновники затеряли прошение приказчиков. Те подождали-подождали и 6 марта на очередном собрании решили вновь обратиться к администрации. Поскольку дело шло о насущных интересах, на собрание 13 марта явилась примерно половина приказчиков Самары, около 2 000 человек. Управляющий отделением торгово-промышленного банка А.С. Медведев сообщил, что губернатор передал хозяевам требования приказчиков, но ответа не получил. Присутствующие решили с утра 14 марта начать забастовку. В тот же день владельцы торговых заведений согласились сократить рабочий день до 11,5 часов, предоставлять прослужившим более трех лет двухнедельный ежегодный отпуск. 15 марта приказчики вышли на работу³².

Едва успокоились приказчики, как поднялись металлисты. Ход этой, впрочем, и других стачек помогает увидеть не ходульные социальные образы, а живых людей. Утром 14 марта на заводе Лебедева один из слесарей будучи под хмельком, под одобрение собравшихся говорил о жестокой эксплуатации, о нищенской оплате и звал бросить работу. Его дружно поддержали, двинулись в цеха звать к забастовке. Через полчаса завод встал. Сначала не знали, что делать, потом проголосовали за резолюцию, предложенную социал-демократами. 15 мая стачку солидарности объявили на механических заводах Крупского, Молчанова, Зуева, Шерстнева и некоторых других. Бастующие собрались на Соборной площади и избрали депутацию. После длительных переговоров с фабрикантами при содействии фабричного инспектора они добились сокращения рабочего дня с 10,5 до 10 часов, отмены обысков и штрафов, учреждения врачебной помощи на заводах, обещания вежливого обращения, и 17 марта приступили к работе³³. Железнодорожные рабочие и служащие 17 февраля приняли петицию из 49 пунктов. Во время многочисленных собраний выделились эсеры: юрисконсульт К.Г. Гладков, инженер А.Д. Осеев; в скором времени они возглавили железнодорожный стачечный комитет. Волнения железнодорожников продолжались два с половиной месяца. 5 апреля 1905 г. совет управления железной дороги удовлетворил некоторые второстепенные пункты петиции.

Губернские власти стремились гасить очаги пожаров. Д.И. Засядко 7 марта заявил депутации приказчиков, что ему «было бы

приятно мирное разрешение» спорных вопросов, и обещал передать их требования хозяевам. По его инициативе 12 марта состоялось совещание владельцев промышленных предприятий, на котором шла речь об улучшении быта рабочих, организации врачебной помощи. 20 марта губернатор принял представителей мельничных рабочих и предложил им избрать депутацию для переговоров с хозяевами. Рабочие поведали, что они боятся увольнения, так как на некоторых мельницах бастующих уже уволили. Д.И. Засядко успокоил их и послал полицмейстера разобраться, в чем дело. На другой день 50 ранее уволенных рабочих мельницы Эрлангера были вновь приняты на работу³⁴. При посредничестве властей пришли к согласию приказчики и торговцы, металлисты и заводчики.

Много хлопот доставили грузчики. Около двух с половиной тысяч грузчиков 12 апреля 1905 г. собралось у здания биржи, требуя поденной оплаты в размере четырех рублей в день вместо обычной оплаты: семь рублей за тысячу пудов. Купцы решительно возражали. После бурных дебатов около 300 грузчиков пошли «объясняться» с биржевым комитетом. Их уговаривали полицмейстер, председатель биржевого комитета Н.Д. Батюшков; но они стояли на своем и, не добившись удовлетворения своих претензий, направились к губернатору. Грузчики были известны своим крутым нравом. Опасаясь погромов, власти вызвали усиленный наряд полиции и казаков. Около 2 часов дня толпа протестующих явилась на Алексеевскую площадь к дому губернатора. Д.И. Засядко незамедлительно вышел к ним и почти полчаса говорил с ними, объясняя, что не может поддержать их требования, «потому что работы на всех все равно не хватит». В конце встречи он предупредил грузчиков, что не потерпит беспорядков. На следующий день дошло до драк, кидания камнями. В дело вступили две роты казаков. Среди пострадавших оказались Н.Д. Батюшков, купец Марков, подрядчики. В конце концов администрация сумела достичь согласия: и грузчики, и биржевой комитет 14 апреля пошли на взаимные уступки³⁵.

Несмотря на то, что 1 мая 1905 г. приходилось на воскресенье, тем не менее местные власти к нему готовились тщательно: в разные места города направили конные дозоры. 1 мая не вышли на работу самарские коночники (около 150 чел.), и конка стояла. На городской даче, в Постниковом овраге, состоялась маевка, на которой присутствовало от 200 (по мнению полиции) до 350 («Самарский курьер») молодых людей. Они договорились вечером встре-

тяться в Струковском саду, где вечером собралось несколько тысяч гуляющих. Около десяти часов вечера несколько сот из них окружили эстраду и потребовали играть «Марсельезу». Музыканты отказались и от греха подальше удалились; молодые люди запели «Отречемся от старого мира», некоторые из них кричали: «Долой полицию!», «Долой самодержавие!» и стреляли в воздух из револьверов. Публика в ужасе разбегалась, в давке пострадало много женщин и детей. На следующий день от ушибов скончался незадачливый чиновник.

Совер. Барбошина Поляна. Место маевок. Из фондов ЦГАСО

Протестовавшая в саду публика организовала демонстрацию и двинулась с песнями по Алексеевской улице. Власти незамедлительно направили навстречу им наряды казаков и полиции, которых манифестанты встретили у Соборного садика (пл. им. Куйбышева) градом камней и револьверными выстрелами — в ответ казаки прибегли к нагайкам. Пострадавшие оказались как с той, так и с другой стороны. Часть молодых демонстрантов укрылась в Соборном садике, откуда и вела стрельбу; в столкновениях многим из них крепко досталось, некоторых арестовали. Почти все арестованные — учащая молодежь. Среди них был будущий известный социал-демократический публицист и литератор Б.И. Николаевский.

На другой день (2 мая) забастовали рабочие типографий, вслед за ними столяры, портные, шляпники, булочники. Группами по

15–20 человек они заходили в мастерские, торговые заведения, на фабрики и заводы и призывали поддержать их. В этот день не вышли на работу железнодорожники, часть металлистов, приказчики, грузчики, труженики мельниц. То там, то здесь собирался городской люд и шествовал иногда колоннами, чаще толпой. Вечером второго мая человек 350 грузчиков от пристани двинулись к Струковскому саду, но, заметив казаков, разошлись. На следующий день портные и шляпницы двинулись от Алексеевской площади по Дворянской улице к театру. Между улицами Предтеченской и Москательной их разогнали казаки. То там, то здесь собирались сходки. Утром 2 мая в Струковском саду собрались рабочие типографий. Там же утром следующего дня состоялся митинг; затем прошла сходка у Постникова оврага. Четвертого мая около мельницы Шадриной произошло вооруженное столкновение демонстрантов с полицией и казаками. Биржевой комитет 5 мая телеграфировал министру внутренних дел: «Толпы забастовщиков вместе с хулиганами, ходя по городу, врываются в заводы, пристани, баржи и насильем заставляют прекращать работы. Купцы не покупают привезенный крестьянами хлеб. Крестьяне недовольны»³⁶.

5 мая число забастовщиков достигло шести тысяч; на состоявшемся в этот день митинге присутствовало от 600 до 700 человек. Резолюция, составленная социал-демократами, звала к вооруженному восстанию, свержению самодержавия, созыву Учредительного собрания, немедленному установлению восьмичасового рабочего дня, провозглашению демократической республики; в ней не было ни одного экономического требования. Забастовка постепенно пошла на убыль 6 мая. В этот день приступили к работе рабочие депо и конка, столяры, но начали забастовку маляры. По-прежнему регулярно собирались «массовки». Забастовочная волна окончательно спала через две недели.

§ 2. Лето 1905 г.: борьба обостряется

Летом 1905 г. революция распространилась на армию, 14 июня восстал броненосец «Князь Потемкин-Таврический». Непокойно было и в самарском гарнизоне. Среди офицеров было немало либерально настроенных, жаждущих изменений. Лидером их был командир третьей батареи 3-й артиллерийской бригады подпол-

ковник М.А. фон Гальбен. Все больше прокламаций попадало в казармы, все чаще там появлялись агитаторы. В июне 1905 г. при самарском комитете эсеров была сформирована военная организация, которую возглавил В.П. Троицкий³⁷. Эсеры создали «солдатскую группу самозащиты», «общество самообороны солдат артиллерии»³⁸. Обратили свое внимание на гарнизон и социал-демократы, хотя на первых порах их успехи были скромнее. Уже в двадцатых числах июня 1905 г. в Самаре ходили слухи о том, что солдаты выработывают петицию и готовят забастовку и даже намерены перебить офицеров и захватить орудия. Поручик Федоровский во время обеда в присутствии начальника гарнизона генерала Сергеева произнес речь в честь «потемкинцев».

Ситуация с каждым днем обострялась. Революционеры создавали боевые дружины. За Постниковым оврагом и на одном из островов Сухой Самарки дружинников обучали владеть огнестрельным оружием. Противостояние перерастало в вооруженные столкновения. 30 июля казаки разогнали манифестацию памяти жертв событий в Лодзи и Варшаве; 1 июня она повторилась. Казаки вновь попытались ее рассеять. На ул. Москательной завязалась перестрелка. Были раненные как с той, так и с другой стороны. Администрация все меньше могла рассчитывать на уговоры и просила прислать надежные части. В апреле в город прибыли две сотни казаков — серьезная в тот для города момент сила.

Опасность грозила не только со стороны революционеров. В противостояние включились и черносотенцы. По свидетельству социал-демократов, руководили ими пристав Сизаско, помощники пристава Фролов и Трекольских, околоточные надзиратели Хохлов, Большунов, Днепровский, Мельнер. Активностью выделялись мелкие торговцы Корнев, Соколов, Щиголев. Сообщения о 750 организованных черносотенцах в Самаре в июле 1905 г. сильно преувеличены³⁹. Сами черносотенцы никогда не насчитывали в своих рядах более 500 человек. Циркулировали ужасающие слухи. Опасаясь погромов, состоятельные самарцы жертвовали на вооружение боевых дружин сотни рублей; были и такие, кто покидал город⁴⁰.

6 августа были опубликованы проекты закона об учреждении Государственной думы (в просторечии «Бульгинской Думы») и «Положение о выборах в Государственную Думу». Компетенция Думы ограничивалась предварительной разработкой и обсуждением законодательных предположений и рассмотрением росписей

государственных доходов и расходов, прерогатива издания законов оставалась за царем. По крестьянской, землевладельческой и городской куриям устанавливались многоступенчатые выборы. Рабочие и часть городской «нецензовой» интеллигенции право голоса не получали.

Умеренные либералы Самары с воодушевлением восприняли указы и в конце августа 1905 г. образовали «Конституционную лигу», в программном заявлении которой говорилось, что ее члены выступают за всеобщее, равное, тайное избирательное право, за полновластную законодательную Думу. Большинство либералов, однако, указами «о Булыгинской Думе» не были удовлетворены. 6–7 августа в Самаре проходил первый областной земский съезд. Поскольку власти запрещали подобные собрания, для проведения съезда была нанята небольшая крытая прогулочная баржа, которую по Волге возил пароходик. На ней собралось почти 40 либералов, представители Самарского, Саратовского, Симбирского и Уфимского земств. После бурных прений большинство их высказалось за бойкот «Булыгинской Думы»; предложения о «земской забастовке» и призыве к неплатежу налогов большинство съезда отклонило. Зато его участники решили обратиться к народу с воззванием не давать рекрутов⁴¹. Поскольку земства имели собственную многоканальную систему связей с крестьянством, средними слоями города, решения съезда в краткий срок дошли до самых отдаленных деревень и стали одним из весомых факторов антиправительственной агитации.

Еще решительнее действовал Самарский биржевой комитет. В июне он обратился ко всем биржевым комитетам России с циркуляром, в котором энергично отвергал проектируемую Думу и указывал «единственный» выход: немедленный созыв народных представителей на основании всеобщей прямой, равной и тайной подачи голосов при условии свободы слова, собраний. Так как ходатайства, резолюции, депутатии к властям желательного результата не давали, отмечалось в этом циркуляре, Самарский биржевой комитет счел нужным «обратиться к изысканию других способов». Это был язык ультиматума. Консервативные «Московские Ведомости» поняли это мгновенно и обрушились на «с жиру взбесившихся самарских биржевиков»⁴².

Интеллигенция Самары встретила известие о «Булыгинской Думе» резко отрицательно. Союз учителей, в котором к июню 1905 г. насчитывалось более 150 членов (из них только пять учителей на-

родных школ), единогласно высказался за переход к народовластию и передачу средств производства в руки непосредственных производителей. И революционеры, и эсеры, и эсдеки, звали не только к бойкоту проектируемой Думы, но и к насильственной ликвидации существующего строя.

В городских выступлениях возобладали политические мотивы. В правящих кругах господствовали смятение, противоречивые мнения и борьба направлений; правительство колебалось, терялось, действовало неадекватно ситуации. Налицо были симптомы приближающегося паралича властных структур. В больших и малых городах все чаще не исполняли распоряжений администрации. Взрыв приближался.

§ 3. Осень 1905 г.: протчвостоянче

В конце апреля 1905 г. в Москве было положено начало Всероссийскому железнодорожному союзу, в Центральном бюро которого преобладали эсеры. Солидарно с железнодорожным действовал Почтово-Телеграфный союз⁴³. 6 октября 1905 г. Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза приняло решение о начале всеобщей стачки железнодорожников. В ночь на 7 октября была отправлена телеграмма на железнодорожные станции с призывом присоединиться к забастовке; 8 октября прекратилось движение на всех, кроме Николаевской, дорогах Московского узла. 12 октября были парализованы дороги Петербургского узла, а затем прекратилось движение на остальных железных дорогах страны. Железнодорожников поддержали рабочие, служащие, интеллигенты. С 15 октября стачка стала всероссийской. В городах бездействовали телеграф и телефон, водопровод и освещение, не выходили газеты, были закрыты школы, театры, магазины, различные учреждения. Люди вышли на улицы. Повсюду собирались митинги, устраивались демонстрации. Страну охватила стихия.

В Самаре 11 октября прекратили работу телеграфисты станций Самаро-Златоустовской железной дороги, вслед за ними железнодорожные служащие. В ночь с 11 на 12 октября остановились поезда. Утром 12 октября забастовали рабочие мастерских и депо. Нельзя сказать, чтобы пассажиры были очень рады этому. На станции Кинель раненые санитарных поездов поколотили попавших-

ся под руку забастовщиков, в Кротовке пассажиры побили посуду в станционном буфете и стреляли в стачечников. Начав забастовку по сигналу из Москвы, самарские железнодорожники поддерживали все требования Центрального бюро Всероссийского железнодорожного союза (Учредительное собрание, демократические свободы и т. д.) и присовокупили к ним собственные экономические требования (прибавка жалованья, выдача обмундирования, устройство больничного фонда), так что принятая ими петиция вышла объемная, на 37 листах⁴⁴.

12 октября за Волгой состоялся многолюдный митинг. По описанию «Самарского курьера» на нем присутствовало несколько тысяч человек. Ораторы, эсеры и социал-демократы призывали к бойкоту «Булыгинской Думы», к вооруженному восстанию. Постановили вести забастовку исключительно под политическими лозунгами и избрать общегородской стачечный комитет во главе с социал-демократом, склонным к авантюрам студентом-юристом В.Ю. Фридолиным.

13 октября волнения охватили Самару. Прекратились занятия в учебных заведениях, остановились промышленные предприятия и транспорт, закрывались магазины, государственные и общественные учреждения. Обстановка накалялась. У тюрьмы, из которой демонстранты намеревались освободить политических заключенных, произошло столкновение с солдатами. Получив отпор, демонстранты направились к городскому монастырю. Там, у ворот церкви (в районе нынешней улицы Осипенко) они (их было 15–20 тысяч) проголосовали за Учредительное собрание, политические свободы, восьмичасовой рабочий день, землю для крестьян и вернулись в город. У здания почты на углу улиц Дворянской и Панской кто-то из демонстрантов открыл огонь по казакам и ранили троих. В ответ казаки дали несколько залпов и ранили около 20 человек.

Административные здания с утра 14 октября были взяты под охрану воинских частей. Командир Березинского полка полковник Баранов обещал при необходимости положить «целые горы из этой сволочи». Губернатор Засядко растерялся. Он призвал жителей «во избежание трагедии» не выпускать на улицу детей, обещал не выводить наряды казаков на улицы и наказать виновных в трагических событиях 13 октября. Депутацию от «самарского общества» он уверял, что местные власти впредь будут воздерживаться от применения силы. Симптомы паралича власти были налицо. Бездействовала и жандармерия.

Самарская губернская тюрьма. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

Как грибы росли всевозможные комитеты, советы. 13 октября 1905 г. был образован общегородской стачечный комитет, в котором преобладали социал-демократы. 14 октября сформировался Железнодорожный стачечный комитет во главе с эсером инженером А.Д. Осеевым. Железнодорожники отныне обращались к начальству через комитет; административные распоряжения исполнялись только после одобрения комитета, который имел в своем распоряжении телеграф и «пролетарский поезд»⁴⁵. В тот же день 14 октября объявила о самоликвидации «Конституционная лига». Наличные средства, около 2 000 руб., ее руководители передали общегородскому стачечному комитету. 16 земцев-либералов и членов городской думы, бывших членов «Лиги», для охраны порядка и установления связей с властями основали Комитет общественной безопасности (КОБ). 19 октября 1905 г. было избрано временное правление КОБ. В него вошли купцы и промышленники, приказчики и юристы, журналисты и чиновники, октябристы, кадеты, эсеры, социал-демократы, представители стачечных ко-

митетов и различных союзов: В.И. Александров, М.С. Афанасьев, Н.Д. Батюшков, В.В. Ветров, Н.А. Гладыш, А.Г. Елшин, А.К. Клафтон, П.Л. Кузьмин, А.Г. Курлин, А.И. Матов, В.В. Меркулов, В.М. Морозов, Д.Д. Протопопов. Комитет поддерживал командир 3-й батареи 3-й артиллерийской бригады подполковник М.А. фон Гальбен. Объединив сторонников умеренных реформ и крайних радикалов, представителей различных страт и политических организаций, КОБ стал противовесом легитимного режима и влиятельным властным органом, имел большой вес в городских делах. Избранное 19 октября временное правление возглавили Н.Д. Батюшков, Н.А. Гладыш, А.И. Матов⁴⁶.

Подобного рода представительные органы возникли по всей России. Объединяя умеренных либералов и крайних революционеров, они являлись не только противовесом легитимного режима, но и влиятельным властным органом. С середины октября самарская администрация уже не могла управлять регионом. В городе властвовала стихия.

Всероссийская политическая стачка поставила страну на край пропасти. 17 октября 1905 г. Николай II подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка»: населению даровались незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. Отныне никакой закон не мог иметь действительной силы без одобрения Государственной Думы. Право выбора в нее «по мере возможности» должны были получить и те слои населения, которые были лишены его по Булыгинскому законопроекту. Это был исторический шаг. Страна преобразовывалась. Напор стихии в одночасье преодолеть было нельзя, установилось относительное равновесие, известное как время «октябрьских свобод».

В Самаре телеграммы с текстом Манифеста были получены утром 18 октября. По свидетельству «Самарской газеты» «Манифест подействовал на народ ободряюще», но революционеры были недовольны⁴⁷; они обвиняли царя в лицемерии, лживости, обмане, звали народ к восстанию⁴⁸. Многие предприятия Самары приступили к работе с 16 октября. Железнодорожники, получив 23 октября телеграмму Центрального бюро Всероссийского железнодорожного союза с призывом прекратить забастовку, решили с 7 часов вечера этого дня выйти на работу. Протесты революционеров большинство проигнорировало.

В октябре в Самаре повсюду проходили митинги. В Пушкинском народном доме попеременно выступали социал-демократы и эсеры. Там же устраивали собрания их комитеты и собирались боевые дружины. Фактически была ликвидирована цензура. С 25 октября «Самарская газета» стала органом комитета социал-демократов, а «Самарский курьер» — комитета эсеров. Указом 21 октября 1905 г. из-под ареста были освобождены политические заключенные, получили амнистию либералы и революционеры, высланные в административном порядке. Антиправительственные организации резко усилились, действовали полулегально, открыто записывали новых членов. 16 октября со станции Самара вышел «революционный поезд № 2». До 22 октября его пассажиры агитировали на всем расстоянии от Самары до Уфы и блокировали деятельность железнодорожного начальства⁴⁹.

Комитет общественной безопасности 20 октября потребовал от администрации бесцензурного выхода газет, а 23 октября призвал артиллеристов для защиты города от погромов, организовал несколько отрядов самообороны и приступил, правда, без особого успеха, к созданию боевых дружин. КОБ обращался к властям, и они шли ему навстречу⁵⁰. Под предлогом черносотенного погрома комитет общественной безопасности потребовал удаления из города вице-губернатора В.Г. Кондоиди, и тот немедленно был отправлен в «отпуск». Более того, делегация Комитета общественной безопасности ездила в Петербург и получила уверения С.Ю. Витте, что В.Г. Кондоиди больше в Самару не вернется⁵¹. Комитет общественной безопасности отмежевался от устремлений революционеров к насильственному ниспровержению существующей власти, выступал за реформы. Его поддерживали обыватели Самары. В помещение КОБ в Охотниковской артели винных сборщиков постоянно приходили горожане с сообщениями обо всех происшествиях. Посетителей принимали дежурные члены комитета. Вскоре Комитеты общественной безопасности были созданы в Бугульме и Бугуруслане. На стороне КОБ выступал созданный 26 ноября «Офицерский союз» во главе с фон Гальбеном.

Самарский Совет рабочих депутатов (СРД) был образован по примеру уже существовавших Советов в Петербурге, Москве и др. городах по инициативе интеллигенции, как подсобная организация при комитете РСДРП. Его заседания проходили в читальном зале Пушкинского народного дома. Председателем СРД избрали Н.Е. Вилонова, который практически не бывал на его заседаниях,

секретарем — Н.И. Перфильева. Всего в заседаниях Совета участвовало более 40 чел., большая часть которых представляла железные дороги, железнодорожные мастерские и службы. В Совете преобладали социал-демократы. Самарский СРД установил связи с Советами Петербурга, Москвы, Уфы. Первое его собрание состоялось 30 ноября 1905 г. На нем присутствовали представители революционных партий, профессиональных союзов железнодорожников, телеграфистов железных дорог, механических заводов, типографий, приказчиков. Более всего участников этого заседания занимал вопрос, «как легче проникнуть в рабочие массы» «и вести среди них работу»⁵². В духе тогдашних социал-демократических представлений Совет объявил союзы инженеров, учителей, земских и почтово-телеграфных служащих, врачей, чиновников, фармацевтов, железнодорожников «буржуазными», стачечный комитет «полубуржуазным» и принял решение упразднить их. Позднее он отменил это решение. На втором заседании (1 декабря 1905 г.) меньшинство настаивало на запрещении издания монархической литературы, в частности, газет местного отделения партии правового порядка, большинство высказалось за свободу печати. Совет постановил, что он «является, прежде всего, беспартийной организацией всех рабочих независимо от их политических убеждений», руководителем «экономической борьбы самарских рабочих». На последующих заседаниях (4 и 6 декабря) был избран Исполнительный комитет, куда вошли представители партий социал-демократов и эсеров. В состав Совета вошли депутаты от союзов приказчиков, официантов и фармацевтов. СРД позиционировал себя как властная структура, предъявлял требования к властям и предпринимателям, издавал обращения к населению⁵³.

В дни октябрьских событий были основаны профсоюзы печатников, грузчиков, металлистов, булочников и калачников, строительных рабочих, портных. 30 октября интеллигентские профессионально-политические союзы инженеров, учителей, земских и почтово-телеграфных служащих, врачей, чиновников, фармацевтов объединились в «Союз союзов», председателем которого был избран один из лидеров организации кадетов А.К. Клафтон. Дошло до того, что в ноябре месяце петицию подали околоточные надзиратели и городовые. Они просили увеличить жалованье и квартирные, бесплатно выдавать лекарства и установить месячный отпуск, учредить товарищеский суд. Городовые писали: «Мы решили не бастовать, так как хорошо сознаем, что наше присут-

ствие городу теперь нужно более чем когда-либо». Справедливости ради, должно признать, что жизнь городских и околоточных была отнюдь не райской: их служба была и опасна, и трудна, а жалованье мизерным; досаждали регулярные вычеты из жалования (от 30 копеек за временную отлучку с поста до одного рубля за неявку на пост, независимо от причины). Начальство пошло навстречу стражам порядка и удовлетворило их некоторые пожелания, в частности, увеличило жалование⁵⁴.

В дни «октябрьских свобод» консервативно настроенное население организовывалась для защиты традиционных ценностей, монархии, царя, православия. В этих выступлениях сословия, страды, группы и классы гласно проявляли свои желания, они видели источник неурядиц в революционерах, студентах, евреях и воспринимали революционные выступления и призывы как попрание, разрушение привычного и единственно правильного в их представлении образа мыслей и жизни. Это подвигало их к защите патриархальной жизни как привычными по форме действиями (молебны, церковные шествия, проповеди), так и нетрадиционными, повторяющимися по форме действия противников существующего строя (митинги, демонстрации). Космополитичный, во многом молодежный состав участников антиправительственных выступлений, оскорбление веры, церкви, императора, радикальные призывы, красные флаги и другие радикальные символы оскорбляли чувства консервативно настроенных слоев; церковные песнопения, хоругви, белые российские флаги, осанна императору вызывали протест радикально настроенных слоев населения. И те, и другие были полны желания публично защищать свои ценности, показать несостоятельность мирозозерцания оппонентов, что приводило как к яростным спорам, так и массовым силовым противостояниям.

Страсть в следовании своему убеждению была отчасти формой выражения твердого как гранит и незыблемого как скала чувства справедливости, непоколебимой уверенности в том, что всякое деяние требует конечного воздаяния. Чувство справедливости в его революционном, атеистически-разрушительном и консервативном, религиозно-охранительном выражении в 1905 г. достигло крайней степени напряженности. Нередко революционные и консервативные демонстрации сталкивались. В лучшем случае, как это было в Самаре 18 и 20 октября, дело заканчивалось взаимной дракой. Среди консервативно настроенного населения была велика доля женщин из простонародья.

Весной-летом 1905 г. правые сторонники самодержавия разогнали мавки революционеров в Самаре, Саратове. Осень 1905 г. была отмечена массовыми выступлениями консерваторов из простонародья, их столкновениями с революционными демонстрациями. Чувство неуверенности, неодолимый страх, всякий раз вынуждавшие консервативное простонародье во время кризисов умолять власть о применении суровых наказаний, превратилось в хроническое явление⁵⁵. В верноподданнических адресах они просили императора: «Прикажите начальствующим лицам: Губернаторам и Архиереям, которым мы верим без сомнения, чтобы они разъяснили нам, что это за злодеи и что им нужно? То губернаторов бьют, то прокуроров, то министров, а тут добрались до помазанников Божьих, пусть их укажут нам. Мы скорость с ними справимся»⁵⁶.

Городская дума долго воздерживалась от политических манифестаций. Здравый смысл побуждал ее оберегать функциональность городского хозяйства. Много времени и средств отнимали заботы об устройстве госпиталей, материальной помощи солдатам и офицерам Русско-японской войны и их семьями⁵⁷. Нужно было содержать в порядке городское хозяйство в дни, когда политическая лихорадка охватывала обывателей. Городская дума и городская управа весь 1905 г. занимались такими повседневными проблемами, как аренда городской земли, плата за пристани, санитария, торговля и выпасы, наймы помещений, городская стража, ассенизация, водопровод. В разгар политического противостояния на заседании 26 октября 1905 г. она обсуждала такие вопросы, как аренда торговых мест, оплата труда землекопов, неправильная эксплуатация городской земли, сданной купцу Федорову под фабрично-заводские заведения⁵⁸. На следующем заседании обсуждали 22 вопроса, главным образом, об аренде городской земли, о расходах и т. п.⁵⁹

Особое место занимали темы водопровода, электрического освещения, трамвая, борьбы с пьянством. В январе 1905 г. Дума утвердила смету расходов на изготовление новых купонных листов к облигациям городского водопроводного займа в размере 400 тыс. руб.⁶⁰. Неоднократно возвращались к сюжету «о злоупотреблении по расходованию бесплатно отпускаемой городским водопроводом воды» и, в конце концов, пришли к выводу о желательности установления водомеров в помещениях и заведениях с двигателями и взимания платы (от 30 до 60 рублей) с булочных,

аптек и других заведений⁶¹. В августе 1905 г. дума выделила средства для установки 32 фонарей системы Галкина для освещения Воскресенской, Саратовской, Николаевской, Соборной, Троишской, Самарской улиц. За установку каждого фонаря М.М. Чубаков запросил по 160 рублей⁶².

О пьянстве в городе гласные Думы говорили задолго до 1905 г. и долго после 1905 г. Вот выдержка из заявления гласных городской думы Сенаторова, Чельшова, Шишкина и Савельева: «Каж-дому из нас известно, что в праздники мимо тех домов, где помещаются трактирные заведения, портерные лавки, особенно мимо последних, положительно нет прохода, не только женскому полу, но и мужскому. У каждого из этих заведений на тротуарах, на далекое расстояние, прогуливаются пьяные толпы рабочих всякого цеха, хулиганов и горчишников, а около винных лавок по обе стороны их помещений и на противоположной стороне, тоже на тротуарах и в подъездах домов, распивается водка из посуды через горлышко прямо на улице: тут пьют старики, юноши и женщины, не стесняясь проходящих граждан. Напиваясь на улице, некоторые тут же сваливаются в бесчувственном состоянии и валяются в самом безобразном виде, а те, которые еще не свалились, по адресу проходящих, в особенности же по адресу женского пола, посылают самые отвратительные площадные выражения». Далее живописались драки, а в заключение авторы заявления предлагали просить «господина министра внутренних дел» издать правило о закрытии всех заведений, торгующих крепкими напитками, и винных лавок в церковные и другие праздники, в день освобождения крестьян от крепостной зависимости (19 февраля), в дни рождения и тезоименитств императора, императрицы и наследника⁶³.

Городская Дума связывала беспорядки с недостаточной дееспособностью властей и стремилась избавиться от чрезмерной опеки. Уже 28 февраля городская управа одобрила доклад бюджетной комиссии, в котором речь шла о неблагоприятных условиях деятельности городских органов самоуправления, «стесняемых административной опекой». «Дума, — говорилось в докладе, — находится в состоянии несовершеннолетнего в вопросах распоряжения даже своими средствами, благодаря тому, что административная опека парализует всякую инициативу по хозяйственным вопросам», Городская управа просила «совершенно» освободить городское общественное управление от этой опеки, подчинить ему городскую полицию⁶⁴.

Беспорядки в стране и городе втягивали городскую думу в политический водоворот. На собрании городской Думы 12 октября 1905 г. страстную речь произнес А.Н. Хардин. «В виду совершающихся событий, таких, как забастовка Самаро-Златоусовской и других железных дорог, — говорил он, — Думе следует рассмотрение вопросов, включенных в программу настоящего заседания, отложить до более благоприятного времени», а сейчас подготовить и послать телеграмму на имя царя о необходимости созыва Учредительного собрания. Большинство гласных онемело, или, словами радикального корреспондента «Самарской газеты» «затряслась от ужаса». Председательствующий немедленно объявил перерыв и пригласил присутствующих гласных на частное совещание, по окончании которого заседания думы отложили⁶⁵.

Хаос в дни октябрьской забастовки, внес смятение в души гласных городской Думы. Истинным облегчением для них оказался Манифест 17 октября, встреченный с воодушевлением⁶⁶. Однако, до желанного покоя было далеко, на ноябрьском заседании городской думы А.М. Михайлов и П.П. Подбельский внесли ходатайство о созыве Учредительного Собрания «с целью успокоения брожения умов». За предложение голосовало 11 человек, против — 34. Дума постановила послать председателю Совета министров С.Ю. Витте телеграмму с просьбой о скорейшей реализации Манифеста 17 октября «находя его единственным средством успокоения брожения умов»⁶⁷.

§ 4. Политические, общественные организации и администрация

С начала 1905 г. энергично заявили о себе политические объединения, партии и союзы. Консерваторы представляли те социальные слои, которые стояли за сохранение традиционного уклада, не представляли России без самодержавия, православия, сословного разделения населения. Несмотря на то, что Общество сельских хозяев Самарской губернии ни чем себя не проявило, идея всесословного объединения землевладельцев имела немало сторонников. Однако землевладельцы из крестьян и купцов от единения с дворянами уклонялись. А.А. Чемодуров, М.Д. Мордвинов, А.Н. Наумов пропагандировали идею Всероссийского союза дворян-землевладельцев для водворения порядка, охраны частного землевладения. Традиционная формула: православие, само-

державие, народность — была их нравственной максимой. Чрезвычайное губернское дворянское собрание 26 февраля 1906 г. избрало на Всероссийский съезд дворянских обществ губернского предводителя А.Н. Наумова, а также А.А. Чемодурова, А.Н. Булгакова, А.Н. Толстого, П.М. Наумова, М.Д. Мордвинова и Н.Н. Шипкова. На I Всероссийском съезде представителей от дворянских обществ (апрель 1906 г.) А.А. Чемодурова избрали членом Постоянного Совета по подготовке съезда, а впоследствии — членом Постоянного Совета объединенных дворянских обществ, мнению которого внимали царь и правительство.

Губернский отдел Союза русского народа оформился только к концу революции, в ноябре 1906 г. 500 чел., преимущественно торговцев и люмпенов. В Самаре не издавалось черносотенных газет, не было погромов, как в Казани и других городах⁶⁸. Самарские черносотенцы ограничивались мелкими стычками с революционерами, избиением отдельных интеллигентов, угрозами и изданием прокламаций. Немного преуспели они и в дни «октябрьских свобод». Вице-губернатор Кондоиди 20 октября 1905 г. во время панихиды по Александру III произнес речь, в которой корил смутьянов, безбожников-революционеров, винил правительство в трусости, призывал сплотиться вокруг царя. Самое многочисленное патриотическое шествие состоялось 27 октября. Около 200 человек с портретом царя, белым знаменем собрались на Алексеевской площади. На их беду рядом оказалась «боевая дружина» социал-демократов (из четырех человек). У патриотов отобрали знамя, митинг распугали. Знамя социал-демократы позднее вернули полицмейстеру.

После издания манифеста 17 октября 1905 г. самарские либералы размежевались. Умеренные либералы организовывали отделения «партии правого порядка» и «Союза 17 октября», которые 3 декабря объединились на платформе «Союза». В губернский комитет «партии правового порядка» на платформе «Союза 17 октября» (октябристов) вошли предводитель дворянства А.Н. Наумов, городской голова С.Н. Постников, крупные землевладельцы и предприниматели И.Г. Курилин, В.М. Сурошников, Я.Д. Слободчиков, граф А.Н. Толстой, князь П.Д. Урусов, М.Д. Чельшев, Т.А. Шишов. С 1 января 1906 г. октябристы издавали газету «Голос Самары». В конце 1906 г. в Самаре насчитывалось 735 октябристов. Были созданы группы в Бузулуке, Бугульме, Николаевске, Новоузенске, посаде Мелекесс, селах Тимашево и Сельское⁶⁹. Среди

октябристов было немало высокооплачиваемых торгово-промышленных служащих, чиновников, «цензовой» интеллигенции.

Они были сторонниками наследственной конституционной монархии с двухпалатным представительством; выступали за равенство всех граждан без различия пола, национальности, вероисповедания, за свободу слова, совести, печати, собраний и союзов, отмену паспортной системы. Октябристы не были противниками немедленного уничтожения сословий и свято чтили закон; аграрный вопрос они предлагали решить путем уравниванием крестьян в правах с другими гражданами, отменой архаических общинных порядков, подъемом производительности земледелия и, по возможности, увеличения крестьянского землевладения⁷⁰. Свою программу они предполагали проводить исключительно мирным путем. В период избирательной компании в Думу октябристы регулярно проводили собрания, распространяли воззвания. Среди проstonародья октябристы появлялись редко.

Самарская организация партии кадетов окончательно оформилась в декабре 1905 года. Во временный губернский комитет партии вошли известные либералы Е.Л. Кавецкий, А.Г. Клафтон, Г.Н. Костромитинов, А.Г. Курлин, В.А. Племянников, Д.Д. Протопопов, А.Н. Хардин. 31 декабря 1905 г. кадеты вошли в редакцию газеты «Самарский курьер», а после его закрытия в редакцию газеты «Волжское слово». В Самаре насчитывалось 300 членов; существовали группы партии также в уездных городах и промышленных селах⁷¹. Кадеты были сторонниками конституционной парламентской республики, политических свобод, свободы слова, совести, собраний, митингов демонстраций, 8-часового рабочего дня «там, где он возможен». Земельные нужды крестьян они предлагали решить созданием государственного земельного фонда путем принудительного отчуждения непроизводительно используемых частновладельческих земель «по справедливой оценке» с последующим наделением крестьян. Кадеты стояли за сохранение общины, так как считали, что насильственная ломка традиционных институтов ускорит пролетаризацию, углубит социальный кризис.

В организации кадетов находились землевладельцы, предприниматели, служащие, интеллигенты, приказчики, ремесленники, рабочие, редко крестьяне⁷². Так же, как и октябристы, социал-демократы и эсеры, а также консерваторы («черносотенцы»), кадеты, были «общенациональной» партией. Они агитировали средние городские слои, рабочих, крестьян и пользовались влиянием во всех слоях общества; сотрудничали и с октябристами, и с рево-

люционерными. В глазах администрации они были опаснейшей антиправительственной организацией и подвергались систематическим преследованиям⁷³.

Революционеры, социал-демократы и социалисты-революционеры выступали за вооруженное восстание, ниспровержение самодержавия, ликвидацию сословных различий, демократическую республику, Учредительное собрание, свободу слова, совести, собраний, стачек, восьмичасовой рабочий день, перераспределение собственности. Социал-демократы вначале предлагали возратить крестьянам выкупные платежи, земли, отрезанные от их наделов в ходе реформы 1861 г. («отрезки»). Летом 1905 г. самарский комитет РСДРП защищал за программу «отрезков» и только осенью этого года стал склоняться к конфискации помещичьих земель⁷⁴. С 1906 г. он определенно поддержал программу муниципализации земли, т. е. передачу латифундий органам местного самоуправления с последующей арендой их крестьянами⁷⁵. Эсеры выступали за «социализацию земли», т. е. ликвидацию частной собственности на землю, превращение ее в общенародное достояние без выкупа, передачу ее демократически организованным органам самоуправления и общинам на принципе «поравнительного» распределения между крестьянами по потребительной или трудовой норме⁷⁶.

В одних случаях самарские социал-демократы принимали решения в духе рекомендаций вождей-большевиков, в других — вождей-меньшевиков. Весной 1905 г. они насчитывали в своих рядах 560 членов, осенью — более 600, весной 1906 г. — около 600, весной 1907 г. — около 400 членов⁷⁷. Больше всего в организации социал-демократов было рабочих, затем интеллигентов; крестьян социал-демократов почти не было. В комитете преобладали интеллигенты, много было зеленой молодежи. Главные усилия социал-демократы направляли на город, в первую очередь на промышленные предприятия, где добились значительных успехов⁷⁸. Подтверждением тому служат и итоги выборов во II Государственную думу. Социал-демократы преобладали в рабочих стачечных комитетах, Совете рабочих депутатов, профсоюзах. Они основали также кружки учащихся, пользовались известным влиянием среди тружеников кустарных и полукустарных заведений, ремесленников и грузчиков г. Самары; с середины 1905 г. агитировали части местного гарнизона. У них была хорошая типография. Прокламации социал-демократы выпускали в тысячах, а иногда в десятках тысяч экземпляров. Издавали также легальные и нелегальные газеты «Самарская газета», «Самарская лука», «Прибой», «Борьба».

Организация эсеров в Самаре в дни «октябрьских свобод» состояла из нескольких сот человек. В апреле 1906 г., по данным жандармского управления, в ней было 239 членов, а в октябре того же года, по партийным сведениям, около 500 членов: рабочих, ремесленников, кустарей, железнодорожников, учащихся, представителей нецензурной интеллигенции. Эсеры имели серьезное влияние на железнодорожников, рабочих мелких предприятий, ремесленников, приказчиков. На крупных предприятиях их влияние было незначительным, больших успехов они добивались у учащихся и солдат гарнизона⁷⁹. Типографская база у эсеров была похуже, чем у социал-демократов. Тем не менее, они регулярно и большими тиражами выпускали прокламации (до 5–10 тыс. экз.), издавали легальные и нелегальные газеты «Самарский курьер», «Крестьянская газета», «Молодое слово», «Народный листан», «Судьба»⁸⁰. Боевая дружина губернского комитета покушалась на жизнь начальника гарнизона генерала Сергеева. Летучий отряд Поволжской области — на генерала Сергеева, Боброва, губернатора Блока.

В конце 1906 г. от эсеров Самары отделилась группа социалистов-революционеров-максималистов во главе со статистиком губернской земской управы В.М. Владимировым, насчитывавшая в феврале 1907 г. чуть более 20 человек: молодых рабочих и интеллигентов⁸¹. Все усилия они направили на экспроприации: 26 января 1907 г. изъяли 435 руб. у владельца мучной лавки купца Романова, 18 февраля 1907 г. 200 руб. — у артельщика Самара-Златоустовской железной дороги Ваганова⁸². Максималисты поддерживали тесные связи с довольно многочисленной группой анархистов-индивидуалистов, основанной в феврале 1907 г.⁸³ Осенью 1906 г. в Самаре стал действовать небольшой кружок радикалов-евреев «пали-цион»⁸⁴.

Все политические организации были настроены на жесткую конфронтацию. Таковыми были отношения октябристов и кадетов, социал-демократов и эсеров, не говоря о враждебной непримиримости консерваторов и революционеров. Психология нетерпимости достигала максимума у лидеров, комитетчиков. Рядовые члены зачастую не понимали причин розни и полагали нужным объединить усилия революционеров против власти, либералов, против консерваторов.

До поздней осени 1905 г. самарская администрация, пребывая в растерянности, шла на поводу политических организаций, не препятствовала их созданию, посредничала в переговорах рабочих

и служащих с предпринимателями, чаще всего, занимая сторону бастующих. В первые месяцы 1905 г. губернская администрация содействовала выбору различных депутатий забастовщиков и содействовала организации переговоров их и предпринимателей. Так было, как во время волнений рабочих в марте-апреле 1905 г., так и позднее; не препятствовала она созданию железнодорожного союза, Комитета общественной безопасности и других общественных политических организаций. В октябре 1905 г. власти вели бесконечные переговоры с городским стачечным комитетом, передали ему Пушкинский народный дом, сквозь пальцы смотрели на многочисленные собрания, устраиваемые там революционерами, мирились с существованием и военных дружин. По требованию КОБ, администрация разрешила бесцензурный выход газет. И только в ноябре самарские власти стали приходить в себя.

В те же дни городская Дума, все более решительно отмежевываясь от устремлений либеральных политических организаций нагнетать страсти, стала выступать за упрочнение порядка. 17 гласных, в их числе М.С. Афанасьев, А.Г. Курлин, П.П. Подбельский, 18 октября 1905 г. предложили обсудить меры, «которые необходимо принять для успокоения и безопасности жителей Самары». После непродолжительной дискуссии Дума постановила «прийти на помощь безработным и организовать общественные работы, дешевую столовую, а также создать комиссию «по разработке вопроса об охране»⁸⁵. 22 ноября 1905 г. было принято решение об увеличении жалованья полицейским служащим, ночным сторожам на 5 руб. в месяц; околоточным надзирателям — на 11 руб. 67 коп., доплате с 1 октября 1905 г. казакам 5 руб. в месяц, старшим офицерам 3 руб. в сутки, младшим офицерам — 2 руб., солдатам Березинского полка — 15 коп. в сутки⁸⁶. Городской бюджет в годы революции испытывал острый дефицит. Именитые граждане и купцы, к которым воззвала Дума, не горели желанием раскошелиться, и к началу 1906 г. пожертвовали чуть более 12,5 тыс. руб., миллионер Шихобалов обещал ссудить городу 20 тыс. руб. из 8% городских⁸⁷. Организованная по инициативе городской Думы столовая вскоре была закрыта, общественные работы прекращены. 12 декабря 1905 г. девять гласных, в их числе М.Д. Челышов, Ф. Углов, в заявлении на имя исполняющего должность городского главы указывали на увеличивающуюся опасность забастовок, «которые сопровождаются насильственным закрытием не только торговых и заводских заведений, электрического освещения, но даже присутственных мест, как окружной суд, нотариусы и банки,

с угрозами забивать тех, которые не подчиняются». Они писали, что около месяца не работали почта и телеграф. Далее следовал апокалипсический вывод: «Насильственным путем партия крайних остановила торговлю и промышленность в городе, — жизнь замерла, и страшная катастрофа разорения надвигается»; они призывали городскую Думу принять посильные меры, чтобы обезопасить обывателей, предпринимателей и торговцев от «массы вооруженных людей», не «играть в забастовки, которые приведут страну к банкротству»; и та Дума единодушно поддержала авторов заявления. По поручению Думы городской глава просил губернатора принять «самые энергичные меры к пресечению возможности организовываться собраниям крайних партий»⁸⁸.

У революции 1905–1907 гг. было мужское лицо. В традиционалистской России роль женщины вполне определенно очерчивалась кругом семьи. Крестьяне резко негативно относились к женской эмансипации. Женщины не были субъектами сельского схода и сельского самоуправления. В массе своей женщины-крестьянки были религиозны, революционных учений и призывов боялись, не ждали ничего хорошего от крутых перемен, противились участию мужей, сыновей, родственников в нелегальных кружках, погромах и других выступлениях, проклинали «студентов»⁸⁹.

В пореформенной Самаре женщины, чем далее, тем более включались в общественную жизнь. Особенно это касалось женщин-дворянок. Они получали гимназическое образование, учились на учительских и фельдшерских курсах, участвовали в общественной жизни, были членами радикальных партий. Однако среди руководителей комитетов и групп мы можем назвать только нескольких женщин. Зато было много пропагандисток. В революционных выступлениях так или иначе, вольно или невольно принимали участие женщины практически всех слоев русского общества: дворянки, крестьянки, работницы, интеллигентки и домохозяйки; самыми активными были ученицы фельдшерских и учительских училищ, а также гимназистки.

На рубеже XIX–XX вв. женщины-труженицы были заняты в производстве одежды и предметов туалета, в «модных» магазинах; значительным было число домашней прислуги. В заведениях, где были заняты женщины, царили патриархальные нравы, у наемных работниц практически не было никаких формальных прав. В Самаре в модных мастерских Мериин белошвей при 13–14-часовом рабочем дне получали 3–4 рубля в месяц и вынужденно подрабатывали на жизнь проституцией. В феврале 1905 г. они бросили

работу, требуя двенадцатичасового рабочего дня, восьмирублевого месячного жалования, введения фабричного устава — всех их немедленно уволили. В городах среди демонстрантов и митингующих было много гимназисток, фельдшерлиц, работниц. 14 октября 1905 г. при столкновении демонстрантов и полиции были ранены семнадцатилетние портниха К.Н. Почтаркина и домашняя служанка Е.Л. Богомолова⁹⁰

По инициативе Н.В. Батюшковой и Н.А. Хардиной в Самаре 23 апреля 1905 г. состоялось организационное собрание «Женской лиги»; 4 мая на многолюдном митинге Н.А. Хардина выступила с докладом о роли женщин, в котором говорила о необходимости их полной эмансипации. Позднее был создан союз женского равноправия, вошедший в «Союз союзов»⁹¹. Одним из крупнейших в Самаре был профсоюз портных и портних «Игла». Основной целью эти профсоюзы ставили улучшение условий труда, содействие умственному и нравственному развитию тружениц.

§ 5. Декабрь 1905 г. в Самаре

В конце ноября 1905 г. правительство перешло в наступление: 26 ноября были арестованы председатель, а 3 декабря Исполнительный комитет и значительная часть членов Петербургского Совета рабочих депутатов, 2 декабря за публикацию так называемого «Финансового манифеста» были закрыты восемь левых газет. На полях доклада о приостановке газет Николай II написал: «Наконец!» В ответ революционеры пошли на крайние меры. В Москве конференция 29 железных дорог, Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза и Совет рабочих депутатов постановили с полудня 7 декабря начать всеобщую политическую стачку с последующим вооруженным восстанием.

В Самаре с середины ноября 1905 г. распространялись слухи о готовящемся восстании. Администрацию тревожило положение дел в артиллерийской бригаде. 27 ноября совещание командиров частей и старших штаб-офицеров гарнизона, проходившее под руководством генерала Сергеева, решило обезвредить ее и с этой целью арестовать подполковника фон Гольбена, а также членов военной организации эсеров⁹².

Самарский Совет рабочих депутатов и железнодорожный стачечный комитет назначили выступления на 8 декабря. В первых обращениях, опубликованных ими, говорилось только о полити-

ческой стачке. Однако уже 8 декабря Совет, комитеты социал-демократов и эсеров в воззвании «На улицу!» призвали к вооруженному восстанию, свержению самодержавия, образованию революционного временного правительства и созыву Учредительного собрания⁹³. Вряд ли даже те, кто призывал к восстанию, верили в его успех; военная сила революционеров ограничивалась боевыми дружинами. Уверения Совета рабочих депутатов: «Солдаты артиллерийской бригады, железнодорожные батальоны с нами», — не соответствовали истине. После ареста 3 декабря фон Гальбена, а затем лидера военной революционной организации И. Петрова не осталось никого, кто был бы способен повести за собой солдат. Многие рабочие противились забастовке, не говоря уже о восстании. А.А. Коростылев, социал-демократ, активный участник событий, рассказывал, что, когда он с товарищами явился на завод Лебедева и призывал к стачке, рабочие их побили, а на Жигулевском заводе «поливали водой»⁹⁴.

Как и в октябре 1905 г., первыми забастовали железнодорожники. Военские составы, за этим следила «техническая служба» стачечного комитета, проходили беспрепятственно; также не задерживали поезда с хлебом для пострадавших от неурожая губерний. Вслед за железной дорогой прекратили работу на некоторых заводах и фабриках, магазинах и в казенных учреждениях. По распоряжению Совета рабочих депутатов продолжали функционировать водопровод, мясные и молочные лавки, аптеки, хлебопекарни. 8 декабря в руках Совета оказался железнодорожный телеграф.

По свидетельству очевидца, улицы и площади города, наполненные народом, напоминали потревоженный муравейник, всюду сновали вооруженные патрули дружинников и казаков; однако, революционеры не представляли, что делать далее⁹⁵. Один из лидеров самарской организации эсеров С.Н. Каллистов позднее писал: «Мы по-настоящему не были готовы к вооруженному восстанию. У нас были дружины..., но не было ни плана действий, ни ясного представления о том, как и что мы будем делать во время вооруженного восстания»⁹⁶. В Народном Доме шли бесконечные митинги и совещания эсеров и социал-демократов, велись разговоры о необходимости ареста губернатора и других начальствующих лиц, но дальше разговоров дело не шло.

Несмотря на тревожную ситуацию, местные власти в целом, контролировали ситуацию. В их распоряжении были казаки, 312-й Березенский пехотный полк и другие воинские части.

Железнодорожные войска заняли вокзал, а саперы здание железнодорожного телеграфа. Не дремало и жандармское управление. В первые дни декабря оно известило начальство об усиленной подготовке революционеров к восстанию, о комплектовании «боевых дружин», усиленном приобретении оружия в магазинах, а также экспроприации его революционерами из арсеналов. Так, например, 12 ноября из оружейного склада 3-й артиллерийской бригады выкрали 50 револьверов. Властям было известно и о планах нападения на административные учреждения. По полученным заранее сведениям на 10 декабря в Народном Доме объявлялся сбор дружинников с тем, чтобы 11 декабря начать восстание.

В половине девятого вечера 10 декабря Народный Дом окружили четыре роты солдат, две сотни казаков и наряд полиции. Губернатор Д.И. Засядко послал командующему сводным отрядом полковнику Баранову записку с просьбой выпустить публику из Народного Дома без насилия. Баранова это лишь подстегнуло. В Народном Доме находились, по одним данным, полторы, по другим, две, а по третьим, даже три тысячи человек, главным образом, ежедневно митингующей публики; дружинников было всего несколько десятков, не более 70 человек. Сгоряча они решили держаться. Забаррикадировали окна и двери, на требования сдать бросили с балкона в сторону осаждавших две самодельные бомбы (по сообщению Д.И. Засядко — четыре), которые не взорвались. Кроме того, прозвучал одинокий оружейный выстрел. Спустя два часа Баранов объявил, что если через пять минут окруженные не капитулируют, то он прикажет начать атаку. Положение было безвыходным. Собравшиеся в Народном Доме согласились сдать оружие и разойтись⁹⁷. Во время переговоров все собравшиеся в Народном Доме известные революционеры бежали через прилегающий сад. В здание вошла караульная рота. Обыски шли до часу ночи. Было обнаружено несколько разрывных снарядов, ружей, холодное оружие. Всех задержанных в Народном Доме отпустили, некоторых из них избили, двое получили тяжелые телесные повреждения, один подросток позднее скончался. Рассказы о попытке боевой дружины главе с председателем Совета Н.Е. Вилонным оказать помощь осажденным, наверняка, легендарны; в официальных документах, зафиксировавших мельчайшие детали событий 10–11 декабря, об этом не упоминается. 11 декабря часть депутатов Совета рабочих депутатов арестовали, некоторые депутаты скрылась; Совет перешел на нелегальное положение. Следов

его деятельности в последние дни перед самороспуском не осталось. Последний раз Самарский Совет рабочих депутатов нелегально собрался 15 декабря.

Пушкинский Народный Дом. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

Революционеры потерпели поражение. Власти, имея полное превосходство, уже в ночь на 11 декабря начали наводить порядок. Арестовали известных революционеров, в первую очередь, эсеров В. Девятова, И. Петрова, И. Лукасинского, которых опасались более других, председателя и членов железнодорожного стачечного комитета В.П. Цветкова Г. Глядкова, К. Дубцова. На улицах патрулировали казаки и полицейские. Несанкционированные митинги, демонстрации, собрания, в том числе и в Народном Доме, запретили. Социал-демократы намеревались провести 12 декабря митинг в помещении общества приказчиков. К девяти часам вечера, как только собралась публика, прибыл пристав с нарядом казаков и предложил разойтись. Организаторам, сославшимся на Манифест 17 октября, он пояснил: «То было 17 октября, а теперь 12 декабря»⁹⁸.

Губернатор 11 декабря советовал торговцам открыть магазины, обещая, что, если кто будет мешать торговле, то он прикажет защищать их с помощью военной силы. На следующий день поря-

док в городе в основном был восстановлен. Работали магазины, административные учреждения, почти все промышленные предприятия. Лишь на железной дороге до 21 декабря продолжалась частичная забастовка. Городская Дума 13 декабря отмежевалась от Комитета общественной безопасности КОБ и обратилась с просьбой к губернатору привлечь комитет «к законной ответственности за неправильно присвоенные им функции»⁹⁹. Купечество выделило для поощрения нижних чинов Березинского полка, «усмирителей крамолы», 500 руб. Коммерческое собрание чествовало полковника Березина, «освободителя» Самары от «революционного террора». Комитет общественной безопасности на своем последнем заседании 13 декабря констатировал как моральное, так и материальное «ослабление». К этому времени его покинули 15 «отцов основателей». Принятое постановление о продолжении деятельности было чисто символическим. КОБ незаметно сошел со сцены.

Революционеры растерялись. Вначале среди них шли разговоры о «партизанской войне», затем о терроре. Самарский комитет социал-демократов на заседании 11 декабря отказался от применения индивидуальных покушений. Эсеры, напротив, сосредоточили усилия на том, чтобы «наказать карателей», в первую очередь начальника самарского гарнизона генерала Сергеева. 15 декабря на площади за губернской земской больницей в ехавшего на пролетке генерала трижды стрелял член военной организации эсеров, солдат С. Власов. Все три выстрела не достигли цели. Позднее Власова осудили на 15 лет каторги. 27 декабря 1905 г. член летучего отряда Поволжской области, рабочий-кровельщик Л.П. Жуков, бросил с перрона вокзала разрывной снаряд под вагон, в котором Сергеев направлялся к новому месту назначения. Были поврежден вагон, часть вокзала, Сергеева ранило в лицо и руку.

§ 6. В перводумские дни

Эпоха «явочных свобод», безвластия окончилась. В 1906–1907 гг. не было таких непрерывных, многочисленных, грозных выступлений в городе и в деревне против существующего порядка, как в 1905 г. Движение приобрело иное качество, оно дробилось, локализовалось.

В Самарской губернии, по данным фабричной инспекции Министерства торговли и промышленности (она не охватывала предприятия с числом рабочих менее 10–15 человек, а также казенные

и железнодорожные заведения), в 1905–1907 гг. имелось от 156 до 159 предприятий, с числом рабочих от 9624 до 9923. На них в 1905 г. было зафиксировано 168 стачек с 12752 участниками, в 1906 г. – 48 стачек с 3 093 участниками, в 1907 г. – 29 стачек с 2 514 участниками¹⁰⁰. Примечательно, что более половины стачечников Самарской губернии в 1907 г. – металлисты (1 543 чел.), т. е. наиболее квалифицированные и высокооплачиваемые рабочие. В губернии за 1905 г. выявлено 495 крестьянских выступлений, за 1906 г. – 130, за 1907 г. – 51. Существенно изменился характер аграрного движения. В 1905 г. многие крестьяне согласованно, силой стремились взять землю, выжить помещиков. В 1906–1907 гг. они больше надеялись на царя, Государственную Думу, выступали разрозненно.

Во второй половине декабря 1905 г. – феврале 1906 г. революционные организации были серьезно ослаблены. В Самаре с 15 декабря 1905 г. по 15 января 1906 г. было арестовано около 200 социал-демократов. Уцелевшие от арестов лидеры комитета бежали. Потери эсеров были еще более значительными. На них власти обращали внимание в первую очередь. Арестовывали всех видных деятелей комитета: 18 декабря Э. Павлинского, 19 декабря М.А. Веденяпина, М.И. Самгина, 24 декабря С.И. Акрамовского. Департамент полиции запрашивал Самарское жандармское управление о причинах «столь значительного числа содержащихся под стражей, в порядке положения о государственной охране»¹⁰¹. Ослабла и организация кадетов. Многие вышли из ее рядов. Однако до полного успокоения было далеко. Революционеры и либералы оправились довольно быстро. В январе 1906 г. социал-демократы стали издавать нелегальную газету «Борьба», весной восстановились комитеты антиправительственных организаций.

В первый половине 1906 г. в центре внимания россиян была Государственная Дума. Закон от 11 декабря 1905 г. расширил круг избирателей. В Самарской губернии землевладельцы имели почти 31,5 % голосов, крестьяне 41,4%, рабочие несколько более 3 %, предприниматели и другие горожане, обладатели имущественного ценза, чуть менее 24 %. Правительство верило в поддержку крестьян и предоставило им столь значительную квоту. Ограничено было представительство нехристиан. Съезд мусульманских духовных лиц и мусульманских крестьянских обществ Ставропольского уезда (около 500 чел.), проходивший 4 февраля 1906 г. в Народном Доме посада Мелекесс, просил предоставить мусульманам пропорциональные права на выборах в Думу¹⁰².

Революционные партии называли Думу «обманом», «фальшью», «подделкой народного правительства». Социал-демократы выпустили прокламацию с характерным заголовком: «Участники Думы — предатели народа!». Они звали к активному бойкоту выборов. К бойкоту их толкала горечь поражения в 1905 г., опасение, что Дума, удовлетворив некоторые желания населения России, поставит труднопреодолимые препятствия на пути революционного переворота. Они надеялись, что народ можно убедить бойкотировать выборы, и верили, что он готов взяться за оружие. Впоследствии революционеры признали, что они неправильно оценили степень «революционной готовности» народа, но остались верны мнению, что Дума ничего не может сделать для масс и, в лучшем случае годна для пропаганды революционных программ.

Самарский комитет РСДРП с января по июль 1906 г. выпустил 22 листовки тиражом от трех до десяти тысяч экземпляров каждая с призывом к бойкоту. Несколько уступая социал-демократам в выпуске печатной литературы, эсеры, благодаря содействию земских учителей, агрономов, фельдшеров, значительно превосходили их в устной агитации бойкота в деревне. И эсеры, и социал-демократы постоянно дискутировали на предвыборных собраниях с кадетами и октябристами, призывая отказаться от выборов «в черносотенную думу»¹⁰³. Изредка им удавалось провести резолюцию о бойкоте выборов на заводах, как например, 1 марта 1906 на собрании 150 рабочих завода Журавлева, крайне редко это удавалось в деревне¹⁰⁴.

Прохладно отнеслись к выборам консерваторы Самары. Основную предвыборную борьбу вели октябристы и кадеты, а также плохо организованные демократы, которые выступали под лозунгом «левее кадетов» (позднее их называли «трудовиками»). Самарская организация Союза 17 октября именно с начала выборов привлекла новых сторонников. Свою избирательную программу октябристы опубликовали в «Голосе Самары» 19 февраля 1906 г. Основные ее моментами ее были поддержка монархии на почве манифеста 17 октября, охрана «священной частной собственности», избрание «истинно русских людей». Свои прокламации, воззвания и брошюры октябристы распространяли в десятках тысячах экземпляров как в городах, так и в деревнях¹⁰⁵. Кадеты выступили с программой народовластия, увеличения крестьянского землевладения за счет государственных удельных и выкупленных «по справедливой оценке» частновладельческих земель. Они развернули весьма активную устную агитацию в городе, в деревне же появлялись редко.

По мере приближения дня выборов полемика между кадетами и октябристами становилась все острее. Октябристский «Голос Самары» иронизировал над «молодцами» из «Самарского курьера», называл кадетов очернителями, лжецами, клеветниками, брызжущими «ядовитой и грязной слюной»¹⁰⁶. В свою очередь, кадеты призывали не верить октябристам, антинародной «партии богатых»¹⁰⁷.

Бойкотистская кампания революционеров не увенчалась успехом. В городе их поддерживали часть рабочих на немногих заводах (Журавлева, Лебедева, Вайнберга) и типографий. В деревне выборы почти повсюду прошли вовремя. 24 марта 177 выборщиков, в том числе 95 от волостей, собрались в Самаре. Борьбу за крестьян-выборщиков октябристы проиграли начисто. 25 марта те отказались от общего собрания с октябристами и устроили отдельное собрание с кадетами. К октябристам пришли только крестьяне-землевладельцы. Сокрушительное поражение «Союза 17 октября» было предопределено. 26 марта в Государственную Думу было избрано 8 кадетов и 5 беспартийных, «левее кадетов», будущих трудовиков.

27 апреля состоялось торжественное открытие первой Государственной Думы, «Думы народных надежд». «Газеты местные и столичные разбираются самарской публикой нарасхват, — сообщал корреспондент «Голоса Самары». — Все интересуются деятельностью Думы, все ждут от нее того или иного разрешения назревших вопросов». Надеялись на Думу горожане, крестьяне, безработные, множество которых весной и летом 1906 г. собиралось на рабочей бирже, Ильинском и Троицком базарах. Вместе с тем не прекращались и волнения. Указ об общественных объединениях от 4 марта 1906 г. дал возможность появлению в Самаре легальных профессиональные союзов рабочих механических депо (в сентябре 1906 г. насчитывал 215 членов), печатников (190 членов), столяров (58 членов), служащих и рабочих городского самоуправления, а также общественных организаций интеллигенции¹⁰⁸.

Утром 1 мая из 750 рабочих главных железнодорожных мастерских на работу вышли только 200, да и те, за исключением 29, разошлись по домам. В депо из 800 человек работали, кроме дежурных, всего 60. Администрация дороги и не настаивала на том, чтобы это был обычный рабочий день, и не предполагала налагать взыскания, поскольку, как отмечалось в донесении начальника Самарского жандармского полицейского управления железных дорог А.И. Грицевича: «Невыход на работу объясняется давно за-

веденным порядком праздновать этот день»¹⁰⁹. 1 мая праздновали также рабочие всех типографий, большинства фабрик и заводов. Администрация города, со своей стороны, тоже заранее готовилась к 1 мая. Речь шла не о недопущении незаконного праздника, а о превентивных мерах на случай возможных беспорядков. На улицах дефилировали казачьи патрули, в общественных местах была выставлена военная охрана. Обыватель в этот день предпочел сидеть дома. Вечером несколько тысяч человек собрались в Струковском саду. В общем 1 мая прошло почти спокойно. Лишь семинаристов, сорвавших занятия в мужской гимназии, пришлось успокаивать патрулю¹¹⁰.

В дни «перводумских свобод», значительно усилили свое влияние как октябристы и кадеты, так социал-демократы и эсеры¹¹¹. При комитетах революционных партий активно действовали «рабочие», «военные», «крестьянские» организации, специализирующиеся на агитации населения. Так называемые боевые дружины были созданы не только в губернском и уездных городах (эсеровская боевая дружина в Кинель-Черкассах летом 1906 г. насчитывала до 200 человек — случай, конечно, исключительный), но и в деревнях. Прокламации революционеры издавали регулярно и многотысячными тиражами. Эсеры на короткое время наладили выпуск легального «Народного листка».

Ненадежен был гарнизон. 14 июня офицер 215 пехотного Бугульминского полка арестовал двух солдат. Немедленно собрался митинг, на который солдаты явились с оружием. Они потребовали освобождения арестованных, удаления нелюбимых офицеров, «полной амнистии и отмены смертной казни», «земли и воли нашим отцам». Во время митинга раздавались выстрелы в воздух. Положение создалось крайне тревожное. Солдаты, вернувшиеся с Дальнего востока, долго не получали денежного и вещевого довольствия, были недовольны пищей. В случае, если их требования не будут удовлетворены до 27 июня, солдаты угрожали устроить вооруженную демонстрацию. Командир полка приказал немедленно освободить арестованных и обещал удовлетворить остальные претензии. Среди солдат постоянно находилось немало штатских агитаторов. По агентурным данным, один из них, переодетый солдатом, присутствовал во время вручения требований командованию полка¹¹². О неординарности ситуации свидетельствует такой факт. 16 июня в «Самарском курьере» была помещена корреспонденция о волнениях в Бузулукском полку. В 10 часов вечера этого дня толпа человек в 100, среди которых было несколько солдат-артил-

леристов, с пением революционных песен подошла к лагерю Бузулукского полка и стала призывать солдат собираться и идти освободить заключенных. По приказу капитана Баркляя караульная рота рассеяла толпу¹¹³.

Спустя пять дней начались волнения в 244-м Борисовском резервном батальоне. Поводом послужило то, что солдатам выдали по 45 коп. «амуничных», в то время как в Бузулукском полку по 2,5 рубля. Солдаты самовольно разобрали винтовки из цейхгауза, подняли стрельбу. Ближе к ночи командир 61 бригады уговорил солдат успокоиться, обещая передать их требования начальнику гарнизона, что и было сделано на следующий день¹¹⁴. Ненадежен, с точки зрения властей, был 244 Мокшанский резервный полк и 3-я артиллерийская бригада, солдаты которых регулярно участвовали в митингах, собраниях рабочих, устраивали сходки.

Городская Дума стремилась сохранить порядок и поддерживала губернскую администрацию. Примечательны в этом отношении дебаты на чрезвычайном заседании Думы 6–7 марта 1906 г. при обсуждении дополнительной оплаты казакам, солдатам, полицейским. Гласный Кожевников «вообще» протестовал против увеличения затрат на охрану города. В ответ А.А. Шешлов заявил, что «в настоящее время, когда в Самаре стало спокойно, благодаря казакам и войскам» Кожевников может с легкой душой протестовать против увеличения суммы на охрану. «Но, не дай Бог, — продолжал он, — снова повторятся смутные октябрьские дни, и городу без охраны не обойтись»¹¹⁵.

§ 7. Лето 1906 г.: столкновение

Пик увлечения Думой пришелся на конец апреля — май 1906 г., с июня началось разочарование. Система оказалась неработоспособной. Первая Дума не оправдала ожиданий. За 72 дня своего существования она не приняла ни одного законодательного акта и 9 июля 1906 г. была распущена; депутатам вменялось в вину то, что они «уклонились в не принадлежавшую им область» и вместо законодательной деятельности стали разжигать «смуту»¹¹⁶. Развеемы были надежды крестьян, солдат и многих горожан. Несмотря на то что правительство тщательно приготовилось, оно не смогло предупредить болезненной развязки. Волна протестов прокатилась по всей стране. Почти 200 перводумцев, в основном кадетов и трудовиков, подписали «Выборгский манифест» с призывом не

платить подати, не признавать займы, не давать рекрутов, до тех пор, пока не будут объявлены выборы во вторую Думу. ЦК партий эсеров и социал-демократов, союзы железнодорожников, учителей, крестьян, часть трудовиков выпустили воззвания «К армии и флоту», «К крестьянству», основным лозунгом которых было повсеместное восстание, смещение властей, захват помещичьих земель.

Патриархальная Самара болезненно реагировала на крушение думских надежд. Выборгское воззвание разошлось по губернии более чем в 100 тыс. экз., жандармы обнаруживали его едва ли не во всех селах и деревнях¹¹⁷. Местные власти были обескуражены. Беспokoили и манифестации самарских либералов, ведомых кадетами, с призывами к пассивному неповиновению. Революционеры ринулись в бой. Сами по себе революционные партии не могли нанести смертельный удар существующему строю, но они возбуждали массы. Их организации, привычные к совместному действию, стремились вести толпу в бой. Губернская администрация со всех сторон получала сведения о вооружении революционеров, создании «боевых дружин», нападении на казаков и стражников, агитации в воинских частях. Взрыва ждали и к нему готовились.

В конце июня 1906 г. IV съезд эсеров Поволжской области издал директиву о переводе всех местных организаций «на военный лад». «Вводилась диктатура, чисто военная дисциплина», по губерниям разослали «военных инструкторов». Съезд рекомендовал повсеместно организовывать «партизанскую войну», готовить покушения на губернаторов, военачальников, других представителей власти, взрывать правительственные учреждения¹¹⁸. Делегаты съезда рассчитывали на малочисленность гарнизонов Поволжья, в котором было всего 2–3 полностью укомплектованных полка. Особые надежды областная съезд и областная комитет партии эсеров связывали с Самарской губернией.

На заседании Самарского комитета партии 17 июня юный эсер Г.А. Гиришфельд утверждал, что половина гарнизона уже распропагандирована, и призывал форсировать вооружение крестьян и подготовку восстания. Более опытные члены партии Е.М. Губанов, И.Т. Ивлев, В.В. Меркулов, хотя и не разделяли его оптимизма, считали нужным все силы бросить на подготовку восстания¹¹⁹. В конце июня 1906 г. комитет с помощью «военных инструкторов» создал два отряда, которым поручил захватить Ставрополь и Бугуруслан¹²⁰. Комитет передал отрядам 800 винтовок и револьверов (100 винтовок и 3000 патронов переправили в Кинель-Черкас-

сы, остальное оружие и патроны — в Ставрополь, Бугуруслан, Бузулук, а также в села, где были «боевые дружины»¹²¹. В изданных большим тиражом прокламациях комитет призывал к вооруженному восстанию, изгнанию властей и помещиков, захвату земель, разгрому винных лавок¹²². Самарские социал-демократы не строили таких планов и не шли дальше пропаганды протестных выступлений в городе, призывали готовиться к восстанию, организовываться. В июле-августе 1906 г. они устроили несколько митингов, провели малочисленные стачки¹²³.

10 июля революционеры предприняли попытку поднять восстание в частях гарнизона. Вечером этого дня поручик Яхонтов вместе с гражданскими лицами собрал сходку солдат Бузулукского полка. Около 10 часов вечера солдаты захватили ружья и патроны. Полковнику Святицкому, уговаривавшему их разойтись, они возбужденно отвечали: «Думу разогнали, значит, правительство ничего не хочет нам дать». Попытка заручиться поддержкой третьей артиллерийской бригады им не удалась. Ночью поручик Яхонтов, прапорщик Былинский, другие руководители были арестованы, волнение подавлено¹²⁴.

21 июля 1906 г. был убит губернатор И.Л. Блок, 29 июля была брошена бомба в помещение Самарского губернского жандармского управления, 8 августа был убит комендант тюрьмы Георгиев. Убийство Блока произвело, как сообщалось в телеграмме в министерстве внутренних дел, удручающее впечатление на местных жандармов и городские власти¹²⁵. По воспоминаниям И.Ф. Кошко, командующий Казанским военным округом генерал Карас, услышав о гибели Блока, «ужасно взволновался, даже нижняя челюсть у него затряслась». Опасаясь за свою жизнь, он не утверждал ни одного смертного приговора военно-полевых судов¹²⁶. «Походы» на Бугуруслан и Ставрополь также чрезвычайно встревожили власти. Революционеры не достигли поставленной цели, тем не менее выступление вооруженных отрядов было чревато неприятными последствиями¹²⁷.

Правительство во главе с П.А. Столыпиным действовало решительно. 20 августа был издан указ о военно-полевых судах. Военно-полевой суд обычно проводил дознание, следствие и суд в течение 24—48 часов, его решения после утверждения вышестоящим воинским начальством приводились в исполнение немедленно. В Самаре военно-полевой суд стал действовать с 16 сентября 1906 г. На одном из первых заседаний военно-полевого суда рассматривалось дело о покушении эсера Жукова на генерала Сергеева. Как

пояснил помощник начальника Самарского губернского жандармского управления подполковник Г.Г. Битепаж, улики против Жукова были недостаточны, и обычное судопроизводство грозило ему «сравнительно небольшим наказанием»¹²⁸. Военно-полевой суд приговорил Жукова к смертной казни.

Наряду с последовательным подавлением радикальных антиправительственных выступлений, власти проводили важнейшие для судеб России реформы. Был отменен ряд сословных ограничений, сохранялись большие возможности легальной общественной деятельности.

§ 8. Втородумская Россия. Конец революции

Выборы во II Государственную Думу, деятельность Думы, взаимоотношения Думы и правительства — таковы главные политические мотивы осени 1906 — весны 1907 гг. В выборах во II Государственную Думу принимали участие все основные партии. Революционеры понимали, что мечту о восстании, ниспровержении существующего строя приходится пока оставить, но они шли в Думу не для законодательной работы, не для переустройства России в пределах «Основных законов», а для того, чтобы использовать выборы и Думу как трибуну.

На крайне правом фланге выступал «Союз русского народа», позиции которого в Самаре были довольно слабыми. Активно включились в избирательную кампанию октябристы. Наученные горьким опытом выборов в I Думу, они с конца 1906 г. развернули широкую агитацию. 4 января 1907 г. общее собрание под председательством С.Н. Постникова призвало всех членов «Союза 17 октября» «быть как можно более энергичными и деятельными в стремлении создать такую Государственную Думу, которая вместе с царем и согласно его призыву успокоила бы страну»¹²⁹. На предвыборных собраниях октябристы критиковали деструктивные устремления депутатов I Думы. В.Н. Львов говорил: «Если большинство лиц в Думе будет такое же, как в первой Думе, то горе России, несчастье целой стране: волнения и мятежи, утихшие было, снова вспыхнут страшным пожаром, грозя всем и каждому»¹³⁰. Октябристы пользовались поддержкой администрации. 12 января 1907 г. губернатор В.В. Якунин призывал самарцев «бояться бога и чтить царя», выбирать «честных людей, жаждущих мира и тишины, благомыслящих домохозяев»¹³¹.

Самарский комитет партии кадетов осенью 1906 г. информировал ЦК: организация находится «в плачевном состоянии, она фактически не проявляет себя ничем». Местная администрация числила кадетов среди основных своих противников: служащие-кадеты попали под строгий контроль, 5 ноября 1906 г. был закрыт «Самарский курьер». Кадеты начали избирательную кампанию под флагом сплочения против «черносотенной опасности». На первых порах они выступали с критикой революционеров, стремящихся, по их словам, к смуте, усилению грабежей, «сельским иллюминациям», но позднее внесли коррективы в свою тактику, приложив массу усилий для создания блока с левыми против консерваторов¹³².

Революционеры начали избирательную кампанию в январе 1907 г. Социал-демократы сосредоточили силы в Самаре. За каждым из предприятий был закреплен либо член комитета, либо активист. По сообщению жандармского управления, видную роль в предвыборной агитации играли рабочие профсоюзы, большинство которых находилось под влиянием социал-демократов. И действительно, в помещениях профсоюзов почти ежедневно проходили предвыборные собрания. Эсеры не были в состоянии конкурировать с социал-демократами в городе и, заключив соглашение с трудовиками, сконцентрировали усилия преимущественно на агитации деревни¹³³. Блок эсеров с социал-демократами в Самаре не был заключен: социал-демократы выдвинули «неприемлемые условия», и комитет эсеров, «не желая дробления голосов оппозиционных партий», решил не выступать на городских выборах самостоятельно и представил членам партии свободу действий¹³⁴.

Власти предприняли энергичные меры, чтобы не допустить избрания левых; департамент полиции обязал жандармские управления постоянно наблюдать за их кандидатами и собирать материал для ареста¹³⁵. На квартире А.Н. Хардина 9 февраля 1907 г. были задержаны и обысканы 29 выборщиков-кадетов¹³⁶. Газета «Губернские ведомости», официоз администрации, призывала не верить «людям, которые заблуждаются, будто только смутой и насилием можно добиться лучшей жизни»¹³⁷.

От Самарской губернии во II Думу было избрано три социал-демократа, три эсера, четыре трудовика, два кадета, один октябрист. Итоги были неожиданными для крайне правых, которые потерпели поражение, и для кадетов, потерявших пять мест. Октябристы, хотя их успех был минимален, могли испытывать определенное удовлетворение, получив мандат в городе с отдельным

представительством (по всей стране октябристы получили только четыре таких мандата). Революционеры добились впечатляющих результатов: социал-демократы в городе, трудовики и эсеры в деревне.

На Самарскую губернию 28 октября 1906 г. распространили действие «Положения об усиленной охране». Теперь жизнь города и губернии регулировалась обязательными постановлениями губернатора. Запрещалось оглашение или публичное распространение любых статей и сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству, распространение произведений печати, подвергнутых аресту, публичное восхваление преступных деяний, оглашение и публичное распространение ложных слухов о деятельности правительственных органов, должностных лиц, воинских частей, возбуждающих враждебное к ним отношение населения. Нарушителям грозил арест сроком до трех месяцев или штраф до 500 руб. Обязательными постановлениями запрещались стачки, а также насильственные действия, в том числе и на почве аграрных отношений, подстрекательства к забастовкам, самовольному захвату чужой земельной собственности, снятия под угрозой или силою рабочих с полевых работ¹³⁸.

Большинство обязательных постановлений самарского губернатора были связаны с благоустройством города, ограждением обывателя от хулиганов, организацией выборов в Государственную Думу. Обязательным постановлением определялись меры по наведению порядка в Струковском саду, который во время гуляний, особенно в праздничные дни, становился «ареною всевозможных беспорядков и диких выходов местных хулиганов». Губернатор был серьезно обеспокоен тем, что горожанам, пришедшим в сад, приходится слышать и созерцать «неистовый крик, свист, циничные шутки, сопровождаемые площадной бранью, ссоры и драки». Обязательными постановлениями определялись правила продажи газет, журналов и прочих произведений печати в Самаре, устройство тротуаров, обеспечение времени работы и нормального отдыха служащих торговых и торгово-промышленных заведений¹³⁹. 1 января 1907 г. в Самаре был учрежден адресный стол, что затруднило жизнь революционеров и люмпенов, склонных к девиантному поведению.

Самарская городская дума отмежевывалась от либеральных влечений, сосредотачивала усилия на повседневных проблемах. На другой день после убийства И.Л. Блока на экстренном заседании гласные почтили его память, а через год учредили стипендию его

имени, поскольку «И.Л. Блок за время управления нашей губернией успел снискать себе симпатиями граждан, как губернатор и как человек»¹⁴⁰.

В наведении порядка Дума поддерживала губернскую администрацию. Конфликты порождались, как стремлением губернской администрации патриархально опекать Думу, так и желанием Думы явочным порядком расширить пределы своей компетенции, уменьшить расходы городской казны за счет государства. Можно только удивляться тому упорству, с каким, тихой сапой, гласные пытались добиться своего. Пример того затянувшийся на годы спор о ночных караульщиках. Суть его такова. В начале 1905 г. Дума приняла решение об изъятии ночных караульщиков из ведения полиции и передачу их в распоряжение городской управы. Губернатор «дал знать», что «надзор за ночной охраной уже был в ведении городской управы и дал очень плачевные результаты» и «следовательно, переход к неудавшемуся уже на практике порядку представляется совершенно не в интересах дела и городского населения и поэтому не может быть им допущен впредь до пересмотра правил 1899 года»¹⁴¹. Несмотря на всю резонантность аргументации губернатора, Дума стояла на своем.

В ноябре 1906 г. к злополучной теме вернулись в очередной раз. К тому времени в городе было 144 ночных сторожа (по числу пересечений улиц), на содержание которых город выделял 25 920 руб. Пользы от них, по мнению городской Управы, было мало, поскольку «обязанность караульных занимают преимущественно старики — силам и энергии которых более доступно охранять город от воробьев, но не городские улицы от воров, всяких нарушителей уличной тишины и порядка». Гласные решили организовать конную охрану из 80 демобилизованных военных, с оплатой — 360 руб. в год каждому и обратиться с ходатайством к министру внутренних дел о снабжении их винтовками за счет казны¹⁴². Думское красноречие было шито белыми нитками. Гласные хотели одним выстрелом убить двух зайцев: подчинить стражу городу и сократить расходы на нее за счет казны. Губернатор энергично настаивал на подчинении караульщиков, пеших ли, конных ли, полицмейстеру. Городская управа в 1907 г. сманеврировала: согласилась с подчинением караульщиков полицмейстеру, но с условием, если Дума будет недовольна конной стражей, «то она оставляет за собою право во всякое время охрану эту по своему усмотрению заменить пешими ночными караульщиками».

Состоялась оживленная дискуссия. Многие гласные горячо говорили, что конная стража ничего хорошего не дала, ни тогда, когда подчинялась полиции, ни когда подчинялась городу. К тому же, если раньше были, хотя и старые, и вооруженные дубинками караульщики, то «ныне никого нет». По убеждению гласных, стража могла соответствовать своему назначению только под надзором городского самоуправления. Они заявляли: «...необходимо или совсем изъять ее из ведения полиции, или допустить город к совместному с полицией распоряжению ею». Большинство все же склонялось к тому, что надо подождать¹⁴³. Так это дело и тянулось еще несколько лет.

Весьма нервно реагировала Дума на всякие, по ее мнению, неосновательные попытки покуситься на городские финансы. В начале 1906 г. полицмейстер просил Думу ассигновать соответствующую сумму на перевооружение полиции. П.П. Подбельский высказался категорически против ассигнований, аргументируя это так: «Город и без того достаточно тратит на содержание казаков, солдат и той же полиции, хотя результатов от этого он не видит». А по поводу желания руководства полиции заменить устаревшие револьверы современными «браунингами», — ядовито заметил, «что назначение полиции не истреблять людей, а предупреждать насилия и преступления и охранять спокойствие обывателей», что, по его мнению, с успехом можно делать и старым оружием. С ним был солидарен и городской глава. Большинство, однако же, после перепалки голосовало за то, чтобы взять для полиции оружие из артиллерийского склада, но бесплатно, с тем, чтобы впоследствии оплатить испорченное.

Полицмейстер пожаловался губернатору и тот обратился к Думе с увещеванием, отмечая, что все 225 шашек, которые имели полицейские железные и зазубренные, револьверы устаревшие, «как шашки, так и револьверы к употреблению совершенно непригодны». Ссылаясь на закон, он предлагал Думе выделить соответствующие средства, но та стояла на своем¹⁴⁴. Дело приобрело скандальный характер. Министр внутренних дел 24 марта 1906 г. телеграфировал губернатору: «Благоволите настоятельно потребовать от Самарской Думы исполнения обязанности по вооружению городских». Думе пришлось отступить, но она выделила лишь 2 054 руб., вместо необходимых 5 830 руб. Губернатор приостановил это решение. И только тогда Дума окончательно пошла на попятную¹⁴⁵.

Примерно так же обстояло дело с доплатой городовым. В 1906 г. Дума дважды отклоняла их ходатайства. В сентябре того же года

губернатор сообщил гласным, что околоточные надзиратели подают заявление об увольнении, «ввиду полнейшей невозможности содержаться на скудное содержание, ими получаемое». Городская управа считала нужным увеличить жалованье, но за счет государственной казны¹⁴⁶. Все-таки думцам, после долгих отяжек, и на этот раз пришлось раскошелиться.

Внимание Думы, как и всегда, было сосредоточено на текущих делах. Много сил уделялось антиалкогольной эпопее. Запрещение торговли вином в праздничные дни вызвало недовольство трактирщиков. Они весьма поэтично оформили свое ходатайство. Приведем из него небольшую выдержку: «Простолюдин, т. е. крестьянин и рабочий, во время выпивки склонен к общению, к приятным разговорам, к беседе со знакомыми и даже незнакомыми. Все это он может получить в трактире, где есть обстановка, столы, стулья, закуска, столь нужная при выпивке, и ничего такого нет в казенных винных лавках, где говорят, что «получай водку, плати деньги и уходи». От поэзии они переходили к суровой прозе: «Мы вносили трактирный сбор в сумме 32 000 руб. ежегодно»¹⁴⁷.

В Думе интересы виноторговцев лоббировал Е.Т. Кожевников, напиравший на несправедливость, даже ущербность решений Думы, поскольку торговля крепкими напитками в праздничные дни запрещена только в трактирах, но не в буфетах железнодорожной станции, клубов и собраний, отчего трактирщики несут большие убытки. Его поддерживал Е.И. Чернышев: «Такое воспрещение вело к чрезвычайному развитию всюду бесплатной торговли вином». Дума, тем не менее, оставалась непреклонной. Более того, по инициативе А.И. Михайлова она приняла решение добиваться запрещения продажи в праздничные дни крепких напитков и ходатайствовать перед губернатором о запрещении «всякого рода музыки и хорового пения» во всех заведениях, «торгующих таким зельем, поскольку все это ведет к разврату и спаиванию обывателя»¹⁴⁸.

Беспокоили городскую администрацию самовольные захваты городской земли под жилые постройки, участвовавшие с 1905 г. На окраинах города в Солдатской слободке, Кавказе, Новом Оренбурге, Стрелке буквально за ночь вырастали избы без разрешения, без соблюдения правил строительного устава и норм санитарии. С большим трудом удавалось заставить захватчиков выплачивать за аренду городской земли и соблюдать правила застройки. Так, 1 марта 1906 г. городская Дума поручила управе выделить участки под жилые застройки за Панским переездом и Колесниковым оврагом и сдать их в аренду с торгов на 12 лет по цене 1,5 руб. в

первом районе и по 1 руб. во втором. В сентябре 1907 г. Дума приняла решение об организации конной стражи для охраны городской земли от самовольных захватов. Губернатор это решение отклонил. К нему была направлена специальная депутация, которая сумела переубедить его. Захваты земли прекратились лишь в 1908 г., когда была создана конная стража¹⁴⁹.

1905–1907 гг. были исключительно насыщенными событиями, сложными для самарской администрации. В политических катаклизмах она сумела сохранить органическое чувство безопасности, стремление к порядку. Ее кругозор расширился, она во многом преодолела характерную для нее политическую беспечность. Вместе с тем, отщепенство от власти, свойственное интеллигентскому обществу, коснулось и городского самоуправления. Это был лишь симптом, но весьма чреватый последствиями.

С конца 1906 года политическая обстановка в стране с каждым днем стабилизировалась, выступления становились все менее массовыми. В Самаре 9 января 1907 г. в связи с двухлетней годовщиной расстрела петербургских рабочих бастовали рабочие завода Журавлева, нескольких мелких мастерских, четырех типографий; в феврале вновь бастовали рабочие завода Журавлева, в марте объявили стачку рабочие завода Лебедева; 1 мая праздновали рабочие нескольких механических заводов, типографий, конфектных фабрик, булочных. Иногда в горде устраивались не столь многочисленные, как ранее, демонстрации.

Выборы во II Думу придали дополнительный импульс революционным партиям. Используя «втородумские свободы», социал-демократы с 15 марта 1907 г. наладили выпуск легальной газеты «Прибой». Несколько раз намеревались выпускать свою легальную газету эсеры, но администрация решительно пресекала их попытки. С весны 1907 г. численность самарских организаций революционеров, кадетов и октябристов стремительно уменьшалась. Оставшиеся комитетчики жаловались на «бегство интеллигенции». Только Союз русского народа сохранял свои ряды и влияния. Его собрания в 1907 г. собирали до 800 человек.

Открывшуюся 20 февраля 1907 г. II Государственную думу, на которую, как и на I Думу уповало простонародье, современники называли «Думой крайностей». В ней было довольно значительное консервативное крыло и сильное революционное. Она не более чем ее предшественница была способна к продуктивной законотворческой деятельности и 3 июня 1907 г. была распущена. В вину ей ставили стремление «посеять смуту», неспособность за-

конотворчеству, а также «военный заговор» 55 депутатов-социал-демократов.

Жители Самары спокойно отнеслись к роспуску Думы. Революция окончилась.

Примечания

¹ Начало первой русской революции. М., 1955. С. 28–31.

² Протопопов Д.Д. Из недавнего прошлого: Самара в 1904–1905 гг. // Русская мысль. СПб., 1907. № 11. С. 17.

³ ЦГАСО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 28. Л. 11, 13.

⁴ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 2. Д. 1390. Л. 40-41; Ф. 469. Оп. 1. Д. 53. Л. 5.

⁵ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. М., 1977. С. 258; Протопопов Д. Указ. соч. С. 16.

⁶ Леонов М.И. Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев, 1987. С. 62–63.

⁷ Самарские губернские ведомости. 1905. 8 января.

⁸ Там же. 29 января.

⁹ Голос Самары. 1906. 1 февраля.

¹⁰ Самарский курьер. 1906. 1 января.

¹¹ Самарская газета. 1905. 25 октября.

¹² Там же. 23 января.

¹³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1905 г. Д. 1877. Ч. 45. Л. 25.

¹⁴ Голос Самары. 1906. 25 февраля.

¹⁵ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.) Новгород – Самара – Пенза. Пг., 1916. С. 68.

¹⁶ Фролов Г. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. № 10. С. 114–122.

¹⁷ Голос Самары. 1907. 12 января.

¹⁸ 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С. 542–543.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906 г. I отд. Д. 3. Ч. 18. Л. 5.

²⁰ Там же. Л. 18.

²¹ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 598 Т. Л. 3; ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906 г. I отд. Д. 322. Л. 13.

²² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906 г. I отд. Д. 725. Ч. 95. Л. 39; ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1631.

²³ Адрес-календарь Самарской губернии на 1906 г. Самара, 1906. С. 54–56.

- ²⁴ Самарская газета. 1904. 8 декабря.
- ²⁵ 1905 год в Самарском крае. С. 20–21.
- ²⁶ Самарский курьер. 1906. 1 января.
- ²⁷ Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1955. С. 29, 30, 37, 38.
- ²⁸ Самарский курьер. 1905, 9 февраля; Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 43–44.
- ²⁹ Политические партии в России в период революции 1905–1907 гг.: Количественный анализ. М., 1987. С. 194–203.
- ³⁰ Протопопов Д. Из недавнего прошлого. Самара в 1904–1905 гг. // Русская мысль. 1907. № 11. С. 28.
- ³¹ Русь. 1905, 14 марта; Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 147–151.
- ³² Самарская газета. 1905, 15 марта. Самарский курьер. 1905. 17 марта.
- ³³ Самарский курьер. 1905. 17 марта.
- ³⁴ Самарская газета. 1905. 25 марта.
- ³⁵ Самарская газета. 1905. 13 апреля.
- ³⁶ Цит. по: 1905 год в Самарском крае. С. 102.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1906 г. Отд. 1. Д. 9. Ч. 50. Л. 10; Революционная Россия. 1905. № 72. С. 23.
- ³⁸ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 598. Л. 169.
- ³⁹ 1905 год в г. Самаре и Самарской губернии. С. 147–151.
- ⁴⁰ Самарский курьер. 1906. 1 января.
- ⁴¹ Протопопов Д. Из недавнего прошлого // Русская мысль. 1907. № 12. С. 7.
- ⁴² Цит. по: Общественное движение в начале XX века. СПб., Т. 2. Ч. 2. 1909. С. 52.
- ⁴³ РНБ ОР. Ф. 634. Карт. 1. Ед.хр. 25. Л. 3–10.
- ⁴⁴ Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 158–159.
- ⁴⁵ Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. М., 1955. Ч. 1. С. 611.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Самарская газета. 1905. 25 октября.
- ⁴⁸ Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП (б). Куйбышев, 1959. С. 297–300; ЦГАСО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 164–165.
- ⁴⁹ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 598. Л. 282–283.
- ⁵⁰ Самарский курьер. 1905. 25 октября.
- ⁵¹ 1905 год в Самарском крае. С. 251–252.
- ⁵² Самарский курьер. 1905. 1 ноября, 2 декабря.

⁵³ Самарская газета. 1905. 2, 3, 6, 8, 16 декабря.

⁵⁴ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1940.

⁵⁵ Там же. Д. 898. Л. 106–107.

⁵⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 52. Д. 36. Л. 2.

⁵⁷ Исключительное четырехлетие. Краткий обзор деятельности самарского городского Общественного Управления в 1905–1907 гг. Самара, 1909; ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 170–172; Самарская газета. 1905. 10 января.

⁵⁸ ЦГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 171. Л. 172.

⁵⁹ Самарская городская дума. Журнал городской думы за 1905 год. Самара, 1905. С. 819–833.

⁶⁰ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 172. Л. 119–123.

⁶¹ Там же. Л. 119.

⁶² Там же. Л. 135, 468.

⁶³ Там же. Л. 589–590.

⁶⁴ Там же. Л. 156–164.

⁶⁵ Там же. Л. 807; Самарская газета. 1905. 28 октября.

⁶⁶ Самарская городская дума. Журналы городской думы за 1905 г. С. 811.

⁶⁷ Там же. С. 864–865.

⁶⁸ Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 142–162.

⁶⁹ Голос Самары. 1906. 2 февраля, 28 июня.

⁷⁰ Там же. 19 февраля, Львов В.Н. Программные речи в Самарском отделе «Союза 17 октября». М., 1907.

⁷¹ Самарский курьер. 1906. 4 ноября.

⁷² ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1390. Л. 9–19.

⁷³ Там же. Д. 898. Л. 139; Ф. 469. Оп. 1. Д. 53. Л. 58.

⁷⁴ Революция 1905 года в Самарском крае. С. 491; Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 213.

⁷⁵ Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП(б). С. 536–537.

⁷⁶ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 103–148.

⁷⁷ Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1967. С. 69, 93; Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. С. 39.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 203. Л. 2.

⁷⁹ Hildermeier M. Die Socialrevolutondre. Partei Ruslands. Agrarsocialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Кiлn Wien, 1978. S. 220; Леонов М.И. Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара, 1992. С. 111–112.

- ⁸⁰ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. С. 439, 479.
- ⁸¹ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1 Д. 278. Л. 1–2.
- ⁸² Там же. Д. 913. Л. 20–21.
- ⁸³ Там же. Д. 950. Л. 25–26.
- ⁸⁴ Там же. Д. 895. Л. 164.
- ⁸⁵ Самарская городская Дума. Журнал городской Думы за 1905 г. С. 813–814.
- ⁸⁶ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1 Д. 172. Л. 731.
- ⁸⁷ Там же. Д. 175. Л. 14.
- ⁸⁸ Там же. Д. 172. Л. 735–737.
- ⁸⁹ Петайкина М.В. Женское движение в Среднем Поволжье в период революции 1905–1907 гг. // Отечественная история. 2009. № 3. С. 95–99.
- ⁹⁰ Самарский курьер. 1905, 25 октября.
- ⁹¹ 1905 год в Самарском крае. С. 44, 74, 239.
- ⁹² ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 598. Л. 3.
- ⁹³ Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 290–291.
- ⁹⁴ 1905 год в Самарском крае. С. 361.
- ⁹⁵ Исторический вестник. 1911. № 4. С. 153.
- ⁹⁶ ГАРФ. Ф. 533. Д. 203. Л. 13.
- ⁹⁷ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 608. Л. 37–39.
- ⁹⁸ Самарская газета. 1905. 16 декабря.
- ⁹⁹ Там же. 15 декабря.
- ¹⁰⁰ Подсчитано на основании: Варзар В.Е. Статистика стачек на фабриках и заводах за 1905 год. Спб., 1908; Его же. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906–1908 гг. Спб., 1910.
- ¹⁰¹ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1211. Л. 23.
- ¹⁰² Голос Самары. 1906. 15 февраля.
- ¹⁰³ Там же. 25 февраля; ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 2274. Л. 1–2.
- ¹⁰⁴ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 2221. Л. 2.
- ¹⁰⁵ Голос Самары. 1906. 1, 7 марта.
- ¹⁰⁶ Голос Самары. 1906. 7, 14 марта.
- ¹⁰⁷ Самарский курьер. 1906. 25 февраля.
- ¹⁰⁸ Профессиональные союзы рабочих России. 1905–февраль 1917 гг. Ч. 2. М., 1985. С. 267–270.
- ¹⁰⁹ Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 322–323.
- ¹¹⁰ Голос Самары. 1906. 3, 4 мая.

- ¹¹¹ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 598. Т. Л. 17–8; Д. 608. Л. 37–40; Д. 917. Л. 11.
- ¹¹² ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 608. Л. 64–65; Самарский курьер. 1906, 16 июня.
- ¹¹³ ЦГАСО. Ф. 468. оп.1. Д. 608. Л. 66.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 72–73.
- ¹¹⁵ Там же. Ф. 170. Д. 175. Л. 71.
- ¹¹⁶ Правительственный вестник. СПб., 1906, 9 июля.
- ¹¹⁷ Красный архив. М., 1931. Т. 4/5. С. 117, 120–122.
- ¹¹⁸ Rapport du Parti Socialiste Revolutionnaire de Russie au Congres, Socialiste International de Stuttgart (Аобыт, 1907) Cand, 1907. P. 86; ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 15. Л. 31–32.
- ¹¹⁹ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 598 Т. Л. 61.
- ¹²⁰ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 15. Л. 32–34.
- ¹²¹ Там же. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1907 г. Д. 9. Ч. 50. Л. 11–12.
- ¹²² ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 604. Л. 268, 480–481.
- ¹²³ Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 341–350.
- ¹²⁴ Там же. С. 354–360.
- ¹²⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Он. 1906 г. I отд. Д. 3. Ч. 18. Л. 8.
- ¹²⁶ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. С. 91.
- ¹²⁷ Подробнее см.: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX–начало XX вв. М., 2000. С. 126–128.
- ¹²⁸ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 415. Ч. 1. Л. 62.
- ¹²⁹ Голос Самары. 1907. 4 января.
- ¹³⁰ Львов В.Н. Программные речи и статьи в Самарском отделе «Союза 17 октября». С. 47.
- ¹³¹ Голос Самары. 1907, 12 января.
- ¹³² Волжское слово. 1906, 11 ноября.
- ¹³³ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 917. Л. 20.
- ¹³⁴ Волжское слово. 1906. 11 ноября.
- ¹³⁵ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 913. Л. 5–8.
- ¹³⁶ Там же. Д. 898. Л. 141.
- ¹³⁷ Самарские губернские ведомости. 1907. 13 января.
- ¹³⁸ Там же. 1907. 23, 25 июня.
- ¹³⁹ Там же. 1907. 21 июля, 24 августа, 5 сентября, 24 ноября.
- ¹⁴⁰ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 175. Л. 260; Д. 178. Л. 246.
- ¹⁴¹ Там же. Д. 172. Л. 277–278, 456–457.
- ¹⁴² Там же. Д. 175. Л. 260.
- ¹⁴³ Там же. Д. 178. Л. 14–15.

¹⁴⁴ Там же. Д. 175. Л. 73–74, 289.

¹⁴⁵ Там же. Д. 175. Л. 133, 172–173.

¹⁴⁶ Там же. Д. 175. Л. 310–314.

¹⁴⁷ Там же. Л. 315–318.

¹⁴⁸ Там же. Л. 24–25, 32–33, 245–246, 338–339.

¹⁴⁹ Там же. Д. 172. Л. 7, 468; Исключительное четырехлетие.

С. 8–10.

Глава 7. САМАРА В ПЕРИОД ДУМСКОЙ МОНАРХИИ

§ 1. Городская дума накануне Первой мировой войны

Между городским и земским самоуправлениями предполагались самые тесные контакты с момента их возникновения. Необходимо сказать, что значительные части Земского и Городового положений 1890 и 1892 гг. формально были схожи, так как готовились одним органом — Хозяйственным департаментом Министерства внутренних дел. Поэтому принципы их организации и деятельности предполагались законодателями идентичными. Различия в структуре и деятельности городского и земского самоуправления были связаны с их сословной организацией. Преимущество в составе самоуправлений тех или иных социальных групп можно проиллюстрировать конкретными статистическими данными. Так, в 1890–1893 гг. купцы, потомственные почетные граждане и мещане составляли в Самарском губернском земском собрании 12,5 %, а в Самарской городской думе — 51,4 %¹. Дворяне, при подавляющем большинстве их состава в губернском земском собрании, составляли лишь небольшую часть гласных городского общественного самоуправления — 27,8 %².

Городское общественное управление располагало собственным бюджетом, управление которым базировалось на ежегодных сметах. В области финансовой политики деятельность городской думы предполагала рассмотрение приходно-расходных смет и определение размера местных сборов. Самым доходным был оценочный сбор с городских имуществ, однако на его повышение Дума должна была испрашивать разрешение губернатора. В 1908 г. отмечалось очень активное развитие городского хозяйства Самары³. Доходная часть городского бюджета складывалась из нескольких сборов. Основным из них являлся оценочный сбор с недвижимого имущества. Размер его определялся Думой по нормам Положения от 1 до 10 % чистого дохода с недвижимых имуществ. В число плативших оценочный сбор включались владельцы всех домов,

даже бедных. Второй важнейшей статьёй дохода городского общественного управления являлись сборы с документов на право торговли и промыслов, а также с лошадей и экипажей извозчиков и частных лиц. Впрочем, с течением времени значимость этого сбора падала. Так, в 1914 г. в доходах самарской городской Думы он составил 127 731 руб. (1,8 %), в 1915 г. — 89 681 руб. (2,1 %), в 1916 г. — 109 181 руб. (1,61 %).

Обособняк А.Г.Курлиной (совр. адрес: ул. Фрунзе, 159). Из фондов ЦГАСО

Помимо этих двух основных, были и меньшие по размеру сборы: судебные издержки, получаемые городом на судах, предметом которых являлось городское имущество: сбор за клеймение мер и весов, сбор с аукционов, проводимых при участии лиц общественного управления (в размере 2 % от общей стоимости проданного имущества). Также собирался сбор с товаров, провозившихся по Волге, например так называемый «двухкопеечный кулевой сбор» с хлеба и семян, привозившихся на хлебные пристани.

Различные пошлины с купеческих свидетельств и прав на содержание торговых и промышленных заведений, в том числе питейных домов и спиртовых заводов, являлись не главной, но важной статьёй дохода городского бюджета, тем более, что сбор с городских предприятий по мере развития торгово-промышленной среды городов приносил все более ощутимый доход. Для самарского городского самоуправления сумма и процентная значимость пошлин составляла: в 1914 и 1915 гг. — 11 200 руб. (0,2 и 0,3 % соответственно), в 1916 г. — 11 700 руб. (0,17 %).

Важной статьей дохода бюджета являлись городские пособия и возврат городских расходов. Так, в 1914 г. в доходах самарской городской Думы числится по этой статье 5 444 178 руб. (74,75 %), в 1915 г. — 1 9063 580 руб. (45,6 %), в 1916 г. — 3 144 230 руб. (46,22 %).

Самым крупным и постоянным доходом самарского бюджета являлись сборы с городского имущества, а также с городских предприятий. По первой статье самарское городское самоуправление получило в 1914 г. — 1 073 179 руб. (14,75 %), в 1915 г. — 1 071 413 руб. (24,9 %), в 1916 г. — 1 322 219 руб. (19,4 %). По второй статье было получено в 1914 г. — 1 026 584 руб. (23,9 %) и в 1915 г. — 2 030 707 руб. (29,84 %).

Расходы на содержание аппарата городского общественного управления (с учетом пенсий и пособий) были невелики. Содержание находившихся на отчете городского поселения памятников и общественных зданий относилось к статье расходов на содержание и увеличение городского имущества. По этой статье самарские гласные расходовали 47 400 руб. (4,94 %) — в 1904 году и 148 800 руб. (4,71 %) — в 1913 году.

Выплата причитавшихся по займам сумм и выполнение прочих обязательств производилось по статье расходов «Уплата долгов и кредитов за долги города». По ней самарское самоуправление заплатило в 1904 г. — 49 200 руб. (5,13 %), в 1913 г. — 264 100 руб. (8,37 %).

Статья расходов на общественное призрение и благотворительные цели также не забирала значительных сумм городских бюджетов: самарская Дума платила 14 900 руб. (1,55 %) в 1904 г. и 46 300 (1,47 %) — в 1913 г.

Содержание находившихся в ведении города улиц, площадей, дорог, набережных, пристаней, мостовых, тротуаров, переправ, общественных садов, бульваров, каналов, водопроводов, сточных труб, прудов, канав и проток, гатей, городского освещения включалось в статью расходов на городское благоустройство. В 1904 г. оно составляло 38 000 руб. (7,51 %).

Взаимоотношения губернской и городской администрации характеризовались как взаимодействием и сотрудничеством в главных делах, так и острыми конфликтами в делах по сути второстепенных.

В конце 1907 г. городская Дума впервые обсуждала возможность нормировки цен на продукты первой необходимости. Под влиянием русско-японской войны 1904—1905 гг., революции, не-

урожая цены на самые насущные продукты продовольствия (хлеб и мясо) повышались изо дня в день, и как отмечал губернатор в письме от 19 ноября 1907 г. к городской Думе, «достигли таких размеров, что сделались непосильными и даже почти недоступными для огромного большинства трудящегося городского населения». Решительно воспротивились нормировке цен владельцы продовольственных предприятий и магазинов. Приглашенные «сведущие люди», к мнению которых присоединилась управа, пришли к заключению о невозможности установить таксу на хлеб и мясо. В пику губернатору они посоветовали ему обратиться в Министерство внутренних дел. В продолжение 1908—1913 гг. о нормировке цен говорили многократно, но дальше слов дело не пошло.

Дворянская ул., Госбанк. Из фондов ЦГАСО

Одним из наиболее острых конфликтов между губернской и городской администрацией был конфликт, связанный с определением расходов на борьбу с холерой.

Важнейшей сферой деятельности городской Думы являлись социальные мероприятия, такие, например, как забота об устранении недостатка продовольствия, о неимущих слоях населения и о предотвращении нищенства путем устройства благотворительных и лечебных заведений, о здравоохранении, о ветеринарном обслуживании скота и об улучшении санитарных условий в городе.

В ведении санитарно-исполнительной комиссии находились устройство и содержание больниц, проведение противоэпидемичес-

ких мероприятий, анализ причин возникновения эпидемий. Большое количество эпидемий заразных болезней – холеры, скарлатины, брюшного и сыпного тифа – было связано с отсутствием элементарных санитарных условий. В журнале «Городское дело» указывались главные причины распространенности эпидемий среди городского населения: «безобразные спуски нечистот в мертвые колодцы; зарывание нечистот во дворах; воды из бань, проводимые через самочинно возникшие неустроенные поселки окраинной бедноты (причем в этих ручьях моют белье). Спуск стоков из земской больницы прямо в Волгу; были во время холеры поставлены какие-то химические очистители в деревянных вместилищах, но они давно уже пришли в негодность»⁴. Не обладавшая значительными бюджетными возможностями, санитарно-исполнительная комиссия вынуждена была только фиксировать причины плохого санитарного состояния.

Губернатор в первых числах июля 1907 года поставил городскую управу в известность о первых случаях заболевания холерой в губернии; 18 июля он предложил на следующий день созвать экстренное совещание Думы для принятия необходимых мер: открытия барачков для больных, увеличения численности городского медицинского персонала, образования участковых санитарных попечительств и т. д. Дума постановила открыть больницу на 50 кроватей, установить ночные дежурства врачей при городской управе, разбила округ на 26 округов, выделила на ближайшие пять месяцев 26 тыс. рублей.

По мнению губернской санитарно-исполнительной комиссии, органа губернской администрации, Дума действовала нерасторопно и, главное, выделила недостаточные средства; комиссия укоряла гласных в уклонении от забот о жизни и здоровье населения. Дума, в свою очередь, полагала городские расходы на противохолерные мероприятия чрезмерными и нецелесообразными. После отказа Думы в конце 1907 г. выделять дополнительные средства губернатор приказал полицмейстеру удерживать поступающие в городскую казну деньги и на них производить расходы по борьбе с холерой, чем кровно обидел думцев: «Городское самоуправление из хозяина превратилось в приказчика», – жаловались они. Правительство поддержало губернатора. Потратив в 1907–1908 гг. более 50 тыс. рублей на противохолерную компанию, Дума понесла большой моральный урон, ей «стало ясно, что городское самоуправление может рассчитывать на совместную работу лишь при полном и беспрекословном подчинении губернской администрации».

Жители Самары начала XX в. Из личного архива Э.М. Кобозевой

Важнейшей стороной деятельности городского самоуправления являлась забота о культурно-просветительской и благотворительной деятельности. В области образования Самара была провинциальным городом, а ближайшим «учебным начальством» были управление и попечитель Казанского округа просвещения. Поэтому от решений городского самоуправления в области народного образования дела зависели очень сильно. Училищная, музейная и Театральная комиссии, организованные при городской управе, ведали организацией финансирования и кадровой политикой учреждений культуры. С их помощью в Самаре происходило участие Думы в создании и развитии Александровской публичной библиотеки. В Самаре к концу XIX века было создано 11 публичных библиотек и 237 народных читален.

Только с 1913 по 1916 г. расходы Самарской городской думы выросли на народное образование на 34 %, на медицину — на 28,6 %, на благоустройство города — на 116 %. Все это происходило, несмотря на дополнительные траты города на военные нужды, на помощь беженцам, на поддержание семей раненых и погибших воинов.

Из текущих дел особое внимание обращалось на образование и снабжение населения продовольствием. Уже в 1906 г., благодаря усилиям инспектора народных училищ и члена школьной комиссии И.С. Ключева, в Самаре не было отказов в приеме в приходские начальные училища, «чего достигли еще очень немногие из самых больших городов нашего отечества». В 1907 г. из городской казны на образование было потрачено около 200 тыс. рублей. Начальному образованию способствовало открытие учительского института.

В марте 1914 года Самарская дума обсуждало ходатайство перед министром просвещения о целевом отпуске средств на учреждение института школьных врачей. Гласные добивались того, чтобы на одного такого врача приходилось не более 1600 учеников. В обязанности этих врачей должны было входить: осмотр и санитарная оценка помещений училищ; санитарная экспертиза и утверждение планов зданий; наблюдение за повседневной жизнью училищ; наблюдение за здоровьем учащихся; осмотр поступающих на учебу детей. К сожалению, ходатайство было отклонено. В 1905 г. Самара среди десяти российских городов претендовала на открытие в городе университета за счет использования бюджета Министерства народного просвещения, нерастраченного вслед-

ствии временного закрытия Варшавского университета. Однако победу одержал Саратов, где университет был создан в 1909 году. «Самара... не оказалась счастливой — первенство получил г. Саратов», — отмечалось на заседании Самарской городской думы в январе 1910 г.

Вопрос об открытии в Самаре высшего учебного заведения приобретал все более острый характер. Не случайно Самарское губернское земство в январе 1910 г. приняло решение о возбуждении ходатайства об открытии в Самаре политехнического института с агрономическим «отделом». Самарская городская дума оперативно откликнулась и поддержала данное решение, отметив, что вопрос об открытии в Самаре высшего учебного заведения «как бы зачах».

В сентябре 1910 г. Самару посетил председатель Совета Министров П.А. Столыпин. Он почтил своим присутствием реальное училище, городскую эпидемическую больницу, воинские казармы. На встрече с представителями дворянства, земства и города был затронут вопрос об открытии в Самаре «политехникума». Его ответ о «предпочтительном открытии в Самаре агрономического института в ближайшем времени и о полной поддержке в открытии других отделов политехникума» вполне удовлетворил собравшихся.

Помня о том, что предыдущие попытки по открытию в Самаре вуза не увенчались успехом, было решено опереться на поддержку общественности не только г. Самары. Губернская земская управа направляет письма с просьбой об оказании содействия (как материального, так и морального) открытию политехнического института в Самаре в городские, уездные, губернские земские управы, биржевые комитеты, в Государственную Думу.

Губернский предводитель дворянства, член Государственного Совета Александр Николаевич Наумов, председатель комиссии по делам политехнического института, проводит ряд встреч на высшем уровне. Вместе с членами Государственной Думы от Самарской губернии он представлял совместное с губернской земской управой ходатайство об открытии в Самаре политехнического института с агрономическим и коммерческим факультетами в Совете министров, а затем в Министерстве торговли и промышленности, в ведении которого находились все технологические и коммерческие вузы. Предпринятые усилия как «снизу», так и «сверху» принесли свои положительные результаты.

В 1911 г. по решению правительства России было проведено межведомственное совещание, а котором обсуждался вопрос об организации в России сети новых высших учебных заведений. Учитывая вес и значение Самары в экономике России, размер денежных и земельных пожертвований на открытие в городе политехнического института, поддержку этого ходатайства со стороны 28 земств смежных губерний, 37 городов, 7 биржевых комитетов, было решено «открыть политехникум в Самаре».

В 1910 г. министром земледелия по инициативе Государственной Думы был составлен общий план организации высших сельскохозяйственных учебных заведений в стране соответственно сельскохозяйственным районам. Предполагалось, что каждая такая школа должна стать агрокультурным центром своего района. В их задачу входило не только готовить агрономов, воспитанных в местных условиях, но и научно обеспечивать все хозяйственные нужды района, оказывать содействие в агрономической помощи всему населению.

Только в феврале 1912 года вопрос об открытии в г. Самаре политехнического института был решен окончательно. В постановлении Совета министров признавалась необходимость «дать Самаре в первую очередь высшее учебное заведение с агрономическим отделом» с тем, чтобы при этом вузе затем было открыто и «коммерческое отделение». Было оговорено, что «устройство и оборудование» института должны быть произведены за счет местных средств, а содержание его (зарплата, текущие расходы) берет на себя государственное казначейство.

3 июля 1914 г. (по старому стилю) вступили в силу одобренные Государственным Советом и Государственной Думой документы «Закон об учреждении в городе Самаре Политехнического института. Политехнический институт учреждался в составе двух факультетов: «коммерческо-экономического, с отделениями экономическим и коммерческо-техническим и сельскохозяйственно-го, с разделением отделений коммерческо-экономического факультета и сельскохозяйственного факультета в подотделы по специальностям». Институт был отнесен к числу высших учебных заведений.

Благодаря усилиям Самарского губернского земства, Самарской городской думы, поддержке этого начинания другими регионами России, главным образом соседними, широким спонсорским пожертвованиям со стороны различных организаций и меценатов (примерно 1 млн руб. в 1913 г.), самарцам удалось осуществить заветное желание — открыть в городе институт техническо-

го профиля. Вуз считался отраслевым и передавался в ведение Министерства торговли и промышленности, ведавшим (занимавшимся) инженерно-техническим образованием. Произвести первый набор студентов и начать занятия предполагалось осенью 1915 года. К 1 июля 1915 года должен был быть укомплектован профессорско-преподавательский состав из 13 ординарных, 6 экстраординарных профессоров и 6 преподавателей.

Намечавшиеся планы перечеркнула Первая мировая война, в которую Россия вступила в августе 1914 года. Менее месяца прошло с момента подписания Императором Николаем II Закона об открытии в Самаре политехнического института, и он, по-видимому, стал одним из последних учебных заведений, связанных с мирной жизнью. «Приступ к постройке и устройству института» в 1915 году состоялся на уровне создания строительной комиссии и назначения ректором института заслуженного ординарного профессора Императорского Варшавского университета, действительного статского советника Павла Ильича Митрофанова. Он же возглавил и строительную комиссию. Учреждалась, кроме строительной, и «особая комиссия» под председательством губернского предводителя дворянства А.Н. Наумова из представителей города, земства и биржевого общества. Комиссии, к сожалению, не могли заменить реальную работу по созданию Самарского политехникума.

§ 2. Городская инфраструктура в начале XX в.

Городские власти прежде всего отвечали за обустройство и поддержание в исправном состоянии находящихся в ведении общественного управления хозяйственных комплексов: дорожного, общественных садов и прудов, водоснабжения и канализации, городского освещения, строительства, пожарного хозяйства и многих других.

Мостовые Самары не являлись, к сожалению, образцом городского благоустройства. Укладка морально устаревшей брусчатки проводилась даже не на всех крупных улицах. К тому же она быстро изнашивалась и не была пригодна для появившихся в начале XX века автомобилей. Новое покрытие, асфальт, являлось слишком дорогим вариантом замены булыжной мостовой. Поэтому асфальтированных улиц в Самаре было мало, хотя Мостовая комиссия Самары ведала укладкой одного из лучших в Поволжье сызранского асфальта⁵.

Для городской Думы важной проблемой являлось создание и развитие набережной, так как волжские города постоянно критиковались путешественниками за непролазную грязь на берегу Волги и отсутствие хоть какого-нибудь вида города с реки. Проблема набережной решалась не только Мостовой, но и Садовой комиссией. Самарская дума вкладывала средства в развитие Струковского, Соборного, Молоканского и других садов. Тем не менее этих мер не хватало, поэтому отличительной особенностью города была сильная запыленность — «Самара в облаке черной пыли»⁶.

Самарский водопровод также оставлял желать лучшего: «...берущий напорную волжскую воду необычайной жесткости, а порой забирающий воду и непосредственно из Волги. Подъем воды на одну общую высоту, совершенно излишнюю для более низких мест. Отсюда — лишний расход и чрезмерный напор в трубах»⁷.

В 1898 году особой правительственной комиссией город Самара был признан находящимся в безнадежно антисанитарном состоянии: заболевания заразными болезнями в нем не переводились и часто принимали размеры настоящих эпидемий, обычная смертность населения — больше 40 человек на тысячу.

Вопрос об устройстве канализации в Самаре обсуждался в городской Думе еще в сентябре 1895 года. Однако в процессе длительного обсуждения и составления приблизительных проектов выяснилось, что сооружение мало-мальски действенной канализационной системы будет стоить много десятков тысяч рублей.

Ввиду эпидемической опасности, крайне важной была деятельность Канализационной комиссии (строительство коллектора, прокладка керамических труб по кварталам города), созданной в 1899 г. Комиссия подсчитала, что на каждого жителя Самары приходилось в среднем около 300 пудов (около полутонны) помоев и человеческих экскрементов, из них удалялась только 1/11 часть нечистот, и доказала, что городу необходимо нужна раздельная сплавная канализация. Проведенные исследования позволили в 1900 году ходатайствовать перед правительством о разрешении городу Самаре спуска канализационных вод в реку Волгу при слиянии ее с рекой Самарой. Возможность сооружения канализации городская Дума рассматривала долго: в 1895, в 1898, 1903 годах.

Городу помог владелец пивоваренного завода Альфред Филиппович Вакано. В 1906 году он предложил думе 15 тысяч рублей на составление проекта канализации, и проект этот был заказан немецкому инженеру из Франкфурта-на-Майне В.Г. Линдлею. В начале июля 1907 года, после того как были собраны все данные

А. Ф. Вакано. Из фондов ЦГАСО

и приготовлены планы и промеры, автор проекта провел в Самаре две недели, изучая местные условия. Весной 1908 года он представил проект, в апреле этого же года закончилось печатание пояснительной записки на русском языке, а в конце года — правил устройства домовых стоков.

Канализация, по проекту Линдлея, должна была состоять из замкнутой системы водоводов и канав, отводящей сточные воды со всей центральной части города — до ул. Полевой включительно — в два главных коллектора, проходящих по Волжскому и Самарскому склонам. Стоки предусмат-

ривалось сбрасывать в месте слияния коллекторов на косе неподалеку от впадения реки Самары в Волгу.

25 февраля 1909 года Дума приняла этот проект в полном объеме и постановила представить его на утверждение правительству. Ввиду значительных средств на его осуществление тот же Вакано предложил Думе устроить канализацию на пробном участке, обещая предоставить городу на это 25 тысяч рублей безвозмездно и 15 тысяч рублей в виде беспроцентной ссуды при условии погашения ее из первых доходов с этой частичной канализации. Дума приняла это предложение, а губернатор утвердил проект частичной канализации г. Самары с условием, чтобы временная очистительная станция была устроена не на углу Панской (ныне ул. Ленинградская) и Набережной улиц, а против Заводской (ныне ул. Венцека), где будет выпуск воды. В случае, если окажется, что канализационная вода загрязняет воду Волги, вреда флоре и фауне реки, Дума немедленно обязана приступить к принятию решения по более совершенной очистке спускаемых вод. Труба, выпускающая канализационные воды в реку Волгу, должна находиться в сфере текущих струй реки.

В середине 1909 года началось строительство пробной канализационной линии. Общее руководство им осуществлял Линдлей, он же назначил производителем работ в Самаре инженера путей сообщения Р.Л. Утгофа. Керамические канализационные трубы

частью выписаны были из Мюнстерберга, частью получены с завода «Новь» в Боровичах, чугунные изделия изготовлены в Самаре на заводах бр. Журавлевых и наследников Лебедева. Гудрон для заливки стыков труб получили из Баку с завода «Кианда» С.Шифрина. Были изучены лучшие из глиняных залежей окрестностей Самары, а образцы четырех глин исследованы в лаборатории профессора Краммера в Берлине, где производились и пробные обжиги. Для строительства заводу М.М. Шигаева (был в Засамарской слободе) заказали 70 тысяч штук водостойкого лекального кирпича особого размера из жирной глины среднего слоя залегающая. Остальные материалы также получались в Самаре.

7 июня 1909 г., начало постройки канализации. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

Работы двигались медленно и с затруднениями, к числу последних нужно отнести неопытность рабочих и отсутствие достаточного числа опытных десятников. Чех не мог уследить за всеми и внушить рабочим достаточную осторожность при работе в глубокой выемке при очень легкоподвижном песке. К концу сентября

была проведена канализация по Дворянской улице (ныне ул. Куйбышева) между улицей Предтеченской (ныне ул. Некрасовская) и Алексеевской площадью (ныне пл. Революции) и по Панской между Дворянской и Преображенской (ныне ул. Водников) улицами. От угла Панской и Преображенской улиц канализационная труба, имевшая временный характер, шла по Преображенской до середины квартала 43, откуда переходила на набережную реки Волги и шла по ней почти до Воскресенской улицы (ныне ул. Пионерская), где поворачивала к временной очистительной станции. От станции в реку Волгу был проложен временный спуск, не входивший в окончательный проект канализации города. К октябрю 1909 года пробный участок канализации длиной четыре версты (около 4,2 км) был построен.

А.Ф. Вакано принял весь расход по сооружению этого участка городской канализации на свой счет безвозвратно с условием, «чтобы все доходы, какие будут получаться от этого участка через эксплуатацию его, шли непременно исключительно на расширение канализации до тех пор, пока вся площадь города не будет канализована... и чтобы Городское Управление за подключение к канализации взимало бы не менее 75 % той суммы, которую домовладелец потратил бы на вывоз нечистот с его участка».

В марте 1911 при самарской городской управе был учрежден канализационный отдел, с этого акта началась официальная история самарской городской канализации. А на следующий год началось строительство основной канализационной сети Самары, не прекращавшееся даже в годы Первой мировой войны.

К 1918 году в Самаре было построено 35,4 километра канализационной сети. Линии канализации прошли по улицам Николаевской (Чапаевской), Саратовской (Фрунзе), Дворянской (Куйбышевской), Панской (Ленинградской), Преображенской (Водников), Заводской (Венцека), Воскресенской (Пионерской). Волжский и Самарский коллекторы строились из кирпича, с глубиной залегания до 18–22 метров, и представляли собой подземные ходы шириной до метра и высотой около 1,75 метра. Добротно сделанные, эти коллекторы служат до сих пор.

Уникальной была попытка городского самоуправления Самары создать трамвай своими силами. В начале 1902 года в городской Думе и управе Самары стала обсуждаться идея постройки в городе электрического трамвая.

Необходимость этого назрела давно, поскольку одноколейная конка с малоемкими вагонами не могла удовлетворить всех по-

требностей города в быстром, дешевом и удобном средстве передвижения. К тому же в начале XX века во многих городах России уже появились электрические трамваи, и стало окончательно ясно, что конную тягу необходимо заменить на более прогрессивную электрическую. В городскую управу поступило заявление от С.Н. Постникова с предложением о переходе к электрическому трамваю и в случае положительного ответа о сдаче ему концессии на устройство и эксплуатацию такого трамвая. Впоследствии он стал одним из главных инициаторов муниципального трамвая, активным участником строительства и возглавил трамвайную комиссию при городской управе. Окончательно предложение Постникова было принято в июле 1905 г.

В июле 1905 г. Дума единогласно одобрила предложенный им контракт на постройку и эксплуатацию трамвая, поручив бюджетной и другим комиссиям проработать его условия. Дело было настолько выгодным, что в него вмешалось самарское отделение акционерного общества городских и пригородных конно-железных дорог в России. В том же июле 1905 года оно заявило о своем желании «на известных условиях» обеспечить Самару трамваем. С.Н. Постников, в то время городской голова, обладая сильным влиянием в Думе и управе, бился за устранение конкурентов. Бюджетная комиссия в августе 1905 г. потребовала от акционерного общества гарантий своевременного выполнения обязательств всей концессии, или внесения залога в размере 600 тыс. рублей.

Обиженные акционеры пожаловались губернатору и правительству. Губернатор Якунин выступил против самарского трамвая⁸. Дело о строительстве трамвая было приостановлено. Совет по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел 15 февраля 1907 г. признал одобренный Думой договор с С.Н. Постниковым «не соответствующим интересам города» и не утвердил его.

23 мая 1907 г. было собрано чрезвычайное заседание Думы, на котором обсуждался вопрос «О постройке трамвая в городе Самаре». Сторонники С.Н. Постникова отвергали домогательства концессионеров конки, которым «помогает несколько гласных». 9 января 1908 г. городская Дума утвердила проект концессионного договора на постройку в Самаре трамвая и эксплуатацию городской электрической станции. 19 мая 1909 г. городская Дума окончательно приняла постановление о строительстве электрического трамвая. К тому времени в городе остался всего один противник строительства — «Акционерное общество», владевшее самарской конно-железной дорогой и имевшее своих сторонников в Думе.

Губернатор В.В. Якунин на пикнике. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

15 мая 1910 года Самарская городская дума неожиданно приняла новое решение — теперь уже о муниципальной форме строительства трамвая. Городская управа объявила конкурс по составлению проекта устройства городского электрического трамвая, а также расширения городской электростанции и осветительной сети в Самаре. Дума ассигновала 10 тысяч рублей на выдачу премий за лучшие проекты. Срок подачи проектов был установлен к 1 декабря 1910 г. Основным документом проекта должна была стать пояснительная записка, содержащая экономические расчеты работы предприятия, общий план сети, продольный профиль всех линий, общий вид вагонов, планы зданий депо и центральной электростанции, а также смету на строительство. Дума определила, что протяженность всей сети должна составлять 13 верст, все линии должны быть двухколейными, ширина колеи — 5 футов (1524 мм), скорость движения вагонов — не менее 12 верст в час, также был определен тариф проезда. Для непредвзятости оценок проектов каждый из них должен был поступать в управу под особым девизом (фамилии авторов хранились в управе в отдельных закрытых конвертах, сверху которых были надписаны только девизы). Рассмотрение проектов и присуждение премий по просьбе города должно было осуществить VI электротехническое отделение Императорского Русского технического общества.

Хотя в течение лета и осени в управу поступило 43 заявления, к назначенной дате она имела на руках только 5 готовых проектов под девизами «Esperons» («Надеемся»), «Энергия», «Феникс», «Лучше поздно, чем никогда» и «Инженер».

Для рассмотрения проектов при Техническом обществе была создана экспертная комиссия. Все проекты рассматривались на 12-ти заседаниях в течение первого полугодия 1911 г. Комиссия постановила, не выдавая ни одному из представленных проектов первой премии полностью (4 000 руб.), выдать автору проекта «Лучше поздно, чем никогда» половину первой премии, автору проекта «Энергия» — вторую премию (2 000 руб.), автору проекта «Esperons» — третью премию (1 000 руб.), автору проекта «Феникс» — четвертую премию (500 руб.). Проект под девизом «Инженер» премированию не подлежал.

Кроме общих выводов, комиссия рекомендовала властям при постройке трамвая использовать вариант трасс, предложенный в проекте «Лучше поздно, чем никогда», а также спрямить линию от земской больницы через Воскресенскую (ныне Самарскую) площадь к Троицкому базару, в соответствии с проектом «Энергия». Кроме того, комиссия посчитала, что на линиях, соединяющих центральные части города с окраинами (у Молоканского сада) и с загородными местностями, расположенными вверх по течению Волги, нужно ожидать значительного развития движения пассажиров, при котором будет выгодно применение прицепных вагонов, в особенности в летнее время. Также было рекомендовано смягчить уклон на ул. Заводской (ныне Венцека), достигающий 11 %.

Таким образом, фактически в конкурсе победил проект под девизом «Лучше поздно, чем никогда». Его автором оказался инженер П.А. Суткевич. Его проект Дума и управа избрали за основу и пригласили автора для составления подробного технического проекта и руководства трамвайным строительством.

Переведение городского транспорта в муниципальную собственность позволило бы выручку от трамвая использовать в качестве одной из доходных статей бюджета. К тому же для сильно вытянутой в длину Самары трамвай был просто необходим. В 1911 г. при городской управе была создана Трамвайная исполнительная комиссия, в задачу которой входила эксплуатация «чуда техники». Во главе Трамвайной комиссии был поставлен приехавший из столицы инженер П.А. Суткевич, с которым был заключен договор сроком до октября 1914 г., товарищем председателя был назначен

гласный А.Е. Нестеров. Официальным председателем комиссии стал С.Н. Постников.

Городу требовались большие деньги на строительство трамвая, их можно было получить только путем займа. Сначала Дума склонялась к облигационному займу в размере 4,7 млн руб., но он был крайне невыгоден из-за больших процентов, которые пришлось бы выплачивать городу. Поэтому власти решились на ипотечный заем (заклад городских земель в банке) в размере 9 млн руб., чтобы покрыть старые долги и одновременно получить средства на строительство трамвая и расширение электростанции. В связи с этим было принято решение о заключении ипотечного займа, отправлены соответствующие бумаги в Санкт-Петербург и заключен договор с Нижегородско-Самарским банком.

Подробный технический проект строительства пяти трамвайных линий и расширения городской электростанции утвержден Техническим советом Министерства внутренних дел. Инженер П.А. Суткевич запросил на строительные работы в 1913 г. 850 тыс. рублей. Из них на расширение электростанции — 150 тыс., на строительство трамвайной подстанции — 25 тыс., на устройство трамвайных путей — 285 тыс., контактной сети — 60 тыс., кабельных сетей — 45 тыс., на сооружение трамвайного парка и вагоноремонтных мастерских — 150 тыс., на приобретение и оборудование подвижного состава — 50 тыс., на прочие и непредвиденные расходы — 85 тыс.

12 (25) мая 1913 года было дано разрешение на строительство трамвая на муниципальные средства. Самарский губернатор Н.В. Протасьев получил уведомление от министра внутренних дел о разрешении городу Самаре произвести ипотечный заем. На этом наконец-то закончилась десятилетняя история «думских сражений» за самарский трамвай.

В июне 1913 г. начались работы на строительстве вагонного парка на углу улиц Полевой и Соловьинной (Мичурина). Был набран технический персонал и подрядчики на строительные работы, заказаны кирпич, два паровых турбогенератора, а также умформеры (преобразователи тока).

Самарской управе рекомендовали заказать вагоны уменьшенного типа, двухосные, с двумя моторами, с поперечными скамьями на 22 места и отделкой салона из дуба и сосны. По требованию Министерства внутренних дел, моторные вагоны должны были иметь электрический, воздушный и ручной тормозы, а прицепные вагоны (на дачной линии) — ручной тормоз, автоматические предохранительные сетки впереди вагона и откидные ступеньки.

Ул. Ильинская. Постройка трамвайной линии. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

Подвижной состав был заказан Коломенскому машиностроительному заводу, но, заказанные еще в 1913 г. первые вагоны были доставлены в Самару только в 1915 г. Из-за начала Первой мировой войны путевые работы на части линий были завершены уже после запуска движения в 1915 – 1916 гг. В частности, для дачной линии требовались легкие рельсы, которые были заказаны на Керченском металлургическом заводе общества «Продамет», но из-за нехватки железнодорожных вагонов в начале войны их поставка была сорвана.

Летние прицепные вагоны для дачной линии были заказаны в Будапеште буквально накануне войны, однако через две недели Австро-Венгрия стала военным противником России, поэтому о поставке этих вагонов не могло быть и речи. Впоследствии летние вагоны были построены своими силами в 1926 г.

В целом к началу войны было закончено строительство большей части линий, трамвайного парка с мастерскими, был уложен подземный кабель, закончено оборудование трамвайной подстанции, полным ходом шел монтаж контактной сети. Маршрут № 2 был готов полностью. Всего в 1914 г. было уложено 28 из 35-ти верст трамвайных путей.

В связи с началом войны все строительные работы были прерваны, многие рабочие были мобилизованы, прекратились поставки оборудования. Сборка вагонов на Коломенском заводе была вооб-

ще остановлена. Построенный на 95 % самарский трамвай не мог работать из-за многочисленных мелких недоделок и отсутствия трамвайных вагонов. Только благодаря стараниям строителя трамвая, инженера П.А. Суткевича, несколько раз лично ездившего в Коломну, несколько вагонов все-таки были достроены и прибыли в Самару. К тому времени все недоделки в депо и на линии первой очереди также были устранены.

Торжественное открытие самарского трамвая состоялось в 12 часов 12 февраля 1915 г. Первый вагон вел сам П.А. Суткевич. Маршрут №1 пролегал от «Трамвайного парка» на Верхней Полевой до Алексеевской площади (совр. пл. Революции).

*Трамвай на ул. Саратовской. 1915 г. Из кн.:
Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии
в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев.
Книга III. Самара, 2014*

первоначально планировалось 80–90 тыс. руб. Это обстоятельство позволило Трамвайной комиссии использовать часть денег для закупки новых вагонов и открытия новых маршрутов. К концу 1915 года свыше 30 вагонов путешествовали по пяти маршрутам. Всего за 1915 г. трамваем было перевезено более 20,5 млн пассажиров и выручено более 600 тыс. руб. Самарцы уже не мыслили своей жизни без трамвая.

В дальнейшем комиссии приходилось решать немало проблем. Во-первых, быстрый рост вагонного парка поставил комиссию перед необходимостью использовать не только мужчин, но и женщин на работе кондукторами. Во-вторых, серьезные проблемы создавали выплаты трамвайным рабочим зарплат и «натуральных премий» продуктами и товарами, облегчавшими жизнь людей в условиях военного времени и дороговизны.

Большие сомнения первоначально вызывала рентабельность трамвая. Но страхи оказались напрасными: за первые 17 дней выручка составила 8 385 руб.⁹ (стоимость билета составляла 3 копейки). Таким образом, за год можно было ожидать около 150 тыс. рублей выручки, тогда как

Непривычный для самарцев транспорт вызывал на первых порах немало возражений — травматизм на рельсах был больше, чем у конки. Комиссии приходилось разбираться со многими случаями травматизма, особенно с конфликтными, продолжать развивать трамвайную сеть, ремонтировать пути и подвижной состав.

В конце 1915 г. основной темой заседаний Трамвайной комиссии стало увеличение стоимости проезда с 3 до 4 коп. Мера эта была вынужденная ввиду того, что городской бюджет имел серьезные прорехи, вызванные многочисленными тратами на военные нужды и сдерживанием роста цен на продукты и товары. Дело доходило до произвольного увеличения платы за проезд. Так, в середине декабря 1915 г. рабочие Трубочного завода обратились в комиссию с жалобой на кондукторов 5-го трамвая.

Ходивший по «дачному маршруту» до Постникова оврага, он был единственным транспортным средством для рабочих. Но зимой «дачная линия» почти не работала и вагоны из города за рабочими трубачного пришли только после их согласия заплатить по 6 коп. за проезд. Этот коммерческий эксперимент вызвал осуждение в Трамвайной комиссии.

Двигавшееся со скоростью около 10 верст в час и перевозившее по 700—800 тыс. человек в месяц, уже в 1915 г. «детисе» Трамвайной комиссии стало основным транспортным средством губернской Самары. За год эксплуатации трамвай принес городской казне около миллиона рублей дохода¹⁰. Конки города стали терпеть финансовые неудачи и вскоре прекратили свое существование.

Самара приобрела цивилизованный европейский вид с приходом электричества. Заслуга в приобщении Самары к этому детишу прогресса принадлежит во многом городскому голове, дворянину П.А. Арапову. Именно он не пожалел дефицитных средств городского бюджета, начав строительство центральной электрической станции на берегу Волги рядом с водонасосной станцией, близ Жигулевского пивзавода. Проект поддержал губернатор А.С. Брянчанинов, который добился разрешения беспошлинного ввоза в губернский город дорогого немецкого электрического оборудования с привлечением специалистов-наладчиков из Германии. В ноябре 1900 года была освящена и сдана в эксплуатацию первая очередь заветной электростанции мощностью в 300 киловатт¹¹. Через год самарская ЦЭС давала уже 660 киловатт в час, которые обеспечивались круглосуточной работой нефтяных двигателей. Нефть поставлялась из Баку по договору между городской управой и фирмой братьев Нобель. В соглашении указывалось, что

продукт не должен содержать воды, песка и других посторонних примесей¹².

Предприниматели быстро поняли, что электричество дает огромные преимущества при внедрении в промышленное производство. Электросети опутали весь город, и мощности электростанции стали все больше переводиться с городского освещения на промышленные нужды. В 1907 году городская Дума предложила искать по России и за границей инвесторов для модернизации самарской ЦЭС. Был поддержан проект инженера П.А. Суткевича, для реализации которого требовались значительные средства. Деньги дали местные предприниматели, а также был использован госбюджет. Идею электрификации надо было популяризировать среди простых горожан. 10 апреля 1910 г. в Самаре местное отделение Императорского Русского технического общества провело первое заседание, где инженеры познакомили жителей с перспективами создания единой энергетической системы губернского центра¹³.

Вложенные деньги дали результаты. К 1913 г. центральная электрическая станция вырабатывала 1 334 000 кВт/ч, а в 1916 г. — 8 843 000 кВт/ч. Станцию оснастили 2 паротурбогенераторами по 1 600 кВт каждый и 2 дизелями по 405 квт. Городская электросеть имела оборудование: кабельную сеть высокого напряжения фидерную — 21 060 клм, распределительную — 35100 клм, сеть низкого напряжения — кабельную 25 285 клм, воздушную — 59 452 клм и питательных пунктов — 82 клм (килолюмен). Общая мощность установленных трансформаторов составляла 3100 кВт/ч. Промышленный ток поставлялся на лесопильни по улице Лесной, на спичечную фабрику «Волга», на механические мастерские Журавлева, Шерстнева, на чугунолитейные производства Лебедева, Платкова, на кирпичные заводы Сапункова, Шигаева, Александрова, Жукова, Летягина, Маштакова, на мукомольни Соколова, Башкирова, Шадрина, Шихобалова, Бобермана, на кондитерские фабрики Савинова, Решетникова, на макаронку Кеницера, пивзавод Вакано. Огромные мощности потреблял Трубочный завод, а также электротрамвай, вдоль линии которого установили 90 электродуговых светильников мощностью по 12 ампер.

Электрическое освещение зажигалось централизованно, и газета «Городской вестник» регулярно печатала график включения фонарей. Например, в 1911 году с 1 по 6 января освещение улиц начиналось в 16.30, а заканчивалось в 6.00, с 7 января по 12 января — с 16.35 по 5.50. Свет начинает помогать торговле. На главных ули-

цах появляются ярко освещенные витрины магазинов. Самара готовилась шагнуть в мир неоновых реклам, подмигивающих огоньков успеха и фейерверков процветания. Тем не менее энергетика Самары все еще не переходила в новое качество, 60 % ее основывалось на дровах, 30 % на бакинской нефти, 10 % на донецком угле. Большинство домов имело печное отопление, и только ряд зданий переходил к паровому.

В феврале 1914 года городская Дума Самары рассмотрела вопрос о подключении к электрической станции новых абонентов. Поводом к этому послужило выступление инженера П.А. Суткевича в газете «Городской вестник». В связи с намечаемым открытием в городе трамвайного движения и недостаточной для этого мощности старой электростанции, власти Самары начали строить новую. Здание станции город возводил хозяйственным способом, а поставку оборудования вели фирмы «Сименс и Гальске», «Гальцер», «Шпис и Прен», Всеобщая компания электричества. Надзор за сооружением осуществлял городской архитектор Д.А. Вернер. Чтобы обеспечить загрузку мощностей новой станции, сделать ее работу безубыточной, необходимо было обеспечить доступность благ цивилизации как можно большему числу горожан. И строитель самарского трамвая П.А. Суткевич со страниц газеты предложил принять ряд радикальных мер: «Уже сейчас на улицах Самары наблюдается большое количество столбов, переплетение проводов частных электростанций и городской. Все уличные электросети необходимо принять в ведение города. Он должен взять на себя и подсоединение домов к сети, установку счетчиков или ограничителей тока. Все необходимые для этого материалы имеются, поэтому городу не придется тратить дополнительные средства. Снизить тарифы за пользование электроэнергией. Они составляют 25 копеек за киловатт для населения и 15 копеек для всякого рода заведений. Тариф, непосильный для тех, кто использует много ламп. Поэтому владельцы гостиниц, ресторанов, клубов, синематографа строят свои станции. Принятие предлагаемых им мер сделает электроосвещение более доступным для всех, снизит недоимки за пользование ей, которые в минувшем году составили более 44 тысяч рублей»¹⁴.

Обсудив на заседании думы предложения П.А. Суткевича, гласные решили все же тарифы не уменьшать. Желание получать ток с городской электростанции изъявили уже многие. Агенты пароходных обществ «Самолет», «Кавказ и Меркурий», «По Волге», «Русь» хотят освещать дебаркадеры, береговые лабазы, конторы и квар-

тиры служащих. Самарский губернатор Н.В. Протасьев, переезд которого со всей канцелярией ожидался в ближайшее время в новое здание возле драматического театра, запрашивал тариф, по которому управа сможет отпускать ему энергию для 470 лампочек. Железнодорожники просили дать электричество для освещения городского вокзала, госпожа А.М. Неклютина — для электромоторов своей хлебопекарни. Один из крупнейших элеваторов Поволжья, возведение которого завершалось на берегу Самары, тоже нуждался в электроэнергии для своих многочисленных механизмов. Что же касается электросетей, то дума приняла такое решение: вся сеть по улицам города вплоть до фасадов домов, а также установка счетчиков и ограничителей тока проводится за счет города. С пуском станции эти меры дали возможность подсоединить к электросети дома в районе Полевых улиц, реки Волги и железнодорожного вокзала.

Нововведения были связаны в первую очередь с устройством парового отопления в общежитиях самарской ГРЭС и в здании для обслуживающего персонала самарского элеватора, построенного в 1916 году и имевшего собственную электростанцию в 511 798 кВт/ч. На тот же 1916 год котельная станция при ЦЭС имела 2 котла «Гарбе» по 320 кв. метров поверхности нагрева, «Бабкок и Вилькоккс» 2х184 кв. метра поверхности нагрева. Первых энергетиков к этому времени насчитывалось более 300 человек, среди руководства назовем ведущего инженера Александра Петровича Малкина, его помощника инженера Владимира Ивановича Тихова.

§ 3. Социальные портреты глав города Самары

В организации городской жизни непосредственное участие принимали не только органы местного управления: думы и управы. Значительную роль в деятельности этих учреждений сыграли неординарные личности, которые занимали в этот период должности городского главы. Их личностные особенности оказывали определяющее и разностороннее влияние на развитие Самары. Одним из ярких представителей купеческого сословия являлся Василий Ефимович Буреев, который трижды избирался на должность городского головы¹⁵. С 9 апреля 1852 г. по 1859 г. Василий Ефимович служил казначеем и директором попечительского о тюрьмах комитета. С тех пор забота о тюрьмах стала одной из его самых главных задач. Помимо этого, Василий Ефимович занимался обще-

ственной деятельностью и благотворительностью. В 1858–1861 и в 1864–1866 гг. Василий Ефимович был избран на должность городского головы г. Самары. За отличную службу на этом поприще в 1862 г. он награжден золотой медалью на Анненской ленте, а 10 июня 1865 г. — золотой медалью «За усердие» на Владимирской ленте. В 1870 г. Самарское городское общество вновь избирает его на должность городского головы, а в 1871 г. он переизбран на ту же должность на 4 года в связи с введением Городового положения.

Выпускник юридического факультета Казанского университета Ефим Тимофеевич Кожевников занимал должность городского головы два срока с 1875 по 1881 гг.¹⁶ В это время были открыты среднее техническое железнодорожное училище и реальное училище. Он принимал деятельное участие в организации сбора средств для восставшего болгарского народа, возглавил делегацию, которая 6 мая 1878 г. вручила в г. Плоешти Самарское знамя болгарским ополченцам.

Начало деятельности потомственного почетного гражданина Самары Петра Семеновича Субботина на посту городского главы¹⁷ отмечено двумя полярными событиями: коронацией Александра III и постигшим Самару очередным бедствием — пожаром. В первую очередь необходимо было решать задачу устройство водопровода. На эти цели требовалось около 500 тысяч рублей, поэтому Петр Семенович начинает добиваться 150 тысяч рублей от правительства и разрешения провести заем в 400 тысяч рублей под 6 процентов годовых. Только в июне 1884 года городской голова смог доложить гласным думы, что просьба самарцев сочувственно встречена в министерствах, где ему обещали вынести вопрос об устройстве водопровода на заседание кабинета министров. И действительно, 20 июля по представлению министра внутренних дел «...государь император... высочайше соизволил: 1) разрешить г. Самаре сделать заем в четыреста тысяч рублей нарицательных посредством выпуска облигаций на устройство в сем городе водопровода». Сооружение водопровода началось в августе следующего года, когда городским головой был уже П.В. Алабин. За два неполных года пребывания Петра Семеновича в должности городского головы Дума не раз выделяла деньги на нужды публичной библиотеки и зала императора Александра II. Более сорока тысяч рублей отпустила на ремонт здания реального училища и сооружение пристроя к нему. При П.С. Субботине активно шел

процесс освобождения земельных участков вокруг строящегося кафедрального собора для закладки сквера.

Петр Владимирович Алабин, избранный городским головой Самары 18 декабря 1884 года, вошел в историю города как один из самых успешных самарских градоначальников¹⁸. В период пребывания Алабина в должности городского головы (1884–1891 гг.) в Самаре построены и начали функционировать чугунолитейный завод Лебедева, маслобойный завод Вишнякова, типография Щелокова, Пастеровская станция, метеорологическая станция, городской водопровод, городской театр, спичечная фабрика «Волга», кирпичный завод Жукова, паровая мукомольная мельница Башкирова, кондитерская фабрика Гребжева, мыловаренный завод Уласова. Впервые в Самаре для освещения применили газ, начала действовать первая телефонная станция на 10 номеров, продолжалось строительство собора.

П.В. Алабин внес немалый вклад в развитие городской публичной библиотеки и системы образования, инициировал установку памятника Александру III и строительство собора, был автором фундаментальных трудов по истории, экономике и культуре Самарского края. Его также считают «отцом» первого в Самаре публичного музея. По его инициативе в 1886 г. были проведены юбилейные мероприятия в связи с трехсотлетием города Самары. Во время войны на Балканах в 1876–1877 гг. Алабин предпринимал ряд акций по организации материальной помощи и моральной поддержки братскому болгарскому народу в борьбе за свержение турецкого ига. Петр Владимирович принял активное участие в реализации идеи гласных Самарской городской думы о создании знамени для вручения болгарским повстанцам, сражавшимся с турками.

Петр Александрович Арапов на должности городского головы (1897 – 1900)¹⁹ внес вклад в развитие городской культуры. 25 апреля 1897 года был создан «Художественный отдел» при музее. Это событие произошло после выставки местных художников и фотографов. Организатор выставки Константин Павлович Головкин предложил городской Думе принять часть картин в дар городу. По инициативе П.А. Арапова в конце 1890-х годов было выстроено новое здание самарской губернской тюрьмы на углу улиц Полевой и Ильинской (совр. ул. Арцыбушевская, 171, общежитие медицинского института). Представитель интеллектуальных кругов Самары П.А. Арапов подвергался сильнейшей травле «троицкой партии» (то есть партии купцов), существовавшей в Думе.

Николай Гаврилович Неклютин был купцом первой гильдии, являлся купеческим старостой (1880 – 1883 гг.), с 1890 г. – членом учетного комитета при Самарском отделении Госбанка, членом общества взаимного кредита, членом правления общества «Дома трудолюбия», членом правления общества Красного Креста, почетным блюстителем Самарского реального училища, входил в совет женской гимназии А. С. Межак, был ктитором (спонсором) домашней церкви при этой гимназии. Я.Г.Соколов, А.Н.Шихобалов и Н.Г. Неклютин были попечителями ремесленной школы имени Д.В.Кириллова²⁰.

С 1875 по 1891 г. Николай Гаврилович избирался гласным Самарской городской думы, входил в состав управы, а 8 февраля 1891 года стал городским головой. Избрание Николая Гавриловича было своего рода благодарностью самарского общества за его труды по борьбе с голодом 1890–1891 гг. В 1891 году купцы города предоставили городу Самаре беспроцентную ссуду на закупку хлеба для голодающих. В частности Н.Г. Неклютин пожертвовал 5 тысяч рублей.

На посту городского головы Н.Г. Неклютин инициировал немало полезного. В этот период в Самаре появляются бульжные мостовые, набережная у пивоваренного завода, заканчивается строительство кафедрального собора. Когда в 1893 году возникли серьезные проблемы с финансированием окончательной отделки собора, Н.Г. Неклютин открыл подписку между «выдающимися в здешнем торговом мире лицами», в результате которой был собран один миллион рублей. Н.Г. Неклютин провел через Думу проекты строительства городской электростанции, а также организации уличного освещения, строительства тротуаров. 8 марта 1893 г. в помещении Самарской городской управы под председательством городского головы купца Н.Г. Неклютина частным совещанием «господ купцов города Самары» было сформировано Самарское Биржевое общество. На совещании было отмечено, что «местные торгово-промышленные круги, несомненно, нуждаются в этом учреждении, как для облегчения всевозможных торговых сделок, так главным образом для выражения могущих встретиться местной «торговой промышленности» нужд и потребностей».

Подписка фиксировала не только желание предпринимателя стать членом Биржевого общества, предприниматели обязывались: «...сверх годовой платы за посещение Самарской биржи, какая будет установлена приговором Биржевого общества, соглашаемся еще

на взнос ежегодно особо определенной суммы на содержание Самарской биржи по приговору того же Биржевого общества». 19 марта 1893 г. состоялось собрание, на котором был избран первый биржевой комитет. Председателем был назначен Ф.Г. Углов, членами комитета стали Н.Д. Батюшков, А.Н. Шадрин, Я.И. Гужов.

Хлебная биржа. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III

По инициативе Неклютина городская управа приобрела бывший дом дворянского собрания, куда переехала Александровская публичная библиотека, а на втором этаже дома разместился городской музей. За успешную деятельность на посту головы городская дума переизбрала его на эту должность вторично, уже по новому Городовому положению. Он еще много мог бы сделать для Самары, если бы не ушел со своего поста «по семейным обстоятельствам».

Немало сделал на посту городского головы Сергей Несторович Постников (1905–1906)²¹. В числе его заслуг – устройство водопровода в Засамарскую слободу, расширение бухты на р. Самаре, возведение моста через р. Самару, открытие 2-й мужской гимназии, участие в строительстве самарского трамвая. Оставаясь гласным самарской городской думы, Постников участвовал в работе Трамвайной комиссии Думы, а с 1914 по 1915 годы являлся ее председателем.

Михаил Дмитриевич Чельшов с 1892 г. и до своей кончины в 1915 г. был гласным Самарской городской думы. Руководил строительством храма во имя святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, освященного в 1898 г., был его старостой. В 1907 он был избран членом III Государственной Думы от Самарской губернии (1907–1912). С 17 ноября 1909 г. по 18 августа 1912 г. М.Д. Чельшов занимал должность Самарского городского голо-

вы²², совмещая эту должность с членством в Государственной Думе. За короткий срок городской бюджет при нем был увеличен в десять раз²³. Михаил Дмитриевич пытался издавать газету «Самарский край» (была закрыта из-за многих острых материалов против пьянства²⁴). Являлся членом Самарского общества народных университетов. Ходатайствовал перед правительством об открытии в Самаре политехникума²⁵ (сейчас Самарский государственный технический университет), ратовал об установлении правил по выделению ссуд для города, постройке постоянного моста через Самарку, об утверждении проекта канализации. При его участии составлены проекты переустройства Запанского поселка, проекты школьных зданий и переустройства городского театра, реорганизована оптовая закупка лекарств, выделено место для возведения первого в Самаре элеватора, открыто трамвайное движение²⁶. Являясь городским головой, он дал представителям печати право присутствовать на любых совещаниях и знакомиться с любыми документами, ввел контроль за расходом воды и электроэнергии, ходатайствовал об обязательной выдаче пособий родившимся и обеспечении государством старости каждому гражданину²⁷.

*Городской голова
С.Н. Постников.
Из фондов ЦГАСО*

Впрочем, не все современники высоко ценили его работу на городских постах. Ряд гласных городской Думы (почти половина) в 1910 году потребовала добровольной отставки городского головы, который, с их точки зрения, работу на посту депутата Государственной Думы ставит выше радения о городских делах Самары, редко бывает в Самаре²⁸. Кроме того, его обвинили в крайней самоуверенности, нежелании прислушиваться к мнению городской Думы, превышении служебных полномочий²⁹. Примером такого конфликта являлось обсуждение в апреле 1910 года на очередном заседании Самарской городской думы заявления А.С. Ромашева

*М.Д. Чельшов.
Из фондов СОИКМ*

об установлении платы за прокладку электрических проводов частными лицами. Обсуждение обернулось выступлениями против М.Д. Чельшова, так как он дал разрешение провести по столбам городской электросети частную линию от дома Шабалева на Казанской улице (совр. А. Толстого) до дома Беспалова на Успенской (совр. Комсомольской). Это вызвало возмущение одного из старейших гласных городской думы Е.Т. Кожевникова. Он потребовал отменить постановление городского головы и «...внушить Голове не вторгаться на будущее время в

сферу прав, принадлежащих Думе».

В тот период М.Д. Чельшов в отставку не ушел, поскольку был поддержан губернатором и большинством гласных Думы. Однако противостояние городского головы и Думы продолжалось, и в конце концов он был уволен по собственному прошению в 1912 году³⁰. Прощение он подал из-за того, что городская Дума сократила без его согласия штат созданной по его настоянию в городе специальной контрольной комиссии с широкими полномочиями по проверке деятельности городских учреждений и предприятий³¹.

Почти всю свою жизнь на всех должностях Чельшов боролся с пьянством России, сам являясь абсолютным трезвенником. (Отказался выпить бокал вина на приеме у царя за его здоровье!³²) Написал две книги и несколько статей антиалкогольной направленности, опубликованных в центральной и местной печати. В 1902 году на заседании Самарской городской думы он потребовал запретить в черте города продажу спиртных напитков (водки, вина, пива)³³, в этом же году занялся организацией детских учреждений, отвращающих подростков от употребления спиртных напитков. Он добивался, чтобы не продавали спиртные напитки под заклад вещей, не продавали их на станциях, в выходные и праздничные дни, не продавали больше одной бутылки одному человеку³⁴. Попав в Государственную Думу, он сделал борьбу с пьянством своим основным делом. Был известен как решительный

противник потребления спиртных напитков и винокурения, выступал на эту тему в Государственной Думе с яркими речами, входил в состав думской противоалкогольной комиссии. Являлся почетным членом «Казанского Общества Трезвости». Член фракции «Союза 17 октября». Благодаря ему в войсках отменена «чарка»³⁵. С началом Первой мировой войны М.Д. Чельшов вместе со своими сторонниками в городской Думе добился постановления о запрете торговли спиртными напитками в Самаре, а затем и разрешения на это министерства внутренних дел России³⁶. Наконец, именно по инициативе Самарской Думы и в первую очередь М.Д. Чельшова с 1 января 1915 года в России введен «сухой закон»³⁷. Он произвел большое впечатление на Л.Н. Толстого и как борец с пьянством, и как представитель крестьянства³⁸.

Однако и здесь не обошлось без скандала, причем всероссийского масштаба. В семейных банях Чельшовых, как установила полиция, персонал клиентам поставлял и спиртное, и другие предосудительные услуги. Причем, будто бы именно М.Д. Чельшов дал указание не только не платить зарплату банщикам и другим работникам бань, но и брать у них часть чаевых за право оставаться на должности³⁹. Борьба с пьянством и, следовательно, стремление к уменьшению доходов владельцев винокуренных и пивоваренных предприятий стали главной причиной, что М.Д. Чельшов так и не получил звания почетного гражданина г. Самары. Голосование по этому поводу в городской думе выявило равенство сторонников и противников М.Д. Чельшова⁴⁰.

М.Д. Чельшов выступал за ограничение прав купечества. В частности, был автором хлебного законопроекта, а в 1911 году написал книгу «Положение России на мировом хлебном рынке». Он предлагал введение государственной монополии на экспорт хлеба, упорядочение внутренней хлеботорговли, увеличение выручки хлебопроизводителей⁴¹.

После его смерти от острого аппендицита (впрочем, и этот диагноз оспаривается⁴²) Самарская городская дума постановила: в Соборном садике на углу Алексеевской и Николаевской поставить ему памятник, устроить музей М.Д. Чельшова с организацией при нем антиалкогольных чтений, учредить три стипендии его имени (по одной для реального и коммерческого училищ и для городской женской гимназии), повесить портрет М.Д. Чельшова в зале Думы, наименовать Саратовскую улицу именем Михаила Чельшова⁴³. Улицу переименовали, остальное до революции сде-

лать не успели. После революции улица Чельшова вернулась к старому названию, а затем стала улицей Фрунзе.

Довольно долгое время — с 1897 по 1906 и с 1909 по 1914 гг. — Сергей Ефремович Пермяков избирался гласным городской Думы⁴⁴. Трудно назвать думский комитет или комиссию, куда бы ни вошел этот плотный лысоватый человек с большими, навывкате, карими глазами. Садовая, училищная, канализационная, театральная, техническая, водопроводная, скотобойная, финансовая, электрическая, народного университета, юридическая, врачебно-санитарная, комиссия по разработке вопросов, связанных с открытием в Самаре высшего учебного заведения, комиссия по приемке от фирм «Симменс и Гальске» устроенного в Самаре электрического освещения, эпидемическая комиссия...

Этот человек много потрудился на благо Самары, хорошо знал городское хозяйство и нужды, обладал широчайшим кругозором и невероятной работоспособностью.

В 1911 г. он, до своего временного отъезда из Самары был заместителем председателя очень важной для города канализационной комиссии, работа которой вызывала у всех повышенный интерес и потому регулярно освещалась в прессе⁴⁵. Также он состоял членом комиссии по строительству городского водопровода, много внимания уделял озеленению города, благоустройству городской набережной. В 1912 г. его за активную деятельность отметили званием «потомственный почетный гражданин Самары».

В течение двух лет — с 8 марта 1914 г. по 24 ноября 1916 г. — Пермяков находился на посту Самарского городского головы. Он сразу проявил себя как человек новых идей, что было отмечено в газете: «Первые шаги нового городского головы — приглашение целого ряда интеллигентных, способных работников на ответственные городские должности были в этом отношении очень удачными. В затхлую атмосферу управского делопроизводства проникла свежая струя»⁴⁶.

Годы, когда Пермяков был городским головой, совпали с Первой мировой войной... Перед Думой встали новые проблемы: организовывать помощь беженцам, семьям погибших воинов. Война началась 19 июля (по старому стилю) 1914 г., а уже через месяц, 20 августа в Самаре был создан Областной Комитет помощи больным и раненым воинам⁴⁷. Председателем комитета стал городской голова Сергей Ефремович Пермяков. Одновременно он являлся уполномоченным Всероссийского городского союза, в обязанности которого входила организация транспортировки раненых и их

лечение. Они же должны были просматривать большое количество документов по раненым и распределять поступавшие для их лечения деньги. «Достаточно сказать, что через их руки за отчетный период прошло более миллиона рублей преимущественно мелкими выдачами»⁴⁸.

27 августа 1914 г. состоялось организационное собрание благотворительного Комитета под председательством С.Е. Пермякова. На нем было создано 5 отделов (кроме 6-го, гигиенического), каждый со своим председателем и секретарем. Отдел перевозки раненых подготовил обоз сначала из 9, затем расширившийся до

Здание Ольгинской общины сестер милосердия. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е.Кузнецов, С.Ф.Рудняев. Книга III. Самара, 2014

23-х лошадей. Председателем отдела по оборудованию госпиталей была жена Сергея Ефремовича – Ольга Александровна. Она организовала кружок из местных дам-благотворительниц и возглавила его. В их обязанности входило шитье белья, постельных принадлежностей и сбора благотворительных пожертвований. Изготовлено было около 15 000 халатов, полотенец, косынок для госпиталей и теплых вещей для фронта.

Подготовка к приему раненых в городе шла высокими темпами: к 3 сентября, согласно отчету комитета, было подготовлено «...368 кроватей, из которых замещено 35 и оставалось свободными 333»⁴⁹. После обращения к жителям города в комитет в короткий срок поступило 220 заявлений с предложением принять раненых на полный пансион. Но воспользоваться ими не удалось, так как по санитарным правилам разрешалось помещать в частных домах только полных калек, а таких было мало, и их смогли разместить в госпиталях.

С начала боевых действий в город непрерывными потоками шли эшелоны с ранеными. Больницы были переполнены. Приходилось создавать новые госпитали, содержание и оборудование которых легло на плечи города... Сергей Ефремович делал огромные пожертвования, в одном из госпиталей была даже палата его имени. Часто возникали проблемы с продовольствием и одеждой. И городские власти закупали продовольствие в Сибири и Средней Азии, а одежду в Америке и Англии, налаживали контроль за ценами в мясных лавках...

16 сентября 1914 года в Москве открылся съезд представителей русских городов для координации средств по оказанию помощи раненым. Среди приглашенных – Пермяков; его избирают в состав комитета Союза городов. А 31 марта 1915 года у Кафедрального Собора Сергей Ефремович вручал икону и знамя дружине самарских ополченцев, уходивших на фронт.

В период руководства городом на долю Пермякова выпала тяжелая работа по строительству железной дороги Самара-Уральск-Каспий и Самара-Симбирск, и по организации помощи больным и раненым воинам в Первую мировую войну.

А в 1916 г. из-за травли группы, возглавляемой «кучкой чельшевцев» – гласными Зубчаниновым, Чуркиным и Яценко, С.Е. Пермяков досрочно сложил с себя обязанности городского головы.

В 1916 г. благодаря деятельности комитета в Самаре и уездных городах открыли 45 госпиталей на 3 800 коек. Деньги на их оборудование частично выделила городская Дума, также были привлечены частные пожертвования семьи Пермяковых, А.Ф. фон Вакано, самарских учителей, учащихся гимназии княгини А.С. Хованской и многих других. К 1 января 1916 г. в госпиталях города прошли лечение раненые в количестве 14 592 человек.

Одним из организаторов медицинской помощи раненым в Самаре был Александр Григорьевич Елшин, присяжный поверенный Самарского окружного суда, видный общественный деятель, член партии кадетов. Так, им был организован госпиталь на 210 коек под № 3 (трехэтажный дом на углу улиц Троицкой (Галактионовской) и Л. Толстого). Как вспоминал сам Елшин, «я привлек к этому делу ряд дам, сам ежедневно бывал там по несколько часов. Госпиталем я просто увлекся: оборудовал, рубил капусту, принимал первые партии раненых. Областной союз организовал для этого целый обоз. Для перевозки был привлечен целый отряд велосипедистов, которых объединяли попарно для транспортировки

тяжелобольных. Помню хлопоты по устройству развлечений для раненых, по заготовке и раздаче рождественских подарков», — писал он в своем дневнике ⁵⁰.

В 1915 г. война обернулась для Самары новой бедой: пленные турки завезли в город эпидемии сыпного и возвратного тифа, дизентерии. Все силы Комитета были брошены на борьбу с эпидемиями, для чего

были оборудованы специальные эпидемиологические госпитали. Ими стали здание Духовного училища, отдельные помещения неработающего Жигулевского пивоваренного завода, специально построенные временные эпидемические бараки. В своем госпитале и Елшину было приказано разместить военнопленных: «Большинство турок было без верхней одежды, многие

Самара в годы I Мировой войны.

Отряд велосипедистов-санитаров. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

без обуви. Их привезли на наших развозках голодными, с обмороженными конечностями. Я распорядился привезти кипяченое молоко. Кружки были уже заготовлены. Раздали кому рубашки, кому штаны. Пили молоко с калачом. Потом привезли горячий обед»⁵¹. В марте 1915 г., заразившись тифом, едва не умер и сам Александр Григорьевич. Всего же от сыпного тифа в Самаре в общей сложности погибло 6 врачей, 11 фельдшеров, 14 сестер милосердия, 75 санитарок. Но, благодаря экстренно принятым мерам, летом того же года эпидемия пошла на убыль.

После выздоровления многие солдаты и инвалиды вынуждены были проходить курсы адаптации — учились изготавливать теплые вещи, плести сумки из шпагата. Этот сектор был взят под контроль Особой комиссией под председательством А.Г. Елшина, организованной в декабре 1915 г. Комиссия работала с большим размахом: был даже создан план устройства Дома инвалидов. Осо-

бенно хлопотным делом для комитета была отправка домой выздоравливающих воинов, не подлежащих воинской службе по состоянию здоровья. Их необходимо было обеспечить всем необходимым в дорогу, но самые большие трудности были с одеждой и обувью, снабжение которыми было налажено только через склад Областного комитета.

Анализ деятельности руководителей органов городского самоуправления свидетельствует о том, что их усилиями была создана городская инфраструктура, они стимулировали развитие экономического потенциала губернского города, уделяли внимание развитию системы образования, библиотеки, музея, а также сети медицинских учреждений.

§ 4. Самара в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.)

Известие о вступлении России в войну (19 июля/1 августа 1914 г.) под лозунгами защиты святой православной веры, братских славянских народов, престижа отчизны, водружения креста на Соборе Святой Софии в Константинополе, решения вековой справедливости: овладения проливами и свободного выхода к морю, наказания врагов Родины – германцев, австрийцев, турок – вызвало патриотический подъем населения Самары и губернии. Повсюду проходили молебны, шествия и манифестации. Большинство жителей были уверены, что победоносная война продлится самое большее три-четыре месяца. Первыми из Самары на фронт были торжественно отправлены Егерский и Александровский полки. Самарская губерния была объявлена на положении усиленной охраны, а потом на военном положении. Обязательные постановления губернатора следовало неукоснительно соблюдать, меры наказания были более суровыми, чем в мирное время. Дела о разбое, умышленных поджогах, уничтожении продовольствия и фуража, сопротивлении властям, организации стачек, изготовлении и приобретении без разрешения взрывчатых веществ и снарядов, неисполнении требований властей, оскорблении полицейских, беспатентной торговле крепкими алкогольными напитками передавались ведению военного суда либо администрации. Нарушение обязательных постановлений каралось штрафом до 3 тыс. руб. или тюремным заключением до трех месяцев. Приказом командующе-

го Казанским военным округом в Самаре вводилась военная цензура. Военными цензорами назначались полицейские чины, почтовые работники, учителя. Они были обязаны контролировать периодические и непериодические издания, вскрывать письма и другую корреспонденцию, удалять из них нежелательные сведения или задерживать их.

С 1915 г. запретили «демонстративные шествия по улицам города», а патриотические манифестации допускали только с разрешения властей. На период мобилизации закрывались винные магазины и запрещалась торговля спиртным. В остальное время разрешалась торговля только определенными сортами вина; трактиры I–III классов и рестораны не имели права торговать спиртными напитками с 21 до 24 часов. С началом войны было запрещено распитие крепких алкогольных напитков на улицах, в скверах и т. д., также как и появление в общественных местах в состоянии опьянения. Обывателей, нарушавших это постановление, привлекали к административной ответственности, торговые заведения, его не выполнявшие, закрывали. Все германские и австрийские подданные мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет считались военнопленными и подлежали аресту и высылке, остальных признавали неблагонадежными и отдавали под гласный надзор полиции. Эти действия властей сопровождалась всплеском шпиономании жителей Самары. Значительную часть трудоспособного мужского населения, особенно в сельской местности, мобилизовали в армию. Дворянская молодежь шла на фронт добровольно, детей купцов Головкина,

Солдаты Первой мировой войны. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

Шихобалова, Колесникова, Сапрыкина, Егорова и других на театре военных событий не было.

К 1917 г. население губернии увеличилось на 200 с лишним тысяч человек (городское — на 283,1 тыс.). Число жителей Самары со 175645 чел. в 1914 г. возросло до 207,3 тыс. чел. (по другим данным, до 203306 чел.), а вместе с мобилизованными и гарнизоном —

*Ул. Полевая. Земская больница. Барак для беженцев.
Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории
фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов,
С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014*

до 280 тыс. чел.⁵² С началом войны резко сократилось многоэтажное строительство, зато быстро застраивались одноэтажными деревянными домами поселки Рабочий, Железнодорожный, Новый Оренбург, Кавказ, а также район Постникова оврага. В этих поселках в начале войны проживало до двух третей рабочих и членов их семей. Росли цены на жилье. Перед войной однокомнатную квартиру с кухней сдавали за 9 руб. в месяц, а в сентябре 1915 г. — уже за 16 руб. Рост цен на жилье вызывал протест населения, особенно простонародья. Постановлением губернатора с конца 1915 г. домовладельцам запретили повышать квартирную плату.

В 1914 г. на фронт брали рабочих военных заводов, железнодорожников, но с 1915 г. был установлен лимит на мобилизацию рабочих военных предприятий и железнодорожников. Рабочие, получившие отсрочку от военной службы, приравнивались к военнослужащим. Агитаторов, организаторов забастовок по законам военного времени рассчитывали, заносили в особые списки, которые рассылали по всем предприятиям; многих «беспокойных» направляли на фронт. На место мобилизованных рабочих приходили эвакуированные из западных районов, беженцы, крестьяне. В 1914 г. в Самаре были закрыты девять промышленных заведений, производивших предметы потребления, в том числе Жигу-

левский пивоваренный, три лесопильных, кирпичный, механический заводы, мебельная фабрика.

К 1 января 1914 г. на 253 промышленных предприятиях губернии, подлежащих надзору фабричной инспекции, насчитывалось 43 980 человек, а к началу 1915 г. только на 59 фабриках и заводах Самары, подлежащих надзору фабричной инспекции, было занято 43 939 чел., еще около 17 тыс. чел. трудились на заводах военного ведомства. Всего в Самаре в это время было около 60 тыс. рабочих, в том числе на Трубочном заводе на 1 января 1917 г. работало 19,1 тыс. чел, на Самаро-Сергиевском — 13 376 чел. Значительно увеличилась численность строительных рабочих (5 тыс. чел.), рабочих железнодорожного и водного транспорта (22 тыс. чел.) На промышленных предприятиях Самары были заняты около двух тысяч детей и подростков. Среди рабочих губернии доля женщин составляла 30,5 %, а на Трубочном заводе — 40,5 %.

Трубочный завод. Из фондов ЦГАСО

Военные предприятия перешли на двухсменную работу, были разрешены сверхурочные работы. По закону они допускались только с согласия рабочих, не разрушались сверхурочные работы детей и подростков. Конечно, были и нарушения. Сверхурочные работы оплачивались дополнительно. Количество рабочих дней в месяц в непрерывных производствах увеличилось с 26—27 до 28—29. Квалифицированных рабочих не доставало. Заводы военного ведомства, а также переведенные на военный лад частные заводы постоянно обращались к властям с просьбой обеспечить их инженерами и квалифицированными рабочими. С 1915 г. промышленные предприятия стали использовать труд военнопленных.

Промышленное и особенно военное производство увеличилось кратно. Для закупки станков, механизмов и другого заводского

оборудования выделялись большие суммы. Начиная с лета 1915 г. военные заказы размещали на частных гражданских предприятиях: фабрике металлических изделий Алексеева и Зимина, текстильных предприятиях. Самарский земский комитет открыл кожевенный завод, консервную фабрику, мастерские по производству армейских повозок. С помощью частного капитала были открыты снарядный завод «Муравей», гранатная фабрика и три снарядных мастерские. Следует отметить, что гражданские заводы выполняли заказы не качественно и не в срок. Очень часто их продукцию выбраковывали или посылали на доработку. Производство военной продукции увеличилось в разы. Самаро-Сергиевский завод к марту 1917 г. увеличил производство трехдюймовых гранат в 12 раз, снарядов среднего калибра в 7 раз, ручных гранат в 17 раз, взрывчатых веществ в 4 раза. Трубочный завод к осени 1915 г. увеличил производство в 4 раза, а к 1917 г. — в 8 раз. За годы Первой мировой войны завод выпустил 15 миллионов дистанционных трубок. За годы войны в 1,5 раза увеличилось производство сахара, макаронных, табачных и кондитерских изделий. В связи с законом об ограничении потребления спиртных напитков резко уменьшилось производство алкогольных напитков и пива. Спирт производили на незначительной части заводов исключительно для технических целей.

Заработная плата, особенно на военных предприятиях, в номинальном исчислении существенно выросла. Самые высокие заработки были на военных заводах. На Трубочном заводе в 1914 г. средняя ежедневная заработная плата мужчины равнялась 2,33 руб., женщины — 0,88 руб.; а в 1916 г. г. мужчины зарабатывали в день 5,49 руб., женщины — 2,54 руб. Но курс рубля в 1916 г. упал в 2,06 раза⁵³.

В июне 1915 г. с целью содействия правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота во время войны был основан Военно-промышленный комитет (ВПК) Самарской губернии. 17 июня 1915 г. в здании Самарской биржи состоялось его организационное собрание, председателем ВПК избрали владельца мукомольных мельниц, миллионера В.Н. Башкирова, товарищами (заместителями) председателя — М.А. Шадрина, В.Н. Осоргина, С.Е. Пермякова. В ВПК вошли либерально настроенные предприниматели. В начале зимы 1916 г. завершились выборы 12 членов «рабочей группы» ВПК. Комитет координировал деятельность гранатной фабрики, машиностроительного завода Игнатъева, завода Полякова и других промышленных предприятий

как в Самаре, так и в губернии. Самарский ВПК имел свои предприятия по производству снарядов и гранат. Ряд заводов, в том числе и пивоваренный завод фон Вакано, были переориентированы на производство военной продукции. Следует сказать, что Самарский ВПК был организационно слаб, производил продукцию низкого качества и в общем в небольшом количестве.

Самарская губерния оставалась одним из основных хлебопроизводящих районов Российской империи и исправно снабжала армию и города продовольствием. Исключительно урожайным был 1915 г., а 1914 и 1916 гг. были неурожайными. В 1914 г. в губернии собрали 151 млн пудов продовольственных хлебов, в 1915 г. — 227 млн пудов, в 1916 г. — 110 млн пудов. В среднем за каждый год в этот период в губернии собирали такое же количества зерна, как в 1911–1913 гг. и значительно больше, чем в среднем в каждый год первого десятилетия XX в. В течение 1914 г. цены на хлеб на оптовом рынке снижались. Местные торговцы и биржевики опасались резкого понижения цен в связи с активной деятельностью банков. Осенью 1915 г. цены на пшеницу по сравнению с 1914 г. уменьшились. В 1914–1916 гг. оптовые цены на рынке Самарской губернии оставались самыми низкими сравнительно с другими районами страны.

В 1916 г. на Ново-Хлебной площади закончилось строительство Самарского элеватора, второго по емкости в России. Оснащен он был по последнему слову техники. Все оборудование приводили в действие 90 электромоторов; у элеватора имелась собственная электростанция. Погрузку-выгрузку зерна осуществляли на нескольких площадках с помощью подъемных механизмов. Лаборатория контролировала качество и условия хранения зерна. Производительность элеватора была рассчитана на 32 тыс. пудов в час.

Тотальная война, естественно, вызывала трудности. Ухудшилось снабжение промышленными и продовольственными товарами, была спекуляция, росли цены на жилье. Но россияне осознавали причину трудностей. В 1914–1916 гг. городское население особых претензий по поводу обеспечения продуктами питания властям не предъявляло (сельское население, естественно, обеспечивало себя само) и оставалось лояльным к ним; случаи протестного движения были единичны и связаны с привозными товарами (сахаром) и спекуляцией. Забастовок рабочих в первый год войны не было, в 1915–1916 гг. они проходили по частным случаям. Цены на хлеб и другие продукты питания росли медленно.

Ситуация решительно изменилась с марта 1917 г. Большие закупки продуктов сельского хозяйства для снабжения армии и промышленных центров, увеличение населения Самары, мобилизация многих крестьян и горожан в армию не подорвали ее продовольственного положения. Цены на хлеб в Самаре в годы войны были самыми низкими в Поволжье и Южном Урале. Нужда ощущалась только в чае, сахаре, иногда в соли и некоторых других ввозимых продовольственных товарах.

Губернская администрация и органы местного самоуправления уделяли снабжению горожан пристальное внимание. Земство включилось в дело продовольственного обеспечения в августе 1915 г., когда председателей земских управ назначили представителями уполномоченного Особого совещания в уездах. Все годы войны самарские губернаторы и уполномоченные Хлебармии и Особого совещания действовали согласованно, конфликтов не возникало. При помощи аппарата сельской и городской полиции губернская администрация постоянно следила за деятельностью местных самоуправлений и наблюдала за правильным исполнением населением всех предписаний. Временно исполняющий должность губернатора Н.П. Харламов в начале ноября 1915 г. в отчете в МВД отметил, что Самарская городская управа в течение года ограничивалась бесконечными дебатами в различных исполнительных комиссиях о снабжении горожан, и лишь настоятельные просьбы вице-губернатора Горчакова подвигли ее на выработку предельных цен на муку во время их постоянного повышения. 19 ноября 1915 г. Н.П. Харламов распорядился, чтобы полиция не просто наблюдала за торговлей, но и активно воздействовала на торговцев, которые «вызывали наибольшие и, по-видимому, справедливые нарекания со стороны местных обывателей»⁵⁴.

Губернатор Станкевич в июле 1916 г. отчитал самарского городского голову С.Е. Пермякова за «плохую постановку отпуска сахара населению из лавок, лишь поселяющую в населении раздражение». В марте 1916 г. он просил министерства земледелия, путей сообщения и внутренних дел, а также центральный комитет по распределению сахара в Киеве доставить сахар в Самару. В октябре 1916 г. губернатор Л.Л. Голицын настоятельно предлагал самарскому голове наладить продажу сахара. А через две недели прямо обвинял Самарскую городскую управу в плохой работе⁵⁵. Губернаторы России в конце апреля 1916 г. констатировали, что городские власти не проявляли настойчивости в борьбе со спекуляцией, ибо «состав управы, думы и уполномоченных по продо-

вольствию и топливу сплошь сами торговцы, а зачастую — наиболее злостные спекулянты»⁵⁶.

Начиная с 1915 г. гласные Самарской городской думы стали требовать нормирования цен и создания муниципальных лавок. Была установлена следующая такса: фунт мяса высшего сорта — 23 коп., первого сорта — 22 коп., второго — 20 коп., третьего — 18 коп. Фунт мяса молодого и тощего скота должен был продаваться на две копейки дешевле. В сентябре 1915 г., несмотря на сопротивление торговцев, Дума установила такие цены на хлеб: фунт ржаного хлеба — до 4 коп., фунт хлеба из крупчатки 3-го сорта — до 5,5 коп., 2-го сорта — до 7,5 коп., 1-го сорта — до 9 коп., и обязала пекарей не уменьшать выпечку хлеба. Губернская администрация утвердила постановления Думы. 21 ноября 1915 г. Н.П. Харламов предупредил торговцев Самары, что те из них, кто будет продавать мясо выше установленной таксы, будут подвергаться штрафу в размере до 3 тыс. рублей или аресту до трех месяцев, а их заведения будут закрыты. Цены тем не менее росли; по сообщению заместителя начальника третьего участка Николаевского уезда от 7 февраля 1916 г. — за последние два года они выросли почти в два раза. Купцы ради выгоды шли ухищрения. Так, Николаевский торговец Калинин придерживал около двух тысяч пудов мяса, ожидая повышения цены⁵⁷.

Постановлением Думы и властей с 1915 г. регулировалась продажа сахара. В июне 1916 было решено ввести карточную систему распределения муки, хотя мука поступала на рынок нормально, а расходы обывателя на хлеб не превышали 20 % всех его трат⁵⁸. В булочных продавались свободно калачи из муки двух сортов, французские булки и плюшки. В январе-феврале 1917 г. проблема продовольственного снабжения городской Думой не рассматривалась⁵⁹. В 1916 г. были изысканы возможности снабжения населения обувью и одеждой из США и других стран⁶⁰.

Значительных выступлений в связи с нехваткой хлеба в Самаре в 1914–1917 гг. не зафиксировано. Случались так называемые «бабьи бунты». Как правило, они протекали по такому сценарию: в очереди, жаждавшей сахара (чаще всего) или мануфактуры, изредка мяса, затевалась ссора. Порой ссорились между собой те, кто стоял в очереди, чаще очередь ругалась с продавцом, от слов переходили к рукоприкладству, а порой и к разгрому магазина и расхищению продуктов. Гнев всегда был направлен против торговцев, с полицейскими и солдатами дрались только тогда, когда они пытались утихомирить разбушевавшихся. В Самаре на Троицком

рынке 5 ноября 1916 г. все началось с оскорбления покупательницы торговцем мясом. Далее события развивались согласно официальному документу так: «В толпе начались шум, крики, улюлюканье, появились малолетние хулиганы-мальчишки, начались погромы лавок». В прибывших стражников и полицейских полетели палки, в ответ те открыли огонь. Были убитые и раненые. С рынка волнения распространились на ближайшие улицы и закончились только к вечеру. Согласно проведенному жандармским управлением расследованию, было разгромлено 56 магазинов и лавок. В погромах активное участие принимали самарские воры («коты») и проститутки. В Симбирске 4 июля того же года рядовые местного гарнизона попытались купить в лавке сахар без очереди. Очередь возмутилась, началась потасовка. На место происшествия прибыли полицейские, военные патрули, чины губернской администрации. В них полетели камни и палки. Затем собравшиеся (около 3 тысяч человек) направились громить лавки и магазины, выскивая и растаскивая, прежде всего, сахар. Порядок установился только после того, как вызванные наряды произвели несколько залпов⁶¹. Таких происшествий за 1914–1916 гг. было зафиксировано в Самарской губернии десять (пять в городах и пять в деревнях).

Начало Первой мировой войны повергло самарских социал-демократов в шок. Свое, отрицательное, отношение к ней они определили лишь в октябре 1914 г. Среди них были и «пораженцы», и «интернационалисты», но преобладали «оборонцы». Аресты в январе-феврале 1915 г. не оставили от большевистского комитета ничего. В конце 1915 г. — начале 1916 г. в Самаре насчитывалось около 40 социал-демократов всех оттенков. Оживились они с выборами в рабочую группу Военно-промышленного комитета (ВПК) в августе 1915 г. Меньшевики преуспели больше: провели в августе этого года Поволжскую конференцию, на выборах в рабочую группу ВПК получили все 12 мест, с августа 1915 г. издавали легальную газету «Наш голос». В июне 1916 г. почти всех меньшевиков арестовали. Большевики поначалу намеревались бойкотировать выборы в ВПК, но 23 сентября 1915 г. повернули фронт на 180 градусов, образовали из интеллигентов (В.В. Куйбышев, А.С. Бубнов и др.) Исполнительный комитет, разделили Самару на два района, основали 17 кружков. В октябре 1916 г. полиция ликвидировала все их начинания. До конца 1917 г. самарские социал-демократы были заняты исключительно поисками виновных.

В годы Первой мировой войны организация эсеров Самары насчитывала от 15 до 20 активных членов, которые расходились

по всем важнейшим вопросам. В апреле 1916 г. семеро из них голосовали за «оборону от агрессора», восемь — за «мир без аннексий и контрибуций». Связи с заграничным центром были случайными, перспективы — туманными, всех их усилий хватило на то, чтобы выпустить считанное число воззваний.

Кадеты в начале Первой мировой войны выступали за оборону Родины, затем их позиция изменилась, и в октябре 1915 г. они выдвинули лозунги создания «министерства общественного доверия», усиления борьбы с бюрократизмом, а с начала 1916 г. призывали к установлению «ответственного министерства», распространяли слухи об измене в верхах, неспособности властей преодолеть трудности, довести войну до победного конца. Октябристы в годы Первой мировой войны стремились действовать солидарно с администрацией и играли первую скрипку в органах местного самоуправления, Земском и Городском союзах, Военно-промышленном комитете и т. д. Внутрипартийная деятельность их в 1914–1916 гг. была мизерной; как всероссийская организация «Союз 17 октября» к 1916 г. прекратил существование. Попытки возродить самарское губернское отделение «Союза» в 1917 г. успеха не имели.

В годы Первой мировой войны губернский отдел «Союза русского народа имени святого Алексия» прекратил существование, самарская организация СРН почти все средства тратила на помощь раненым воинам и членам семей солдат. Ее представители приняли участие в ряде совещаний поволжских организаций «Союза». Вплоть до февральской революции 1917 г. СРН оставался наиболее организованной и сплоченной партийной политической организацией Самарской губернии.

Забастовок рабочих в первый год войны не было, в 1915–1916 гг. они проходили по частным случаям. Тотальная война, естественно, вызывала трудности. Росли цены на жилье, вызывала раздражение спекуляция. Но рабочие осознавали причину трудностей. В 1914–1916 гг. они особых претензий по поводу обеспечения продуктами питания не предъявляли. Случаи протестного движения были единичны и связаны с привозными товарами (сахаром) и спекуляцией. Рабочие принимали активное участие в профессиональных союзах, потребительских обществах, в выборах в рабочую группу Военно-промышленного комитета.

Администрация и местное самоуправление не забывали о благоустройстве города, улучшении транспортного обслуживания и образования. Было подготовлено открытие ветеринарного института. Как говорил И.С. Ключев, «иметь еще одно высшее учебное

заведение будет большой плюс для Самары... В Самаре будет новый уголок культуры». Городская Дума буквально билась за открытие университета в Самаре, который, словами училищной комиссии, «имеет большее значение, чем институт». Создали специальный комитет из 26 авторитетных жителей Самары, выделили денежные средства, создали общество по открытию университета. Делегаты городской Думы побывали у всех министров, от которых зависело решение этого вопроса, убедили их и подготовили все необходимые документы⁶².

Здание Самгубпотребсоюза. Из фондов ЦГАСО

Лучшие традиции российского предпринимательства — благотворительность и меценатство — проявлялись и в годы войны. На средства Л.С. и П.С. Аржановых, А.Ф. Вакано уже в первые месяцы войны в Самаре были открыты лазареты⁶³. К.П. Головкин, обладатель двухмиллионного состояния, осенью 1916 г. дважды обращался в городскую Думу с предложением построить Дом науки и культуры, в котором предлагал разместить Александровскую библиотеку, читальный зал, городской музей, художественную галерею, выставочный зал, залы собраний и концертов. На экстренном совещании Самарского биржевого комитета в июле 1914 г. был создан комитет по сбору пожертвований, выдаче пособий и продовольствия, помощи семьям военнослужащих. На средства комитета к концу июля 1914 г. был сформирован медико-санитарный отряд, открыт лазарет для раненых⁶⁴.

Во время войны значительно увеличились спекуляция, припрятывание товаров, ростовщичество. Более всего преуспевали на этом поприще некоторые крупные компании. На первом Самарском областном съезде по борьбе с дороговизной говорилось, что синдикат «Мазут» с конца 1914 г. по март-май 1915 г. поднял цены на нефть с 61 до 81 коп. за пуд. «Синдикат “Мазут”, “Нобель”, “Братья Абдуллаевы”, – жаловались предприниматели, – не только дерут шкуру, с кого только хотят, но и дерут другую, а если разыграются аппетиты у них, то сдерут и десять»⁶⁵. Активно действовал Самарский биржевой комитет, среди 255 членов которого были представи-

К. П. Головкин Из фондов ЦГАСО

тели шести банков, 10 пароходных компаний, всероссийских фирм «Братья Нобель», «Мазут», «Добров и Набгольц». Он возглавил движение предпринимателей Поволжья против нефтяных компаний, установивших монопольные цены. Его поддержали Астраханский, Казанский, Нижегородский и другие биржевые комитеты.

Мировая война кардинально изменила жизнь города. В Самару перебазировали промышленные предприятия, воинские части, эвакуировали жителей других регионов. Первые месяцы войны губернская администрация и городское самоуправление действовали дружно. Их усилия были направлены на перевод экономики на военный лад, строительство лазаретов, снабжение фронта и горожан продовольствием. Несмотря на закрытие и перепрофилирование предприятий, производивших алкогольную продукцию, рабочих рук на военных заводах не хватало. Это был предмет постоянной заботы местных властей и органов самоуправления⁶⁶. В августе 1914 г. городская Дума постановила войти во всероссийский общегородской союз, ассигновать на его нужды 10 тыс. руб. и учредить в Самаре областную организацию помощи больным и раненым воинам. С этого времени Самарская городская дума актив-

но участвовала в деятельности общегородского союза, а областной комитет союза, в состав которого вошли 11 человек, много делал для раненых и больных воинов⁶⁷.

Единение губернской администрации и городской Думы, однако, не было продолжительным. В годы войны распался патриархальный уклад жизни. Сакральное восприятие императорской семьи уходило в прошлое. Монархическое сознание дворянства подвергалось коррозии⁶⁸. В 1915 г. самарский представитель дворянства А.Н. Наумов перед официальным представлением императрице с некоторым вызовом спросил у встречавшего его придворного: «Можно ли русскому предводителю на приеме у русской царицы говорить по-русски». Ответ он получил положительный⁶⁹.

Военные неудачи, трудности в тылу обострили застарелые противоречия. Самарские интеллигенты, большинство губернского дворянского собрания, предприниматели, получавшие баснословные барыши, наслаждались слухами о «темных силах вокруг трона», «предателях министрах», «шпионке немке императрице», всесии «Гришки Распутина», с удовольствием рассматривали сфабрикованные эротические картинки, на которых изображались Александра Федоровна и Г. Распутин, читали и переписывали стихи В. Мятлева.

В августе 1915 г. Самарская дума с энтузиазмом поддержала постановление чрезвычайного заседания Московской городской думы, в котором утверждалось, что победа возможна лишь при «создании правительства, сильного доверием общества и единодушного», возглавляемого премьером, «которому верит вся страна»⁷⁰. В 1916 г. у гласных Думы уже не было сомнений в неспособности существующей власти наладить экономику страны, довести войну до победного конца, и осенью этого года они открыто встали в оппозицию к центральным властям. На заседании 2 ноября 1916 г. П.П. Подбельский при общей поддержке заявил, что страну может спасти только Государственная Дума; через неделю Самарская дума послала приветственную телеграмму лидеру партии кадетов П.Н. Милюкову, который накануне произнес в Государственной Думе лживую, построенную на слухах провокационную антиправительственную речь, рефреном которой было «Глупость или измена». Речь эту либералы распространили в сотнях тысячах экземпляров. С этих пор Самарская дума использовала любой повод, чтобы поддержать противников власти. На заседании Государственной Думы 22 ноября 1916 г. депутат-консерватор Н.Е. Марков 2-й едко отвечал на нападки ораторов «прогрес-

сивного блока» на правительство, его все время перебивали возгласами с места, а председатель Думы М.В. Родзянко постоянно делал ему замечания и, в конце концов, лишил слова. Возмущенный Н.Е. Марков бросил в лицо Родзянко: «Только враг родины мог допустить такой поступок». Думское большинство исключило его на 15 заседаний. Гласные Самарской городской думы в один голос осудили Н.Е. Маркова и по предложению В.В. Петрова послали М.В. Родзянко телеграмму со словами поддержки и сочувствия⁷¹.

Смуту в России инициировали не сырые и убогие, не нищие и голодные, а более всего люди, в быту благополучно устроенные. Европейски ориентированные образованные люди пореформенной России склонны были считать эпоху, в которой они жили, невыносимо трудной, главным виновником неурядиц им представлялась существовавшая власть. Психоментальность престо-

родья им была чужда, собственное корпоративное восприятие они эксплицитовали как общенациональное, народ представляли реципиентом носимой ими прозападной культуры. Те трудности многолетней войны, которые они ощущали более всего (проблемы с дели-

Автомобиль в Самаре. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

катесами, изысканной барской одеждой), виделись им и ужасными, и общенародными, вину за них они возлагали на власть.

Многие годы войны, конца которой не было видно, мобилизация почти половины православных мужчин, главным образом из села, трудности снабжения преимущественно привозными товарами и продуктами питания, накладывались на военные неудачи, подхлестывали истероидные настроения, сознание искало виновных. Согласованные действия местного самоуправления и администрации Самары в годы Первой мировой войны ограничивались областью насущных хозяйственных дел. Психоментально

местное самоуправление, образованное общество, в конечном итоге ощущали существующую власть во всех ее ипостасях как свое противоположение, видело в ней, особенно в ее высших эшелонах, источник неустойчивости, неудачи и тяготы войны относило, в первую очередь и главным образом, на ее счет. Простонародье тяготилось патерналистской опекой, гражданское неравноправие задевало большинство населения, сказывались и этноконфессиональные проблемы.

Смута спускалась сверху. Многонациональная, многоконфессиональная империя не вынесла тягот войны, прежде всего психологически. В начале 1917 г. разлад между властью и обществом достиг критической величины. Достаточно было искры, чтобы разразилась катастрофа.

Примечания

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Самарская губерния. СПб., 1904. Т. 38. С. 228–229.

² Там же.

³ Среднее Поволжье. М., 1908. С. 14.

⁴ Городское дело. 1909. № 21. С. 1113.

⁵ Городское дело. 1909. № 17. С. 881.

⁶ Городское дело. 1909. № 21. С. 1109–1110.

⁷ Там же. С. 1113.

⁸ Голос Самары. 1907. 26 июня.

⁹ Волжский день. 1915. 28 февраля.

¹⁰ Колядина А.М. Самарский городской голова Сергей Ефремович Пермяков // Самарский краевед. 1994. С. 181.

¹¹ ЦГАСО. Ф. 56. Оп. 49. Д. 26.

¹² ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 37. Д. 86. Л. 12.

¹³ Волжское слово. 1910. 9 апреля.

¹⁴ Городской вестник. 1914. 28 января.

¹⁵ Буреев Василий Ефимович // Энциклопедия Самарской области. Т. 1: А – В. Самара, 2010. С. 244. См. также: Алексушин Г.В. Во главе Самары. Самара, 1999.

¹⁶ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города. Самара, 1877. См. также: Энциклопедия Самарской области. Т. 3: К – М. Самара, 2011. С. 117–118.

¹⁷ Субботин Петр Семенович // Энциклопедия Самарской области. Т. 5: С. Самара, 2012. С. 318. См. также: Алексушин Г.В. Во главе Самары. Самара, 1999.

¹⁸ Кабытов П.С. Легендарный самарец Петр Владимирович Алабин. Куйбышев, 1990; Летопись жизни Петра Алабина (1866–1896) / сост. О.В. Московский. Самара, 1999; Самарский край в истории России. К 180-летию со дня рождения П.В. Алабина. Материалы межрегиональной научной конференции. Вып. 2. Самара, 2004.

¹⁹ См.: Алексушин Г.В. Во главе Самары. Самара, 1999.

²⁰ Неклютин Николай Гаврилович // Энциклопедия Самарской области. Т. 4: Н – Р. Самара, 2011. С. 13–14. См. также: Алексушин Г.В. Во главе Самары. Самара, 1999.

²¹ Постников Сергей Несторович // Энциклопедия Самарской области. Т. 4. С. 206. См. также: Алексушин Г.В. Во главе Самары. Самара, 1999.

²² Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. М – См. Самара, 1995. С. 84.

²³ Мартиновская А. «Господи, благослови!» // Самарская газета. 2003. 29 октября.

²⁴ Шерешевский Г.М. Очерки истории противоалкогольного движения в дореволюционной Самаре // Самарский краевед. Куйбышев, 1990. С. 79.

²⁵ Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. М – См. С. 184.

²⁶ Мартиновская А. «Господи, благослови!».

²⁷ Оспенникова А. Змееборец и домостроитель // Молния. 2005. 30 сентября.

²⁸ Казарин В.Н. Возрожденные имена. Самара, 2004. С. 207.

²⁹ Там же.

³⁰ Конякина Т. Самарский депутат Михаил Чельшов // Дельта-Информ. 2002. № 1.

³¹ Бажанов Е. Асфальтовая плита Чельшовых // Волжская заря. 1999. 13 июля; Чумаш Р. Возвращение Чельшова // Вечерняя Самара. 1996. 26 июля.

³² Чумаш Р. Возвращение Чельшова.

³³ ГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1016. Л. 6.

³⁴ Шерешевский Г.М. Очерки истории противоалкогольного движения... С. 75.

³⁵ Мартиновская А. «Господи, благослови!».

³⁶ Шерешевский Г.М. Очерки истории противоалкогольного движения... С. 80.

³⁷ Мартиновская А. «Господи, благослови!».

³⁸ См.: Конякина Т. Самарский депутат Михаил Чельшов.

³⁹ См.: Казарин В.Н. Возрожденные имена. С. 200–206; Прибрежный С. Доходные бани Михаила Челышева // Будни. 2003. 25 декабря; и др.

⁴⁰ Шерешевский Г.М. Очерки истории противоалкогольного движения... С. 80.

⁴¹ См.: Конякина Т. Самарский депутат Михаил Челышов.

⁴² Демидов А., Демидова И. Челышovy // Самарские известия. 1996. 7 декабря.

⁴³ Мартиновская А. «Господи, благослови!».

⁴⁴ Колядина А.М. Самарский городской голова Сергей Ефремович Пермяков // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 173–188.

⁴⁵ После ухода Пермякова с этого поста его место занял Матвей Алексеевич Шадрин.

⁴⁶ Волжский День. 1915. 1 января.

⁴⁷ Лазарева И.Н. Самарский областной комитет помощи больным и раненым воинам в годы I мировой войны (1914–1917) // Самарский край в истории России: материалы юбилейной научной конференции 6–7 февраля 2001 г. Самара, 2001. С. 129–132.

⁴⁸ Лазарева И.Н. Самарский областной комитет помощи больным и раненым воинам... С. 129.

⁴⁹ Лазарева И.Н. Самарский областной комитет помощи больным и раненым воинам... С. 130. Данные взяты из Отчета Областного Самарского Комитета помощи больным и раненым воинам. Самара, 1915.

⁵⁰ Демидовы И. и А. Горизонты гражданского общества. Мать революции // Дельта-информ. № 10 (53). 22 мая 2003. С. 9.

⁵¹ Там же.

⁵² Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. Самара, 1914. С. 98; Памятная книжка Самарской губернии на 1914 год. Самара, 1914; ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 197. Л. 573.

⁵³ Румянцев Е.Д. Рабочий класс Поволжья в годы первой мировой войны и Февральской революции (1914–1917 гг.) Казань, 1989. С. 169–170.

⁵⁴ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 61. Д. 4. Л. 51, 58.

⁵⁵ Там же. Оп. 131. Д. 226. Л. 11; там же. Оп. 63. Д. 4, Л. 239; там же. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1619. Л. 1; там же. Д. 1549. Л. 14.

⁵⁶ Красный архив. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 163.

⁵⁷ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 198. Л. 8–9, 26.

⁵⁸ Там же. Д. 197. Л. 647, 710–711.

⁵⁹ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 198. Л. 438, 600.

⁶⁰ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 197. Л. 572–578.

⁶¹ Там же. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1627. Л. 7–9; Кирьянов Ю.И. Масовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // Отечественная история. М., 1993. № 3. С. 38.

⁶² Там же. Л. 649–652, 747–748, 761–764, 797–798.

⁶³ Городской вестник. Самара, 1914. 1 августа, 10 сентября; Самарские губернские ведомости. 1914. 25 октября.

⁶⁴ Салова С.В. Буржуазия России в годы Первой мировой войны. Самара, 2005. С. 67.

⁶⁵ За два года. Очерки общественно-экономической жизни Самарской биржи». Самара, 1915. С. 495–499.

⁶⁶ Памятная книжка Самарской губернии на 1915 г. Самара, 1915. С. 11.

⁶⁷ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1436. Л. 1–6, 14.

⁶⁸ Боханов А.Н. Святая царица. М., 2006. С. 84; Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. СПб., 2010. С. 15–20.

⁶⁹ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868–1917. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 40; Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 226.

⁷⁰ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1448. Л. 14.

⁷¹ Там же. Л. 1, 4; там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 197. Л. 267, 788, 802, 842.

Глава 8. 1917 ГОД В САМАРЕ

§ 1. Февральская революция в России и образование новых властных и общественных организаций в Самаре

28 февраля 1917 года, когда в Петрограде уже началось формирование новых органов власти, в Самаре не поступало никаких сообщений из центра. Лишь к вечеру дошло известие о роспуске Государственной Думы. Самарская городская дума выработала «сочувственное послание Родзянке» и прервала свое заседание в «знак протеста» против такого произвола. Однако это событие у самарцев не вызвало «ни единого намека на подъем народного настроения, ни единой искры надежды»¹. Совсем других вестей ждал народ России.

Известие о победе революции в Петрограде пришло в Самару 1 марта 1917 года. Для обсуждения событий было созвано совещание гласных городской Думы. На нем исполняющий обязанности городского головы В.П. Ушаков огласил телеграмму председателя Государственной Думы М.В. Родзянко о «взятии восстановления государственного и общественного порядка в руки Временного комитета Государственной Думы», был избран «особый Временный городской комитет безопасности» для выработки экстренных мер к поддержанию порядка и спокойствия в городе, который будет пополняться представителями различных общественных организаций. В комитет вошли кадеты: К.Н. Иньков, В.П. Ушаков, П.П. Подбельский, кн. В.А. Кугушев, М.С. Афанасьев, В.Н. Башкиров, П.Ф. Шишкин, М.А. Щадрин, Н.В. Осоргин, и было принято решение просить общественные организации делегировать во Временный городской комитет своих представителей².

После этого думские лидеры послали делегацию к самарскому губернатору князю Голицыну, чтобы выяснить его отношение к событиям и весьма обрадовались тому, что князь признал комитет

и обещал свое содействие. Комитет надеялся на трогательное единение с деятелями старой власти и в дальнейшем, 2 марта он пополнился делегатами от 28 общественных организаций: кооперативов, военно-промышленного комитета, технического общества, союза городов, общества книгопечатников и др. От них были делегированы в комитет кадеты С.В. Смирнов, П.А. Преображенский, Н.Д. Усов, К.В. Богоявленский, М.И. Лунин; меньшевики Ф.В. Косариков, Г.П. Борисов, И.И. Перельман; эсеры А.В. Бородин, К.Г. Глядков, а также М.В. Храповицкий, А.В. Кольшкин и А.П. Еремеев (позднее был разоблачен как провокатор) от рабочих Трубочного завода. Председателем комитета избрали С.В. Смирнова³.

Самара в начале XX в. Из фондов ЦГАСО

Вечером 1 марта в конторе потребительского общества «Самомощь» состоялось также собрание представителей социалистических партий, где обсуждались вопросы о необходимости образования Совета рабочих депутатов, выпуска воззвания к населению, организации митингов и демонстраций. На следующий день на городских митингах, проходивших в театре-цирке «Олимп», городском театре и Общественном собрании был избран первый состав Самарского Совета рабочих депутатов. В него вошли 6 большевиков (А.Я. Бакаев, Ф.И. Венцек, С.И. Дерябина, А.П. Еремеев, Д.Л. Клейман, М.Н. Яианов), 7 меньшевиков (Н.П. Богданов, Г.П. Борисов, Б.Т. Зайцев, Н.М. Левинтов, А.Л. Логинов, И.И. Рамишвили, П.У. Шаманин), бундовец Л.И. Гинзбург и эсер Н.А. Смирнов. Возглавил Совет меньшевик И.И. Рамишвили⁴. Таким обра-

зом, в Самарском Совете рабочих депутатов был представлен весь блок социалистических партий.

Опьяненные незнакомым чувством свободы рабочие, как и другие слои населения, выдвигали и поддерживали все политические силы, которые выступали с демократическими лозунгами и обещаниями народоуправства. Пропаганда «беспартийной революции» и «единения всех революционных сил» была развернута в прессе с самых первых дней революции.

*Самарский городской Совет рабочих депутатов,
выбранный 2 марта 1917 г. Из кн.: Щелков А.Б.
Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара, 2014*

Много внимания Совет рабочих депутатов сразу после образования уделил организации и руководству профессиональными союзами, которые только зарождались и вели отчаянную экономическую борьбу с предпринимателями. В этой области плодотворно работали большевики А.Х. Митрофанов, М.И. Груздев, Е.С. Коган, С.И. Дерябина, возглавлявшая работу среди солдат. Агитаторская группа только 2 марта провела 8 митингов с участием 9 тыс. солдаток⁵. Совет рабочих депутатов имел обширную социальную базу. Все революционно-демократические силы поверили в этот новый орган власти, считали его своим, так как

он ставил и пытался решить актуальные вопросы текущего времени. В целях единения всех демократических сил Совет рабочих депутатов откликнулся на призыв Комитета общественной безопасности и послал в него 3 марта 10 своих представителей, после чего последний переименовал себя в Комитет народной власти. В последующие дни в него вошли представители политических партий, воинских частей и постепенно его состав был доведен до 200 человек.

Комитет народной власти уже 3 марта принял ряд постановлений общедемократического характера: об освобождении политзаключенных, аресте представителей царской администрации, разоружении полиции и жандармерии, организации народной милиции. В тот же день были отключены телефоны губернатора и жандармерии, а 4 марта арестованы и препровождены в местную тюрьму губернатор Л.Л. Голицын, полицмейстер А.К. Крокосевич, жандармский полковник М.И. Познанский с двумя его помощниками и др. Совет рабочих депутатов проводил и самостоятельную работу, содействуя созданию на предприятиях города комиссии для разработки вопросов о введении восьмичасового рабочего дня и повышения заработной платы. Тем не менее классического двоевластия в Самаре не было, тем более что вскоре Совет рабочих депутатов вошел в Комитет народной власти в полном своем составе. В связи с расширением состава Комитета народной власти 4 марта был избран исполнительный комитет, в который вошли семь кадетов, по пять большевиков и меньшевиков, три эсера. В президиум исполкома вошли 5 кадетов (Кузьмин, Емелин, Смирнов, Щеголев, Кавецкий) и два меньшевика (Логоinov, Преображенский).

Председателем был избран кадет П.П. Подбельский. В тот же день, не дожидаясь назначения Временным правительством губернского комиссара, Комитет народной власти выдвинул и утвердил в этой должности председателя губернской земской управы кадета К.Н. Инькова, а его помощником члена губернской земской управы кадета Н.В. Осоргина. Циркулярная телеграмма министра-председателя Временного правительства князя Г.В. Львова с распоряжением о повсеместной замене губернаторов губернским комиссарами, обязанности которых временно возлагались на председателей губернских земских управ, была послана лишь 5 марта. С этого времени в конкурентную борьбу за власть на местах включилась новая структура в лице института комиссаров Временного правительства.

Скоротечность буржуазно-демократических преобразований в Самаре, отсутствие сопротивления со стороны местных органов власти во многом объясняются полной поддержкой революционных преобразований со стороны Самарского гарнизона. Известие о свержении самодержавия очень быстро распространилось в казармах, солдаты стали присоединяться к митингам рабочих, служащих, учащихся города. Кое-где арестовывали офицеров, а после

Самарский почтамт. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

получения приказа № 1 Петроградского Совета в войсковых частях Самарского гарнизона стали образовываться солдатские комитеты. Совет рабочих депутатов содействовал организации Совета солдатских депутатов, и 7 марта 1917 г. состоялось их первое совместное заседание⁶. Подавля-

ющее большинство в Самарском Совете солдатских депутатов на первых порах также принадлежало эсерам и меньшевикам. Однако небольшая большевистская фракция во главе с М.И. Герасимовым вела активную пропаганду большевистских лозунгов в революции среди солдат Самарского гарнизона. Эсеро-меньшевистское руководство солдатского Совета вместе с офицерством пыталось предотвратить широкое участие солдатских масс в развитии революции. Но удержать солдат от участия в решении актуальных задач революционной борьбы руководству солдатского Совета не удалось. Солдаты часто самовольно уходили из частей домой, требовали отправки целых частей на полевые работы в деревню, предоставления специальных отпусков на период весенних полевых работ. Эти действия солдатских масс направлялись большевистскими агитаторами, стремившимися превратить их в проводников революционных идей в деревне.

Пока массы только еще формулировали свои требования в революции, новые властные структуры стремились побыстрее конституироваться. На общем собрании Комитета народной власти

10 марта был принят наказ о его функциях, со 2 марта Комитет возглавил эсер К.Г. Глядко. На заседании Комитета народной власти 15 марта было принято решение о реорганизации городского самоуправления следующего содержания:

«1. Комитет народной власти выбирает из своей среды комиссариат из 9 человек, который руководит деятельностью городского самоуправления по всем вопросам городского хозяйства.

2. Решение всех важнейших вопросов городского хозяйства подлежит санкции исполнительного комитета народной власти.

3. Комитет народной власти приступает к выработке мер, которые должны обеспечить скорейшую подготовку реорганизации городского самоуправления на началах всеобщего, равного, тайного избирательного права»⁷.

Митинг в Самаре в марте 1917 г. в честь павших борцов за свободу. Из кн.: Шелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара, 2014

16 марта был утвержден проект наказа Самарского Комитета Народной власти, а 24 марта состоялось переизбрание его президиума. Председателем президиума избрали К.Г. Глядкова, товарищами председателя – П.П. Митрофанова, В.Л. Преображенского, В.С. Кайровича. С оформлением новых временных властных структур в Самаре начинается соперничество между ними, борьба за влияние на массы, в которой активно участвовали Советы, комитеты, партии и отдельные лица.

Решительная борьба Совета рабочих депутатов против предпринимателей, активное участие в создании фабрично-заводских

комитетов, профсоюзов, деятельность по созданию рабочей милиции способствовали расширению сфер его влияния в городе. 20 марта 1917 года произошло переизбрание исполкома Совета, в ходе которого упрочили в нем свои позиции большевики. На следующий день на заседании исполкома Совета был выбран его президиум из пяти человек, куда вошли два большевика, два меньшевика и один бундовец. Председателем Совета избрали В.В. Куйбышева, выступавшего за объединение всех революционных сил через массовые организации трудящихся, деятельностью которых руководили Советы. Об этом свидетельствует и образование комиссий исполкома Совета рабочих депутатов, призванных направлять и координировать революционную инициативу масс: митинговая, продовольственная, профессиональная, редакционно-издательская, следственно-юридическая, хозяйственная, районная, милиционная⁸.

Самое пристальное внимание Совет рабочих депутатов продолжал уделять профессиональным организациям рабочих и служащих. 23 марта на совещании делегатов от 2 профсоюзов г. Самары было образовано Центральное бюро профсоюзов, которое возглавили большевики. Укрупнение и объединение профсоюзов способствовало упрочению их экономических и политических позиций. Вот как понимали профсоюзные активисты Самары задачи Центрального бюро: руководство деятельностью профсоюзов, организация новых союзов, политическое воспитание членов союзов, издание профсоюзного органа, открытие библиотеки, образование групп профсоюзных работников, организация рабочего секретариата и курсов грамоты для членов союзов⁹.

Несмотря на усилия Самарской большевистской организации, большинство первичных профессиональных союзов весной 1917 г. находилось под влиянием меньшевиков и эсеров. Им принадлежало руководство почти во всех союзах служащих, железнодорожников, печатников и во многих других. Меньшевики и эсеры не придерживались принципа классового подхода в организации профсоюзов, стремились растворить рабочих в массе служащих. В союзы железнодорожников, почтово-телеграфных служащих, рабочих и служащих городского самоуправления входили чиновники, часто захватывающие руководство в свои руки. Они выступали против участия профсоюзов в политической борьбе, считая их главной задачей формулирование и отстаивание перед предпринимателями экономических требований работников. Раньше других, в марте—мае 1917 г. были созданы фабзавкомы на крупных

заводах; на мелких предприятиях этот процесс шел медленнее. Инициаторами создания фабрично-заводских комитетов были металлисты Самары, прежде всего рабочие Трубочного завода. Вслед за трубочниками стали выбирать на общих собраниях фабрично-заводские комитеты рабочие фабрик Зимина, Игнатьева, заводов военно-промышленного комитета, электрической станции, спичечной фабрики Зелихмана, типографий, мельниц, хлебопекарен.

Е.К. Брешко-Брешковская в Самаре в марте 1917 г. Из кн.: Шелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара, 2014

Одним из основных вопросов революции был вопрос о восьмичасовом рабочем дне. Уже к началу апреля в Самаре на совместных совещаниях владельцев фабричных и заводских предприятий, с одной стороны, и представителей Советов рабочих и военных депутатов, с другой, были выработаны общие положения об учреждении заводских комитетов и постановлено ввести восьмичасовой рабочий день с 10 апреля. 7 апреля Самарский Совет рабочих депутатов отдал распоряжение об установлении восьмичасового рабочего дня. В связи с этим городская управа подготовила доклад городской думе, в котором подчеркивала, «что с вопросом о введении восьмичасового дня приходится считаться как с фактом решенным и остается только взвесить: выдержат ли городские предприятия предстоящее увеличение расходов». Управа предло-

жила Думе: 1) установить восьмичасовой рабочий день для всех служащих, рабочих городских электрических предприятий (то есть практически всех заводов и фабрик), а в праздничные дни — семичасовой рабочий день; 2) разрешить в связи с этим расход средств за счет уменьшения чистой прибыли от эксплуатации этих предприятий¹⁰. После недолгого обсуждения в думе постановления были приняты. На этом же заседании было поручено трамвайной комиссии разработать вопрос о введении для служащих трамвая третьей смены работы, чтобы соблюсти закон о восьмичасовом рабочем дне.

В соглашении о введении восьмичасового рабочего дня, о создании фабрично-заводских комитетов и примирительных камер, заключенном в апреле 1917 г. Самарским Советом Рабочих депутатов и обществом фабрикантов и заводчиков, цели и задачи фабзавкомов определялись следующим образом: «а) представительство рабочих данного предприятия в их отношениях с правительством и общественными учреждениями; б) формулировка мнений по вопросам общественно-экономической жизни рабочих данного предприятия; в) разрешение вопросов, касающихся внутренних взаимоотношений между рабочими данного предприятия; г) представительство от рабочих перед администрацией заводов и фабрик и владельцами предприятий по вопросам, касающимся взаимоотношений между ними и рабочими»¹¹. Этим соглашением предприниматели пытались ограничить функции фабзавкомов, лишить их права осуществлять контроль над производством. Но активная деятельность фабрично-заводских комитетов выходила за рамки данного соглашения. Часто вопросы о порядке выборов состава, функциях и структуре фабзавкомов определялись революционной инициативой масс.

Меньшевики и эсеры соперничали с большевиками за влияние в профсоюзах. Так, в мае на Самарском трубочном заводе эсерам, опиравшимся на крестьянско-мещанские слои новых рабочих, удалось захватить руководство общезаводским комитетом.

«Единение всех демократических сил», провозглашенное в первые дни революции, было только лозунгом. Острая конкурентная борьба разгорелась между представительной и исполнительной властями. Самарский Комитет народной власти, претендовавший на представительство «высшей революционной власти в стране» и назначивший Губернского комиссара, рассчитывал быть главной силой в губернии. Председатель комитета К.Г. Глядков был крайне разочарован тем, что не он, а губернский комиссар вступает в

непосредственное отношение с правительством, являясь проводником государственной власти и снабжен всеми атрибутами политической власти.¹² В свою очередь К.П. Иньков вовсе не стремился к сотрудничеству с Комитетом по всем без исключения вопросам. П.Д. Климушкин, характеризуя его в своих воспоминаниях, писал: «Губернский комиссар Иньков — человек, безусловно, старой бюрократической школы, чуждый всяким демократическим убеждениям, а потому не мог встать на тот революционный путь, на который встал Комитет»¹³. Следует заметить также, что Комитет как орган представительный, находился под большим давлением радикальных сил, и его тактика больше соответствовала требованиям «текущего момента». На комиссара, им избранного, Комитет смотрел как на своего подотчетного адепта. Комиссар же относил Комитет к числу «прочих» общественных организаций, не обладавших политической властью.

Комитет народной власти, укрепив свое положение после вхождения в его состав представителей от Советов, приступил к формированию реальных структур исполнительной власти. 13 марта он утвердил выбранный Советом военных депутатов на должность начальника милиции прапорщика А.С. Шиляева. Заслушав его доклад об организации временной милиции, Комитет постановил: «Начальник милиции подчиняется исключительно губернскому комитету народной власти, от него и получает инструкции для своей деятельности через председателя исполнительного комитета; комиссар комитета заведывает организацией судебно-следственной комиссии при милиции и состоит ее председателем»¹⁴. Здесь же был представлен план организации самарской милиции: «Весь старый состав милиции, за исключением полицмейстера оставался на своих местах. В основу организации милиции положен прежний план организации полиции, произошли лишь некоторые изменения чисто технического характера: разделение города на участки осталось прежним, посты остались на прежних местах, но вместо прежних помощников, приставов и околоточных надзирателей назначены солдаты — помощники начальников участков. В управлении милиции примерно прежний порядок. При управлении милицией была учреждена судебно-следственная комиссия, состоящая из представителей местной адвокатуры, городских судей. Сыскное отделение осталось при прежнем составе, но переименовано в разведочное бюро»¹⁵.

«Народная милиция», образованная Самарской городской думой и исполкомом Комитета народной власти, по существу ничем

не отличалась от старой полиции. Многие из уволенных полицейских были впоследствии приняты обратно на службу. Для этого всего лишь требовалось, чтобы бывший полицейский чин или жандарм дал письменное обещание следующего содержания: «Даю сию подписку в том, что я признаю новое правительство, обязуюсь повиноваться ему и беспрекословно исполнять все его распоряжения»¹⁶. Социальный состав милиции был, в основном, мелкобуржуазный, проникали туда также деклассированные и уголовные элементы.

Рабочие «народной милиции» противопоставили фабрично-заводскую милицию, которая создавалась непосредственно на предприятиях по инициативе и под руководством фабрично-заводских комитетов. Выдвижение рабочих в состав фабрично-заводской милиции проводилось на самой широкой демократической основе с обязательным обсуждением кандидатур на общих собраниях коллектива предприятий, с утверждением путем открытого или тайного голосования. Фабрично-заводская милиция функционировала на основе выборности, периодичности переизбрания, подотчетности своих действий фабрично-заводским комитетам, оплачиваемости капиталистами. Основной задачей, стоявшей перед фабрично-заводскими отрядами милиции повсеместно, являлось поддержание порядка на предприятиях, в пролетарских рабочих поселках и районах, то есть выполнение охранных функций. В то же время круг вопросов, которые приходилось решать ей в ходе революции, был значительно шире и глубже. Она была вооруженной опорой фабрично-заводских комитетов и представляла из себя большую силу при решении вопросов контроля над производством и распределением, в борьбе со спекуляцией и хищениями, бандитизмом и погромами. Нередко фабрично-заводская милиция участвовала в охране рабочих собраний, митингов, демонстраций. Фабрично-заводской милиции, рабочим дружинам приходилось вести борьбу за свое существование, постоянно отражая попытки правительственных властей ликвидировать боевые отряды рабочих или растворить их в «народной милиции». Они внушали народу, что «... пролетариат совершенно не нуждается в создании своей особой «пролетарской силы», «... так как завоевания революции достаточно обеспечивается перешедшей на сторону народа армией»¹⁷.

В организации власти на местах Временное правительство первоначально исходило из принципа преемственности. Предполагалось, что правительственный Комиссар должен обладать значи-

тельной частью прав прежнего губернатора, а местное общественное управление по-прежнему будет весть городским хозяйством через реформированные Думы. Комитеты общественных организаций планировалось распустить после избрания новых дум. В действительности, реформированные городские думы играли значительную роль не только в хозяйственной, но и в социально-политической жизни, так как все политические силы стремились укрепить свои позиции. Первое заседание реформированной думы в Самаре состоялось 27 апреля 1917 г. На нем были заявлены декларации всех ее новых групп. В общей декларации нецензовиков указывалось на необходимость в целях улучшения финансового положения города провести усиленное обложение недвижимости; конфисковать у монастырей и других лиц захваченную у города землю; осуществить полный контроль над городским хозяйством.

Кроме того, с декларациями выступили представители фракций — социал-демократической, эсеровской, народно-социалистической и кадетской. В декларации социал-демократической и эсеровской фракций была обоснована необходимость муниципализации всех предприятий, обслуживающих потребности широких масс населения; создания единой бесплатной, демократической школы; коренного решения жилищного вопроса; улучшения условий труда; прямого обложения имущих классов посредством прогрессивного подоходного поимущественного налога и отмены всех косвенных налогов. Эти требования были самые радикальные. Несмотря на всю прогрессивность требований, изложенных в этой декларации, в ней отсутствовало самое важное — указание на пути ее реализации.

Состав обновленной Самарской думы по-прежнему отличался засилием цензовых элементов. «По численности в городе группа цензовиков является очень маленькой, но в думе она сохраняет за собой половину мест»¹⁸, — отмечалось в демократической печати. Несмотря на это, на Думу возлагали большие надежды достаточно широкие слои населения. Об этом, например, свидетельствовало приветствие группы железнодорожников-социалистов обновленной думе, которые считали, что «такой состав в состоянии провести меры, ведущие к благоустройству г. Самары», и предлагали «увековечить память о вашем первом заседании, как начале новой эры в развитии нашего города...».

Рассмотрев заявление солдаток о желании устроить демонстрацию в день открытия городской думы, исполнительный комитет Совета рабочих депутатов постановил: считать демонстрацию до-

пустимой. Во время заседания думы к зданию прибыла громадная процессия солдаток с красными флагами и знаменами. В числе лозунгов были: «Да здравствует международный мир», «Увеличение пайка», «Пенсия инвалидам». Делегаты огласили 11 пунктов их требований: увеличение пайка без различия возраста, увеличение нормы сахара и т. д. Дума тут же избрала комиссию для разработки вопроса об удовлетворении требований солдаток. В то же время Самарская дума ориентировалась в своей деятельности главным образом на указания Временного правительства. Правительство в свою очередь лавировало между местными властными и общественными организациями. В соответствии с постановлением Временного правительства от 20 апреля 1917 г. «милиция есть исполнительный орган государственной власти на местах, состоящий в ведении земских и городских общественных управлений»¹⁹, то есть общественных комитетов. В то же время городские и земские самоуправления должны были избирать и увольнять начальников милиции после собственных перевыборов. Кроме того, чины милиции обязаны были исполнять все законные требования правительственных властей. Такие постановления в конечном итоге и привели к параличу официальных властных органов накануне Октябрьского переворота.

Демонстрация 1 мая 1917 г. в Самаре. Из кн.: Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара, 2014

В условиях аморфности властных структур все политические силы делали ставки на конкретные вооруженные силы. Одним из важных революционных потоков явилось движение солдатских масс. За влияние на войска Самарского гарнизона шла ожесточенная борьба различных политических организаций города. Лидировали здесь большевики, поддержавшие бунт солдатских комитетов. Комитет народной власти пытался смягчить антагонизм в частях гарнизона, в своем воззвании к единению солдат и офицеров. На первых порах его примиренческая тактика удалась: в Самарский Совет военных депутатов было избрано 44 солдата и 19 офицеров, возглавил его кадет Хрунин, заместителем выбрали меньшевика П.П. Митрофанова. Вначале Совет военных депутатов поддерживал внешнюю политику Временного правительства, считая своей главной задачей «доведение войны с германским милитаризмом в согласии с союзниками до победного конца». Тогда самарские большевики начали планомерную работу по привлечению войск на свою сторону. При губкоме РСДРП(б) была создана военная партийная комиссия, в которую вошли: А.А. Масленников, А.П. Галактионов, Н.Ф. Панов, Ф.И. Венцек, С.И. Дерябина, А.В. Гавриленко, Ю.К. Милонов, С.О. Викснин, П.А. Стяжкина, В.М. Кармашов, П.М. Голубев, М.С. Бешенковская. Комиссия поставила задачу объединения военнослужащих-большевиков города и расширения агитационно-пропагандистской работы в гарнизоне. Губком РСДРП(б) требовал от членов комиссии выступать на всех собраниях и митингах, пропагандируя программу своей партии и разоблачая политику Временного правительства.

Опорой Самарского комитета большевистской партии были солдаты-большевики, работавшие непосредственно в частях гарнизона. Так агитационную, пропагандистскую и организаторскую работу в 133-м запасном полку проводили прапорщики С.Я. Тиунов, С.И. Мельников, в саперном батальоне — В.К. Блюхер. Самарские большевики в своей работе в армии использовали все средства и формы агитации: от проведения многотысячных митингов и демонстраций до групповых и индивидуальных бесед с солдатами. Они широко использовали в агитационных целях и городской партийный клуб. Здесь проводились дискуссии на политические темы, устраивались лекции, распространялись большевистские центральные и местные газеты, брошюры, листовки.

Для упрочения своих позиций в массах самарские большевики упорно добивались объединения Совета рабочих депутатов с солдатскими депутатами. Большевистские агитаторы убеждали сол-

дат переизбрать Совет военных депутатов, который поддерживал политику продолжения войны. В результате проведенных 24–27 марта выборов в Совет военных депутатов вошли 220 солдат и 54 офицера, но руководство в нем снова оказалось в руках эсеров и меньшевиков. 31 марта 1917 г. на заседании Совета военных депутатов В.В. Куйбышев предложил объединить Совет рабочих депутатов с Советом военных депутатов в интересах «более планомерного направления организационных сил армии и пролетариата». Объединение Советов произошло позднее.

Самарская партийная организация большевиков приветствовала братание солдат с рабочими. Для усиления пролетарского влияния в солдатских массах большевики широко использовали такие формы агитации, как совместные митинги и собрания рабочих с солдатами. Они активно использовали для работы в гарнизоне рабочих. И.С. Бородин писал, что их полк часто навещали рабочие Трубочного завода группами человек по 25 и более. Они проводили беседы с солдатами, разъясняли сложившуюся обстановку, призывали к единым действиям с пролетариатом. Рабочие приносили в казармы большевистские газеты и листовки. Еще большей популярностью в войсках Самарского гарнизона пользовались эсеры. Армия в подавляющем большинстве своем состояла из вчерашних крестьян, причем не только молодых, но и умудренных жизненным опытом. «Земля и воля», «Социализация земли», «В борьбе обрешь ты право свое» — эти броские лозунги привлекали доверчивые сердца мужиков, одновременно призывая их к борьбе за реализацию вековой мечты. Поэтому в исполкоме Совета военных депутатов и после объединения рабочего и военного Советов, произошедшего 23 апреля, подавляющее большинство оставалось за эсерами и меньшевиками. Эти две партии объединяла, прежде всего, оборонческая позиция. Кроме того, в Самаре функционировал гарнизонный Совет крестьянских депутатов, исполком которого состоял исключительно из представителей партии эсеров.

Толчком к политической переориентации солдатских масс послужило наступление на фронте, начатое по приказу коалиционного Временного правительства 18 июля 1917 г. Оно вызвало гнев и возмущения. Измученные затянувшейся войной солдаты не желали идти в бой. «Солдаты, хотя и считали себя эсерами, но воевать не хотели», — вспоминает один из участников событий в Самаре С. Полшков²⁰. Провал июньского наступления на фронте, сопровождавшийся людскими потерями, был воспринят солдата-

ми как измена революции со стороны Временного правительства. Самарский Комитет большевиков, учтя обстановку, дал директиву военным членам партии использовать недовольство в войсках для укрепления своих позиций. Выступая «за немедленный демократический мир без аннексий и контрибуций», они не указывали пути его достижения, но массы и не спрашивали.

§ 2. Общественно-политическая жизнь в Самаре летом 1917 года

В конце мая—начале июня 1917 года политическая борьба в Самаре сосредоточилась вокруг функций, роли и значения фигуры комиссара Временного правительства и всей структуры власти. Коалиционный характер Самарского комитета народной власти не предотвратил противоречий между политическими силами, входившими в него. Он не смог превратиться в координирующий орган, в связующее звено между властью и народом.

28 мая 1917 года на губерньском Всесословном съезде был заслушан доклад К.Г. Глядкова о работе Комитета, после чего открылись прения по его реорганизации. Съезд постановил изменить социальный состав Комитета и предоставить в нем крестьянам 60 мест; рабочим — 15 мест; военным — 15 мест; представителям городов — 15 мест; 3 места — беженцам. Используя давление крестьянских депутатов съезда, настаивавших на пропорциональном представительстве в Комитете народной власти, эсеры провели в его исполком большинство членов своей партии. Здесь же на съезде развернулась дискуссия об институте губернских комиссаров. По предложению П.Д. Климущкина была принята резолюция, признававшая необходимость существования губерньского комиссара, но «при условии избрания его комитетом из своей среды и подчинения его комитету». 29 мая губерньский комиссар Иньков заявил о сложении с себя полномочий губерньского Комиссара. С.А. Волков констатировал: «Теперь у нас два органа власти: с одной стороны — Комитет народной власти, с другой — Комиссар»²¹. К.Н. Иньков не хотел мириться с таким положением, но необходимой поддержки для отстаивания своего единовластия не имел, а потому подал в отставку. Некоторое время обязанности губерньского комиссара исполнял Н.В. Осоргин, ранее бывший его заместителем. 1 июня на заседании исполнительного Комитета народной власти большевистская фракция вообще предложила ликвидировать ин-

ститут губернских комиссаров. Меншевики поддержали эсеров и предложили такую формулировку резолюции по данному вопросу: «Представителем власти на местах является губернский комитет, а представителем его перед правительством и правительства перед местной властью является выборный комиссариат»²². На первом обновленном заседании губернского исполнительного комитета народной власти 14 июня был избран президиум в следующем составе: «председатель Брушвит, товарищи председателя М.М. Левинтов (от рабочей секции), П.П. Митрофанов (от военных), Климушкин (от крестьян), место от горожан не занято. Губернским комиссаром избран С.А. Волков, его помощником — Шамагин».

В тот же день была произведена рокировка партийных фигур в Самарском Совете рабочих депутатов. «Решено было составить президиум рабочей секции Совета из 6 человек: 2 большевика, 2 меньшевика, 2 эсера. Избраны: председатель Куйбышев..., тов. председателя И.Т. Журавлев, секретарь Милонов, казначей А.Ф. Бурлаков. В связи с избранием председателем большевика меньшевики отказались занять в президиуме 2 представленных им места»²³.

Довольно значительная часть самарских обывателей в 1917 году продолжала ориентироваться на городскую Думу как орган местного самоуправления. В соответствии с духом времени и согласно постановлению Временного правительства от 15 апреля 1917 г. уже на первом заседании обновленной думы 25 апреля 1917 г. был намечен план мероприятий по подготовке новых, демократических выборов гласных городской Думы. Составление избирательных списков предполагалось закончить к 15 июля, выборы провести во второй половине августа. Было решено с 15 мая приступить к переписи населения и составлению списков, разбив город на 18–20 избирательных участков по числу районных продовольственных попечительств. На эти цели определено было 100 тыс. рублей²⁴.

Для руководства работой Думы 10 мая была избрана Управа: переизбраны 3 человека из старого состава и избраны 5 из нецензовиков: 3 — от партии народных социалистов, 1 — бывший служащий губернского земства, 1 — социал-демократ М.Г. Гринштейн. Распределение обязанностей членов Управы было произведено лишь в конце мая и опубликовано 27 мая. Гринштейну переданы бухгалтерская часть, расчет со служащими, займы, оценка имущества, участковые попечительства по призрению семейств солдат²⁵. В деятельности думы не было единства по ряду важных вопросов, в том числе по вопросам источников финансирования ее мероп-

рийтий. 31 мая управа представила на утверждение думы план о производстве 6-ти миллионного займа в банках под обеспечение городским недвижимым имуществом. Такое решение накрепко связало бы думу с представителями самых богатых кругов города, что в условиях революционного времени дискредитировало ее в глазах широких масс горожан. Большинством голосов проект был отвергнут, еще была надежда на результаты работы комиссии по изысканию средств.

8 июня городской Думой был заслушан доклад комиссии по изысканию средств. Она наметила целый ряд источников: обложение чистого дохода с недвижимых имуществ, увеличение арендной платы за городские земельные и дачные участки, изъятие у мужских монастырей земли, которую город несколько лет назад сдал монастырю в аренду, чтобы на ней сажали сады и огороды. А монастырь сдавал ее за высокую плату поселочникам, которые отказались им платить, предложив плату городу. Наряду с такими радикальными предложениями комиссия признала необходимым обратиться к Временному правительству с ходатайством об изменении налоговой системы в городах для улучшения финансового положения последних и произвести заем для срочного покрытия неотложных нужд города. Выслушав доклад Комиссии, Управа постановила согласиться с высказанными в нем предложениями за исключением вопроса об обложении недвижимого имущества по доходности. Соглашаясь принципиально и с этим положением. Управа считала, что практическое проведение в жизнь этого мероприятия должно быть сделано после обсуждения правовой его стороны в юридической и финансовой комиссиях. Затем Управа заявила, что приходит к категорическому убеждению о необходимости совершить 6-миллионный заем²⁶.

Борьба по вопросу о налоговом обложении продолжалась весь июнь. Гласные прежнего состава думы и часть нецензурников высказывались за обложение всего населения, гласные фракций социал-демократов и социал-революционеров настаивали на обложении лишь имущих классов, после очередного обсуждения вопрос для детальной разработки решено было передать в Финансовую комиссию. Почти все спорные вопросы передавались комиссиям, также поступили с вопросом о финансировании милиции. После длительных дебатов вопрос был передан в специально созданную комиссию из 7 человек. При этом высказывалось мнение, что раз милиция охраняет всех: и бедных и богатых, то все и должны принять участие в расходах на содержание милиции²⁷.

Большая часть Думы не хотела портить отношения с имущими слоями города. 28 июня Дума приняла решение о 6-ти миллионном займе. Однако банки в конце июня отказали городу в займе без предварительной гарантии, некоторые из них настаивали на закладе городских имуществ.

Ряд мероприятий, намеченных Самарской городской Думой, с трудом, после долгих обсуждений все же был выполнен. Дума увеличила денежное пособие солдаткам, но вскоре эти меры сошли на нет из-за роста дороговизны и спекуляции. После почти 2-х недельного обсуждения 20 июня Дума приняла решение об установлении для служащих города 8-часового рабочего дня и двойного вознаграждения за сверхсрочные работы. На этом же заседании гласный эсер А.И. Кабцан от имени исполкома рабочих и солдатских депутатов заявил «о необходимости создания муниципальной биржи труда в виду наблюдающейся в городе безработицы и сокращении производства». После более чем месячного обсуждения Дума 27 июля приняла решение: 1) принять смету по устройству биржи и просить министерство ассигновать хотя бы половину сметной суммы; 2) просить министерство взять на себя оборудование биржи труда²⁸.

Если в начале деятельности частично реформированной Думы нецензовые гласные были более активны, то постепенно они уходили от работ в думе, видя ее неспособность решить насущные проблемы города и сосредоточились на работе в тех организациях, которые имели реальную власть. В конце концов, 20 июня Дума приняла решение «ввиду прогрессирующей неявки гласных на думские заседания... уменьшить кворум с 42 до 25 гласных»²⁹. Решения Думы теперь зависели от случайного соотношения сил на заседаниях, впрочем они часто повисали в воздухе и поэтому перестали заботить нецензовиков. Все политические партии решили сделать ставку на новую Думу, которую должны были избрать на основе всеобщих демократических выборов.

Политическое положение в России изменилось после июльского кризиса Временного правительства. События 3–4 июля 1917 г., закончившиеся расстрелом антиправительственной демонстрации в Петрограде, вызвали мощную волну протеста по всей стране. Рабочие Самары высказали свою полную солидарность с рабочими Петрограда: «Громко и во всеулышание мы заявляем о своей полной солидарности с петроградскими революционными рабочими и солдатами». А рабочие Трубочного завода заявили, что «травля, поднятая буржуазией против большевиков, есть поход

против всего рабочего класса»³⁰. Комитет Народной власти создал Комитет общественной безопасности для борьбы с лево-радикальными силами. Буржуазные газеты печатали компромат на большевиков. На митингах и собраниях большевикам не давали выступать. Такие действия власти вызывали сочувствие к большевикам и приводили к обратным результатам. В городе чаще стали проходить митинги протеста против преследований большевиков. На митинге 26 июля в Аржановском саду после выступления большевиков И.П. Трайнина, А.П. Галактионова и П.С. Борисова была принята резолюция с призывом к сплочению вокруг лозунгов: «Долой мировое побоище! Долой смертную казнь! Долой тайные договоры! Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!». Перевыборы исполкома рабочей секции Совета рабочих и солдатских депутатов 21 июля 1917 г., в который было избрано 9 большевиков, 8 меньшевиков, 8 эсеров и 5 максималистов, свидетельствовали о сохранении позиций большевиков в представительных органах рабочих.

Галактионов А.П. (Из фондов ЦГАСО)

Летом 1917 г. политическая борьба в Самаре сосредоточилась вокруг муниципальной кампании, то есть выборов в городскую Думу. Большевики руководствовались указаниями В.И. Ленина о необходимости связи местных муниципальных вопросов с коренными вопросами революции. В ходе подготовки к выборам они выдвинули требование перестроить все хозяйство на новых, революционных началах. Для этого они предлагали передать всю городскую землю в распоряжение трудящихся, полностью отменить прежние городские налоги, взамен введя прогрессивные налоги на доходы, имущество и наследство капиталистов. Большевики

отказались от блока с другими партиями и первыми представили список кандидатов в городскую Думу из 86 человек. Он был зарегистрирован под □ 1³¹. В ответ на это самарские меньшевики тоже решили в блок с большевиками-ленинцами не входить, а с остальными социал-демократическими группами и эсерами блок признать принципиально допустимым. Муниципальные программы всех социалистических партий носили общедемократический характер: всеобщее избирательное право, 8-ми часовой рабочий день, муниципализация земли, отделение церкви от государства, всеобщее бесплатное образование.

Пытаясь отвлечь горожан от вопросов политической борьбы, обратить их внимание на нужды городского хозяйства, лидер самарских кадетов В. Кудрявцев уверял, что «обилие списков никогда не в состоянии дать работоспособного ядра как и все те новые политические образования, которые недавно стали жить и действовать открыто. Расценивать избирательные списки нужно не по симпатиям к тем или иным партийным дисциплинам, а по внутреннему их содержанию, по качеству тех кандидатов, какие выставляются, по их работоспособности и вообще по их полезности для городского хозяйства»³². Партия Народной свободы рассчитывала на поддержку прежде всего владельцев недвижимого имущества, купечества, чиновничества, на часть мещанского сословия, так как на собрании мещан по поводу присоединения к социалистическому списку довольно значительная группа внесла в протокол заседания протест. Первоначальное намерение городских служащих примкнуть к социалистическим спискам также отпало из-за нежелания социалистических групп включить в свой список кандидатов от служащих. На блок с партией Народной свободы пошло общее собрание объединенного старообрядчества.

Выборы в Самарскую городскую думу были назначены на 15 августа, но как следует не подготовлены. Накануне выборов 14 августа собрание комитетов воинских частей постановило ходатайствовать перед Временным правительством о разрешении произвести дополнительные выборы в думу от лиц, ошибочно не занесенных в списки избирателей (почти 1/3 гарнизона). О недостатках предвыборной агитации писали 13 августа «Известия Самарского Совета рабочих депутатов», сравнивая агитацию в Москве и Самаре. В Москве за неделю до выборов по всему городу только и было об этом речи. Летучие митинги, с крыши домов бросали летучки, муниципальные программы. Все улицы, заборы, окна, столбы, вагоны трамвая были заклеены афишами со списками кандида-

тов. «В Самаре тихо и спокойно по-прежнему. Триумф, Модерн, памятник, Соборная площадь, вот почти все места, где только и ведется предвыборная агитация. О летучих митингах Самара даже и не знает ...часто приходится слышать ...среди прислуги, торговков и вообще среди широкой массы населения разговоры о том, что “не наше это дело...” и эти люди или изорвут на выборах свою избирательную карточку, или же, что еще хуже, передадут ее своему хозяину»³³. С утра, не включенные в избирательные списки, солдаты и инвалиды устроили демонстрацию к думе. Агитаторы среди них призывали к закрытию выборов, которые в результате состоялись лишь в 11 избирательных участках (из 23). Результаты были следующие: эсеры получили 13 844 голосов; большевики — 4 865; кадеты — 3 262; эсеры-максималисты — 1 829; меньшевики — 1407; домовладельцы — 1 323; беженцы — 1 770; «Единство» — 30; народные социалисты — 500³⁴.

В день выборов экстренное заседание центральной избирательной комиссии при городской Управе ввиду юридической невозможности производства довыборов в Думу решило предложить городской Думе считать выборы недействительными и в ближайший срок назначить новые. В.В. Куйбышев, поддержанный другими представителями демократии, предложил выделить делегацию из 5 человек, которая совместно с Советом рабочих и солдатских депутатов устроила бы экстренные солдатские митинги для разъяснения положения и успокоения солдат. Солдатский митинг, с участием солдат 4-х частей (около 3 000 человек) поручил избранной делегации сделать заявление Совету солдатских депутатов, в котором говорилось, что, обсудив вопрос о не внесении в избирательные списки массы солдат, собрание требует экстренного составления списков и отложения подсчета солдатских голосов до общей подачи записок всеми солдатами, в том числе и находившимися на излечении в лазарете. Собрание протестовало против лишения прав солдат, не достигших 20 лет.

После срыва выборов встал вопрос о дальнейшем плане действий. На чрезвычайном соединенном заседании Совета рабочих и солдатских депутатов 16 августа почти все ораторы указывали на оторванность масс от Советов, видя в ней основную причину неорганизованности выступлений. Была принята резолюция протеста против контрреволюционных сил, содействовавших срыву выборов с призывом ко всей демократии поддержать Совет в работе по проведению новых выборов. Внесенная максималистами резолюция: «движение народных масс 15 августа было актом восста-

новления своих законных прав; часть вины в неудаче выборов падает и на Совет, не проявивший на выборах надлежащего контроля» — собрала всего 28 голосов³⁵.

На следующий день 17 августа состоялось экстренное собрание городской Думы. Кадеты грозили привлечением губернского комиссара к суду за бездействие власти. В.А. Кудрявцев заявил, что решать вопрос о касании выборов дума не компетентна и не правомочна. Резолюция кадетов об ответственности лиц, виновных в прекращении выборов (солдаты и инвалиды), была отвергнута. Представитель Совета рабочих депутатов В.З. Кузьмин в своем выступлении подчеркнул: «...были обойдены солдатские массы, лишены избирательных прав около 15 000 солдат, а всего — 20–30 тыс. граждан лишены избирательных прав и на их протесты никто не отозвался, не было принято никаких мер к выяснению и устранению этого негативного явления. Ни в одной части, ни в одной роте не были опубликованы списки избирателей... И виновники беспорядков те, кто вопит о порядках». Представитель Совета крестьянских депутатов сравнил отношение к вопросу Советов и Думы, заявив: «Там бичевали себя, полагая, что они отошли от жизни, а здесь ищут на кого бы другого валить вину»³⁶. После прений дума приняла резолюцию нецензурных гласных: признать выборы несостоявшимися и принять все меры, чтобы права всех граждан впредь не были нарушены. Новые выборы были назначены на 24 сентября 1917 г.

Для стабилизации политической обстановки в стране на 12 августа 1917 г. в Москве было назначено Государственное совещание, в работе которого приняли участие все политические объединения, кроме большевиков, объявивших его заговором против революции. В условиях нараставшего хаоса, всеобщей смуты любая, разрушающая устои государства агитация имела успех в массах. Булочники и калачники 10 августа потребовали «недопущения контрреволюционного скопища Московского совещания». 12 августа рабочие Трубочного завода объявили однодневную забастовку против созыва Московского совещания: «Чтобы показать нашу солидарность с петроградским и московским пролетариатом, мы объявляем однодневную забастовку и требуем разгона Московского совещания, требуем отмены смертной казни, освобождения заключенных-интернационалистов и протестуем против гонений на социалистическую печать»³⁷. В такой ситуации меньшевики и эсеры быстро теряли авторитет и влияние среди рабочих и солдат Самары. Теперь массы обратили свои взоры к

большевикам, надеясь, что они смогут обеспечить рабочих хлебом, дать мир народам, землю крестьянам и спасти страну от надвигавшейся экономической катастрофы. В Самаре произошел перелом в настроении масс в пользу большевиков. «Приволжская правда» писала: «Поворот налицо, огромный поворот». Особенно резкий перелом произошел у рабочих на Трубочном заводе.

Нарастание общественного недовольства происходили в обстановке все усиливающейся экономической разрухи, внесенной в хозяйственную жизнь затянувшейся войной и параличом власти. Сокращались производства. Увольнение рабочих с заводов, фабрик становилось распространенным явлением. Свертывалась работа на заводах Никитина, военно-промышленного комитета, завода комитета по снабжению армии, мельницах и др. Рабочие стояли перед дилеммой: быть обреченными на безработицу, голод и обнищание или активно вмешаться в процесс производства, установить над ним пролетарский контроль и тем самым изменить общественные отношения.

Временное правительство часто не имело власти на местах. В августе из командировки в Самару вернулся Топцкий, комиссар министерства внутренних дел. В своем отчете он писал: «...У местных революционных организаций и органов власти слишком преувеличенное представление о принадлежащей им компетенции... местные власти склонны считать, что по всем вопросам в границах Самарской губернии... они равноправны или даже более полноправны, чем Временное правительство». Такое положение вещей не устраивало правительство и в августе-сентябре шла подготовка к реформе местного самоуправления, в ходе которой предполагалось на органы местного самоуправления «возложить дополнительные функции в области местного государственного управления...», а все остальные комитеты и органы местной власти упразднить. А до принятия реформы, как временное средство, учредить при губернских комиссарах для надзора за деятельностью органов общественного управления должность советника по делам местного общественного управления³⁸.

А в это время партия большевиков на 6 съезде провозгласила курс на вооруженное восстание. В такой обстановке левая оппозиция в Самарской городской думе слабела день ото дня. На заседании думы 31 августа обсуждение текущего момента в связи с мятежом Корнилова вызвало долгие прения. В.А. Кудрявцев (кадет) призывал к поддержке революционной власти, чем вызвал негодование левой оппозиции, лидер которой Е.С. Коган вырази-

ла изумление лицемерию кадетов, по ее мнению, все время предававших революцию и взлелеявших корниловщину. В конечном итоге после всех препирательств различных фракционных групп в Думе была принята резолюция, где мятеж Корнилова оценивался как измена Родине и революции и стремление к восстановлению старого строя. Все надежды по борьбе с мятежом дума возлагала на Временное правительство. «В переживаемый момент Дума не видит другого исхода из положения как создания коалиционного правительства, опирающегося на все слои населения и в особенности на трудовой народ...»³⁹.

Подводя итоги политической борьбы в Самаре летом 1917 года, нужно отметить постоянное столкновение по всем злободневным вопросам «текущего момента» различных властных структур, политических партий, общественных организаций и объединений. Бурный расцвет демократии в стране привел к наличию многовластия в провинции, что не способствовало решению насущных социально-экономических задач, а наоборот, вовлекало в хаос смуты все слои населения.

§3. Установление власти Советов в Самаре

Общенациональный кризис в России вновь обострился осенью 1917 года. Обстановка в Самаре характеризовалась наличием непримиримых противоречий между буржуазией, с одной стороны, и рабочими, солдатами гарнизона — с другой. Названные социальные силы имели свои представительные структуры, их интересы выражали различные политические партии и общественные объединения. После разгрома корниловского мятежа соотношение политических сил в стране сложилось в пользу лево-радикальных сил. Временное правительство лишилось сколько-нибудь значительной социальной опоры, так как теперь потеряло поддержку и правого лагеря. В обстановке слабости официальных правительственных структур Самарский губернский комитет Народной власти попытался скоординировать действия различных политических сил города. 26 сентября «соединенное заседание Советов рабочих и солдатских, крестьянских депутатов, полковых и заводских комитетов постановило облечь Комитет Народной власти чрезвычайными полномочиями, предоставив ему права производства внесудебных арестов за нарушение обязательных постановлений комитета»⁴⁰.

Впрочем такое единение демократического лагеря было непрочным, провозглашалось лишь в декларациях. Одним из примеров таких раздоров была реакция городской Думы на созыв Демократического совещания в Петрограде, намечавшегося на 12 сентября. При обсуждении телеграммы Авксентьева и Чхеидзе о совещании представителей демократических организаций Дума отклонила большинством голосов предложение о посылке делегатов в столицу, хотя у правой и левой части думы были на это свои причины. Правая часть гласных аргументировала отказ тем, «что созыв совещания может исходить только по почину Временного правительства, причем на совещании должны быть представлены все слои населения... Дума выражает уверенность, что только скорейший созыв Учредительного собрания может благополучно разрешить кризис власти». Большинством голосов (27 чел.) была принята резолюция социалистов, в которой отказ ехать на совещание аргументируется тем, что городская Дума, еще не переизбранная на новых демократических началах, состоит наполовину из цензовых представителей и «...в целом не представляет городскую революционную демократию...»⁴¹. В то время на это совещание и созданный затем предпарламент возлагались большие надежды лидерами социалистических партий. В его деятельности приняли участие и большевики, которые, не получив сколько-нибудь заметного влияния в созданных здесь переходных структурах представительной власти, объявили свое участие «ошибкой»⁴² и выступили против перспективы создания в стране однородного социалистического правительства.

Попытки городской Думы как-то сдержать радикально-конфискационные требования наиболее обездоленных горожан не имели успеха. На заседании 29 сентября Дума обсуждала групповую просьбу обывателей заселить площадь артиллерийских казарм, мотивировавших это отсутствием квартир в городе. Когда просителям было отказано, они стали упрекать нецензовых депутатов в отсутствии поддержки, на что гласный меньшевик Преображенский заявил: «левые всегда будут поддерживать интересы всего населения, а ни какой-нибудь группы, готовой даже применить самочинный способ для достижения своей цели»⁴³. Дума пыталась противостоять Комитету Народной власти, отказав его исполкому в делегировании представителя в состав комиссии по обследованию квартир, мотивируя это тем, что обследование принадлежит вполне компетенции городского самоуправления. Решено было также обжаловать в министерстве действия комитета, так как союз

домовладельцев уже обращался с жалобой на реквизицию помещений, предпринятую Комитетом Народной власти.

Если раньше самые широкие городские слои возлагали определенные надежды на Думу, то теперь они обратили свои взоры к лево-радикальным политическим структурам. Оценивая сложившуюся в Самаре обстановку, «Самарские губернские ведомости» отмечали: «Большевистские тенденции своеобразно понимаемого “расширения и углубления революции” проникли в самую толщу демократических слоев населения. Менее сознательная часть рабочего класса, значительная часть армии отравлена ядом большевизма»⁴⁴. Рабочие приступили к установлению контроля над производством, добивались нормального санкционирования предприятий, брали в свои руки учет и контроль над распределением продуктов. В этих действиях их поддерживали Советы рабочих депутатов. В постановлении Самарского Совета рабочих депутатов от 6 сентября 1917 г. говорилось, что «вопрос о сокращении производства на заводе и об увольнении рабочих подлежит разрешению губернского продовольственного комитета, без ведома которого никакого сокращения производства не может быть». В случае закрытия или увольнения рабочих Совет требовал удовлетворить рабочих из расчета их заработной платы за месяц. Общее собрание рабочих и работниц второй и третьей смены 4-й мастерской Трубочного завода, состоявшееся 7 сентября, обсудило вопрос о взаимоотношении слесарей и рабочих, поскольку предприниматели хотели противопоставить их друг другу. Была принята резолюция: «Мы признаем, что всякая рознь и вражда в среде революционного пролетариата ведет к гибели революции. Поэтому, мы, слесари и рабочие второй и третьей смены решили не поддаваться провокационной хитрости и идти вместе твердой и солидарной семьей на защиту экономических и политических требований». На объединенном заседании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 10 сентября 1917 г. большевики огласили декларацию, где излагалась резолюция Московского Совета рабочих депутатов по текущему моменту от 5 сентября 1917 г. В декларации подчеркивалась необходимость введения в общегосударственном масштабе рабочего контроля над производством и распределением, далее выдвигалось требование прекращения всяких репрессий против рабочего класса. Эта декларация была поддержана солдатами 133-го и 143-го полков. 12 сентября ими были принята резолюция фракции большевиков от 10 сентября. В тот же день рабо-

чие заводов Игнатъева и хлебопекарни Неклютиной присоединились к этой резолюции⁴⁵.

Большевистский радикализм все больше распространялся среди горожан. Солдаты 4-й и 5-й артиллерийских батарей на своем митинге приняли такую резолюцию: «признавая, что меньшевики и эсеры на демократическом совещании не только не защищали интересы рабочих, солдат и крестьян, но и даже предали дело революции, мы, солдаты 4-й и 5-й артиллерийских батарей, выражаем полное доверие партии революционных социал-демократов (большевиков) и будем голосовать на выборах в городскую Думу за список № I». 25 сентября рабочие 2-й мастерской Трубочного завода переизбрали своих депутатов в Совет рабочих депутатов, из 8 депутатов было избрано 6 большевиков. В исполком рабочей секции Совета из 15 депутатов было избрано 13 большевиков⁴⁶.

В такой обстановке в Самаре развертывалась вторая муниципальная кампания. Всего на выборах было представлено 16 списков кандидатов: большевики, эсеры, социалисты-народники, кадеты, меньшевики, максималисты, группа «Единство», домовладельцы, три еврейские социалистические партии, украинская, белорусская, польская группы, группа ревнителей православия и мусульманская группа. Обилие списков свидетельствовало о большой активности политических партий. В то же время далеко не все горожане использовали свое избирательное право. На выборах в октябре было подано всего 63 025 голосов, что составило около 40 % горожан. К сожалению, нет данных по социальному составу избирателей и трудно установить, какие социальные слои проявили большую политическую активность. Выборы в городскую Думу, прошедшие в Самаре 1 октября, дали следующие результаты⁴⁷:

Название списка кандидатов

Название списка кандидатов	Количество голосов	Количество гласных
Большевики	20318	34
Эсеры	18956	32
Кадеты	7560	13
Домовладельцы	3478	6
Украинцы	2926	3
Мусульмане	1560	3
Меньшевики	1497	2
Белорусы	1836	3
Ревнители православия	1026	2
Народные социалисты	783	1

За время существования обновленной Думы (май–сентябрь) ею «было устроено 33 заседания, с 1 755 посещениями гласных, что составляет в среднем 6,6 заседаний в месяц при 52,5 посещения на каждом заседании, тогда как за первые 4 месяца старой думы (январь–апрель) было 13 заседаний – 3,25 заседаний в месяц». В заслугу себе Дума поставила организацию выборов и двух муниципальных кампаний, института мировых судей, милиции и разведочного бюро, создание городской биржи труда, введение всеобщего начального обучения. В отчете умалчивалось, что инициаторами и исполнителями этих дел были Комитет Народной власти и Советы. Отчет Думы мало кого из гласных интересовал. Основным был вопрос о том, какая партия встанет во главе Думы. В постановлении Временного правительства об изменении действующего положения об общественном управлении городов говорилось, что «должностные лица городского общественного управления утверждению правительственной власти не подлежат и вступают в отправление своих обязанностей вслед за вступлением в законную силу постановления думы об их избрании»⁴⁸.

Самарский Комитет Народной власти решил продолжить свое существование и при новой городской Думе, постепенно передавая ей дела. 16 октября, на первом заседании новой Думы после «торжественного обещания» и приветствий (представитель Комитета П.Д. Климушкин в своей речи сказал, что Комитет всю свою мощь отдает Думе для отпора тем, кто захочет ей помешать) обсуждался вопрос о выборах председателя. Были попытки со стороны городского головы и др. оттянуть выборы, ссылаясь на ряд юридических формальностей, но по предложению В.В. Куйбышева, решено немедленно перейти к выборам. Выставлено было 2 кандидатуры: эсер К.Г. Глядко (за – 38, против – 50) и большевик В.В. Куйбышев (за – 32, против – 53). Оба оказались неизбранными. После закрытия заседания состоялись фракционные совещания больше-

В.В. Куйбышев в Самаре

виков и эсеров, обсуждавшие создавшееся положение. Между ними было заключено соглашение: большевики поддержат кандидатуру эсеров в председатели Думы, а эсеры будут голосовать за кандидатуру большевиков на пост городского головы, при этом половина мест членов городской управы должна быть отдана большевикам. На следующий день 17 октября большевики сняли свою кандидатуру в председатели Думы и председателем был избран эсер К.Г. Глядков, зам. пред. А.П. Галактионов, секр. Шестопал (большевик) и Ткачуков (эсер). Старая управа предложила поторопиться с ее переборами, но это предложение было отклонено, и ей было предложено подробно ознакомить Думу с положением дел, что и было сделано 19 октября. На этом же заседании были заслушаны декларации нескольких фракций⁴⁹.

Большевики обсуждали вопрос о принятии поста городского Головы на объединенном заседании Бюро губкома и общегородского Комитета с представителями районов 22 октября. «Были высказаны два мнения: Ю.К. Милонов, А.А. Масленников высказались против, показав, что эсеры в блоке с кадетами. Е.С. Коган, Клейман высказались «за», так как это поможет поставить вопрос о проведении революционных мер, а противодействие кадетов, тормоз

Масленников А.А. Из фондов ЦГАСО

со стороны эсеров и репрессии правительства подтолкнут массы к мысли о необходимости диктатуры Советов». 23 октября Дума по предложению большевиков и эсеров постановила, что городская Управа будет состоять из городского головы, его товарища и 9 членов. В.В. Куйбышев выразил согласие баллотироваться в головы. Кадеты сразу отказались голосовать «за кандидата партии государственного переворота». Эсеры заявили, что будут голосовать за Куйбышева, но большевиков это заявление не удовлетворило. Они заявили, что эсеры не исполняют обещания дать большевикам большинство в Управе. В.В. Куйбышев снял свою кандидатуру «в

связи с невозможностью управлять городским хозяйством при наличии меньшинства в Управе»⁵⁰. Выборы отложили.

Итак, повлиять на ситуацию в города через Думу и ее исполнительный орган – городскую Управу – большевики могли только в блоке с другими социалистическими партиями, прежде всего эсерами, вторыми по представительству в ней. Иллюзий на прочное блокирование у них не было. Наконец, большевики вообще стремились к единовластию своей партии. Поэтому центр агитационной деятельности они перенесли в Совет рабочих и солдатских депутатов и вооруженную организацию пролетариата – Красную гвардию. В октябре 1917 г. Красная гвардия в Самаре активизировала свою деятельность. Красногвардейцы помогали фабрично-заводским комитетам бороться с саботажем предпринимателей, охраняли предприятия, партийные и общественные учреждения, следили за поддержанием порядка в городе.

Антиправительственные выступления самарских рабочих поддержали солдаты местного гарнизона. 9 октября собрание солдат 102-го, 130-го, 133-го и 143-го полков высказалось за «скорейшее окончание войны и передачу власти Советам, переход земли без выкупа трудящимся, понижение цен на хлеб, обложение капиталистов большими налогами, надзор над фабриками и заводами». 14 октября рабочие 2-й мастерской Трубочного завода приняли резолюцию с наказом: «Совет должен перейти от слов о власти к делу»⁵¹. Большевики воспользовались всеобщим недовольством, чтобы через Советы взять власть в свои руки. Рабочие и солдаты жадно читали большевистские газеты, брошюры, листовки, призывавшие к свержению Временного правительства и передаче всей полноты власти в руки Советов. Временное правительство потеряло контроль над ситуацией в стране. Все попытки с его стороны укрепить местные органы власти не имели успеха.

Осенью 1917 г. массы ходом событий были подведены к альтернативному выбору: либо диктатура пролетариата, либо диктатура контрреволюционной военщины. Угрожающе нарастала и другая перспектива: русский анархический бунт, «бессмысленный и беспощадный». Вопрос о переходе власти к Советам стал предметом острых дискуссий уже в начале октября. 13 октября рабочая секция Совета потребовала немедленного перехода власти к Советам, «становящихся центрами нарастающей крестьянско-пролетарской революции». В двадцатых числах октября он стал обсуждаться не только на заседаниях партийных комитетов, исполкомов Советов, фабзавкомов и профсоюзов, но и на массовых ми-

тингах. Если большевики имели большинство в Совете рабочих, солдатских депутатов, в фабзавкомах и солдатских полковых комитетах, то иная ситуация была в губернском Совете крестьянских депутатов, продолжавшем выступать в поддержку Временного правительства и существенно влиявшем на ситуацию в городе. Гарнизонный Совет крестьянских депутатов по вопросу о власти колебался. Вот почему решение вопроса о переходе власти в руки Советов не могло произойти сразу же 25 октября. Бурная дискуссия по вопросу о текущем моменте вспыхнула на заседании исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов которое открылось в 2 часа дня 25 октября в Белом доме (ныне здание Академии культуры и искусств). На заседании председательствовал В.В. Куйбышев. Он огласил телеграммы о событиях в Петрограде и предложил направить на телеграфы комиссаров. Но это предложение встретило противодействие со стороны лидера самарских меньшевиков А.И. Кабцана. В связи с тем, что на заседание не были приглашены члены исполкома Самарского губернского Совета крестьянских депутатов, его представитель И.Д. Панюжев в знак протеста покинул собрание. Участники заседания приняли предложение меньшевика В.П. Преображенского отложить обсуждение до 8 часов вечера, с тем чтобы к этому времени представить мнение всех партийных фракций, входящих в Советы.⁵²

Вечером в Белом доме состоялось экстренное заседание исполкомов Советов, на нем вновь председательствовал В.В. Куйбышев. В президиуме находились меньшевик А.И. Кабцан и эсер И.А. Одайкин. Бурная дискуссия о текущем моменте затянулась до пяти часов утра. Представители губернского и гарнизонного Советов крестьянских депутатов, группы «Единство», эсеры и меньшевики высказались против перехода власти к Советам. Более того, учитывая сложность момента, губернский Совет крестьянских депутатов вновь заявил о своей поддержке Временного правительства и выступил за немедленный созыв губернского всесословного съезда, который и должен был решить вопрос о власти. Были прения по вопросу о допущении гласных городской Думы на заседании. Эсеры высказывались за приглашение Думы, интернационалисты — за допущение только гласных интернационалистов, большевики — против допущения Думы. Большинством решено Думу не допускать. Тем самым Дума отстранялась не только от власти, но и от участия в решении этого вопроса. 26 октября большевики, опираясь на поддержку меньшевиков-интернационалистов и эсеров-максималистов, внесли предложение о немедленном

переходе всей полноты власти к Советам и признании Временного правительства низложенным. Эта резолюция не прошла, за нее было подано всего лишь 79 голосов. Эсеры и меньшевики-оборонцы, крестьянские депутаты (109 человек) отказались участвовать в голосовании⁵³. Большевики настаивали на том, чтобы провести еще одно объединенное заседание Советов.

В этот же день в городской Управе состоялось совещание (без большевистской фракции), обсуждавшее вопрос о мерах по охране города. Кадеты требовали, чтобы городские объекты охранялись силами, подчиненными «Новой думе» и предлагали войти в демократическое совещание⁵⁴. По этому вопросу начались прения. Были предложения оставить охранные функции у Советов, в которых дума должна иметь пропорциональное представительство. Максималист Ф.Я. Рабинович заявил, что власть должна быть сосредоточена в более сильных руках, чем думские; недоверие к штабу охраны и Красной гвардии необоснованно. Дума была серьезно обеспокоена событиями. После прений решили войти в Демократическое совещание, а городской управе и председателю Думы, поручено выяснить вопрос об охране города в Советах⁵⁵. В связи с тем, что по вопросу о власти большевики оказались в меньшинстве, ими была избрана другая тактика. Они отказались от созыва всесословного съезда, который, конечно же, выступил бы против перехода власти к Советам. В этой связи самарские большевики пригласили на объединенное заседание не только членов исполкомов Советов, но и всех своих сторонников: представителей фабзавкомов и профсоюзов, железнодорожного и почтово-телеграфного союзов, полковых и ротных комитетов. Им удалось добиться поддержки и со стороны гарнизонного Совета крестьянских депутатов. С большевиками солидаризировались меньшевики-интернационалисты, эсеры-максималисты, члены еврейских социал-демократических организаций. И все-таки это не была поддержка всего населения города. Вопрос о переходе власти к Советам решался в штабах партий и организаций, а не народными массами.

Вот как описывает заключительный этап борьбы за власть Советов участник событий Иван Козырьков: «В 5 часов вечера “Триумф” [впоследствии в 1953 г. кинотеатр “Триумф” был переименован в кинотеатр имени Ленинского комсомола. — *Н. К.*] был переполнен. Заседание пришлось перенести в театр “Олимп” [с 1940 г. в этом здании располагалась Куйбышевская областная филармония. — *Н. К.*]... Но и громадное помещение не могло вместить всю пришедшую массу. Члены Советов разместились в партере, члены

фабрично-заводских комитетов и правлений профсоюзов в ложах, бельэтаже и на балконе, и остальные товарищи заняли оставшиеся места. Заседание открылось около 8 часов вечера вступительным словом и коротким докладом тов. Куйбышева.

Было решено дать высказаться от каждой фракции по одному оратору. Первый выступил от фракции большевиков, любимый и уважаемый всеми членами партии и рабочими массами тов. Масленников, встреченный бурей аплодисментов, длившейся около 5 минут. Часовая речь тов. Масленникова несколько раз прерывалась аплодисментами...». Были зачитаны также резолюции воинских частей Самарского гарнизона. Большевики и эсеры продолжали поддерживать Временное правительство, их резолюция собрала 140 голосов. Члены губернского Совета крестьянских депутатов, как бы подчеркивая неправомочность обсуждаемого вопроса, отказались от участия в голосовании. За большевистскую резолюцию проголосовал 441 человек. Тогда же был создан ревком, в который вошли: большевики М.П. Герасимов, В.В. Куйбышев, П.П. Митрофанов, С.Я. Тиунов, меньшевик-интернационалист С.Н. Васильев и эсер-максималист В.А. Кузьмин. Совет крестьянских депутатов отказался дать в ревком своих представителей. Эсеры и меньшевики также заявили об отказе занимать какие-либо посты при новой власти. 27 октября в 5 часов утра состоялось первое заседание ревкома, на котором был избран президиум в составе председателя В.В. Куйбышева, товарища председателя М.П. Герасимова и секретаря П.П. Митрофанова⁵⁶.

Здание театра-цирка «Олимп». Из кн.: Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара, 2014

Выступая на объединенном заседании губернского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов вместе с левой частью 4 губернского крестьянского съезда, В.В. Куйбышев так оправдывался, объясняя поведение самарских большевиков в октябрьские дни: «Когда в октябрьские дни получились первые сведения о восстании рабочих и солдат в Петрограде, для нас было очевидным, что рабочие и солдаты должны установить на местах власть Советов. Мы созвали собрание Самарских Советов, и на нем при воздержавшихся крестьянах было решено создать революционный комитет для борьбы с буржуазным правительством Керенского, контрреволюцией и проводить в жизнь ту программу, которая 8 месяцев лежала под сукном... Мы с первых дней хотели идти рука об руку с крестьянами, но они не дали своих делегатов, и вместо них места были предоставлены гарнизонному Совету крестьянских депутатов. Губернский Совет крестьянских депутатов 28 октября выпустил воззвание, в котором выступил против создания Ревкома и передачи ему всей полноты власти. Меньшевики предложили вместо ревкома создать в городе комитет общественной безопасности из представителей городской Думы, земства и общественных организаций. Они внесли это предложение на состоявшемся 1 ноября заседании Совета рабочих и солдатских депутатов, представителей комитета Народной власти, профсоюзов и других организаций, где были заслушаны доклады делегатов II Всероссийского съезда Советов. Подавляющим большинством голосов была принята резолюция большевиков: “Ревком организован правильно”»⁵⁷.

Дума не желала сдаваться. 28 октября состоялось экстренное заседание, на котором эсеры поставили вопрос об утверждении организовавшегося комитета общественной безопасности. После ухода большевиков и максималистов Дума постановила организовать Комитет общественной безопасности (главным образом из эсеров), которому поручено войти в соглашение с Комитетом Народной власти по вопросу об организации губернского Комитета общественной безопасности. Решено было подчинить милицию городской Думе и выпустить возвания, призывающие к неповиновению Ревкому. Таким образом, Дума открыто выступила против Ревкома, а значит и против Советской власти, рассчитывая на союз с Комитетом Народной власти и опираясь на милицию. Но ей это не удалось. Совещание начальников милиции постановило подчиняться только Комитету Народной власти, а Ревком распорядился конфисковать выпущенное воззвание.

Проблем, требующих немедленного решения, было много, и Ревком пытался наладить сотрудничество с Думой. Так, 28 октября Ревком предложил Управе высказаться о проекте принудительного займа у буржуазии в сумме до 3 млн. руб. на нужды населения. Управа высказалась принципиально против каких бы то ни было займов. 2 ноября большевики в Думе предложили увеличить паек солдаткам, рассмотрение этого вопроса было отложено из-за отсутствия средств. На следующий день Совет рабочих и солдатских депутатов самостоятельно принял постановление об увеличении пайка солдаткам. Дума подтвердила постановление, но от участия в созданной Советом комиссии отказалась. Денег на реализацию популистских решений Ревкому было взять негде, и 7 ноября он вновь обратился к Думе: «Находя положение финансов катастрофическим, ревком просит вас... поставить на повестку дня ближайшего заседания Городской думы вопрос об изыскании средств для удовлетворения беднейших слоев населения»⁵⁸. Но Дума не желала не только сотрудничать с Ревкомом. Исправляющий должность городского головы А.М. Смирнов заявил, что среди рабочих и солдатских масс начинает возникать разочарованность в большевиках, центром внимания становится новая социалистическая эсеровская городская Управа, вокруг которой граждане организуются... К захвату власти большевиками граждане относятся отрицательно. Образовавшийся большевиками Ревком не пользуется никаким влиянием, так как при попытке проявить свою власть встречает пассивное сопротивление со стороны всех демократических организаций, служащих в Правительственных и общественных учреждениях⁵⁹.

Взяв власть в свои руки, большевики действовали четко и умело. Долгие годы подпольной борьбы научили их сплоченности, изворотливости. Они не стеснялись в выборе средств для достижения поставленной цели, часто бывали вероломны, не сдерживали своих обещаний и умели ловко обманывать доверие отчаявшихся масс. И ранее раздираемый противоречиями блок социалистических партий окончательно развалился. Вот как пророчески характеризовали их самарские эсеры: «Отступления для большевиков теперь нет — и они, как зарвавшиеся игроки поставили на карту настоящие и будущие судьбы России на целые десятки, а может и сотни лет. Что они, став у власти, не могут даже в минимальнейшей части осуществить свои демагогические лозунги и призывы — в этом нет сомнений. Пока истинные демократы спасают революцию, большевики выбрали задачу себе: всячески по-

носить меньшевиков и эсеров, мешать им нести свой благородный крест, ...изо дня в день стараются навести тень на партию социалистов-революционеров, обвиняя ее полувекового борца за народ — в предательстве»⁶⁰.

Меньшевики назвали обещания большевиков дать народу немедленный мир, хлеб, землю и волю ложью и бахвальством: «Не мир, а рабство за ними. Не хлеб, землю и волю, а гражданскую войну, кровь, прежнее безземелье и торжество кнута несут они... Свершившийся переворот ставит страну и армию под угрозу немедленного разгрома, отодвигает созыв Учредительного собрания и не может создать власти, пользующейся всенародной поддержкой»⁶¹.

Городская Дума пыталась урезонить Ревком, постоянно вмешивавшийся в ведение городского хозяйства. 15 ноября было опубликовано распоряжение Ревкома, запрещавшее домовладельцам повышать квартирную плату. 20 ноября Ревком вновь внес в городскую думу предложение прибегнуть ей к принудительному займу у местных капиталистов для организации общественных работ, помощи безработным, семьям солдат. Дума опять отклонила это предложение. Тогда Ревком принял самые решительные меры: упразднил губернский комиссариат; представителей рабочей и солдатской секции отозвал из Комитета народной власти; потребовал принудительный пятимиллионный займ в отделении Госбанка, предполагая покрыть его из средств, полученных от беспощадного обложения капиталистов для обеспечения интересов немущих классов. Однако капиталисты отказались принять участие в принудительном обложении имущих классов, после чего ревком арестовал около 40 представителей самарской крупной буржуазии. Дума была ошеломлена таким напором Ревкома, и представители всех ее фракций (кроме большевиков) выразили протест против этого акта. Дума постановила послать в Ревком делегацию с требованием освобождения арестованных. После того как Ревком отклонил требования Думы, она решила апеллировать к населению выпуском воззвания⁶².

Острая борьба шла между Думой и ревкомом по вопросу о милиции. 19 декабря Красная гвардия разоружила милиционеров 3-х участков, не желавших подчиняться ревкому. Городская дума приняла резолюцию протеста против разоружения милиции и постановила выпустить по этому поводу воззвание к населению. На следующий день собрание милиционеров, начальников участков и канцеляристов, заслушав заявление городского головы о

непризнании власти ревкома, постановило остаться на службе у городского самоуправления, ревкому не подчиняться. 28 декабря по распоряжению ревкома Красная гвардия заняла помещение городской Управы, были изъяты документы старого состава милиции, отказавшейся подчиняться Ревкому. Дума осталась теперь уже и формально без милиции, но продолжала оказывать сопротивление действиям ревкома. Еще раньше 23 декабря во исполнение декрета Советского правительства о национализации банков комиссары ревкома заняли все самарские отделения банков, включая и Городской Общественный банк. В ответ на это Дума единогласно, при 2-х воздержавшихся постановила: закрыть Городской Общественный банк впредь до отозвания Революционной комиссии и возвращения ключей; поручить Городской управе обратиться к населению с воззванием от имени думы, объясняющим причины, заставившие Думу закрыть банк⁶³. С первых дней Советской власти Дума активно противостояла Ревкому: сначала игнорировала его существование, а когда это стало невозможным, саботировала его решения и постановления. Тем не менее создать действенную оппозицию Советской власти Самарская Дума не смогла, так как не имела сколько-нибудь значительной социальной поддержки горожан.

Не увенчались успехом и попытки эсеров и меньшевиков урезонить большевиков с помощью делегатов 4 губернского крестьянского съезда, проходившего в Самаре 5–9 декабря 1917 года. С 1 по 4 декабря Совет крестьянских депутатов проводил частные совещания с прибывшими в Самару делегатами. В повестке съезда стояли вопросы о власти, об отношении к Советам, о земле. При обсуждении вопроса о власти 2 декабря 1917 г. член исполкома Совета рабочих депутатов Николаев заявил, что своим выступлением против признания Советской власти Совет крестьянских депутатов способствует контрреволюции. Председатель Совета крестьянских депутатов Панюжев пытался объяснить эти действия тем, что «нас не уполномочивали наши избиратели делать то, что делали большевики»⁶⁴. Однако делегаты бурными аплодисментами встретили заявление солдата Лаврентьева о том, что губернский Совет крестьянских депутатов в течение 7 месяцев его существования был заодно с Кудрявцевым (гласный городской Думы) и всеми кадетами, а не выражал волю своих избирателей. Лаврентьев резко критиковал руководство Совета, подчеркивая его оторванность от масс, за включение в список кандидатов в депутаты Учре-

дительного собрания эсера И.М. Брушвита, которого 130-й полк исключил из своего состава.

5 декабря 1917 г. начал работу созданный ревкомом губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. На нем выступил с докладом о деятельности ревкома В.В. Куйбышев. Одновременно самарские большевики пытались вести разъяснительную работу среди делегатов крестьянского съезда. 8 декабря 1917 г. на нем выступил большевик А.А. Масленников, оправдывавший закрытие по постановлению ревкома ряда местных газет, якобы контрреволюционным характером печатавшихся в них материалах. При обсуждении вопроса о власти делегатам съезда было предложено три резолюции: совместная – Совета крестьянских депутатов и губернского Комитета партии эсеров; большевиков; левых эсеров. За совместную резолюцию голосовали 300 человек, большевистскую – 30, левозэсеровскую – 15. Потерпев поражение, представители от Совета рабочих и солдатских депутатов покинули съезд⁶⁵.

9 декабря 1917 г. 4 губернский крестьянский съезд принял резолюцию о замене Советской власти Учредительным собранием. Она была принята 256 голосами против 133⁶⁶. Большевики, левые эсеры и беспартийные делегаты, голосовавшие против этой резолюции, в знак протеста покинули зал заседаний 4 губернского крестьянского съезда. На следующий день состоялось совместное заседание губернского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, гарнизонного Совета крестьянских депутатов и левой части крестьянского съезда, на котором единогласно была принята резолюция о наделении ревкома всеми функциями исполнительной власти в городе. В то же время оставшиеся делегаты 4 губернского крестьянского съезда постановили восстановить в должности губернского комиссара С.А. Волкова, избрала новый состав Комитета народной власти.

Губернский исполком Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил разослать по губернии извещение о том, что «Комитет народной власти, как избранный лишь частью крестьянского съезда, не должен никем признаваться за власть»⁶⁷. Вместе с тем самарские большевики начали вести более тщательную подготовку 5 губернского крестьянского съезда, чтобы обеспечить переход власти не только в городе, но и в губернии к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Анализ развития революционного процесса 1917 г. в Самаре подтверждает, что борьба за власть различных политических сил была основой гражданского противостояния. Демократизация об-

щественно-политической жизни в результате Февральской революции первоначально привела к «единению революционных сил» в Самаре. Либеральные общественные организации образовали Комитет общественной безопасности, состав которого постоянно расширялся. Совет рабочих депутатов тесно сотрудничал с ним, что позволило последнему объявить себя Комитетом народной власти с целью повышения своего имиджа. Самарский Комитет народной власти был один из самых активных и инициативных в Поволжском регионе: 4 марта выдвинул на должность Губернского комиссара Временного правительства председателя земской губернской управы К.Н. Инькова; 5 марта создал комиссию по выработке инструкции об организации власти и утвердил ее 10 марта, начав реорганизацию городского самоуправления. Однако вскоре проявились разногласия между представителями общественных организаций, советов, думы, земства. Они соперничали друг с другом, конфликтовали с местной администрацией. В связи с этим нарастало народное недовольство деятельностью слабых властных институтов. Это создавало условия для победы радикальных политиков. В ходе двух муниципальных избирательных кампаний произошла поляризация политических сил в Самаре, возросло влияние партий, выступавших с конфискационными требованиями. Дифференциация общественно-политических сил в Самаре осенью 1917 г. привела к новому переделу власти. У большевиков Самары было достаточно сил и влияния для взятия власти. Им удалось создать и вооружить боеспособные красногвардейские отряды и, опираясь на солдатские комитеты самарского гарнизона вслед за Петроградом, провозгласить советскую власть в губернском центре. Протесты меньшевиков и эсеров «против узурпации власти большевиками» не нашли поддержки революционных потоков. Первые декреты советской власти, законодательно утвердившие основные требования рабочих, солдат и крестьян, обеспечили большевикам поддержку народных масс.

Примечания

¹ Глядко́в К.Г. История Комитета народной власти первого периода // Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. Т. 1. С. 45.

² Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 813. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.

³ Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии (1902–1917). Куйбышев, 1969. С. 430.

⁴ Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 12 марта.

⁵ Бешенковская М. От Февраля по Октябрь // Красная быль. Самара. 1926. № 2. С. 87.

⁶ ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.

⁷ Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 11 марта.

⁸ ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.

⁹ ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

¹⁰ Блюменталь И.И. Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1927. Т. 1. С. 34.

¹¹ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 176.

¹² Глядко́в К.Г. История Комитета народной власти... С. 45.

¹³ Климушкин П.Д. История Комитета народной власти второго периода // Революция 1917–1918 гг.

¹⁴ ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 21. Л. 19.

¹⁵ Там же. Л. 22.

¹⁶ ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 13. Л. 65.

¹⁷ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 181.

¹⁸ Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 28 апреля.

¹⁹ ЦГАСО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

²⁰ Полшков С. От Февраля к октябрю (Самара в 1917г.) // Пролетарская революция. М.; Л., 1925. № 10. С. 212.

²¹ ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 343.

²² Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии (1902–1917). С. 481.

²³ Там же.

²⁴ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 182.

²⁵ Волжское слово. 1917. 27 мая.

²⁶ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 187.

²⁷ Волжский день. 1917. 28 июля.

- ²⁸ Волжский день. 1917. 29 июля.
- ²⁹ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 2. Л. 27.
- ³⁰ ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.
- ³¹ Блюменталь И.И. Революция 1917–1918 гг. ... С. 164.
- ³² Волжский день (Самара) 1917. 26 июня.
- ³³ Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 13 августа.
- ³⁴ Приволжская правда (Самара). 1917. 16 августа.
- ³⁵ Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 19 августа.
- ³⁶ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 538.
- ³⁷ Приволжская правда. 1917. 18 августа.
- ³⁸ Вестник Временного правительства. 1917. 8 сентября.
- ³⁹ Волжский день. 1917. 7 сентября.
- ⁴⁰ Самарские губернские ведомости. 1917. 22 сентября.
- ⁴¹ Блюменталь И.И. Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. С. 245.
- ⁴² Точеный Д.С., Точеная Н.Г. Организации политических партий на выборах в думы поволжских городов в 1917 г. // Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989. С. 133.
- ⁴³ Волжский день. 1917. 17 сентября.
- ⁴⁴ Самарские губернские ведомости. 1917. 29 сентября.
- ⁴⁵ Блюменталь И.И. Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. С. 235–245.
- ⁴⁶ Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии (1902–1917). С. 547.
- ⁴⁷ Самарские губернские ведомости. 1917. 5 октября.
- ⁴⁸ Городской вестник (Самара). 1917. 14 октября.
- ⁴⁹ Блюменталь И.И. Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. С. 251–53.
- ⁵⁰ Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии (1902–1917). С. 547.
- ⁵¹ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 661–662.
- ⁵² Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002. С. 233.
- ⁵³ Медведев Е.И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. Куйбышев, 1958. С. 326.
- ⁵⁴ Там же. С. 328.
- ⁵⁵ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 661–662.
- ⁵⁶ Солдат, рабочий и крестьянин. Самара. 1917. 14 декабря.
- ⁵⁷ Там же.

- ⁵⁸ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 675.
- ⁵⁹ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 2. Л. 35.
- ⁶⁰ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 26. Л. 190.
- ⁶¹ Там же. Л. 191.
- ⁶² Там же. Л. 192.
- ⁶³ Там же. Л. 193.
- ⁶⁴ Солдат, рабочий и крестьянин. Самара. 1917. 5 декабря.
- ⁶⁵ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- ⁶⁶ Там же. Л. 4.
- ⁶⁷ Там же. Л. 4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уважаемый читатель!

Вот вы и перевернули последнюю страницу нашей книги, в которой мы попытались рассмотреть основные этапы становления и развития города Самары и его жителей.

История Самары многогранна, и в силу этого мы постарались проследить лишь главные, на наш взгляд, смысловые линии. Самара, основанная как крепость на юго-восточных рубежах России, за четыре века прошла путь от маленького пограничного городка до стремительно растущей столицы огромной губернии. Этот путь не был гладким. Так уж случилось, что за свою историю Самара пережила набеги кочевников, великую Смуту, восстания Степана Разина и Емельяна Пугачева, различные катаклизмы, засухи и голод, войны и революции. К середине XIX столетия Самарское Заволжье превращается в важнейший район зернового производства, российскую житницу, снабжавшую своим хлебом и другие регионы, и зарубежные страны. Это, как и выгодное положение на скрещении речного и железнодорожного торговых путей, позволило захолустному уездному городу в удивительно короткие сроки превратиться в транзитный узел, связующий европейскую и азиатскую части Российской империи, своего рода «русский Чикаго». Именно в конце XIX – начале XX в. город обретает свою неповторимую физиономию как в хозяйственном, так и в культурном, архитектурном отношениях; именно тогда формируется и своеобразный самарский характер, узнаваемые типы его жителей.

Самара всегда на протяжении всей своей истории впитывала в себя пришлое население, переселенцев из самых разных регионов России, представителей разных народов, культур, конфессий. И в нашей книге вы найдете множество людей, которые пришли сюда в разное время из разных мест. Для нас была интересна не только история воевод, градоначальников, губернаторов, но и простых людей: посадских, мещан, крестьян, каждый из которых внес свою лепту в развитие нашего города и его благоустройство.

Об этом и многом другом вы прочли в предложенной вашему вниманию монографии. Авторский коллектив надеется, что вышедшая книга поможет отойти от традиционных представлений об окраинной провинциальной Самаре и побудит наших читателей к изучению новых страниц истории города.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман

Материалы и документы по истории Самары

В данном разделе настоящего издания представлены архивные и опубликованные материалы об истории Самары и Самарского края в XVI – начале XX вв.

Подготовка документов к публикации производилась в соответствии с существующими правилами издания исторических источников. Для удобства чтения были использованы некоторые упрощения. В архивных документах XVI–XVII вв. не выделялись выносные буквы, сокращения; текст передан современным гражданским алфавитом с заменой ныне неупотребляемых букв. Средневековая орфография документа передана полностью за исключением случаев, когда в соответствии с современным звучанием слова использовался мягкий знак «ь». Тексты документов XVIII – начала XX в. переданы согласно современной орфографии с сохранением стилистических и языковых особенностей.

Сокращенные части слов раскрываются в квадратных скобках. Отмечены погрешности текста (пропуски, неразборчивые слова и пр.). Документы снабжены заголовками и легендами с указанием поисковых данных. Примечания по содержанию документов помещаются в постраничных сносках. Датировка документов дается по юлианскому календарю («старый стиль»).

Представленные здесь документы были опубликованы в основном в следующем издании: «Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник документов и материалов» (Самара, 2000), а также в сборниках документов и материалов «Наш край. Хрестоматия для преподавателей Отечественной истории и учащихся средней школы» (Самара, 2003) и «Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии» (Самара, 2012).

1555 г. – Из грамоты ногайского князя Исмаила Ивану Грозному

<...>А ты тово вели беречи, чтобы водяным путем не пришли. На всех перевозех вели по перевозом по двесте человек поставити... И те бы люди твои на Самарском устье с нами свестилися, чтобы однолично полем не ходили <...>

Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА).
Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 248.

1556 г. – Из послания Ивана Грозного князю Измаилу

«А на Переволоке и на Самарском устье велели есмь бытии многим людям и крепости учинити. А велели есмь им беречи по перевозом мурз казаков, чтоб на вашу сторону не перешли»

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 316об.

1584 г. — Из “Пискаревского летописца” о строительстве городов на юге и юго-востоке России

<...> Приказывает (Федор Иванович — Сост.) боярину своему и слуге и конюшему Борису Федоровичу Годунову да дьяку ближнему своему Андрею Щелкалову города ставити на Поле и в Сивере и к Астрахани, которые за многие лет запустевша от безбожных агарян и от междуусобных брани: Елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Волуйка, Белгория, Самара (под этим городком подразумевалась, скорее всего, Самара южная на притоке Днепра, а не волжская — Э.Д.), Кромы, Монастырев и иные многия польския и сиверския<...>

Пискаревский летописец // Материалы истории СССР. II. Документы по истории XV — XVII вв. М., 1955. С. 88.

1586 г. — Летописные сведения о строительстве Самары и Уфы

<...> В 94 (1585/86) году поставил на Волге город Самару. Того же году поставил город Уфинской <...>

Летописный отрывок о постройке городов в Московском государстве // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 231.

1586 г. — Документы русского посольства к ногайским мирзам

<...> писал к нам, что казаки воры, приходя, ваши улусы воюют. И мы на Волге и на Самаре вас велели беречи накрепко и ваших улусов от воров от казаков, чтоб отнюдь никаким казаком не воровать и на ваши улусы не приходить. Того для есмя и города на Самаре велели поставить и на Белой Волошке, чтоб вашим улусом было береженье и дабы жить по Волге и по Самаре у нашего города бесстрашно и приезжали ваши торговые люди в новой Самарской город <...>

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 10. Л. 12.

1586 г. — Из отписки в Москву астраханских воевод Ф. Лобанова-Ростовского “с товарищи” о военном сопровождении посольских и торговых караванов от Астрахани до Самары и выше по Волге

<...> Государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии холопи твои Федька Лобанов-Ростовской с товарищи и Исачко Чюрин челом бьют. Отпустили, государь, мы холопи твои из Асторохани вверх гонцов Семена Ушакова и Ивана Богданова да казансково жильца Арака Шумкова з Демидовыми людьми Черемисинова, да торговых людей и тезиков на кладных стругах. А для береженья послали гонцов и торговых людей провожати голову казачья Воина Аничкова, а с ним четырех человек сотников, да четырехста человек стрельцов и казаков. А велели мы холопи твои Воину провожати гонцов и кладные струги до Самары, а на Самаре велели отдати воеводе твоему государеву князю Григорью Осифовичю Засекину. А не будет князь Григорей на Самаре и мы Воину велели струги провожать и выше Самары покаместа пригож. А сказал нам Воин, что он с плавной приехал для тово, что стрельцы и казаки ставили на Самаре город и живучи проелись и запасу у них не стало <...>

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 65-66.

*1614 г. — Из доношений самарского воеводы Д.П. Пожарского
в Москву о состоянии местного гарнизона и города*

<...> А люди государь, самарские и саратовские стрельцы бедны и наги, ходят в серых зипунах, а саратовские, государь, стрельцы разорены. А самарских, государь, конных стрельцов только пятьдесят человек; а саратовские, государь, стрельцы конные пеши; а сукон, государь, в Самарском нет, окромя денег, что в твоей государеве казне... . А в Самарском, государь, яловиц и баранов и курят нет <...>

(Всего в Самаре 50 конных стрельцов — Сост.) и те безконны, наги и голодны; а саратовских, государь, конных стрельцов семьдесят семь человек, и те, государь, люди розорены, ис Соратова пришли в Самарской душею да телом <...>

И посылал я ... в Самарском обыскивати хлебных запасов, ино не добыли ничево ... А для осадного времени, государь, самарским всяким людем сидети будет нечим: в твоих государевых житницах хлебных запасов для осадного времени нет; а многия, государь, стрельцы нужны, и стрелетцкие жены и дети по миру ходят. А служилые, государь, люди топеря з голоду розно не брядут: держит их зимней путь; а на весну, государь удержати их з голоду будет не мочно, разбрдутца розно <...>

Памятники дипломатических
и торговых сношений Московской Руси с Персией.

Т. 2. Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича. СПб., 1892. С. 220, 229—230.

*1623 г. — Сведения о Самаре из “Хождения”
купца Ф.А. Котова в Персию*

<...> Город Самара стоит на луговой стороне, от Волги песок залег, а город стар, рубленой, низок, и острог по тому же городовому месту. А под городом река Самара течет и[з] степи, устье под городом пало в Волгу, по нижнюю сторону города, а над рекою бани, а посады и ряды в городе, а около степь <...>

Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.Я. Котова
// Известия Отделения русского языка и словесности
Академии наук. Т. XV. Кн. 4. 1910. С. 291-292.

*1636 г. — Самарское Поволжье в описании секретаря
голишинского посольства Адама Олеария*

<...> 28-го августа заблаговременно вновь собрались мы в путь и до восхода солнца дошли до города Самары, который считается в 350-ти в. от Казани. Этот город лежит по левую руку, в 2-х верстах от берега, построен в виде четырехугольника, имеет небольшое количество каменных церквей и монастырей и получил название от реки Самары, которая в 3-х верстах под городом дает рукав (его они называют — Сын — Самары) в Волгу, но главным течением своим вливается в нее лишь 30-ю верстами ниже <...>

Олеарий А. Описание путешествия в Московию
и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 383.

*1651 г. – Численность гарнизона и владельцы посадских дворов
Самары по “Сметному списку” военных сил России*

<...> На Самаре служилых людей.

Детей боярских 18. Городовой прикащик 1. Подъячих 3. Сотников стрелецких 5. Стрельцов конных 100 да пеших 400. Толмач татарской 1. Пушкарей и затинщиков 11. Сторож 1. Часовник 1. Полач и бирич 1.

Всего на Самаре всяких людей 542.

На Самаре посадских людей 81 <...>

Водарский Я.Е. “Сметный список” военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII в. М., 1989. С. 25.

*1661–1663 гг. – Гарнизон Самары и его жалованье
по “Сметной росписи”*

<...> На Самаре детей боярских 25 человек, государева жалованья оклад им 267 рублей, сотников стрелецких 5 человек, оклад им 63 рубли, конных стрельцов 100 человек, оклад им 603 рубли, пеших 400 человек, оклад им 1612 рублей, пушкарей 14 человек, оклад им 60 рублей; служилых юртовщиков 7 человек, служат без жалованья.

И всево на Самаре всяких служилых людей 551 человек, государева жалованья оклад им 2605 рублей.

И ис того числа на государеве службе в полку думного дворянина и воеводы Замятни Федоровича Левонтьева (полк, подавлявший восстание башкир и других народов Среднего Поволжья – Сост.) детей боярских 12 человек, стрельцов конных 30 человек, пеших 50 человек; и всево 92 человека. А за тем на Самаре в остатке служилых людей: детей боярских 13 человек, сотников стрелецких 5 человек, конных стрельцов 70 человек, пеших – 350 человек, пушкарей 14 человек, юртовщиков 7 человек; и всево в остатке 459 человек <...>

Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете . М., 1911. Кн. 3. Материалы исторические. С. 44.

*1669 г. – Голландский путешественник Ян Стрейс
о Самарском Поволжье*

<...> 8-го (августа – Сост.) мы плыли на парусах дальше, до города Самары (Samara), названного так по реке, протекающей через него. Город лежит на левом берегу Волги; построен четырехугольником, большей частью деревянными постройками, за исключением каменных церквей и монастырей <...>

Стрейс Я.Я. Три путешествия. – М., 1935. С. 190.

6 июня 1671 г. – Из сказки, объявленной С. и Ф. Разиным перед казнью

<...> А с Саратова пошел ты, вор, к Самаре, и самарские жители город тебе здали по твоей воровской присылке и умыслу и заводу. И ты государеву казну пограбил же и воеводу Ивана Алфимова и самарцов, которые к твоему воровству не пристали, побил же.

И от Самары ты, вор и богоотступник, с товарищи под Синбирской пришел <...>

Крестьянская война под предводительством Степана Разина
/ Сб. документов. М., 1962. Т. 3. № 81. С. 86.

*20 января 1671 г. — Из выписи в доклад в приказе Казанского дворца
с отписок симбирского воеводы М. Плещеева о действиях восставших
в Нижнем Поволжье*

179-го генваря в 20 день к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю ... писали из Синбирска стольник и воеводы Михайло Плещеев с товарищи <...>.

В 2-й отписке, а под отпискою в роспросных речах выходцов с Самары написано. — Самарского Преображенского монастыря игумен Пахомей сказал. — Едет де он с Самары к Москве по грамоте ис Патриарша приказу 178-го году с ведома самарских жителей. А на Самаре де самарских жителей всякого чину 700 человек, 10 пушек, зелья мало, самареня воровскому казаку Ромашку дали 2 пушки, 2 бочки зелья. Да на Самару ж пришло яицких казаков 63 человека, с ними атаман Максимко Бешеной да донских хохлачей 6 человек, а пришли они по письму вора Стеньки Разина. Да к ним пристали самарские жители Мишка Нелосной с товарищи, и всего собралось их с яицкими казаки с 150 человек. И служат казаки конницею, а Мишка с товарищи пехотою, а живут в Самарском уезде на нагорной стороне в селе Рожественном.

А самарские де жители послали для проводыванья про вора Стеньку на Саратов, на Царицын, на Пензу 10 человек. А которые из Синбирска присланы на Самару посадцкие люди, чтоб они, самареня, вину свою великому государю принесли, и тех присыльщиков держат за караулом, покаместь про вора Стеньку проведают. А будет не проведают, тогда в Синбирск с повинною пришлют и синбирских посыльщиков отпустят. А самарского де воеводу убили самарские жители при воре при Стеньке <...>

Стряпчей конюх Левонтей Акишев сказал. — В прошлом де во 178-м году мая в 7 день послан он был великого государя з грамоты на Царицын. И жил де он на Саратове 12 недель, и послышав приход к Саратову вора Стеньки Разина, приплыл на Самару. А как тот вор был на Самаре и под Синбирским, а он в то время был все на Самаре. А под Синбирским де с ним, воровом, было самарян 50 человек да конных стрельцов 40 человек, да с ними сотник Мишка Хомутов. А на Самаре де всяких чинов жителей с 670 человек. А в городе Самаре никакой крепости вновь не учинено, а сколько пушек в городе, того не ведает, а зелья всего 4 бочки. А под государевы де города самареня воровских людей при нем не посылали, а которые де посыльщики, из Синбирска посадцкие люди, на Самаре, и тех хотят отпустить, а с ними послать с повинною в Синбирск дву человек. А про Стеньку де Разина никакой ведомости нет. А которые де яицкие казаки пришли на Самару по Стенькину письму Разина, и тех с Самары збивают, а государевых ратных людей приходу боятца. А на Самаре де жил он, Левонтей, неволею <...>.

В 4-й отписке. Декабря в 21 день приехали в Синбирской с Самары синбирские посадские люди Максимка Левонтъев, Федька Чебоксаренин, которых они посылали на Самару к самарским жителям, чтоб они в винах своих великому государю добили челом. А в роспросе сказали. — На Самаре де их хотели побить до смерти и к воде их казнить приводили по многое время и держали за крепкими караулы скованных. А ныне де на Самаре яицких казаков 90 человек да донских 10 человек да новоприборных казаков с 300 человек, а атаманом у них донской казак Леско. И всякое бунтовство от них, воров, да от самаренина Игошки Говорухина. А на Самаре де самарских жителей всяких чинов людей с 700 человек, а пороку нет и хлебных запасов мало <...>

Крестьянская война под предводительством Степана Разина
/ Сб. документов. М., 1957. Т. 2. Ч. 1. № 412. С. 533-536.

*2 июля 1671 г. — Отписка синбирского воеводы П. Шереметева
в приказ Казанского дворца о принесении повинной жителями Самары*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу... холопи твои Петрушка Шереметев с товарищми: челом бьют.

В нынешнем во 179-ом году июня в 27 день посылали мы, холопи твои, на Самару синбирского иноземца Исаю Дубровского к самарским и Самарского уезду к жителям и к воровским казакам, которые остановились на Самаре, с памятью, чтоб они, самарские и Самарского уезду и верховых городов всяких чинов жители, которые пристали к воровству, припомня бога нашего страх в сердцах своих и памегуя к себе твое великого государя крестное целование и милость, тебе, великому государю, в винах своих добили челом. И июля, государь, в 2 день тот иноземец Исай Дубровской пришел в Синбирск и подал нам, холопом твоим, от самарских жителей письмо, а сказал, что де самарские всяких чинов жители тебе, великому государю, в винах своих добивают челом, а для челобитья, выбрав 10-ти человек, послали в Синбирск, а идут к Синбирску о Надеинском усолье. И то письмо к тебе, великому государю, мы, холопи твои, послали под сею отпискою. И для приему тех самарских жителей послали мы, холопи твои, голову с согнею, казанца Ивана Змеева. А как тех самарских жителей примет и в Синбирск привезет, и о том к тебе, великому государю, мы, холопи твои, писати будем и их пришлем.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина
/ Сб. документов. М., 1962. Т. 3. С. 118-119.

*1703 г. — Самарское Поволжье в описании голландского
путешественника Корнилия де Бруина*

<...> В два часа по полудни прибыли мы к городу Самаре (Samara), лежащему на левой стороне, вдоль реки, на восток, на склоне и вершине горы, невысокой и безлесной, заканчивающейся, вместе с городом, на берегу, как это можно видеть на изображении ч. 27, а не так, как описывают город другие, помещая его в 2-х верстах от берега. В конце города виднеется река С а м а р а (Samar), от которой город берет свое имя. Говорят, что река эта впадает в Волгу в 5, или 6-ти, верстах отсюда. Этот город довольно обширен, весь деревянный и домышки в нем плохие. Сте-

ны, снабженные башнями, тоже деревянные и со стороны суши довольно велики. Город занимает почти всю гору, а предместье тянется вдоль речного берега. Считают, что от Казани Самара отстоит в 350 верстах. Когда плывешь мимо города, видишь городския ворота, множество небольших церквей и несколько монастырей <...>

Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. М., 1873. С. 173.

*20 июня 1722 г. — Сообщение о Самарском крае
в мемуарах шотландца Питера Брюса*

<...> 20 июня мы прибыли в Самару, расположенную на левом берегу реки. Сей город принадлежит к королевству Булгар (“Kingdom of Bulgar”); река Самара от которой взято название (города) впадает в Волгу и (расположена на расстоянии) свыше трехсот верст от Казани. Форма Самары — квадрат (“square”), и укрепления и здания все деревянные, исключая церкви и монастыри. Гарнизон состоит из некоторого количества регулярных войск и казаков под управлением губернатора (“governor”) <...>

Bruce P.H. Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer in the services of Prussia, Russia, and Great Britain: Containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartaru, Turkey, the West-Indies... London, 782. P.237.

*1720-е гг. — И.К. Кирилов о городах Самарского края,
входивших в состав Астраханской губернии*

<...> Город Самара, земляной, на Волге реке на луговой стороне, от Сызрана ... верст. В том городе магистрат, в котором бургомистр 1, ратманов 2. Канцелярия их и приказные служители особые. Крепостная контора, в ней надсмотрщик 1, писец 1. Купечества в том городе по нынешней переписи 181 человек. В том же городе монастырь 1, церквей 3 <...>

*Дополнительные сведения о Самаре из Волковской редакции
рукописи И.К. Кирилова*

<...> Город Самара. На берегу Волги и Самары рек. У Волги влеме, у Самары вправо на самых вилах, где впадает в Волгу Самара, с восточную сторону имеет вал земной и была деревянная городьба, коя почти уже разсыпалась. Церковь Николая чудотворца каменная, соборная и одна приходская и два монастыря, мужеской и женской; канцелярия и воевоцкой дом деревянные. Воевода, с приписью подъячей и прочие канцелярские служители. Ныне в том городе оренбургского командира дом и прочаго строения канцелярия, сарай, служительские казенные дома, школы немалым числом построены, Оной город разстоянием по порядошной мере от Казани к полудню 359 верс вниз по реки Волги к Астрахани.

Ратуша с ея служители. Таможня пошлинная на откупе. Двор рыбной, на котором у приезжих из Яицкого городка с рыбою выделяют в казну рыбюю десятую долю, и тут ту долю продают, которая ценою всегда бывает около 23 или 24 коп. пуд, и тое десятой доли иногда случается в продаже до осми тысяч руб. в год. Она только с Яика привозится зимою в декабре, генваре и феврале месяцах <...>

Кирилов И.К. Цветущее состояние
Всероссийского государства. М., 1977. С. 233.

1728 г. — Самара по описанию симбирского провинциального воеводы
Симбирской провинции города по ведомостям
из оных городов от воевод
Город Самара

Сколь давно и от какого случая построен подлинного о том известия взять не ис чего, понеже в прошлых годах приказы (приказная изба — Сост.) с имеющимися в них всякими грамоты и указы згорели.

А напред оной город был построен кремль деревянной, рубленой. Около жилья обнесено полисадом. Звание оному предложено по реке Самаре руским деалектом. И в прошлых годах кремль и посалисад згорели без остатку. И в прошлом 1706-м году бывшей в Казане камисар Александр Сергеев, вместо рубленого города от жилья к степи учинил земляной замок, а от того замка круг всего жилья вместо полисада забрал в столбы забором и учинил рогатки.

И ныне тот замок весь осыпался; а забор и рагатки погнили и от приходу воинских людей каракалпак и киргиз-казаков и протчих босурманских приходов к осадному времени весьма негодитца.

Под вышепоказанным городам место равное, песошное и сухое и весьма степное.

Близь того города, ростоянием в версте имеетца лес небольшой, верст на две.

В нем древа — дуб, кленник, березник, орешник и небольшие яблони. Изю птиц — орлы, ястребы, соловьи, щеглята, скворцы, тетеревы.

Вверх по реке Самаре и по другим рекам, которые в Самару реку текут, в Бузулуке, по реке Криуше изю птиц — лебеди, журавли, гуси и всяких разных родов утей ж, чапуры, судаки, аисты и дикие бабы (по словарю В. Даля “баба” птица — пеликан или кликуша — Сост.).

Из зверей — медведи, волки, кабаны, лоси, лисицы и куницы, выдры, зайцы, бобры и дикие козы.

Город Самара построен при реках Волге и Самаре.

В Волге в улове рыба бывает — белуги, осетры, шевриги, шип, лососи, белые рыбицы, стерлять, сомы, шуки, судаки, лещи, налимы.

А в Самаре из выпеписанных же родов — стерляди, шуки, судаки, лещи, караси, лини, сомы, сазаны, жерихи, язи.

При том же городе к пашне и к севу хлеба имеетца места весьма удобные пространные и раместные.

Точию никаково хлеба в севе не происходит за частыми набегу неприятельских людей каракалпак и протчего босурманского народа.

А с огородных овощей родитца — дыни, арбузы, огурцы, тыквы, ретька, морковь, свекла и капуста.

А в полевых местах овощи бывают лесные — яблоки, малина, клубника, смородина и вишен немало.

К тому ж ис полевых трав и цветов различных много бывает, точию поразнь по званием описать не можно.

В городе Самаре народы живут русские греческого исповедания, а имянно духовного чина, из мирских — городовые дворяня, иноземцы, что напред сего бывали кормовые.

Тако ж салдаты, конные казаки имеющиеся в службе о городе.

А из тяглых — посацкие, приписные к посаду, цехи и положенные в подушной оклад беспасхотные бобыли.

А в уезде обретаются народов: во шти жительствох — помещики и крестьяны, в пяти жительствох — дворцовые крестьяня, в трех селах — ясачные русские, да в одиннатцети деревнях ясачные мордва и чуваша. В том же уезде по родом бывает хлеб — рожь, овес, пшеница, проса и протчей хлеб. Точию за умалением пашенных земель не весьма всякого со удовольствием бывает.

Оной город Самара каким случай построен и во знак оной прежние гербы были ли, о том справитца не с чем <...>

Российский государственный исторический архив (далее РГИА).

Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377.

*1737 г. сентября 11. Определение начальника Оренбургской экспедиции
В.Н. Татищева о строительстве в Самаре зданий для аптеки
и госпиталя, об обеспечении аптеки всем необходимым
и порядке ее деятельности*

1737 года сентября 11-го дня по указу ея императорского величества тайный советник Татищев по поданным доношениям от лекаря и аптекаря и по разорению доктора определил: 1) здесь сделать для хранения лекарств и житья аптекарю, також лабораторию погреб и что к тому нужно в удобном месте, а при том чтоб был для сеяния нужных трав и кореньев огород, которому и назначен отарой государев арбузной огород, понеже отсель ныне арбузов во дворец не отпускается и оной лежит празден, и для того смотреть, чтоб оное строение при том огороде построить добрым порядком, а прежде из обретающихся здесь геодезистов по разсуждению доктора и аптекаря сделать чертеж и объявить; 2) леса на оное строение употребить ис покупных в верховье и старатца, чтоб нынешнюю осенью что-нибудь построить, а чтоб за жданьем лесов времени не упустить для того из обретающихся в Алексеевску казенных до комиссий принадлежащих изб, кои лутче выберутца и стоят на прежних местах, из тех десять с имеющимися ныне тамо плотниками, ком из казаков из сылочных, на судах сюда немедленно спроводить; 3) понеже здесь ныне больных весьма умножилось, а особливо салдат, драгун, ремесленных и работных людей, которых доктору и лекарю по разным дворем осматривать неудобно, а хотя которым и лекарства дают и о содержании приказывают, но оные от неразумия или непорядочно лекарство принимают или, приняв, себя не по надлежащему содержат, и от того не токмо лекрствы напрасно пропадают, но и люди себя паче губят, нежели лечат, того ради построить гошпиталь особо две избы с сеньми и при том поварню, определя к тому число людей как к надзиранию, так и к содержанию способных, и во оном содержать больных по правилам и определению, данному от доктора, а доколе оное построится, то взять хотя обывательской дом или два и тут всех больных свести; 4) по объявлению аптекаря до сего времени многие лекарства из аптеки отпусканы якобы по приказу штатского советника Кирилова не токмо афицерам и салдатам и нижним чинам, которым только по указу надлежит, но приказным служителям, секретарям и по-

дьячим, також афицерским и всяких чинов женам, детям и служителям безденежно; того ради впредь кроме одних афицеров, салдат, артиллерийских и морских ремесленников и работников лекарства безденежно не отпускать, а ссыльных лечить в гошпитали казенными лекарствами безденежно, за жен же, детей и служителей должны все платить по учиненной таксе бес прибавки, с них же и за труд доктору и лекарям должны платить по достоинству, тож чинить и посторонним, которые не в моей комиссии тем отпускать лекарства за деньги, а сколько по поныне каких медикаментов из вышеписанных чинов, кому оные отпускать по указу не подлежало, на сколькую цену из аптеки и когда отпущено, а денег не взято, показать аптекарю ведомостью; 5) для приходу таких денег дать аптекарю особливую за шнуром и печатью книгу и вносить ему те деньги каждодневно, а когда что в аптеку понадобится купить, то он должен объявлять доктору на письме, на котором он подпишет что купить, и по тому ево аптекарю в особливо данную книгу правильно, что за что за какую вещь дано будет, вписать; 6) доктору смотреть того накрепко, чтоб никому никаких вещей из аптеки, кроме надлежащих к болезнем лекарств, безденежно отпуску не было, а которые за деньги отпускаца, чтоб деньги конечно в приходную книгу внесены были, також чтоб вещей излишних в аптеку непотребных покупано и паче настоящей цены плачено не было; 7) что ныне в аптеку из Москвы лекарств и инструментов или посуды выписать надобно, о том, разсмотря обстоятельно сколько чего потребно к обретающимся наличным, подать ведомость немедленно, дабы как здесь, так и в крепостях, а паче б к походу в нужных лекарствах недостатку не было, а понеже аптекарю одному управица невозможно, и учеников, как вижу, надежного к научению не имеет, а наипаче в поход с лекарствами отправить будет некого, латинская же здесь школа весьма надежды не показывает, того ради латинского учителя со учиненным жалованьем определить в ученики к аптекарю; 8) господину аптекарю старатца ныне здесь для аптеки искать трав, коренья, семян, годных в лекарство, где какие сыскатца могут, и тем наипаче ученикам к знанию трав подать способ. Ныне же в осень сколько возможно посеять каких семян к предбудущему году, на оные отдать ему огород, доколе аптекарской огорожен будет, а для той работы давать ссыльных, сколько потребное 9) понеже на так многия строения, а имянно на дом командирской канцелярии, хлебные запасы и разныя товары и припасы, аптеку, богадельню или гошпиталь, каторжной дом, лесов здесь вскоре достать невозможно, того ради, учения смету, определенному к строениям Кайсарову, сколько какой меры бревен, досок на полы и мосты, тесу кровельного, лубья и протчее надобное подать ведомость немедленно, с которой в Сарапул и в другие по Каме места послать Оренбургского полку поручика Насонова, дав рублей сто на задатки, и велеть тамо подрядить надежных людей без передачи.

У подлинного пишет тако

В. Татищев

С подлинным читал канцелярист

Иван Сидоров.

РГАДА. Ф.248. Д.317. Л.451-452 об.

*18 июня 1768 г. — Выступление в Уложенной комиссии
самарского купца Д.Ф. Рукавкина о взаимоотношениях
с калмыками и службе казаков*

В Комиссию о сочинении проекта Нового уложения примечание.

При чтении законов о ворах и разбойниках сего июня 13-го дня пришло мне на мысль, почтенное собрание:

1. Между Волги и Яику реками имеется степь, по которой кочуют волжские некрещенные калмыки от Астрахани вверх по Волге до города Самары и выше вверх по Самаре реке; оные имеют кочевье не только по той степи, но и в волжских займищах с довольною при себе всякою скотиною, в тех займищах сенные покосы толочат и вытравливают почти без остатку, от чего градские обыватели, а паче крестьянство, при Волге лежащие разных жительств, имеют в постановлении сена временно не малый недостаток, в чем претерпевают крайнюю нужду.

Оные калмыки не только тем обижают, но и сверх того, в сенокосную пору чинят большие озорничества, уводят в степь мужеск, а паче женск пол, и наругаются всячески, потом, обобрав платье, отпускают обратно; також де по речкам на рыбных ловлях грабят всякую снасть, отымают лошадей, платье и прочую сбрую. При откочевании же на низ, в осеннее время, из табунов и находящихся на луговой стороне с хуторов ночным временем угоняют большими косяками лошадей и рогатый скот, а потом и степи за собою зажигают и тем оные воровством своим скрывают шляхи. Самарских же градских жителей, паче уездных крестьян приводят в большое разорение. Оные же калмыки проезжающим через ту степь с хлебными припасами и всякими товарами до городка Яику и по Оренбургской дороге насильством своим чинят большие грабежи.

Для защищения от таковых воров в городе Самаре, за переводением в 745 году рудометательное во Оренбурге поселение дворянской роты и казаков, из тех же для защищения хотя оставлено сто человек маломощных казаков, которых ныне состоит не более семидесяти человек кои до перевода во Оренбурге получали жалованье — ныне же оные оставшие находятся без всякаго жалованья на своем коште, от чего пришли в неисправу.

2. Оный-де город Самара, с 745 года по 765 год по воле божьей троекратно выгорал, а паче в 765 году почти без остатку выгорел, от чего те казаки пришли наипаче в крайнюю бедность; хотя ж некоторую службу производят, и то в большой изнеможениях и всегда находятся в неоплатных долгах, чрез то те калмыки ныне и паче в воровстве усиливаются. Кроме оных казаков есть в г. Самаре из пехотных батальонов рота; к оному защищению от тех калмыков нимало не способна, кроме того что только от них градским жителям от постоя притеснение.

Того ради ... представляю, чтоб от таковых калмыцких набегов, грабежей и прочих ...обид городу Самаре, уездным жителям и проезжающим людям чрез степные места, впредь к безопасному защищению, по рас-

смотрению, предписать законом, дабы вышепоказанные казаки имели ...защитение, коим надлежит определить, по-прежнему, жалованье и за присмотром оных, уповаю: градские и уездные жители тех мест и прочие от того почувствуют себя в безопасности.

Города Самары депутат Данила Рукавкин.

Сборник Русского исторического общества.

Т. 32. СПб., 1881. С.557-558.

*2 декабря 1773 г. — Манифест «императора Петра III»
(Е.И. Пугачева), объявленный во всенародное известие и
обнародованный повстанцами в г. Самаре и других поселениях края,
о занятии им престола и провозглашении «всякой вольности»*

Божиею милостию мы, Петр Третий, император и самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется во всенародное известие.

Небезызвестно есть каждому верноподданному рабу, каким образом мы не от доброжелателей и завистцов общего покоя всероссийского и по всем правам принадлежащего престола лишены были. А ныне всемогущий господь неизреченными своими праведными судьбами, а молением и усерднейшим желанием наших верноподданных рабов скипетру нашему покоряет, а завистцов общему покою и благодатию под ноги наши повергает. Только ныне некоторые, ослепясь неведением или помрачены от зависти злобою, не приходят в чувство и высокой власти нашей чинят противление и непокорение и тщатся процветшаяся имя наша таким же образом, как и прежде, угасить и наших верноподданных рабов, истинных сынов отечеству, аки младенцев, осиротить. Однако мы, по природному нашему к верноподданным отеческому неизреченному великодушию, буде кто и ныне, возникнув из мрака неведения и пришед в чувство, власти нашей усердно покоритесь и во всеподданнических должностях быть повинитесь, всемилостивейше прощаем. Сверх того, всякою вольностию отеческой вас жалуем.

А буде же кто и за сим в таком же ожесточении и суровости останется и данной нам от создателя высокой власти не покоритесь, то уже неминуемо навлечете на себя праведный наш и неизбежный гнев. Чего ради от нас для надлежащего исполнения и всенародного истинного познания сим и публикуется.

Декабря 2 дня 1773 года.

РГАДА. Ф.6. Д.467. 4.1. Л.279 и об.

*Конец XVIII — начало XIX в. — Экономическое камеральное
примечание Симбирской губернии Самарского уезда...*

Оной город [Самара] находится под 67-м градусом 34^{3/4} минут долго-ты и под 53-м градусом 10-ю минутою северной широты, расстоянием от столичных городов Москвы в 954 1/2-й, а от Санкт Петербурга 1681-й, от губернского города Симбирска в 203-х верстах.

Положение свое имеет: с западной стороны реки Волги на левой и Самарской перебоины¹ на правой, с полуденной реки Самары на правой же, с северной же восточной и восточной сторон зделанного земляного вала, а со внешней стороны вырытого рва. Выстроен большую частью по высочайше конфирмованному плану, а мало существует и в прежнем своем виде, и составляет собою неправильную четвероугольную продолговатую фигуру и заключает в себе² старинную земляную крепость.

Герб онаго города представляет дикую козу, стоящую на траве в голубом поле, но когда и кем оной пожалован сведения не имеется, но подтвержден с прочими Симбирской губернии гербами по докладу Правительствующаго Сената в 1780-м году декабря 22-го дня вечно достойной памяти великою императрицею Екатериной II-ю. В котором же году и кем город сей построен за бывшими в 1700 и 1765 годах пожарами точного сведения хоть и не отыскано, а по словесным преданиям извесно, что построен оной на пограничном месте для прикрытия российских границ от набегов волских калмык, башкирцев и нагайских татар и для приведения в безопасность от Казани до Астрахани водяной коммуникации рекою Волгою, так и для уральской комерческой дороги от разбойнических шаек прежними государями. Вскоре по взятии Астрахани нужно было построить ево, что доказывается и самим его местоположением, ибо находясь посреди самой луки называемой Самарской, которая соединяется с Волгою.

О сем же городе г- н Рычков в оренбургской топографии II-ой части на странице 105-й³ пишет, что у старожилов сего города слух носился будто Самара построена гораздо прежде Симбирска, вскоре после казанского взятия, но первого или последнего неизяснено, и что святой Алексей митрополит московский во время святительства своего около 6863-го⁴ года, имея путь по Волге в Золотую Орду к царю Вердевию⁵ для испрошения России миру, нашел при самарском устье густой лес и в нем пустытника, которым реке Самаре дано звание и подтверждено Святителем, — и в той же части на странице 104-й пишет, что за Самарою рекою на левой стороне летнюю порою кочевали калмыки немалым людомством, а по другой стороне вверх оной же реки бывали башкирские дачи от города Самары не весма далеко и по легкомыслию обоих оных народов случались на сей город частыя воровские набеги, для чего над рекою Самарою на горе сделана земляная крепость насыпанная валом, а со внешней стороны нарочитой глубины рвом и которая ныне едва видима.

Думать надобно, что город Самара построен при владении царя Бориса Феодоровича Годунова, которой отвратил набеги царя Крымского в Нагаях⁶ усилившегося и чрез то Астрахани опасным учинившагося или по

¹ Рукав реки Самары у ее устья.

² Словосочетание в себе в тексте повторяется дважды. — Э. Д.

³ Речь идет о книге П.И. Рычкова «Оренбургская топография» (СПб., 1762).

⁴ 1354/55 г. по современному летоисчислению.

⁵ Речь, видимо, идет о хане Золотой Орды Бердибеке.

⁶ Речь идет о Большой Ногайской Орде, государстве существовавшем во второй половине XVI в.

ослаблены России от внутренних и внешних беспокойств, происходивших по смерти Бориса Феодоровича Годунова царем Михаилом Феодоровичем Романовым по заключении с Персиею в 1635-м году купеческого трактата для приведения комерции в безопасность и начато было укрепление границ от степей крымских и нагайских татар, а в 1670-м году разбойник Стенька Разин, пришед из Саратова к Самаре и обольстив жителей оногo, взял город в котором разграбив государеву казну, а воеводу Ивана Алфимова и самарцов, которые к ево воровскому промыслу не пристали предал смерти.

Напоследок же утверждается тем, что при Соборной церкви имеется колокол с надписью таковою: «Лета 7151-го⁷ года августа в 26 день по государеву цареву и великаго князя Михаила Феодоровича всея России указу сей вестовой колокол послан с Москвы на Самару, а весу в нем 14 пуд 25 гривенок».

Город сей с бывшею в нем воеводскою канцеляриею в 1764-м году ноября 16 дня указом Правительствующего Сената по случаю состоявшихся в сем присудственным местам штатов уничтожен и приписан со всем его уездом Симбирской же губернии к городу Сызрану и о том имянным указом в 15-ой день сентября 1780 года Сенату данным велено паки к городу сему приписать уезд и зделать в нем уездное правительство, во исполнение чего 13 числа генваря 1781 года на основании высочайшаго о губерниях учреждения открыты в нем все присудственные места.

Сей город всем пространством своим расположен на низком ровном месте, а от реки Волги и Самары на возвышенных местах, от Самарской же перебоины в вешнее разлитие хотя малою частию и понимает⁸, но городу вреда никакого не причиняет и имеет воздух всегда чистый благодразтворенный и для жителей весьма здоровый.

Внутри онаго в крепости,

казенного строения каменного два дома:

1-ой о дву этажах, обнесенной с трех сторон каменною оградою; в коем помещении в верхнем этаже присудственные места, как то уездный суд, дворянская опека, нижней земский суд и городническое правление, а в нижнем уездное казначейство и кладовыя для денежной казны, архив и жителство имеет городничей;

2-ой об одном этаже, в коем помещают кардегардия для караула и тюрьма для преступников;

деревянного:

1-ый цейхауз⁹ военно инвалидной команды ветхой,

2-й провиантской магазин,

3-й подвал винной в земле.

Вне крепости церковей благочестивых каменных: 1-я соборная во имя Казанския Пресвятыя Богородицы с приделом теплым во имя свягата

⁷ 1648 г. по современному летоисчислению.

⁸ То есть заливаает.

⁹ Цейхгауз.

Николая Чудотворца с деревянною оградою. Построена в 1744-м году города Самары жителями.; 2-я приходская во имя Преображения Господня с приделом теплым во имя Благовещения Пресвятыя Богородицы с деревянною в круге оградою. Построена в 1785-м году иждивением прихожан;

деревянных приходских

1-я во имя Вознесения Господня,

2-я во имя Успения Пресвятыя Богородицы. Выстроены иждивением прихожан: 1-я в 1765-м, а 2-я в 1768-м годах и обе оныя церкви во время бывшего в 1807 году пожара згорели, но вновь еще не выстроены.

Казенного строения каменный выход в земле, где хранилась прежде денежная казна, ныне впусе;

дом, где помещались прежде присудственные места;

дом, где помещалось городническое правление, ныне оба впусе.

Бывшей артиллерийский цейхауз, где хранятся и ныне орудия, ветхой.

Питейный дом.

Пять будок¹⁰ для содержания городского караула, пять.

Городоваго общественного строения деревянного: дом, в коем помещены городской магистрат, сиротский¹¹ суд и дума.

При церквах богаделен четыре, построенныя из церковных доходов для неимущих в коих число душ неопределительно и питаются от добротных подаванием.

Обывательского строения деревянного:

домов всех вообще построенных по плану и в старом виде семьсот семь,

лавок торговых девять,

а о месных¹², рыбных, калашных, хлебных, о анбарах над рекою Самарою для ссыпья разного хлеба, и о кузницах — сведения не имеется.

Две торговые площади и именуются оныя: 1-я верхним, а 2-я нижним рынками, на коих производятся торги толко по воскресным дням, привозимым из окрестных селений крестьянами разным хлебом и всякими жизненными припасами. И из них на нижнем во одно только летнее время, а на верхнем во все годовое. На реке же Волге и Самаре имеются перевозы на дощениках и косных лотках¹³: на Волге — во все летнее время, а на Самаре только в весеннее время. По слитии те воды, на оной бывает плавучий мост и все оныя отдаются от градской думы разным людям и за разные цены из оброка; при реке же Волге имеется и судовая пристань во все летнее время.

Купечество онаго города производит торги:

- малою частию шелковыми товарами, сукнами, холстом, чаем, кофею, сахаром, виноградными винами, но более мелочными товарами, покупая оныя на ярмонках Макарьевской и Карсунской,

¹⁰ Будок.

¹¹ Сиротский.

¹² Мясных.

¹³ Легкая лодка.

- большую частью разным хлебом, закупая оный во оном городе и в окресных селениях, которой отправляют для продажи на расшивах¹⁴ по реке Волге вниз до Саратова и Астрахани, а вверх — до Казани и Нижнева.

Большую частью как купцы, так и мещане сверх мастерств своих занимаются скотоводством и в сажении на дачах, им принадлежащих, арбузов, дынь, перцу, луку, огурцов, которые продают как во оном городе, так и отвозят по Волге на расшивах и косных лотках в верхлежащая около оных разныя селения и города. Некоторые же занимаются хлебопашеством, в рыбной ловле и в извозах.

Женщины ж упражняются в домашних рукоделиях — прядут¹⁵ лен, посконь и шерсть, ткнут холсты, пестряди и сукна и вяжут разныя чулки и варешки для своего домашнего обихода, а частью и на продажу.

Заводов и фабрик никаких не имеется, но жители довольствуются как жизненными припасами от привозимых из близлежащих селений крестьянами, равно глиняною, стеклянною и деревянною посудю, закупая оные от плывущих рекою Волгою из верховых городов на расшивах и лодках промышленников, солью же довольствуются казенною.

Жители сего города водою довольствуются из рек Самары, Самарской перебоины и Волги, которая для употребления людям и скоту здорова.

Протекающия реки против сего города — Волга, Самара и Самарская перебоина в летнее жаркое время в самых мелких местах бывают: Волга — глубиною от дву до трех сажен, шириною от одной до дву верст, по коей бывает во все летнее время судовой ход, как то: из Казанского адмиралтейства до Астраханского порта фрегатами, а из верховых городов и разных селений в немалом количестве на больших судах, именуемых кладными гребными разшивами и косными лодками, с разным хлебом, льном, дехтем¹⁶, с разною каменною, стеклянною и деревянною посудю, пильным разного сорта лесом, а также и гонка плотами разного леса до низовых городов и Астраханского порта. А оттоль и из городов же разных и селений вверх на таковых же судах, с солью, рыбою, икрою, арбузами, дынями, виноградом, грецкими и кокосовыми орехами же шепталой¹⁷, сорочинским пшеном, разными виноградными винами, шелковыми и бумажными азиатскими товарами до верховых городов.

Самара — глубиною в аршин, шириною шездесят сажен, по коей судового хода и гонки леса не бывает, кроме того, что жителями сего города в своих дачах около сей речки выламывают известковый камень и выделывают из него известь, но и то в малом количестве, которая и доставляется на продажу оною рекою на мелких лодках как всем городом равно и из оной выходит в Волгу, а онаю вверх и вниз в разных селениях и города.

Самарская перебоина глубиною в четверть аршина, шириною в тридцать сажен. В ней ловится рыба: в Волге красная — осетры, белуга, севрю-

¹⁴ Большое плоскодонное судно на Волге.

¹⁵ Прядут.

¹⁶ Деготь.

¹⁷ Сушеные персики, привозимые из Азии.

га, белая рыбаца, стерледи, сомы, шип, а частию и лососи; белая – судаки и лещи, подлещики, шуки, окуни, плотва, лини, головли, язи, караси, чехонь, ерши, пискари, веселая¹⁸ и раки, а в Самаре красная ж – стерлядь и сомы, белая ж как во оный равно и в Самарской перебоине тех же родов, как и в реке Волге.

Вышеписанные реки замерзают – Волга, болшою частию около половины декабря, а вскрывается в начале апреля, а Самара и Самарская перебоина замерзают в исходе ноября, а вскрываются в исходе марта месяца.

Грунт земли в сем городе частию песчаный, но более черноземный и без удабривания огородные овощи, как то капусту, свеклу, марковь, картофель, тыкву, лук и перец производит изобильно, но плодovitых садов находится в нем малое количество, с коих собираемые плоды и огородные овощи употребляются для своего домашняго обиходу, а частию и на продажу <...>.

РГАДА. Ф. 1355. Д. 1422. Л.1-10об.

*Начало 1850-х гг. – Из “Военно-статистического обозрения
Российской империи” описание городов Самарского края*

Описание городов и замечательных мест в [Самарской] губернии

Губернский город *Самара* находится под 53° 13' 28' северной широты и 67° 46' 14" восточной долготы. В разстоянии от С. Петербурга на 1 635, от Москвы на 957, от Симбирска на 208 и от Оренбурга на 426 верст. Город расположен по склону леваго берега Волги, при устье р. Самары. 13 продольных улиц имеют направление почти параллельное течению Волги от севера к югу и 14 поперечных – к р. Самаре, от северо-востока к юго-западу. Набережная Волги низменная и песчаная покрывается с апреля и до половины июня разливом вешней воды, а в остальное время завалена лесом и дровами. Нагорный берег Самары, составляющий южную грань города, высок, крутояр и глинист. Кварталов в городе 102; под городом занято земли 588 дес. 1605 саж., длина города от севера к югу 1742 саж., ширина до 800 саж. По вновь составленному плану г. Самары предполагается занять постройками присутственных мест, общественных и обывательских домов еще до 388 дес. 795 саж.; тогда прибавится 49 кварталов.

За р. Самарою, на луговой ея стороне расположено предместье города, состоящее из нескольких кривых улиц; в вешнее половодье это предместье почти все покрывается водой, и тогда учреждается перевоз в досчаниках и лодках; с убылью же воды, около половины июня, при самом устье р. Самары наводятся живой мост. В южной части означеннаго предместья выстроено 6 салотопенных, кожевенный и поташный заводы. Предместье это предполагается уничтожить, а занимаемое им место предоставить для устройства заводов и фабрик.

¹⁸ Трудно читаемое слово. Видимо, веселая рыба, бешенка, как в старину называли волжскую сельдь.

В северо-восточной части города существуют остатки вала некогда бывшей тут крепости; ныне они представляют неправильный четверо-угольник без бастионов; площадь этой крепости заключала 8 821 квад. саж.

Герб города Самары представляет: белую дикую козу, стоящую на траве, на голубом поле; щит герба увенчан золотой Императорскою короною.

Площади (три) и улицы в городе не мощены. Особо устроенного господина двора нет, а имеются временные лавки, выстроенные в центре и в разных других местах и на площадях города. При устье р. Самары, на нагорном ее берегу и внизу, у рр. Волги и Самары, построены деревянные и частью каменные хлебные амбары, из которых весной обыкновенно нагружаются суда, подходящая к ним сколько возможно ближе и как позволит высота вешней воды.

Постоянное народонаселение города Самары постепенно увеличивается не только с избытком числа родившихся над числом умерших, но и припискою к городскому обществу купцов и мещан из других мест и городов.

Местоположение Самары живописное, но этот город страшно пострадал от сильных пожаров 1850 и 1854 годов, из которых, в первом истреблено было 572 дома, а во время последнего сгорело: каменных домов 55, полукаменных 15, деревянных 80, за р. Самарою: 3 деревянных и 4 салотопенных завода.

Ширина р. Волги против г. Самары от 480 до 1050 саж., глубина от 2 до 3 саж., р. Самара имеет ширины, летом в сажень, вблизи своего устья от 50 до 65 саж., глубины от 1 1/2 до 4 футов. Самарская же перебойна или залив имеет глубины 1 фут, а ширины 13 сажень.

Народу стекается обычно на Сборную и Воздвиженскую ярмарки около 30 000 об. пола душ, а на Казанскую до 20 000 д. об. пола. Сверх того в г. Самару приходит в марте, апреле и мае до 15 000 бурлаков и разных рабочих; да в июне, июле и августе проходят через город партиями до 13 000 об. пола душ для страдовых работ, а при всеобщем в здешнем крае урожае сбывается здесь народу из других губерний более 20 000 чел. обоего пола.

На собственное продовольствие жителей г. Самары употреблено в течение 1850 года:

Быков и коров.....	5 100 штук
Баранов и овец.....	50 400 -
Телят.....	594 -
Свиней.....	2 715 -

Всего же из этого продано 99 864 пудов, так что на каждого постоянно-жителя приходится слишком по 5 пуд в год. Кроме того в г. Самару было пригнано и убито в том же 1850 г. до 70 000 русских и ордынских баранов, которых мясо заводчики здешних салотопенных заводов солят во время осени и хранят до весны, когда приходят бурлаки и рабочие на пашни; им-то продается почти все это количество.

Рыбы свежей в год употребляется жителями также значительное количество; из 25 000 пудов привезенной в 1850 г. красной рыбы зимой из

Астрахани и Саратова, только восьмая часть отправлена в разныя места Самарскаго и Ставропольскаго уез., все остальное было распродано городским жителям Самары. Сверх того, большая часть жителей в каждую пятницу и субботу и в учрежденные постные дни едят свежую стерлядь, судаков, лещей и проч., простой же народ более ест сушеную рыбу.

Вина, спирта и водки выпито в г. Самаре в 1850 году 25 269 ведер.

Муки привезено было и употреблено жителями: крупчатки 15 500 пудов, пшеничной 75 800, аржаной 40 900 п., на внешнюю продажу зернового хлеба: пшеничного 1 024 000 пуд., ржаного 19 000, овса 120 000, гороху 12 000, ячменя 28 000 пуд, пшеница обыкновенная 17 000, круп 12 000 пуд и льняного семя 16 000 пуд; из этого числа употреблено жителями г. Самары на собственное продовольствие: крупчатой муки 10 000, пшеничной 70 000, ржаной 3 000 пуд, круп 8 500, овса 31 000, ячменя 1 600, гороху 240, пшеница 9 000 пуд. Остальное продано на вывоз.

Городское хозяйство Самары

Годы	Расход	Доход
1849	18 419 р. 74 3/4 к.с.	18 311 р. 23 3/4 к.с.
1850	17 230 – 8 1/4 – –	14 541 – 46 1/2 – –
1851	19 343 – 95 1/4 – –	19 702 – 31 1/2 – –
1852	17 414 – 82 1/2 – –	20 150 – 26 – –
1853	19 287 – 2 – –	25 546 – 44 1/2 – –

В 1850 г. расходы превышали доходы, вероятно по случаю пожара, постигшаго Самару 13 июня того же года; некоторыя предположенныя статьи дохода упали, а издержки из остатков прежних лет потребовались чрезвычайныя.

Общий итог, предположенных городскою думою и утвержденных губернским начальством, *расходов* составляет 18 806 р. 29 1/2 к.; предметы расходов составляют: содержание мест и лиц городского управления; содержание: городских имуществ и наем от города помешений; наружное благоустройство города; издержки по военной части; содержание учебных, благотворительных и других общественных заведений; уплата долгов прежних лет; молочныя и непредвиденныя надобности; и наконец единовременные расходы на разныя устройства, как то: извозов с р. Волги, очистку площадей, временных каланчей и проч.

Доходы разделяются на два разряда: обыкновенные и чрезвычайныя; к первым относятся:

1) Городския имущества и оброчныя статьи с выгонных и других земель вне черты и в черте города, отводимых под заводы, сады, пчельники, огороды, кузницы, мельницы, сенные покосы, постройки домов, хлебопечарни, временныя и подвижныя лавки, складу леса, рыбная ловли в водах городских, каменоломни, городские весы и меры.

Из этих источников город извлекает доходу до 10 448 р. 68 коп.

- 2) Сбор с владельческих имений предположен до 2 816 р. 86 1/2 коп.
- 3) С промышленников 4 775 р. 63 к.
- 4) Налоги косвенные 1 452 р. 50 к.
- 5) С питейного откупа 91 р. 44 1/4 к.

Доходы чрезвычайные:

По раскладке, на второе приходское училище пособия 2 075 р. 1 к.

Общий итог доходов 21 639 р. 2 3/4 коп.

Из этой суммы должны в нынешнем 1854 году покрываться все расходы.

За тем в остатке будет 2 832 р. 73 1/4 коп.

Сверх сего город Самара имеет капиталы:

Неприкосновенного.....304 р. 28 1/2 к.

Запасного с процентами.....65 155 - 91 -

Оборотного.....1 502 - 40 -

Всего.....66 962 р. 60 к.

Недоимки на городе числятся 30120 р. 10 коп. Большая часть ея накопилась с обывательских имуществ и простирается до 22989 руб. 33? коп.

<...>В 1798 г. всей земли, с выгонною, в Самарской городской даче намежовано удобной 41 468 дес., 1 395 саж. Из них на городской выгон определено 8 709 дес., 1 504 саж., разным лицам 9 981 дес. 1 540 саж. и казакам Самарской станицы на 571 душу 17 130 дес., а остающиеся за тем 3 294 дес. 496 саж. тем же казакам на прибылыя души. Эти казацкия земли, за переводом всех казаков из Самары на Оренбургскую линию, поступили в государственныя имущества. В 1800 г. в г. Самаре считалось 4 церкви, домов было 640, лавок 9, жителей 1 280 д. м. п. К 1810 году дворов прибавилось 67, а жителей 648 д. м. н. В 1838 г. при снятии на план строений г. Самары считалось 68 кварталов, из них 13 мало застроенных. В 1840 г. было церковей каменных 3, деревян. 1, домов камен. 17, дерев. 1 251, лавок 120, заводов 16, жителей 6 544 м. п. Перед пожаром в 1847 г. было уже 62 кам. дома, 1 583 дер., хлебных амбаров кам. 10, дерев. 223, лав. кам. 6, дер. 431.

При общем увеличении города и лучшей обстройке его одни сады не распространяются, не заводятся вновь, даже мало поддерживаются прежние; из них всего 6 садов в городе; самый лучший называется Струковский; это сад общественный.

Главный предмет торговли здешняго купечества во первых хлеб, потом сало, частию продажа леса и щепетильных товаров. Главные торговцы и капиталисты круглый год скупают пшеницу, преимущественно белотурку, на базарах и, по предварительному сговору с помещиками и крестьянами - на самих местах. С ноября же, когда кончается главный умолот и устанавливается зимний путь, начинается непрерывный подвоз хлеба в город; тогда производится главная закупка онаго и ссыпка пшеницы в амбары. Слобода за р. Самарою ежедневно бывает наполнена приезжающими крестьянами из Бузулукскаго и предпочтительно из Николаевскаго уез., обозы же из Ставропольскаго, Самарскаго и Бугурусланскаго уез. останавливаются более в северной части города. Весной, при вскрытии

Волги,* а некоторые и ранее, нагружаются заподряженные суда, преимущественно подчалки и коноводные машины (а с 1851 года хозяева стали охотнее отдавать свои клада на баржи пароходов) и с открытием навигации отправляют пшеницу, сало, поташ и прочие грузы сначала в Рыбинск, потом, летом, более разнородную кладь - на Нижегородскую ярмарку, а осенью - в Казань. В 1850 г. отправлено было из Самары до 950 000 четв. пшеницы на 136 расшивах, 15 коноводных машинах с 34 их подчалками, 4 пароходах с 9 их баржами и на 1 конной паровой машине с 3 баржами. Кроме Самарских купцов, еще в значительнейшем размере занимаются здесь хлебною торговлею Московские, Ярославские, Казанские, Нижегородские и другие иногородные купцы. Весь оборот хлебной торговли в Самаре в 1850 году простирался на 4 226 705 р. сер. Летом, в межень, каждый день приходит к Самарской пристани по нескольку плотов с разными строевым и дровяным лесом; в 1850 году приплавлено было сойм и плотов на 65 000 р.с.

Многие из Самарских купцов и мещан сами занимаются хлебопашеством, снимая для этого от временнаго управления казенными землями в Самарской удельной конторе участки, на которых, посредством наемных рабочих, сеют преимущественно пшеницу арнаутку и белотурку; иные занимаются пчеловодством более по охоте, чем из выгод, разводя пчел в лесных колках, находящихся в городских дачах, которыя называются здесь пчельниками. Значительное число мещан выручает деньги выкаткою на берег с плотов леса, а также пилкою и обтескою онаго.

Ремесленников в городе в 1850 г. считалось:

Серебряных и золотых дел мастеров и их рабочих.....	18 человек
Портных.....	69 -
Сапожников.....	33 -
Кузнецов.....	29 -
Столяров.....	58** -
Булочников.....	22 -
Хлебников.....	28 -

Итого.....257 человек. <...>

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V.

Ч. 3. Самарская губерния. СПб., 1853. С. 143—150, 152—153.

* В 1850 г. Волга вскрылась 20 апреля, а р. Самара 19 апреля; стали: первая 23-го, а последняя — 14 ноября.

**Несмотря на такое значительное число столяров, здесь дорого заказывать мебель и не скоро можно получить оную.

Адрес представителей Болгарского ополчения и болгар г. Пloeшти гласному Самарской городской думы П. В. Алабину и самарскому городскому голове Е. Т. Кожевникову с выражением благодарности болгарского народа в связи с вручением ополчению Самарского знамени

7 мая 1877 г.

Пloeшт

Милостивые государи Ефим Тимофеевич и Петр Владимирович!

Болгары, присутствовавшие 6 мая с. г. при передаче в 3-ю дружину Болгарского ополчения посвященного самарским обществом болгарскому народу знамени, считают своим долгом выразить через вас, милостивые государи, свою искреннюю признательность самарскому обществу за столь высокую честь и внимание его страждущему болгарскому народу. Принесенное вами святое знамя служит новым доказательством того живого участия, которое русский народ всегда принимал в судьбе несчастной Болгарии, ожидающей от русского народа своего освобождения, уже начатого волею августейшего всероссийского монарха Александра II, естественного покровителя и защитника угнетенных христиан на востоке.

Событие 6 мая в болгарском лагере в Пloeште, где его императорское высочество главнокомандующий Действующею армиею первый соизволил поднять и передать знаменосцу 3-й дружины это знамя, останется незабвенным в памяти и истории болгар.

Высоко ценим внимание самарского общества и покорнейше просим передать, что болгарский народ благоговеет перед этим дорогим подарком.

Примите уверение в искреннем нашем к вам почтении и душевной преданности.

Командир 1-й болгарской дружины гвар[дии] Подполк[овник] Кeсяков
Председатель Кишиневского болг[арского] общества И. Иванов
Секретарь болгарского общества П. В. Оджаков*

Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. II. М., 1964. С.66-67.

*Записка исполняющего обязанности Самарского губернатора
С.П. Белецкого чиновнику министерства путей сообщения
А. фон Вендриху о необходимости надзора за переселенцами,
 проезжающими через Самарскую губернию*

Апрель – май 1907 г.

Упорядочение условий железнодорожной перевозки переселенцев представляет существенно важное значение между прочим и для Самарской губернии, в виду самого положения последней на пути из Европейской России в Азиатскую. В пределах этой губернии Самаро-Златоустовская железная дорога имеет протяжение в 357 верст, считая от станции Обшаровка, на левом берегу Волги, до станции Абдулино, за которую начинается уже Уфимская губерния. В означенных пределах все многочисленное движение за Урал, а равно и обратное движение переселенцев прохо-

* В тексте документа еще 16 подписей.

дит по территории губернии, которая поэтому является близко заинтересованной в санитарном и всяком ином благополучии переселяющихся.

Но Самаро-Златоустовская железная дорога обслуживает только переселенцев в сибирские местности, между тем как существует еще другое движение в Тургайскую область, сопредельную с Оренбургской губернией. Это последнее движение, внушительное по своей численности уже теперь и продолжающее развиваться, обслуживается вновь отстроенной Ташкентской железной дорогой, которая начинается от станции Кинель тянется в пределах Самарской губернии на расстоянии 244 верст до станции Ново-Сергиевской, находящейся почти на границе Самарской и Оренбургской губерний. Нельзя упустить из виду и того обстоятельства, что по Ташкентской же дороге и следовательно через Самарскую губернию направляется также паломническое движение мусульман, едущих этим путем из Бухары и Средней Азии в Одессу для дальнейшего следования оттуда в Мекку.

Наконец в последние годы под очевидным воздействием ряда плохих урожаев, усилилось переселенческое и рабочее движение из приволжских местностей, именно из губерний Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской, а так как пароходное сообщение удобнее и дешевле железнодорожного, то переселяющиеся из названных губерний прибывают в Самару на пароходах и уже отсюда начинают собственно рельсовый путь в Сибирские или же степные области. Таким образом, Самара участвует в переселенческом движении уже не просто как транзитная станция, но и как отправительница, притом весьма крупная. Значение Самары разовьется еще более, как только будет открыто движение в обширный и богатый Туркестанский край, ныне пока закрытый для колонизации за неокончанием работ по заготовлению переселенческих участков.

Из изложенного усматривается, что по Самарской губернии пролегал два главных пути переселения, во-первых, сибирский, во-вторых, направляющихся в Тургайскую область, и что к этому последнему в будущем времени присоединится еще движение в Туркестанский край.

Такое участие Самарской губернии в маршруте переселенцев и особое значение Самары, обусловленное положением ее при скрещении великого рельсового и великого водного пути, казалось оправдывало бы устройство здесь соответственных приспособлений, тем более, что Сызранский переселенческий пункт обслуживает только железнодорожное движение и притом лишь из центральных и южных губерний, не касаясь вовсе обширного водного движения, направляющегося по реке Волге, непосредственно в Самару.

Нужно еще принять во внимание, что Самара является преемницей движения и из таких местностей, как Астраханская губерния и Бухара, где по условиям жаркого климата свили себе прочное гнездо некоторые заразные заболевания, как например холера и тиф.

Признавая поэтому неотложным изыскание мер к устранению или по крайней мере к ослаблению возможности заноса и распространения ка-

кой-либо эпидемии, а также в интересах должного порядка, я полагал бы со своей стороны необходимым:

1) Устройство в Самаре соответственно оборудованного помещения или барака для переселяющихся, а равно для пришлых рабочих на случай их вынужденной остановки в городе;

2) Организовать в Самаре снабжение переселяющихся, а равно пришлых рабочих, доброкачественной горячей пищей по дешевой цене, а в уважительных случаях отпускать таковую вовсе бесплатно;

3) Ускорить по возможности движение переселенческих поездов, сократив томительно долгие стоянки на мелких станциях, так как по имеющимся указаниям заболеваемость едущих пропорциональна их пребыванию в пути;

4) Установить наблюдение за паровой перевозкой по Волге так называемых «артельных» пассажиров и принять меры против неограниченного ныне скученного их размещения как на пароходах, так и на буксируемых ими баржах;

5) Организовать действенный санитарный надзор на станциях Самара, Абдулино и Ново-Сергиевская, как находящихся на станциях губернии, устроив при этих станциях небольшие больницы для изоляции и лечения заболевших;

6) Командировать в Самару специальное должностное лицо для наблюдения за переселенческим движением и для оказания переселенцам нужного содействия, снабдив означенное лицо денежным кредитом, для выдачи в затруднительных обстоятельствах пособий и ссуд, и предоставить ему вместе с тем некоторое количество бесплатных билетов на проезд по железным дорогам в направлениях обратного движения переселенцев. Означенное должностное лицо должно находиться постоянно в Самаре или в случаях выезда оставлять здесь своего заместителя. <...>

И. о. губернатора С.П. Белецкий

Центральный Государственный архив Самарской области (ЦГАСО).
Ф. 6. Оп. 1. Д. 113. Л. 80. Копия.

Научное издание

Кабытов Петр Серафимович,
Дубман Эдуард Лейбович,
Леонтьева Ольга Борисовна и др.

ИСТОРИЯ САМАРЫ (1586–1917 гг.)

Монография

Публикуется в авторской редакции

Художественный редактор *Л.В. Крылова*
Корректоры *Т.И. Кузнецова, Л.А. Кнохинова*
Компьютерная верстка, макет *Л. Н. Законовой*

Подписано в печать 31.03.2015.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 30. Уч.-изд. л. 30.
Гарнитура «Newton». Тираж 800 экз. Заказ № 1169
Издательство «Самарский университет».
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. (846) 334-54-23. E-mail: lizam@ssu.samara.ru
Отпечатано с готового оригинала-макета
в типографии ООО «Медиа-Книга».
г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru